Ж. КОНДОМИНАС

ЛЕС СВЯЩЕННОГО КАМНЯ

Жорж
Кондоминас

Лес священного камня

Академия
наук
СССР
Издательство
«Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1968

GEORGES CONDOMINAS

NOUS AVONS MANGÉ LA FORÊT DE LA PIERRE-GÉNIE GOO
Paris 1957

Перевод с французского
Е. А. Пащенко

Ответственный редактор
Г. Г. Стратанович

Фото автора

Кондоминас Ж.

К 64 Лес священного камня. Перевод с французского, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968.
328 с.

Французский этнограф Жорж Кондоминас два года провел в Южном Вьетнаме среди мнонгаров — народа, живущего еще на стадии родового общества. Описанию их быта, верований и культуры посвящена эта занимательная книга.

902.7+91 (09П)

2—8—1
72—68

Предисловие

Летом 1960 года в Москве проходил XXV Международный конгресс востоковедов. В первый день пленарное заседание шло в актовом зале Московского университета. В перерыве ровный гул голосов заполнил фойе: встречались давние знакомые, знакомились люди, известные ранее друг другу только по научным публикациям, завязывались знакомства между людьми, подчас впервые прочитавшими фамилию собеседника на жетоне участника конгресса.

«Знакомьтесь, Жорж Кондомина!» — обратилась ко мне сотрудница Института народов Азии АН СССР. «Кондоминас!» — поправил ее высокий, худощавый, черноволосый и черноглазый француз в очках, каким-то угловатым движением протягивая мне руку. На фоне кремовой стройной колонны он казался еще чернее, еще выше. Его облик, живой взгляд, манера говорить, казалось, впитали что-то от народов Юго-Восточной Азии, изучению которых он посвятил жизнь.

Мы уже были знакомы по работам. Позже мы встречались неоднократно. Регулярно переписываемся, обмениваемся изданиями.

Интерес к жизни, быту, культуре народов Юго-Восточной Азии возник у Ж. Кондоминаса чуть ли не с детства *. Жорж родился в семье французского чиновника колониальной военной администрации в июне 1921 года в северовьетнамском порту Хайфон. Раннее детство Жорж провел с семьей отца в Южном Вьетнаме, а затем в Тунисе. С десяти до восемнадцати лет он жил

* Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность г-же Р. Н. Амайон, которая сообщила нам биографические сведения о своем учителе.

в Париже. Уже в последних классах школы начал специализироваться в области этнологии Востока. Глубокий интерес к народам Юго-Восточной Азии был причиной возвращения его во Вьетнам в 1939 году. Живя в Ханое, он изучал в университете право (ведь правоведение — ключ к пониманию сложного обычного права и не менее сложных социальных отношений малых народов страны).

Здесь его застали вторая мировая война, лаосско-сиамский конфликт, разрешавшийся при «посредничестве» Японии (фактически это была проба Японией прочности обороны французских колоний), установление японского контроля и прямая оккупация Восточного Индокитая японскими милитаристами. В 1944 году Жорж Кондоминас был интернирован и полгода прозел в японском плену. Эти месяцы были хорошей школой «видения». Может быть, утратив некоторые симпатии и доверие к азиатским источникам сведений об Азии («азиаты бывают разные»), Кондоминас впал в другую крайность: лозунг «Верь только тому, что сам проверил; пиши только о том, что сам наблюдал» стал его девизом на долгие годы. Когда в 1947 году он вернулся в Париж и, изучая фольклор и литературу, стал профессионалом-этнологом, этот принцип привел его к полевой работе. И вновь, теперь уже основательно подготовившись, он возвратился в Индокитай.

Молодой этнолог получил направление к гарам, которые колониальной администрацией были занесены в список наиболее экономически и культурно отсталых народов группы мнонг, затерянной в тропическом лесу предгорий Чыонгшон (дословно: Длинного хребта), с севера на юг протянувшегося по всей лаосско-вьетнамской границе. 1949—1951 годы он провел в Южном Вьетнаме. Затем на два года его внимание приковали к себе индийские тода.

Изучение их социальных отношений, «сохранившихся в полной чистоте», как он надеялся, должно было помочь разобраться в «затертых» сложными связями с высокоразвитой культурой кинь (собственно вьетнамцев) социальных отношениях *пхи брез* (дословно: «людей леса», как себя называют мнонгары).

Интерес к древнейшим этапам этнической истории протоиндонезийцев (к числу которых во французской этнологической литературе относятся и мнонгары, уже завоевавшие его сердце) привел ученого позже на о-в Мадагаскар. Но, может быть, именно эта полугодичная экспедиция убедила его в том, что применение антропологического термина «протоиндонезийцы» к этнической истории лишь вносит путаницу и что к мнонгарам более близки не индонезийцы, малайцы и далекие малагасийцы, а соседние кхмеры.

В последние годы (в том числе и в 1967 году) Жорж Кондоминас неоднократно вел полевую исследовательскую работу в Индокитае. Его исследования охватывают теперь Южный Лаос и Северо-Восточную Камбоджу, т. е. территории, доступные мирным этнологическим исследованиям, географически составляющие нагорье, крайний восток которого включает и зону расселения малых народов Южного Вьетнама, где он вел полевую работу прежде. В научных изданиях и публичных выступлениях последних лет звучит голос честного исследователя: «Нет грязной войне во Вьетнаме! Остановить американскую агрессию!» Его лекции в высших учебных заведениях США (с 1963 года он ежегодно читает курс в Йельском университете) окрашены глубокой скорбью: сожжены напалмом многие деревни, знакомые ему по полевой работе (нет и старого Сар Лука), погибли многие простые и душевные люди (умер и старый хитрец и на свой лад стяжатель — Бап Тян). Но в них звучит и законная гордость: среди мнонгаров не нашлось предателей общих интересов. Как и другие малые народы Вьетнама, они остались верны родине.

Книга «Лес священного камня» — это полевой дневник. Поэтому читатель найдет здесь не только календарные даты, но часто и хронику событий в пределах дня с точностью до часов и даже минут. Повествование строго локализовано во времени и в пространстве (ведь автор писал о том, что видел сам, а в нескольких местах одновременно он быть не мог).

Действие происходит в южной части Вьетнама. Автор ставил перед собой скромную задачу: рассказать о годе жизни одного из мнонгарских селений «без прикрас», т. е. не славословя мнонгаров, но и не «примитивизируя» их. Осенью 1948 года он прибыл в Далат. Избранная для изучения деревня — Сар Лук — расположена почти в тридцати километрах на северо-запад от Далата. Но это «по прямой», если путешествовать «по карте указательным перстом». Фактически путь к Сар Луку значительно длиннее. Проезжей дороги туда вообще нет. От Дан Киа, что в десяти километрах «по прямой» же от Далата, начинается вьючная и затем пешеходная тропа. Она тянется вдоль причудливо извивающегося русла речной долины, взлетает на горы (на пути вершина Мбыр — 1900 метров над уровнем моря) и вновь низвергается в ущелья отрогов хребта Чыонгшон, прорезаемого ручьями и реками. У многих народов Центрального плато: эдэ, рламов и у самих мнонгов — эти ущелья — долины горных рек — почему-то называются равнинами.

Мнонгская «этническая территория», или, проще говоря, «земля мнонгов», лежит между Кронг Аной (дословно: Женская река),

с которой сообщается озеро Дак Лак, и Кронг Кно (Мужская река; мнонгары называют ее Дак Кронг), над которой нависал старый Сар Лук. Обе эти реки, сливаясь, несут свои воды в Срэ Пок — приток Меконга (точнее: Мэ-Ганги — Мать Реки). Но до Меконга ни там, где в нее вливается Срэ Пок, ни в районе дельты у Сайгона мнонгарам не добраться. Жизнь их селений более связана с северным горным районом. Сар Лук был известен как одно из наиболее изолированных селений. С большим опозданием сюда доходили сведения о событиях в стране и то лишь благодаря предприимчивости соседей.

На востоке ближайшие соседи мнонгаров — племя тиль; на юге — мнонг прэнги; на севере — рламы. Это все родичи мнонгаров — генетически связанные с ними народы мнонгской группы, говорящие на языках мон-кхмерской семьи. Это не означает, что языки мнонгаров и кхмеров взаимопонятны (хотя бы как русский и белорусский). Но язык основного населения страны кхмеров (Камбоджи) и даже монов (талаин) Юго-Западного Таиланда, а в прошлом и юга далекой Бирмы, близок к языку мнонгаров по звуковому составу и грамматическим закономерностям. На западе и северо-западе по соседству с мнонгарами живут говорящие на языках малайско-полинезийской семьи бих, далее к плато Контум — эдэ (которых автор, как и многие другие исследователи, называют радэ или рхадэ; теперь это название, имеющее обидный для народа смысл, не употребляется), а вокруг народов мнонгской группы живут компактными, хотя и небольшими группами тиамы (тям или чам). Влияние чамов, в прошлом создавших развитое классовое государство, на политическую судьбу, культуру и быт их ближайших соседей было очень значительно. Влияние языков древних чамов и современных бих, эдэ и других на язык мнонгов несомненно. Оно сказывается прежде всего на лексике — включением в мнонгский язык терминов, обозначений орудий труда, географических названий и даже личных имен. Подчас через язык эдэ мнонгары воспринимают более далекий внешний мир (как, например, проповедь христианства).

Но степень изолированности мнонгаров такова, что они в 1948 году, не слышали еще о создании 2 сентября 1945 года Демократической Республики Вьетнам. Им не было известно, что *паранги* (французы и европейцы вообще) вели войну против народной власти и что в этой войне они опирались на предателей (Нго-динь-Зьема, а позже Нгуен Као Ки и ему подобных), как не были известны и неудачные попытки колонизаторов создать в противовес народной власти ДРВ «государство мон».

Как же случилось, что в сравнительно небольшом краю до

наших дней сохранился почти в девственной «первобытности» пусть маленький, но самобытный народ — мнонгары? Вероятнее всего, тому есть две причины. Во-первых, французские завоеватели проводили во Вьетнаме политику «закрытой колонии». Это означало, что капиталовложения разрешались лишь французским гражданам. Практически осваивалась далеко не вся территория новой колонии. Вывоз сельскохозяйственных продуктов, леса и горнорудного сырья проводился лишь из тех районов, которые представляли удобство для вывоза (а не для разработки). Во-вторых, в доколониальное время район расселения мнонгаров был как бы «прикрыт» от нашествия завоевателей территорией более развитых и консолидированных народов. Эдэ спасали их, защищаясь от чамов; в свою очередь чамы, связанные войной на севере и на западе, прикрывали земли мнонгаров от «освоения» их кхмерами, кинь или тайскими народами.

В зарубежной литературе нередко ставится вопрос о возможности «вторичной дикости» (т. е. утраты достижений в области хозяйства и культуры). По отношению к мнонгарам говорить об этом оснований нет. Слишком типично доклассовое общество мнонгаров.

В сообщениях путешественников, мемуарах колониальных чиновников и даже в работах ученых, причастных к колониальной администрации, нередко можно встретить рассуждение о «первобытной лени» как причине культурной и экономической отсталости малых народов в колониальных странах. На наш взгляд, речь может идти лишь о максимальной приспособленности к окружающей среде и низком уровне потребностей. В самом деле, читая документальную запись Жоржа Кондоминаса о мнонгарах, убеждаешься прежде всего в том, что это трудолюбивый народ, прекрасно знающий свою родную природу, высоко ценящий мастерство в любом деле (и в ловле рыбы, и в резьбе по дереву, и в ораторском искусстве). Впечатление об их неорганизованности, о чуть ли не ежедневных гостеваниях и обильных возлияниях создается полной покорностью традиции, «украшающей», а вернее отягчающей, их жизнь обрядами. Но такова стадия развития их социально-экономических отношений. Мы застаем мнонгаров на одном из этапов разложения родо-племенного строя. Особенностью этого этапа у мнонгаров является его «двойная переходность»: переход от «материнско-правового» к «отцовско-правовому» укладу совершается параллельно с развитием социального неравенства и имущественной дифференциации. И все эти процессы осложняются колониальным подчинением страны Франции. Поэтому и хозяйство, и духовная культура, и социальные отношения мнонгаров специфичны.

Основной социальной и производственной ячейкой мнонгарского общества остается община. Однако *мпоол* — клан мнонгаров — это уже не чисто родовая община, а переходная к соседской, родственно-родовая. Она является субъектом коллективной собственности. Ей принадлежат и кормилец-лес (со всем, что в нем живет и растет), и воды (с их рыбным богатством), и земля, занятая селением.

Номинально в селении главенствуют женщины. Когда-то так было и в действительности. И это было справедливо. Ведь женщина выполняет все (или почти все) работы по дому, ведает огородами, производит на свет членов клана (рода или родственной общины). Оба, основные в древние времена, вида производства: производство себе подобных и производство средств существования у мнонгаров явственно и очень тесно связаны. И ключ от обоих — у женщины.

Вероятно, мы заблуждаемся, представляя себе женщину глубокой древности существом «слабого пола». В сезонных производствах: первобытном земледелии, облавной охоте и особенно в собирательстве и рыбной ловле (лов рыбы с применением травления водоема дурманящими рыбу растениями изобретен женщинами) — она была равноправной, как равноправна по затрате труда и доле добычи мнонгарская женщина во время общинной коллективной рыбной ловли. А в собирательстве как в древности, так и в наши дни женщина у мнонгаров доминирует.

Однако с развитием полевого земледелия положение меняется. Женщине по-прежнему принадлежит доля в общем лесе, землях и ручье, но *миир* — участок леса, расчищенный под поле подсечно-огневым способом, уже дается в надел мужчине: ведь организация пожога требует значительных затрат физической силы.

Наряду с половым разделением труда издавна существовали три возрастные группы: «допроизводственники» (дети и подростки), «производственники» и «послепроизводственники» (старики и инвалиды). Формой (или пережитком) возрастных классов у мнонгаров стали юношеские производственные группы (группа дочери Бап Тяна одна из таких возрастных групп).

Чтобы попасть в наиболее почетную группу производственников, подростки юноши и девушки, должны пройти инициацию (посвящение во взрослые) — серию испытаний, проверки способностей, мучительных, а иногда и смешных обрядов. Девушка должна показать свою способность во всех традиционных производствах: плетении, ткачестве (хлопок известен мнонгарам), гончарстве, выращивании плодов и овощей, а ранее и в пополнении рода. Одним из немногих специфических мучительных обрядов

для взрослеющей девочки является прокалывание мочек уха. В это отверстие (а со временем в ряд отверстий в растянувшейся мочке уха) вставляют кружочки легкого дерева, в нем же носят кое-какие вещи.

Для юноши инициация заключается в испытании его храбрости, сметливости, ловкости и выносливости. Шутливым, но в то же время и мучительным испытанием ловкости стало у мнонгаров доставание призов с обрядовой мачты.

И девушки и юноши подвергаются мучительной процедуре татуировки. Все узоры татуировки (а также цветовые полосы росписи гроба, обрядовых строений и т. п.) имеют смысл: вырезают и татуируют прежде всего родовой знак (лягушка, молния-зигзаг и другие символы дождя и воды). Когда же родовые знаки татуировки оказались скрытыми одеждой, их стали выполнять как вышивку на ткани.

Не прошедшие инициацию подростки не имеют права на брак, т. е. на второй основной вид производства, в котором главная роль также принадлежит женщине. Мнонгары считают, что отец не так уж «повинен» в рождении ребенка: ведь суть дела в проникновении в лоно женщины предка, пожелавшего вновь посетить этот свет.

Не следует думать, однако, что мнонгары не знают действительной причины оплодотворения всего в природе. У них, как у многих других народов, полевое земледелие считается актом оплодотворения, а прежде и включало обряд оплодотворения. Одна из фаз этого обряда производства — посев (точнее было бы называть его посадкой): во взрыхленной земле сажальным колом (символическим заменителем фаллоса) делают ямки, в которые опускается зерно. Моление, которое при этом произносит «сеятель», не оставляет сомнения в природе этого действа, уподобляемого акту зарождения. Не случайно главная пищевая культура — рис *(падди)* — предстает как мать-рис. Сеятель уговаривает эту «женщину» взять его в мужья. И весь процесс роста риса представляется как аналогия развитию плода: забеременев, *падди* рождает (русское слово «урожай» тоже восходит к представлению о родах) благополучие семьи. При этом мнонгары прекрасно понимают, что зерно может быть полным, но не полновесным. А пустотелое зерно не питательно. Поэтому они стараются не только сберечь растения от гусениц и других вредителей, а урожай от кабанов, обезьян и птиц, но также защитить оберегами душу риса. Собирая урожай, вся семья уговаривает душу риса ничего не бояться и дойти спокойно до чердака-амбара, обещая ей заботу и охрану.

В хозяйстве мнонгаров основную роль играет коллективное производство. В коллективном труде каждый добросовестно работает на благо коллектива, каждый получает равную долю добычи. Однако уже существует имущественное неравенство. На полях богатеев работают должники и долговые рабы. И это социальное неравенство уже как бы санкционировано духами.

И производство и повседневная жизнь мнонгаров полны сложной и утомительной обрядностью, разорительной для бедняка.

Зачем нужны все эти обряды? Прежде всего, так делали предки, пращуры, прародители; это освящено традицией. Человеческое знание накоплено опытом. Знания проверены практикой. Но есть и ложная практика — один из источников религии. Человеку в развитии производства помогает запоминание условий производства. Человек в первобытнообщинном обществе не всегда умел отделить необходимые условия труда (и успеха) от случайных. Менялись времена, менялись условия производства, и тогда все неудачи в охоте, рыбной ловле, первобытном земледелии проще всего было отнести за счет несоблюдения полного набора условий, объяснить упущениями в смене этапов в подготовке к производственному акту. А как правильно? Это знают фиксаторы опыта (а затем «священные люди» и священнослужители). Картина производственного опыта воспроизводится в «точном виде», она становится обычаем (затем обрядом и религиозным действом).

Прежде и в обрядности главенствующую роль играла женщина. Но с утратой ее значения в производстве меняется и ее роль в духовной жизни. Показателем этого изменения может служить вытеснение женщины даже из области врачевания. При разделении функций священнослужителей и отделении врачевания от психотерапевтических приемов шаманского камлания право на менее доходное, но действительно врачующее лечение травами и другими средствами народной медицины, накопленными тысячелетиями, долгое время остается за женщинами (знахарками, ведуньями). У мнонгаров и они редки: кроме Джоонг Врачевательницы, нет ни одной профессионалки. А вот доходное ремесло шамана целиком стало делом мужчины. Описание сеансов «лечения» — своеобразного камлания, многочисленных жертвоприношений, явно бесплодных для больных и весьма плодотворных для шамана, — одно из лучших мест книги, особенно описание тяжкой ноши «великого шамана» Дэи при его возвращении домой. Не зря же шаман «сам побывал в подземных мирах и вызволял оттуда душу больной».

Все обряды мнонгаров сопровождаются молениями, почти каждому шагу в их повседневной жизни предшествуют приемы охранительной магии. Поэтому книга полна обрядовой поэзией.

Это не плод творчества автора, но по возможности документально зафиксированный подстрочник записей культового фольклора. Преобладают в этом творчестве плачи, заклинания, заговоры, магические формулы, моления о ниспослании благополучия и благодарственные строфы. В большинстве своем они реалистичны, ясны, хотя встречаются и такие, которые уже не понятны даже самим исполнителям (как порой не понятны детям точно и тщательно повторяемые ими считалки, а взрослым старинные хороводные песни вроде: «А мы просо сеяли, сеяли. Ой, дид-ладо сеяли!»). Эти песни и моления специфичны не только для мнонгаров. Они распространены и у соседей. В переводе их мы стремились передать их фольклорность, сохранить обязательную ритмичность (при необязательности конечной рифмы, она может быть и внутренней), а также полный повтор «общих мест». Моления и песни отличаются своеобразным музыкальным гипнозом, магией слова и звука. Камлания шамана полны также восклицаний и всевозможных устрашающих звуков, одни из которых звукоподражательны, другие же восходят к магическим формулам.

Верования мнонгаров — это сложная анимистическая система. Лишь сквозь анимистические представления проглядываются более древние — тотемистические и фетишистские. Тотемное животное (собака, курица) становится спутником души, провожатым в мир предков, жертвой в каждом значительном обряде. Души множественны и разнообразны. Средства их умилостивить также различны. Но в большинстве случаев главную роль играет связь между мирами посредством крови. Кровь (кровная связь тотемного животного и его потомков — людей данного коллектива) — лучшая защита от злых сил, мощный оберег.

С изменением экономических условий жертвы становятся непосильными рядовым членам общины. Частично животные жертвы выполняются с использованием заменителей. Так дешевле и удобнее.

Но ряд жертв заменить нельзя. Даже в зоне влажных тропиков существует сезонность в производствах. Сытые периоды урожая и удачной охоты сменяются голодными. Тогда устраивается коллективный лов рыбы. Но и в этом человеческий коллектив зависим от природы. Белковое голодание коллектива можно хоть частично компенсировать усиленным поглощением мяса. Это достигается жертвоприношением крупного животного: буйвола, свиньи, козы (только крайний бедняк ограничивается уткой). Жертву закалывает сам даритель или его доверенное лицо. Автор не пишет, почему мнонгары предпочитают буйвола. Но и почти у всех соседей мнонгаров буйвол — посредник между людьми и божествами (у кинь есть даже легенда о буйволе-человеке, съевшем посев-

ные злаковые запасы и в наказание превращенном божеством земледелия в животное, помогающее людям растить злаки).

Правильность предположения о реальной пищевой роли обрядового заклания животного подтверждается социальной оценкой этого действия родовым коллективом: тот, кто часто одаривает членов своей общины мясом жертвенных животных, приобретает общественный вес по той простой причине, что родовое общество построено на уравнительном принципе. Избыток личной собственности у одного из членов рода (в одной из семей) должен быть «возвращен роду», т. е. роздан во время жертвоприношения и сопутствующего ему потлача. Но и сам даритель от всех получивших дар со временем получает подарок мясом и вещами.

На той стадии, на которой мы застаем общество мнонгаров, жертвоприношения способствуют социальной дифференциации. «Мясные долги» принято отдавать, и вернуть надо не меньше, чем получил. Бедняк и сам побоится взять много, так как знает, что «мясные долги» запоминаются хорошо, отдать их надо обязательно. Зато богатый человек (богатая семья) не в накладе даже в случае временного разорения. Частые жертвоприношения приносят ему авторитет, а богатые и влиятельные члены его общины и других общин, «связанных по браку», оказываются его «мясными должниками». И эта связь реальна почти как родство.

Наиболее специфичны социальные отношения у мнонгаров.

В недавнем прошлом это было четко выраженное материнско-правовое общество. Родство по матери четко и детально учитывается и в наши дни. Родство по жене также чрезвычайно важно, так как дети принадлежат к роду (*мпоолу*) матери. Более того, мать и жена каждого мужчины по обычаю обязательного брака происходили из одного рода. Существует поговорка: «Как три камня очага, (мы) связаны — три рода». Она правильно отражает существоваший в брачных отношениях закон «трехродового союза»: женщины рода А брали мужей из рода Б, женщины рода Б — из рода В и женщины рода В — из А. Цепочка могла содержать и больше звеньев, но основной ее принцип — замкнутость всей цепи и связь трех звеньев — оставался незыблемым до самого последнего времени.

Обязательность брака сохранялась и в период, когда родовая община стала родственно-родовой и когда родовые отношения стали уступать место семейным или, как говорят этнографы, «большесемейным».

В материнско-правовом обществе мнонгаров «длинный дом» принадлежит женщинам. У многих народов Юго-Восточной Азии в прошлом (у некоторых даяков о-ва Калимантан совсем недавно)

были распространены действительно длинные дома, вмещавшие весь род (до трехсот человек). Эти строения имели планировку, подобную корабельной: два ряда «кают» (комнат брачных пар с их детьми, т. е. малых семей) вдоль общего коридора; очагов столько же, сколько кают. У мнонгаров в их длинном доме нет стен, отгораживающих жилое помещение одной семьи от другой. Их дом наземный, а не свайный (более типичный для Юго-Восточной Азии). Как у папуасов Новой Гвинеи, у них под крышей дома есть два ряда столбов, на которых покоится настил жилых «чердаков»; но у мнонгаров он не сплошной, а перемежается «гостевой», над которой нет чердаков.

Сохраняя традицию родовой общины, на каждом чердаке живут две семьи «спина к спине». Граница условная, но строго соблюдаемая. Под каждым семейным помещением («получердаком») свой очаг с тремя опорными камнями.

Малая семья только начала взламывать родовое поселение. Случаи отдельного поселения малой семьи крайне редки. Но уже не редки нарушения родственно-родового принципа поселения, и повинны в этом *куанги,* влиятельные люди в общине, постепенно выделяющиеся в особый слой богатеев. Это не столько родовая аристократия, сколько социальный слой, стремящийся к захвату и концентрации власти в своих руках. *Куанги* и «священные люди» — *тьро вэры* — выступают как хранители установлений и запретов, обязательных для рядовых общинников. С особой строгостью соблюдается табу на кровосмесительство. *Куанги* обычно требуют разбора «дела», жестокой кары, тогда как рядовые общинники готовы простить прегрешение. Ведь от разбора дела *куанги* получают доход и в форме лучшей доли мяса жертвенных животных и дарового труда или даже порабощения правонарушителей. За правонарушителя ответственность несет род, но доход от его труда получает семья (а не род) *куанга.*

Следует оговорить, что межплеменные войны породили в материнско-правовом обществе мнонгаров рабовладельческий уклад. Рабы из военнопленных годились для жертвоприношения; находили они применение и в домашних, особенно тяжелых или «позорных» работах. В период колониального завоевания возможности захвата военнопленных сначала расширились, но затем были ограничены. Однако порабощение распространилось на сообщинников — должников и правонарушителей. К счастью, рабовладение у мнонгаров не получило большого развития. Но оно показывает степень социального разложения общества.

Выделению верхушечного социального слоя способствовало вторжение в жизнь мнонгаров, в их натуральное хозяйство (с меж-

племенным обменом в лучшем случае) денежного обращения. Необходимый или желаемый предмет можно было теперь приобрести без мучений, которые доставлял обмен при отсутствии единого эквивалента. И это сразу стимулировало развитие социального неравенства, образование зачатков классов.

Тенденция развития дальнейшего социального расслоения общества мнонгаров ясно видна на примере Бап Тяна и его брата Тру. Процесс расслоения ускоряется вторжением в социальные отношения мнонгаров внешней силы — колонизаторов. Они не признают власти и авторитета «священных людей» (тем более что в Сар Луке, а вероятно, и в других селениях эта троица не слишком единодушна и спаянна). Их больше устраивает наличие одного исполнителя их воли — старосты, власть которого влиятельна, лишь поскольку утверждена. И Тру, ставленник колонизаторов (только потому, что случайно прошел выучку в школе), скоро это понимает.

А в их стране идет борьба с угнетателями. До отдельных мнонгарских семей доходит весть, что к северу от них, за горами, есть край, где можно укрыться от алчности Бап Тяна, от господства богатых и влиятельных.

●

Жорж Кондоминас покинул Сар Лук в декабре 1949 года, после завершения хозяйственного года, связанного с «поглощением леса духа священного камня Гоо». Прошли годы. В 1954 году мнонгары, без их согласия на то, оказались в пределах Южного Вьетнама. Еще через несколько лет их селения стали объектом «защиты от Вьетконга», т. е. мишенью для американских бомбардировок и попыток «освободителей» спровоцировать их выступление против братьев вьетнамцев. Однако все эти попытки были безуспешны. Малые народы Вьетнама едины со своим старшим братом — народом кинь в стремлении отстоять независимость родины.

Книга Жоржа Кондоминаса не охватывает этих страниц жизни мнонгаров. Но она поможет советскому читателю лучше понять и представить всю сложность этой борьбы. Она ценна и тем, что дает читателю понимание многих далеких страниц этнической истории народов мира, подчас уже забытых и непонятных, как забыт смысл многих мнонгарских заклинаний и молений о благе.

Несколько слов о транскрипции. В оригинале принята транскрипция, используемая для практической работы большинством французских лингвистов-кхмерологов.

При издании русского перевода мы пользовались транскрипцией, принятой в СССР для практических целей, более удобной для широкого круга читателей-неспециалистов, но в то же время и научно относительно точной. В этом нам помогли консультации советского ученого-кхмеролога Ю. А. Горгониева, которому мы приносим глубокую благодарность.

Для специалистов отметим, что основная разница между французской и принятой нами транскрипциями сводится к отказу от выделения долготы гласных звуков и от удвоения согласных. Долгие гласные, которые в оригинале обозначены удвоением графемы, передаются через одну гласную: вместо «Аанг» дается «Анг»; единственное исключение допущено по отношению к слову «миир» — название поля, — где удвоение гласной сохранено для отличия от слова «мир». Кажущееся исключение — сохранение удвоенного «о» (Джоонг и т. д.) — вызвано тем, что в оригинале соседствуют два различных обозначения «о» (Jôong). «Ö» передается русским «э». Из других гласных «ŭ» передается русским «ы», закрытое «ê»— простым «е», открытое «е» — «э», «ẏ» — «ь».

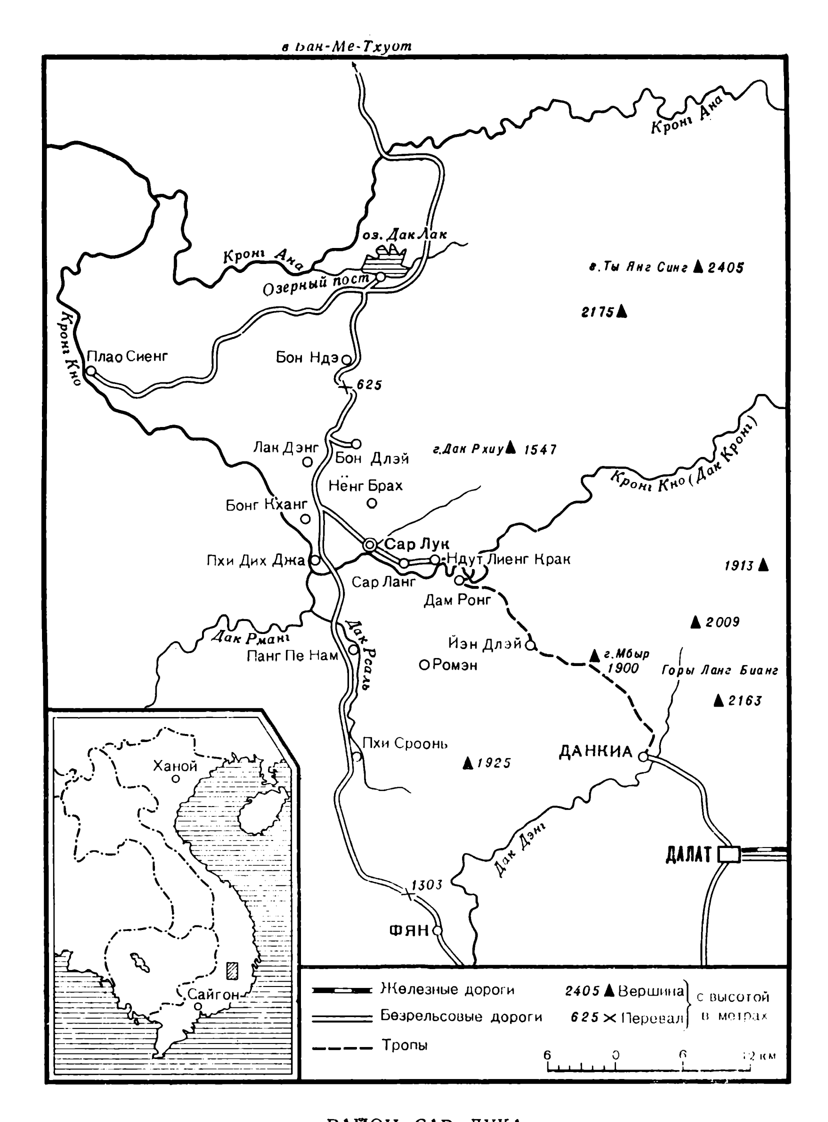
Сложная запись йотированных: «уа», «yu», «уо» и др. — передана через простые «я», «ю», «ё». Исключение составляет запись имени автора: «Йо» (и случай, когда это имя символизирует француза — высшего чиновника — «большого Йо»).

Отказ от удвоения графем, обозначающих согласные звуки, вызван тем, что в оригинале удвоением передается преглоттализация, отмеченная в ряде мон-кхмерских и тайских языков, но отсутствующая в русском. Для русского же читателя удвоение обозначало бы гемминацию, т. е. долготу согласного. Из других согласных мягкий палатальный согласный звук «с», обычно сопровождаемый легкой спирантизацией, передается через «ть», а его аспирированный вариант «ch» — через простое «ч».

Книга печатается с некоторыми сокращениями. Выпущены повторы описания обрядов, совершенно однотипных у соседей по чердаку, а также перечень сложных линий родственных связей, с обозначением родства, для которого в русском языке термины уже отсутствуют. Описание их потребовало бы энциклопедического комментария.

К сожалению, мы были вынуждены отказаться от справочного аппарата, который в оригинале столь подробен, что сделал бы честь специальному научному изданию. В издании, близком к популярному, он затруднителен.

Г. Г. Стратанович

РАЙОН САР ЛУКА

1 Сар Лук

Деревня Сар Лук, которую мы избрали для этнографических исследований и в которой обосновались в сентябре 1948 года, насчитывала сто сорок шесть жителей. Находилась она среди небольшой долины реки Кронг Кно, в пятидесяти пяти километрах к югу от ближайшего «цивилизованного пункта» — Озерного поста, где стоял отряд горной охраны. Оттуда до Сар Лука добирались в засушливый сезон по большому тракту. Нужно было пройти всего семь километров в сторону от него, по дороге на Бон Длэй, чтобы достичь Панг Донга, — там находилась Школа проникновения[1], — а затем и Сар Лука. В административном отношении обе деревни составляли одну: Бон Ртяэ.

Когда в мае 1948 года я приехал в долину реки Дак Кронг (так мнонгары называют Кронг Кно), там, где кончался лес и начинался кустарник, между дорогой и рекой виднелась деревня Панг Донг, а в ста метрах от нее из-за высокого частокола из длинных заостренных кольев выглядывали соломенные крыши Школы проникновения. Сразу же после школы открывалось довольно унылое зрелище: на возвышении, заросшем тра-

[1] Школа проникновения — административное учреждение времени французского колониального господства, занимавшееся подготовкой местных кадров. — *Здесь и далее примечания редактора.*

вой и кустарником, стояли разрушенные дома с развороченными крышами. Это и был Сар Лук. Тяжелая эпидемия опустошила деревню. Жители покинули ее и переселились в хижины на полях или же в шалаши, которые выстроили у края *миира*[2]. .

В августе 1948 года, после того как духи одобрили выбор нового места для деревни, Сар Лук был вновь отстроен за большой излучиной реки, на расстоянии километра от школы. Выйдя из нее, надо пройти большой участок, очищенный от кустарника, где *трам*[3] пасут лошадей начальника кантона и его помощника. Далее путь ведет через выстроенный администрацией мост из толстых бревен и бамбукового плетения, затем пересекает заросль бамбука и высокий строевой лес. По выходе из него сразу видна возрожденная к жизни деревня Сар Лук.

Лес граничит с широким прямоугольным полем. Через него посередине пролегает дорога, от которой ответвляется тропа, ведущая к задам деревни: Сар Лук, зажатый между рекой и дорогой, повернут спиной к лесу. Чтобы разглядеть всю деревню, следует подняться чуть выше по течению Дак Кронга. Сар Лук, прилепившийся к утесу, спускается уступами по слегка покатому склону, резко обрывающемуся метрах в тридцати от большого ручья Дак Мэй. У слияния этого ручья с рекой берут питьевую воду. Низина, обильно орошаемая водой, покрыта садами. Над параллельными линиями высоких соломенных крыш высятся кроны деревьев, шесты и жертвенные столбы. Только хижина этнографа, стоящая особняком на выступе скалы, нарушает общий ансамбль.

Дома мнонгаров поражают своей длиной — в Сар Луке есть два строения длиной почти сорок метров — и массивными крышами. Фактически только они одни и видны. По обе стороны гребня, поднимающегося на три или четыре метра, спускаются соломенные скаты, которые всего на шестьдесят сантиметров не достигают земли и скрывают, таким образом, бо́льшую часть бамбукового плетения стены. На коротких фасадах кровля закруглена. Вход представляет собой узкое низкое от-

---

[2] Миир — участок земли, обработанный подсечно-огневым способом.

[3] Трам — посыльные, чернорабочие.

верстие в переднем фасаде здания; небольшая плетеная арка из ратана[4] приподнимает низкую кровлю, освобождая проход. У стен хижины ютятся узенькие курятники, нечто вроде удлиненных дощатых или плотно сплетенных коробов, где куры не могут даже пошевелиться.

Участок перед домом, отделяющий его от соседнего строения, обычно содержится в порядке: время от времени с него удаляют траву, а некоторые хозяева даже подметают его раз в день. В период ливней это подобие дворика превращается, конечно, в настоящую топь.

Поблизости от некоторых жилищ *куангов*[5] возвышаются прямые стволы древовидного хлопчатника, покрытые шипами, с навершием из бамбука, украшенным скульптурной резьбой, — это старые столбы у места жертвоприношения буйволов. Некоторые еще более древние столбы вновь превратились в огромные, прекрасные деревья — живое напоминание о людях, которые их некогда поставили. Кое-где картину дополняют огромные — иногда до двадцати метров — разукрашенные бамбуковые шесты, на которых покачиваются, колеблемые ветром, пальмовые подвески и другие украшения. Почти перед каждой дверью *куанга* стоит плетеный бамбуковый помост на очень коротких сваях — он также служит для торжественных жертвоприношений.

Чаще всего во дворах можно увидеть строения на сваях, напоминающие полевые шалаши, и приземистые свинарники, огороженные невысоким частоколом. Несколько фруктовых деревьев — манговых или апельсиновых — и невысокие термитники оживляют дворы, по которым днем снуют люди, собаки, свиньи, куры... Буйволы появляются только вечером, когда юноши пригоняют их из леса и ставят на ночь в узкий загон. В Сар Луке есть и конюшни — начальник кантона и его помощник имеют по лошади. Конюшни представляют собой узкие, закрытые со всех сторон строения. Последнее необходимо, так как сильный запах лошади привлекает тигра. Страх перед этим хищником также заставляет жителей расчищать окрестности деревни от кустарника.

---

[4] Ратан — лианообразная пальма (Calamus ratani), длинный ствол которой расщепляется на полоски. Они используются для плетения, в качестве веревок, для производства орудий труда.

[5] Куанг — букв: «всесильный», — авторитетный, влиятельный и богатый человек.

Внутренний вид жилища

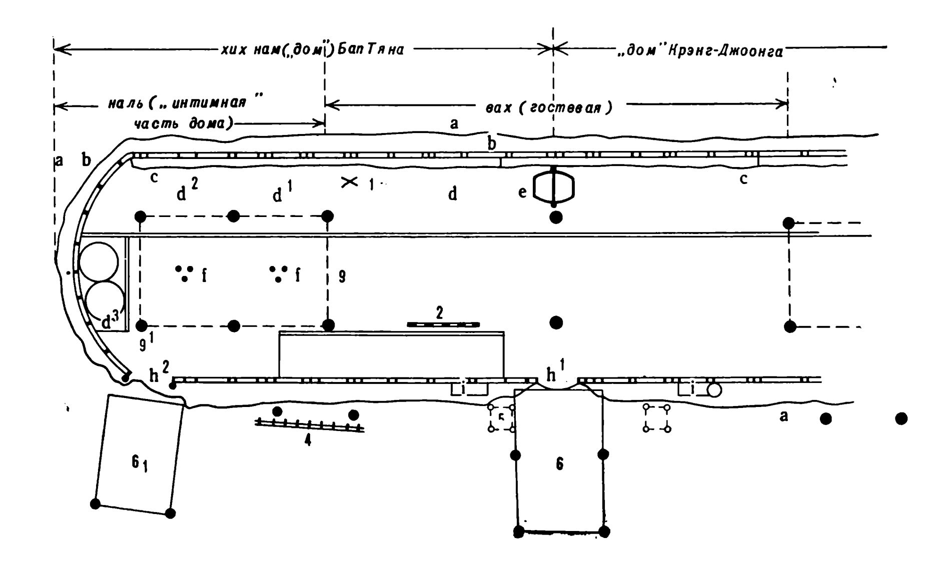
Внутри хижин царит полумрак, и требуется несколько секунд, чтобы глаз к нему привык и стал различать предметы. Перед нами обширное помещение, довольно пустое. Только в глубине его, в задней трети ширины хижины [6], тянется огромный настил — дощатые или плетеные нары. На них стоит ряд больших глиняных кувшинов, а над ними подвешены в сетках из ратана в один или два ряда *янг дамы* — маленькие сосуды без горлышка. Количество сосудов зависит, по-видимому, от достатка владельца дома. К этому помещению — *вах* (в дальнейшем мы будем называть его гостевой) — примыкают огромные чердаки для хранения риса, покоящиеся на четырех или шести крепких столбах. Они составляют продолжение двух рядов свай, поддерживающих балки кровли, параллельные гребню крыши.

Каждый чердак занимает среднюю треть ширины хижины. За ним отведено место под нары, где спят хозяин и хозяйка дома, отгороженные от гостевой доской или грудой корзин, ящиков и пр., а перед ним находится нежилая часть помещения, где хранят посуду или, что значительно хуже, дрова. Последние обычно аккуратно уложены за высокими кольями, образующими нечто вроде коридора, по которому можно свободно передвигаться из одного конца жилища в другой. Чердачные помещения, за исключением тех, что находятся по краям этого огромного дома, расположены как бы попарно и, таким образом, имеют общую стенку. На уровне чердаков в стене фасада проделана *наль* — «личная» или «семейная» дверь.

Пищу готовят внизу, под полом чердака, на очаге. Он состоит из трех цилиндров, сделанных из плотной земли термитника. Воздух в этих тесных помещениях пропитан дымом. Когда все обитательницы длинного

---

[6] У многих народов Юго-Восточной Азии помещение дома однокамерное, т. е. лишенное внутренних перегородок. Но у них существует четкое мысленное представление о продольном или поперечном делении его на «комнаты», полосы и т. п. Длинный дом у мнонгаров делится на несколько семейных домов с условной границей между ними (при общей входной двери). Индивидуализирован всегда очаг.

План *хих нама* Бап Тяна

a — свес крыши; b — стена; c — «изголовье лежанки» и полки, на которых стоят большие кувшины; d — нары (старый Крах спит у подвесного барабана); d^1 — лежанка Бап Тяна, Анг Длинной и их детей, d^2 — лежанка Тяна, Гро и их ребенка, d^3 — небольшие нары, на которых лежит укрытое от солнца кормовое зерно; e — подвесной барабан; f — очаги; g — чердак; g^1 — опорный столб чердака, над которым совершают помазание, призывая духов во чрево *падди;* h — двери; h^1 — главный вход, дверь в «гостевую», h^2 — «интимная», «семейная» дверь; i — курятники.

Ритуальные сооружения

1 — место под крышей, где подвешивают маленький алтарь; 2 — перегородка для кувшинов; 3 — дополнительные нары, которые устанавливаются только во время жертвоприношения буйвола; 4 — мачты для жертвоприношения, стоящие за ритуальной загородкой; 5 — обрядовая полка для даров; 6 — главный обрядовый помост под навесом; 6_1 — дополнительный обрядовый помост без навеса.

дома стряпают, дым застилает помещения, не щадя и гостевой.

По случаю приема гостей или просто из-за холода в дополнительных очагах около нар иногда разводят большой огонь, от которого в свою очередь поднимаются клубы дыма.

Каждый чердак принадлежит одной малой семье. Если дети еще маленькие, семья довольствуется одним чердачным помещением на четырех сваях и одним очагом. При наличии взрослых членов семьи помимо родителей, например замужней дочери или овдовевшей матери или сестры одного из супругов, чердачное помещение ставится на шести сваях и дает приют двум очагам: одним пользуется хозяйка помещения, вторым — ее близкие.

Жилище каждой семьи называется *хих нам* (дом-чердак) в отличие от *рота* — всего дома, в который входят несколько *хих намов*. Каждая семья располагает, во-первых, *вахом* — вернее, его половиной, так как другая половина принадлежит соседу (единственной видимой границей между двумя квартирами являются два столба, расположенные против общей входной двери), во-вторых, *налем*, чем-то вроде «интимного» [7] помещения, в котором главное место занимает чердак, ограниченный с одной стороны коридором, а с другой — нарами, где спят и хранят вещи. Входом в эту часть дома служит «личная дверь», но ею же пользуются жители соседней «квартиры», владеющие второй половиной *ваха*.

Дом редко, почти никогда не служит кровом для одной семьи. Обычно несколько семей, связанных родством или дружбой, вместе строят дом и живут в нем. Не удивительно, что его длина нередко достигает сорока метров: дом Бап Тяна и Крэнг-Джоонг, например, состоит из четырех чердачных помещений, дом Танга Сутулого — из пяти.

---

[7] Семейное помещение, куда, как правило, не допускаются посторонние.

Хозяйство мнонгаров

В этой главе мы лишь в общих чертах расскажем о жизни *пхи брез*[8]. Ее различные стороны будут освещены на страницах этой книги и должны стать предметом детального изучения в специальном труде.

Как и большинство протоиндокитайцев[9], мнонгары — полукочевые земледельцы. Они расчищают участок леса, сжигают сваленные деревья и на этом поле, удобренном золой, сеют *падди*[10]. После снятия одного урожая (редко двух) поле забрасывают.

В течение десяти-двадцати лет жители селения обходят все принадлежащие общине участки и снова возвращаются к первому полю. Если оно оказывается далеко от селения, весь поселок снимается с места. То же происходит, когда во время эпидемии умирает несколько человек. *Рнголы* — временно оставленные деревни — легко отличить по фруктовым деревьям и другим полезным растениям, например баклажанам, но наиболее верный их признак — ряды шестов — *капока* — в память о жертвоприношениях буйволов.

Мнонгары искусно владеют ремеслами. Все мужчины умеют чинить орудия труда, и в любом селении всегда найдется два-три человека, которые по заказу других членов общины куют из привозных брусков железа сабли, резаки (куп-купы), пики, мотыги... Но самое большое искусство люди леса, как и большинство горцев, проявляют в плетении: мужчины плетут из бамбука и ратана ручные веялки различного вида, заплечные корзины и даже всевозможные сосуды, имеющие широкое применение. А женщины, на которых ложатся все заботы по домашнему хозяйству (обрушивание *падди*[11], приготовление пищи и пр.) и нетрудные полевые работы, кроме того, прекрасные ткачихи. Их руками созда-

---

[8] Пхи брез — лесные люди, или люди леса (в отличие от жителей гор), — самоназвание мнонгаров.

[9] Протоиндокитайцы — термин, принятый зарубежными этнографами и антропологами для обозначения «домонголоидного» местного населения Индокитайского полуострова.

[10] Падди — рис в зерне.

[11] Обрушивание падди — производимая после обмолота очистка рисового зерна в ножных толчеях или длинным шестом в специальных деревянных ступах.

ются туники [12], пояса-передники, юбки, одеяла... Необходимые для них хлопчатник и индиго выращивают на заброшенных полях, а для окраски тесьмы и каймы, украшающих одежду, пользуются соком лесных растений.

Торговля основана на сложной системе единиц обмена: каждый товар оценивают с помощью множества эквивалентов — кувшинов, свиней, юбок... Для более ценных товаров эквивалентом служит буйвол. Кроме того, в наши дни получила хождение европейская монета, так называемый индокитайский пиастр [13]. Торг всегда ведется в присутствии хотя бы одного из посредников, которые постоянно находятся при торговцах. Мнонгары разводят домашнюю птицу и свиней, а благодаря искусству своих женщин имеют ткани и накидки, на которые выменивают у своих соседей рисоводов — лаков из Ланг-Бианга и рламов [14] из приозерья — буйволов, необходимых для больших жертвоприношений. Для развития денежного обращения значительную роль играют сейчас рынки в Далате и местечке Бан-Ме-Тхуоте, куда вьетнамские и китайские торговцы привозят соль, импортные ткани, новые кувшины и пр. Распространению денег способствуют, кроме того, плантации и армия, а также администрация, которая не только оплачивает в пиастрах своих служащих (начальников кантонов, например) и временных рабочих, но — и это главное — требует уплаты налогов наличными.

Чтобы закончить этот беглый обзор экономической жизни мнонгаров, отметим, что наряду с администрацией, учрежденной французами, жизнью деревни руководят по древней традиции три «священных человека леса и деревни» [15], на которых лежит обязанность распреде-

---

[12] Под словом «туника» автор имеет в виду туникообразную одежду двух типов: плащ, застегивающийся на правом плече, и длинную распашную кофту.

[13] Имеется в виду пиастр, выпускавшийся колониальным Индокитайским банком.

[14] Лаки, рламы, ма — близкие к мнонгарам по происхождению и по языку представители горных кхмеров. По соседству с ними расселяются также представители «индонезийской» языковой группы: радэ (эдэ), чамы (тиамы) и др.

[15] «Три священных человека» — *тьро вэры* — наиболее авторитетные лица, облеченные доверием односельчан и ведающие: *рнут*, точнее, хранитель *рнутов* (плашек для добывания огня) — лесом и топливом; *рнох* — организацией производства и связанных с ним обрядов; *рнэп* — общинными и семейными делами.

лять участки для обработки, возглавлять торжества и проводить все религиозные обряды, имеющие отношение к земле и рису. Отметим, наконец, что важное место занимает *нджау* — шаман, врачеватель. Его доходы ощутимо увеличиваются за счет советов больным.

Одежда и украшения

Одеваются мнонгары так же, как и другие протоиндокитайцы Вьетнама. Самая характерная часть их костюма — *су троань* (исследователи называют ее по-индийски, *лангути*, а народ радэ — *кпин*) — набедренная повязка в форме пояса-передника. Она представляет собой длинную полосу ткани, которую продевают между ног, а затем опоясывают вокруг талии, выпуская спереди украшенный конец. *Су троань* оставляет открытыми ноги и ягодицы. К этому одеянию обычно добавляют короткую рубашку без рукавов. Вечером же, собираясь побеседовать с соседями во дворе, мужчины для защиты от прохлады закрывают плечи широкой накидкой, которая днем служит для переноски за спиной маленьких детей, а ночью — одеялом.

Женщины обертывают стан юбкой из синего полотнища на узеньком пояске, которая запахивается спереди. Иногда они ходят с обнаженной грудью, иногда в тунике с длинными рукавами.

Все большее распространение получает привозная готовая одежда. Женщины охотно покупают юбки из черного коленкора и белые ситцевые блузки, но особый интерес к европейским костюмам проявляют мужчины: куртки, рубашки, пальто, плащи пользуются большим спросом, хотя брюки, а тем более шорты, не популярны.

И женщины и мужчины закручивают волосы в пучок, но сейчас большинство молодых людей и мужчин среднего возраста, особенно бывших военных, коротко стригут волосы «по-европейски».

В торжественных случаях мужчины охотно надевают на голову тюрбан из белой домотканой материи или, если они богаты, из привозного черного атласа. Чаще всего мужчины ходят с непокрытой головой. Впрочем, один европейский головной убор имеет здесь большой

успех: это баскский берет, который носят предпочтительно наизнанку, чтобы все могли любоваться яркой фирменной этикеткой. Военная пилотка тоже встречается довольно часто. Банг Олень долго носил не без гордости (несколько комичной, на наш взгляд) великолепное офицерское кепи без галунов и без... козырька.

Мнонгары обоего пола украшают себя множеством браслетов и ожерелий. Женщины носят на голове ожерелье из мелких жемчужин, имеющее форму диадемы, и втыкают в пучок большие шпильки различной формы. Деревянный гребень в оловянной оправе — одно из главных украшений их кавалеров в праздничные дни. Его дополняют двойным красным помпоном, нити которого переплетаются с волосами.

В отверстие, проделанное в мочке уха, мужчины вставляют втулку из слоновой кости, а женщины — кружочки из легкого мягкого дерева. Чтобы эта легкая втулка держалась, надо очень точно вставить ее в отверстие мочки, которое легко растягивается. Постепенно втулки приходится заменять все бо́льшими. Потому-то у старух болтающиеся вялые мочки доходят почти до плеч, вызывая опасение, как бы огромные втулки не прорвали тонкую кожицу.

В общине *мои*[16] вьетнамцев и европейцев больше всего поражают изуродованные зубы. Мнонгары, в частности, выбивают или спиливают до самых десен верхние резцы и затачивают в виде острия нижние. Все зубы покрывают блестящим черным лаком[17].

Портрет человека леса и горца оказался бы незаконченным, если бы мы не упомянули о трубке, корзине и ноже. Женщины курят трубки наравне с мужчинами. Кроме того, они жуют бамбуковую палочку, расщепленный конец которой вставляют в головку и чубук бамбуковой трубки, где он собирает весь табачный сок. Одну из таких палочек для чистки табачных отходов они постоянно носят воткнутой в волосы. Мужчина никогда не расстается с трубкой. Если она у него не во

---

[16] Мои — досл.: горцы, дикари — старовьетнамское собирательное название малых народов Центрального плато.

[17] Обрядовое подпиливание зубов, стачивание денты и т. п. входит в круг испытаний юноши при инициации. Чернение зубов — символ красоты у многих народов Юго-Восточной Азии и сопредельных областей.

рту, то, значит, за поясом-передником или в пучке. В пучке же мужчины часто носят складной ножик из железа. Издали его можно принять за перо, и, если у его обладателя угловатое лицо, как, например, у Краха, раба[18] Бап Тяна, то воткнутый в волосы ножик придает ему вид индейца сиу.

Жителей Верхнего плато трудно себе представить без заспинной корзины, которая держится на двух лямках из ратана, и ножа куп-куп. Его короткое и широкое лезвие вделано в бамбуковую рукоятку длиной метр. Утолщение корневища, в котором укреплено основание лезвия, изогнуто под прямым углом к нему, так что можно повесить куп-куп на плечо лезвием вверх и он будет держаться. Все же при ходьбе приходится придерживать его за кончик рукоятки.

Родственные связи

Мы не собираемся развивать здесь эту довольно сложную тему: ей посвящена специальная работа[19]. Удовлетворимся только некоторыми указаниями, необходимыми для понимания событий и поведения людей, описываемых в этой книге.

В основе семьи лежит *мпоол* — т. е. клан[20]. *Мпоол* — совокупность людей, считающих себя потомками общего предка по материнской линии. Название клана и имущество семьи передаются детям не от отца, а от матери. Таким образом, например, если Рджэ составляют один клан, это значит, что его членом была их мать, а не отец. Члены одного и того же *мпоола* не могут вступать ни в брачные, ни в половые связи друг с другом. Они считаются как бы братьями и сестрами, если принадлежат к одному поколению, родителями и детьми или тетками и дядьями и племянниками — если принад-

---

[18] Домашнее рабство во Вьетнаме изживается лишь после революции 1945 года.

[19] Имеется в виду статья автора: *Les Mnong Gar* в сборнике «Social Structure of Southeast Asia», 1958.

[20] Фактически автор имеет в виду матрилинейный род, родовую общину доклассового общества. Огромное значение в ней имеют связи по возрастным группам — поколениям.

лежат к двум поколениям, бабками и дедами и внуками, если принадлежат к двум поколениям, разделенным третьим. И как бы ни была далека первая общая праматерь, ее безусловно можно выявить, если проследить генеалогическую линию. Два лица, которые с нашей точки зрения не являются даже кузенами, у мнонгаров называют друг друга «братом» и «сестрой» или же «матерью» и «сыном» и т. п.

Имена

Согласно обычаю, за именем женатого мужчины следует имя его жены, например: Крэнг-Джоонг (т. е. Крэнг муж Джоонг; наоборот, жену называют Джоонг-Крэнг), Банг-Анг, Тоонг-Бинг, Чар-Риенг, Тоонг-Джиенг... часто мужчин называют по имени их старшего ребенка, ставя перед ним слово *бап* — *«отец»*. Следовательно, Бап Тян значит «отец Тяна». Если два брата поддерживают друг друга, составляя как бы одно целое, если им вместе улыбнулась удача, их имена соединяют, образуя нечто вроде бинома: Танг-Тру (речь идет здесь о Бап Тяне и его брате — начальнике кантона), Нгкой-Банг (с нашей точки зрения они просто двоюродные братья) и т. д.[21]. К именам многих мужчин и женщин добавляют прозвища, которыми их наградили в детстве: Кронг Толстый Пуп и его жена Анг Слюнявая, Джоонг Грыжа, Банг Олень и т. д.

«Глиняный кувшин»

В жизни мнонгаров и прочих протоиндокитайцев значительную роль играет, как мы это увидим в ходе повествования, глиняный кувшин. Мы иногда называем его содержимое спиртным, но это некое поэтическое преувеличение: *рнэм* — всего только рисовое пиво, которое никоим образом не может сравниться ни с водкой,

[21] Для удобства изложения мы соединили дефисом имена супругов. Соединенные таким образом, они обозначают одно лицо. Написание же имен двух братьев мы оставили раздельным. — *Прим. автора.*

ни даже с нашими винами и аперитивами. Сладкий растительный сок — *тёт*, получающийся в результате брожения настоя рисовой муки и отрубей, помещают в герметически закрытый глиняный кувшин — *янг*, где он бродит несколько дней. Кувшин открывают незадолго до употребления напитка и, если предстоит жертвоприношение, снимают немного сока для своеобразного миропомазания, затем закладывают в сосуд листья или траву прохладник, чтобы удержать отруби на дне, и наполняют кувшин водой. Вливают от одного до нескольких десятков литров воды, в зависимости от высоты кувшина. Теперь *рнэм* готов, но, прежде чем распить, его освящают: под чтение священных стихов в сосуд вставляют трубочку — *гут* — и сбрызгивают на землю несколько капель влаги. Пьют через трубочку, нижний конец которой почти касается дна кувшина: проходя через перебродившую гущу, жидкость насыщается алкоголем. Каждый, кто пьет, высасывает из кувшина две порции *рнэма* (порция равна содержимому гравированной узорчатой трубки, рога буйвола или церемониального стакана), а помощник распорядителя, стоящий по другую сторону кувшина, доливает его таким же количеством воды. Таким образом, по мере того как *рнэм* отпивают, он теряет свою крепость и через несколько часов превращается в довольно безобидный напиток.

Читатель, у которого хватит мужества дочитать книгу, сочтет, пожалуй, мнонгаров отъявленными пьяницами. В таком случае мы ему скромно заметим, что в книге описаны в основном праздники. Насколько мне известно, «кутнуть» на свадьбе или выпить на поминках любят не только «люди леса», а *рнэм* — их единственный крепкий напиток — содержит меньше алкоголя, чем любой наш аперитив, да и случаи выпить бывают у них реже, нежели у нас. Глиняный кувшин распечатывают только в честь духов и заезжего гостя. Мнонгары не станут употреблять алкогольный напиток только из отвращения к воде. У них нет ничего похожего на наши обычаи, которым цивилизованные современники отдают дань по нескольку раз в день, прикладываясь за каждым обедом к вину и аперитивам, пропуская «глоточек белого винца», «виски, да покрепче», «ликерчик после кофе», чтобы «оно легче прошло». Здесь не напиваются допьяна и вообще не пьют без религиозного повода.

2 Женитьба Бап Тяна. Обменное жертвоприношение[22] буйвола

Окутанный холодным утренним туманом Сар Лук проснулся под глухой аккомпанемент ритмичного стука пестов. Во всех дворах женщины обрушивали дневную порцию *падди*. Они стояли по двое или по трое вокруг ступок и с непрерывным грохотом поднимали и опускали вертикально песты. Время от времени они останавливались, чтобы провеять зерно. Одна из женщин пересыпала содержимое ступы в продолговатую ручную веялку с мелкими отверстиями и резко встряхивала ее из стороны в сторону в горизонтальной плоскости, ускоряя таким образом отделение зерна от шелухи. Затем зерно несколько раз подбрасывали кверху, чтобы отлетела полова. Частично очищенное *падди* засыпали обратно в ступу, и все начиналось сначала. Операция повторялась до тех пор, пока рис не становился белым.

Тем временем мужчины, вооружившись вениками из метелок *рхоонга* (зерновая культура), наводили в хижинах чистоту. Бап Тян поручил уборку старшему сыну и старому Краху, сам же занялся другим делом, а затем закурил трубку. Сегодня он, Танг-Анг из клана Рджэ, известный во всей стране мнонгаров как отец Тяна (Бап Тян), более чем когда-либо имел основание быть довольным собой: через несколько дней он заколет двух больших буйволов, и тогда число принесенных им за свою жизнь жертв дойдет до двадцати. Из зарослей доставят гигантский бамбук *рла* и через пять дней установят его по случаю *там боха*, обменной жертвы, которую принесут Бап Тян и прежний начальник кан-

---

[22] У мнонгаров, как в первобытном обществе вообще, почетно еще не богатство, а авторитет. Его можно заслужить личными качествами, разветвленными родственными связями, а главное, жертвоприношениями. Обменное жертвоприношение — *там бох* — сопровождается раздачей мяса присутствующим (почетным гостям побольше и получше), причем семье жертвователя иногда ничего не остается. Почетные гости в ответ также приносят буйвола в жертву и одаривают прежних жертвователей.

тона Ндех из Ндут Лиенг Крака, чтобы поднять свой престиж и торжественно закрепить ритуальный союз, основанный на старой дружбе.

Бап Тян уверяет, что ему сто лет. Я же не дал бы ему больше пятидесяти пяти, максимум шестидесяти. Этот маленький, сухонький старичок с морщинистым лицом под высоким лбом, увенчанным седеющими волосами, собранными в пучок, — самая важная особа в долине. Хотя он не так уж богат (в рядах его больших кувшинов еще есть пустые места, и мне даже сказали по секрету, что он задолжал шесть буйволиных голов), он сумел добиться того, что престиж его из года в год возрастает, и теперь его семья окружена почетом и уважением.

Во времена ранней молодости Бап Тяна, в период первых исследовательских экспедиций в этот район, Сар Лук был лишь жалким селением из двух лачуг. Танг еще при жизни отца взял в свои руки судьбу всей семьи. Он не имел кувшинов и буйволов, но обладал большим упорством и крестьянской сметкой. Он рано проявил себя не только хорошим земледельцем, но и прекрасным ходатаем, и люди часто прибегали к его помощи при продаже ценного имущества, судебных процессах, заключении брачных союзов и поручительствах.

Женитьба на прекрасной Джанг из клана Бон Джранг не ввела его в богатую семью, но у молодой жены были те два главных качества, которые у мнонгаров служат залогом благополучия: решительность и умение ткать. Джанг родила троих детей, из которых выжили двое: Тян, родившийся, очевидно, в 1921 году, и Анг Слюнявая, года на четыре моложе его. После смерти жены Бап Тян не только сохранил хорошие отношения со своими свояченицами, но даже уговорил их присматривать за его детьми, за что те отказались от части наследства в пользу теток. Тян не долго оставался вдовцом, он женился на Анг Длинной, дочери шаманки из Пхи Ко. Второй брак связал его с кланом Нтэр, основным владельцем земли в селении Пхи Ко, где он прожил несколько лет в семье своей новой жены. Анг Длинная подарила Бап Тяну пятерых детей, из которых выжили только трое: Джанг (ей теперь было лет тринадцать или четырнадцать), Чонг Толстопузый (пяти лет) и Дыр (двух лет).

Бап Тяну удалось добиться того, что его старшая сестра Джоонг Врачевательница жила в его доме и делила с ним гостевую. Правда, она отказалась последовать за братом в Пхи Ко. Джоонг три раза была замужем (она дважды овдовела). Бап Тян усилил свое влияние на старшую сестру, потребовав, чтобы один из ее сыновей, Кронг Толстый Пуп, женился на его дочери Анг Слюнявой. Со своей стороны Джоонг Врачевательница, очень властная мать, чтобы быть уверенной, что один из ее сыновей будет постоянно при ней, заставила Тонга жениться на дочери рабыни Джиенг из клана Дак Тят, и та привела с собой мать и брата, Кронга Пузыря. Постепенно Бап Тян объединил в своем доме «чердаки» своей старшей сестры, ее сына и своей младшей сестры.

Единственный человек в Сар Луке, который может соперничать с Бап Тяном как по твердости характера, так и по социальному положению, — это брат нашего героя Тру-Нгэ, начальник кантона.

Тру моложе Бап Тяна на десять лет и фактически воспитан им. Ему он обязан своим положением.

В двадцатые годы французы набирали мнонгаров в отряды самообороны, чтобы обеспечить порядок в долине Кронг Кно. Выбор пал на Бап Тяна, но так как он был обременен семейством, а главное — не хотел служить у победителей, о которых ничего не было известно, он предложил вместо себя брата, в то время еще совсем молодого человека.

Тру боялся уезжать из родной деревни к *прангам* (французам), но был вынужден повиноваться, как и в предыдущем году, когда Бап Тян женил его на Нгэ, единственной дочери из богатой семьи.

Тру научился владеть удивительным оружием европейцев, которые его кормили, одевали и учили. Он надолго отошел от жизни своей деревни, где его брат из года в год приобретал все большее влияние.

В 1943 году Тру был назначен начальником кантона в верховьях Кронг Кно. Это была высшая административная должность, на которую до 1949 года[23] мог рас-

---

[23] На территории мнонгаров, которая входила в зону военных действий, и после революции 1945 года сохранялись колониальные порядки.

считывать мнонгар. Отныне Тру ни в чем не уступал своему старшему брату.

Говоря о выдающихся людях клана Рджэ, нельзя не упомянуть Кронг-Бинга по прозвищу Кронг Коротышка. Это маленький, худой, слегка сутулый человек с тонким хищным лицом. В его взгляде светятся ум и хитрость. Если дело или праздник приводит его к кувшину, вокруг тотчас же собирается толпа, чтобы послушать этого неистощимого рассказчика и несравненного певца. Сидя с поджатыми ногами на табурете, он скороговоркой и нараспев ведет свою речь, прерываемую приступами астматического кашля. Даже рассказывая о чем-либо серьезном, Кронг-Бинг умеет вовремя вставить смешное словцо. Он законодатель мод, и в то же время его побаиваются. Кронг Коротышка — «брат» (мы бы сказали кузен) Бап Тяна и Тру, уроженец Сар Лука, но живет в Ндут Лиенг Краке, куда последовал за своей второй женой Бинг из клана Бон Джранг. Дети их умерли, едва появившись на свет, но Кронг Коротышка воспитал детей Бинг от первого брака.

Глава клана Рджэ в Сар Луке —Танг-Анг (или Танг-Тру) по прозвищу Бап Тян является главным «священным человеком» этой деревни. Два других «священных человека» — муж его старшей сестры Крэнг-Джоонг и Банг-Джиенг Беременный, друг, совершивший обменные жертвоприношения буйволов с его двумя братьями — Тру и Кронг-Бингом. Тру — начальник кантона, а Кронг-Бинг был в свое время его помощником. Кронг-Бинг и Бап Тян слывут хорошими судьями, и администрация привлечет обоих «братьев» в трибунал Озерной области, когда он будет расширен. Нынешний помощник начальника кантона Боонг-Манг, женатый на представительнице клана Рджэ, имеет в своем распоряжении посыльных: Тяна, сына Танг-Анга, Быр-Анга, племянника нашего героя со стороны матери, и Банга Оленя, «священного человека» Пхи Ко — младшего брата его жены. Помощником старосты деревни Бон Ртяэ (подчиненной в административном отношении Сар Луку и Панг Донгу) является Кранг-Дрым, старший сын Джоонг-Крэнг, сестры Бап Тяна.

Перечисленные нами должности учреждены колонизаторами. Единственная традиционная должность — это должность «священного человека», но какой вес может

иметь *тьро вэр* в убогой деревушке? Только принесение буйволов в жертву дает человеку влияние и является явным доказательством того, что он стал *куангом*. Особенно высоко поднимает престиж мнонгара *там бох* — обменное жертвоприношение. Его совершают два человека, не уступающие друг другу по положению в обществе, которые становятся после этого *джооками*, друзьями, союзниками, связанными клятвой. Чем больше у мнонгара таких связей, тем выше его авторитет.

Для Бап Тяна наличие целого сонма родственников, занимающих высокие административные должности, далеко не маловажно: это еще больше увеличивает его личный авторитет. Отношения Бап Тяна с этими лицами закреплены тем, что все они еще до того, как достигли высокого общественного положения, предложили ему обменяться жертвами.

●

Престиж не приобретается раз и навсегда. Его надо поддерживать и из года в год укреплять новыми жертвоприношениями буйволов, а если возможно, то и новыми союзами. Поскольку Бап Тян очень симпатизировал Ндэху, бывшему начальнику кантона, столь же значительному *куангу*, что и он, то предложил ему совершить обменное жертвоприношение. После некоторых требуемых приличием колебаний тот согласился. Тогда Бап Тян попросил своего шурина Боонг-Манга Помощника быть его посредником — *ндрань*[24]. Этот здоровенный высокий парень хорошо говорит и умеет найти выход из любого трудного положения — одним словом, будто создан для того, чтобы выполнять функции свидетеля и распорядителя церемонии, а это необходимо для посредника. Его репутация в этой области не оставляет желать лучшего, и сам Крэнг-Джоонг уже обращался к нему во время своего последнего обменного жертвоприношения.

---

[24] В обществе мнонгаров уже началось выделение специализированных священнослужителей. Однако традиция еще сильна. Лицо, облеченное доверием устроителя праздника (обычно это умелый человек, знаток всех тонкостей обряда), становится «посредником» между земным обществом людей и «подземными мирами» — обителью духов.

Так как урожай предыдущего года был хорошим, Ндэх и Бап Тян сговорились устроить *там бох* до начала жатвы. Они не изменили своих планов, даже когда на Сар Лук обрушилась страшная эпидемия, заставившая жителей покинуть деревню и несколько месяцев спустя отстроить ее на новом месте. Джоонг — шурин Бап Тяна и его ближайший сосед — опередил его. Через месяц после создания нового Сар Лука и на следующий день после того, как я в нем обосновался, Джоонг совершил заклание двух буйволов, которых его *джоок* — Чонг-Ёнг, староста Сар Лука, предложил ему в обмен на двух буйволов, полученных двумя днями раньше.

По этому поводу был устроен великолепный праздник. Ндэх и Бап Тян решили не отставать. Десять дней спустя, 3 октября, Бап Тян выбрал себе *рноомов* — прислужницу и прислужника при жертвоприношении — и ознаменовал их приход в его дом тем, что зарезал курицу и раскупорил кувшин со спиртным.

В качестве прислужницы при жертвоприношении он избрал Длонг Чернуху, дочь Ёнг Сумасбродки, т. е «сестру» (кузину) своей жены. Уж она-то сумеет как следует все состряпать, приготовить рисовое пиво, украсить цветными нитями некоторые детали ритуального убранства и собрать топливо!

Прислужник должен быть мастером на все руки: он изготовляет все предметы и украшения, необходимые при жертвоприношении, а для этого надо уметь вытачивать, лепить, красить, он же делает все плетения с обязательным черным узором по светлому фону, заботится об инструментах, а если нужно, даже выковывает их.

Чтобы обеспечить полный успех своего праздника, Бап Тян отправился в Бон Кханг и нанял там Крэнга Заику. Этот парень лет тридцати из-за своего речевого дефекта — он ни слова не может произнести как следует — кажется придурковатым, но у него золотые руки. За что бы он ни взялся — будь то резьба по дереву, тонкое плетение или кузнечное дело, — работа у него спорится. Кроме того, Крэнг Заика умеет поднять настроение на празднике. Он весельчак, всегда в хорошем настроении, и даже самые глупые насмешки над его недостатком не могут вывести его из себя. Лишенный возможности изъясняться словами, он обладает порази-

тельным талантом передавать жестами целые истории и, хотя не может принимать участие в спорах, умеет постоять за себя.

В вечер, намеченный для помазания *рноомов*, Бап Тян отправился в Ндут Лиенг Крак, чтобы сообщить об этом событии своему будущему *джооку* и сговориться с ним о дне их двойного жертвоприношения. Но это не было его единственной целью — на самом деле Бап Тян хотел прежде всего осуществить давно задуманный план, который должен был способствовать расширению его семьи, а тем самым и его влияния, — хотел подготовить брак своей дочери Джанг с пасынком своего «брата» Кронг-Бинга. Это предприятие, казалось бы, самое обычное, должно было разбить надежды младшего брата Бап Тяна — начальника кантона Тру — и в случае удачи нанести ему непоправимый удар. Неужели старик мог быть в этом заинтересован? Трудно сказать. Во всяком случае, он твердо стремился осуществить свой жестокий замысел.

Бап Тян всегда был хорошим отцом. Он сделал все, чтобы удержать около себя детей от первого брака, хотя по обычаю их полагалось оставить на попечение родственников первой жены. Теперь же он больше всего хотел обеспечить будущее Джанг, старшей из его детей от брака с Анг Длинной, а для этого считал нужным выдать ее замуж за Сраэ, сына от первого брака Кронг-Бинга. Этот семнадцатилетний юноша был одним из немногих мнонгаров, учившихся в Бан-Ме-Тхуоте. После окончания школы он мог получить административную должность, а это являлось верным источником регулярных доходов. К тому же Сраэ принадлежал к зажиточной семье, что тоже имело большое значение.

Между тем несколько месяцев назад Тру согласился, чтобы Сраэ стал его зятем. Молодой человек чувствовал большую склонность к дочери Тру — Джанг Бибу — и решил жениться на ней. О своих намерениях он рассказал отчиму — Кронгу Коротышке. Тот счел дело вполне подходящим, и они вместе направились в Сар Лук, чтобы нащупать почву. Тру оказал им самый лучший прием. Он и мечтать не мог о более подходящем муже для своей приемной дочери. Ведь Сраэ был учеником, а значит, впоследствии мог стать его преемником, поскольку администрация намеревалась впредь назначать

на пост начальника кантона только тех, кто умеет читать и писать. А пока что зять мог служить у него секретарем.

Итак, Тру дал согласие, но оставалось сделать официальное предложение, послать сватов, обменяться подарками. Впрочем, спешить было некуда, ведь Сраэ еще учился в Бан-Ме-Тхуоте.

Нетрудно догадаться, в какое неловкое положение поступок Бап Тяна поставил Кронг-Бинга. Правда, тот был всего-навсего отцом, да к тому же еще приемным, и надо было заручиться согласием матери жениха и его дяди по материнской линии [25]. Тут Бап Тян не сомневался в успехе: Бинг принадлежала к клану Бон Джранг, в который входила первая жена Бап Тяна, а значит, и его дети от первого брака: Тян и Анг Слюнявая. Бап Тян несомненно напомнил Кронг Бингу и его брату Кранг-Джиенгу, что он уже один раз обменивался магическим *падди* [26] с кланом Бон Джранг и что он всегда поддерживал хорошие отношения с семьей своей первой жены. Не забыл он, конечно, упомянуть и о том, что Сраэ, женившись на Джанг, найдет брата и сестру по клану в семье своей жены. Под конец благодаря своему юридическому складу ума он, очевидно, без труда опрокинул возражения, которые могли возникнуть в связи с прежней договоренностью с Тру. Ведь она не могла приниматься в расчет, поскольку не была закреплена ритуальным актом.

Три дня спустя Ндэх глубокой ночью привел Кронга Коротышку, Бинга, Сраэ и представителей клана Бон Джранг из Ндута к Боонг-Мангу и, передавая ему обручальный браслет, попросил выступить в роли посредника. Боонг Помощник направился к Бап Тяну и по всем правилам попросил руки его дочери. Конечно, предложение было принято. Тогда Боонг созвал гостей, и они тотчас же принесли традиционные подарки: ожерелье, белую курицу и две *динг па* (бамбуковые тру-

---

[25] У мнонгаров решающее слово в общественных делах оставалось за родней по линии матери, особенно за ее братьями.

[26] Магический падди — отборный рис, считающийся обиталищем души риса и носителем плодородия. Выращивается в центре лучшего участка поля каждой семьи. Кроме того, автор часто употребляет выражение «магическое растение падди», имея, вероятно, в виду небольшое дикорастущее луковичное растение.

бочки с выжженными узорами, наполненные смесью из бамбуковых побегов и копченой буйволовой кожи). Бап Тян раскупорил кувшин и зарезал курицу, чтобы помазать кровью лбы обрученных. Все это было сделано быстро и в величайшем секрете. Никому не было сказано ни слова. На следующее утро мне объяснили, что вся деревня спала и никого не решились тревожить. К моему удивлению (я в то время ничего не знал о потайной стороне этого дела), Бап Тян особенно старался уверить меня в том, что Тру спал как убитый и что его никак не могли добудиться. Однако легко было заметить, что Тру в ярости и что он не присутствовал ни на одной из церемоний у Бап Тяна, состоявшихся в конце дня, хотя и не думал спать в это время. Бап Тян, следуя обычаям, передал подарки клану Бон Джранг, а затем подарил своему другу Ндэху «рис, возвещающий урожай». Тру провел целый день в своем доме и только к вечеру показался во дворе, даже и не пытаясь скрыть свое плохое настроение.

Через день, 8 октября, в Сар Луке состоялся «праздник столба *падди*»[27] (*ньыт ндах*): по этому случаю каждый «чердак» под предводительством трех «священных людей» поочередно совершил жертвоприношение и помазание. Начальство и остальные *куанги*, которых каждый спешил пригласить, обошли все чердаки. Крэнг-Джоонг сослался на головную боль (уж не дипломатическая ли это была болезнь?) и послал вместо себя своего зятя Кронга Толстого Пупа. Бап Тян отправил к Банг-Джиенгу Беременному, другу Тру, связанному с тем клятвой, своего сына. А вот к людям из клана Бон Джранг Бап Тян явился собственной персоной, так как это была семья его первой жены, а теперь и будущего зятя.

Когда спустилась ночь и все обряды были закончены, Бап Тян спокойно уселся и начал потягивать напиток из кувшина. Неожиданно появился Тру, явно взвинченный всем, что он выпил в течение дня. Он сразу дал волю своей ярости, Бап Тян ему сердито ответил, не вставая с места, и «братья, вышедшие из одного чре-

---

[27] Этот праздник включает жертвоприношение в доме и установку столба с дарами душе риса на поле, около участка священного риса.

ва», два самых влиятельных лица в Сар Луке, начали браниться. Только один человек в деревне мог противопоставить себя начальнику кантона — Бап Тян, и только один решался возражать Бап Тяну — Тру. В этот вечер они злобно поносили друг друга.

Вся в слезах вошла Анг Слюнявая и попыталась успокоить отца и дядю. Но что она могла сделать? Только отчаянно реветь между обоими *куангами*. На крики спорящих прибежала Джанг и тоже принялась тихонечко плакать рядом со своей сводной сестрой.

После некоторого затишья Тру выкрикнул своему старшему брату дерзость. Того охватила ярость, и он зарычал от обиды. Обе дочери обняли его, умоляя успокоиться. В конце концов он запел:

Прямо, как по древку копья,
По лежащему сухому стволу
На пир свадебный я
Поведу...[28]

Во время ссоры братьев-*куангов* никто не решался вставить ни слова. Много времени прошло, прежде чем восстановилась нормальная обстановка.

Бап Тян и родственники его жены проводили Джанг на несколько дней к ее будущим свекру и свекрови. Тру больше никогда не затевал разговора о женитьбе Сраэ.

●

Жизнь в деревне вернулась в свою обычную колею, лишь в доме у Бап Тяна кипела лихорадочная работа. Особенно много дела было у *рноома*, хотя Тян, Сраэ и особенно старый Крах — великолепный скульптор — старались ему помочь. Прежде всего надо было из толстых плетений бамбука изготовить нары (наподобие тех, что имеются в глубине дома), которые будут тянуться вдоль стены главного фасада от двери для гостей до второго опорного столба чердака. Снаружи следовало построить помост *нанг рэнг*, служащий продолжением крыльца семейной двери (крыльцо гостевого входа было сделано для *там боха* Крэнг-Джоонга и оставалось только переделать над ним навес). Нужно было также найти красивое дерево, вырубить из него куп-купом доски и

[28] Здесь и далее перевод стихов Г. Г. Стратановича.

разукрасить их геометрическими фигурами и стилизованными изображениями бытовых сцен. Две самые большие доски поставят вдоль нар, одну подвесят так, чтобы гости складывали на нее одеяла, другую, поменьше, прикрепят к краю крыши, на ней будут лежать куп-купы. Из тонких досок соорудят маленький алтарь — *ндрэнг янг*, который подвесят под крышей в глубине дома, и обрядовую перегородку. Ее центральный зубец с резной верхушкой украшен двумя крошечными рогами и длинным стволом бамбука, обрамленным двумя пальмовыми листьями. Этот зубец воспроизводит в миниатюре жертвенный столб, к которому привязывают перед закланием буйвола.

Бап Тян собирался принести в жертву двух буйволов, поэтому надо было воздвигнуть два столба: для этого верхушки двух совершенно прямых стволов тутового дерева украшают резьбой и втыкают в них длинные бамбуковые мачты с прикрепленной к ним маленькой хижиной (домом Янг Ба, духа риса). К ним же прикрепляют пальмовые листья, с которых свисает целая система деревянных дощечек, издающих на ветру звонкое постукивание. Эти столбы устанавливают примерно на расстоянии метра от края крыши, между двумя помостами, вплотную к прочной перегородке, которая не дает буйволам ходить вокруг столба. Кроме того, между столбами и главным помостом строят ритуальную площадку, состоящую из узкой платформы, которая покоится на четырех сваях примерно двухметровой вышины. Их верхушки расщеплены и свисают султаном вниз. Когда все будет готово, останется только отправиться в лес за главной жертвенной мачтой.

●

Если путешественник, приближаясь к деревне мнонгаров, видит издали высоко над крышами две или три огромные мачты как бы с руками из пальм, он уже знает, что это деревня *куанга* и что еще совсем недавно два или три ее жителя устроили грандиозное жертвоприношение буйвола. Поиски, порубка и доставка дерева гигантского бамбука, составляющего важнейшую часть ритуального оформления, — ответственный шаг, который требует больших предосторожностей магиче-

ского характера. На поиски такого гигантского бамбука — *рла* — мы и отправились 22 октября 1948 года.

Ндрани Бап Тяна — Боонг-Манг Помощник, который руководил *там бохом*, надел в то утро красивую пурпурную тунику и для большей элегантности взял маленький куп-куп — *рлам* — с изогнутым кончиком лезвия.

Мы собрались у Бап Тяна. Перед самым уходом, прежде чем переступить порог, Боонг Помощник бросил на улицу несколько пригоршней золы из очага, приговаривая:

И белка пусть не верещит в долине: я иду.
Пусть *прух*-травой не зарастает долина: я иду.
Страшусь я тайн запретных...
Здесь под ветер бросаю я золу:
Дурные знаменья пусть тают, словно соль,
И, как зола, пускай они исчезнут!..

Если по дороге нам встретится верещащая белка или попадется трава *прух*, стебли которой у корня напоминают рога, придется возвратиться назад и переждать некоторое время в деревне, а потом пойти в другом направлении. Приняв предосторожность (бросив золу), мы могли без опасений двигаться в путь.

Боонг-Манг шел впереди. Кроме Бап Тяна, вооруженного саблей, и мальчика — Тонга Заики, сына Ёнг Сумасбродки, который нес маленькую корзинку, все запаслись куп-купами. Крэнг Заика заключал шествие и от самого дома трубил в рог. Это придавало нашему походу праздничность и располагало к нему духов — так утверждают древние предписания, дошедшие от предков.

Как только мы вышли на дорожку, пролегающую по *миипу*, Боонг Помощник сорвал ветку с куста *рхоонга*, помахал ею около головы, как бы отгоняя невидимых мух, поплевал семь раз, а на восьмой попросил у листьев помешать белке верещать и отвести с нашего пути траву *прух*.

Пять минут спустя, в половине десятого, мы миновали на берегу ручья Дак Диенг Краэ группу людей из Верхнего Донаи, отдыхавших на пути к Озерному посту. Вскоре мы нагнали жену Бап Тяна, его дочь и прислужницу при обряде жертвоприношения, которые шли собирать урожай. Мы шли вместе до поля, затем несколько минут следовали вдоль изгороди, окружаю-

щей посевы, на восток, а около десяти часов утра свернули на тропку, ведущую прямо на юг.

Немного погодя мы достигли заброшенной хижины, окруженной деревьями папайи и бананами, прелестного уголка среди зарослей, где когда-то доживал свои дни изгнанный из деревни прокаженный. Пока прокаженный работоспособен, он продолжает жить в деревне, но как только страшная болезнь делает его совершенно беспомощным и опасность заражения резко увеличивается, несчастного изолируют. Жена или сестра приносит ему пищу и заботится о нем. Очень часто она настолько преданна, что разделяет с ним изгнание. Так было и с этим несчастным.

Хижина прокаженного стояла на берегу широкого ручья. Мы перешли его вброд, но, поднявшись на другой берег, заметили, что там нет тропы. Надо было прорубать себе дорогу куп-купом в высоком тростнике, простирающемся до самого подножия холма, покрытого густыми зарослями бамбука и кустарника. Сначала впереди шел Боонг-Манг, но вскоре он предпочел уступить место *рноому*. На ноги людей, вторгшихся в этот сырой, скрытый от солнца мир, набросились целые полчища пиявок. Они здесь царствуют безраздельно. Боонг опередил нас, пробил себе сам дорогу и добрался до вершины гораздо раньше, чем мы. Крэнг Заика, почти достигший верхушки горы по очень крутому склону, замешкался, чтобы покопаться в барсучьей норе, но ничего не нашел.

Наконец мы вошли в красивую рощу гигантского бамбука, которую заметили еще издалека. Между Боонгом и Бап Тяном тотчас же разгорелся спор, в котором старался принять участие и Крэнг Заика. В конце концов его доводы одержали верх. Было решено срубить самый большой и самый прямой ствол, стоявший, к несчастью, в окружении таких же гигантов. Деревья же, находившиеся на краю рощи, были кривые.

Мальчик подвесил свою корзиночку на ветку. Бап Тян вынул из нее плетеную коробку, полную дробленого желтого [29] риса. Он набрал горсть зерен и разбросал

---

[29] В Центральном и Южном Вьетнаме произрастает несколько сот сортов риса. В зоне расселения мнонгаров они группируются по цвету и вязкости в вареном виде.

их по роще гигантского бамбука. То же сделал и Боонг-Манг. При этом они взывали:

О ты, дерево-дух!
О ты, предок тут!
И ты, о лиана сама!
Я служу тебе, высокий рла!
Я зову тебя, услышь моление мое,
А в кувшине бродит крепкое питье.
Вот я мясо ем — тебе служу,
И спиртное пью — тебе служу,
Я двух буйволов забью — тебе служу!
Двух самцов забью — тебе служу!
Вот я сею шафранно-желтый рис,
А ты, рла кривой, распрямись!
Кривой длэй, и ты распрямись!
И тогда мне счастливым быть,
Хорошо тебе завтра служить.
И послезавтра тебе одному по-слу-жу...

Бап Тян вынул из корзинки завернутую в листья пивную барду и передал ее Боонг-Мангу. Тот смазал у основания стволы нескольких *рла*, а Бап Тян покрыл смесью основание дерева, намеченного к срубу, произнося:

Благословен будь, древо-дух!
Благословен будь, предок Тут!
На моление гневом ты не отвечай,
На меня свой гнев не обращай.
Тебе курицу, кувшин спиртного я дарю,
Кровь куриную я там, в селенье, соберу...

Боонг-Манг вытащил из корзинки еще одну корзинку, поменьше, с черным узором. В ней лежал вареный клейкий рис. Он роздал его *рноому*, Тяну, мальчику, двум шуринам хозяина и мне. Только Бап Тян не взял риса. Потом Боонг-Манг старательно налепил на ствол выбранного дерева горсть вареного риса и вновь воззвал:

Вареным рисом этим я тебе служу!
О дерево! Потомок духов-властелинов,
О Тут! Сюда пришедший из долины,
О рла! Я тебе служу.
И мачту к жертвоприношенью воздвигаю,
Ем мясо я, всегда тебя зову,
Спиртное пью я и всегда тебя зову.
А мясо я на каждом празднестве соломы поглощаю.
И каждый раз я ем козу там, где селение лишь недавно было,

И каждый раз бамбук срубаю там, где новое соорудили...
О рла! Я тебе служу,
И на моленье гневом ты не отвечай,
И на меня свой гнев не обращай.

Рноом кинулся со своим куп-купом на огромные колючие ветки, скрывавшие ствол гигантского бамбука. Когда он обнажится, его срубят. Тем временем остальные члены экспедиции закурили трубки. Только Сраэ возился с костром, зажженным от огнива: в лес не носят факелов, как на полевые работы.

Чтобы я лучше понял, что происходит, Кронг Толстый Пуп запел:

Пусть вяжут топливо ратаном тонким;
Пусть трут ратан, чтоб толстый тонким стал,
А ты открой-ка уши слову,
Когда его по лесу повлекут.

Некоторые принялись есть клейкий рис, а Боонг Помощник отправился собирать красные цветы дикого банана.

Когда Крэнг Заика обрубил ветки, Тян ударил дерево под корень раз, другой, третий, но оно все не падало, поддерживаемое короткими ветками, которые переплелись с окружающей листвой. Тут Кронг Толстый Пуп пришел на помощь Тяну, и они вдвоем всей тяжестью навалились на дерево. Как только гигантский бамбук упал, юноши очистили верхушку, затем один из них измерил ствол бамбуковым шестом — *длэй*, который служит эталоном длины (один метр шестьдесят пять сантиметров). В стволе оказалось восемнадцать с половиной метров.

Без двадцати двенадцать мы отправились в обратный путь. Сначала спустили ствол вниз по откосу по расчищенной Заикой при подъеме просеке. У подножия холма Сраэ и Тян взвалили бревно себе на плечи. Его покачивания заставляли их идти пружинистым шагом.

По пути Крэнг Заика срезал две грозди бананов, которые должны послужить для «обмена пищей». Недалеко от Сар Лука мы встретили Нёнг из Нёнг Браха. Он пришел к Сиенг-Ангу, так как один из купленных у него для жертвоприношения буйволов при обряде помазания в честь *падди* сдох. У самой деревни мы услышали совсем близко от нас фырканье охотящегося тигра.

Боонг мне сказал, что взглянуть на него нельзя: в этом месте непроходимый кустарник не даст незаметно подобраться к зверю.

В Сар Луке ствол бамбука положили во дворе на землю. Все разошлись по домам, не дожидаясь Бап Тяна, Кронга Толстого Пупа и *рноома.*

●

После полудня у Бап Тяна наводили чистоту. Прислужник при жертвоприношении поднялся на чердак, чтобы наполнить корзины *падди.* Рядом, в гостевой, Крэнг-Джоонг отливал ножные браслеты для своей дочери. Недавно в Сар Луке побывал опытный литейщик Сиенг-Анг из Нёнг Браха, и после этого все девушки пристрастились к таким украшениям. Правда, с непривычки они натирали себе щиколотки, и приходилось подкладывать листья.

К внутренней перегородке дома Бап Тяна были привязаны два кувшина, самый большой — к центральному резному зубцу. Их открыли и наполнили водой. У большего кувшина поставили маленькую корзинку с меандровым узором, на три четверти наполненную очищенным рисом. На очаге варилось крутое яйцо.

Бап Тян и Боонг Помощник сели на корточки перед одним из кувшинов, рядом положили курицу и поставили домодельную пиалу с пивной бардой. Хозяин передал курицу и трубочку своему посреднику и поцеловал ему руку, тот ответил тем же, воткнул трубочку в кувшин и вознес моление:

Вот спиртного кувшин, курица и свинья,
 их тебе подношу я.
О двойной нтэр-бамбук, их тебе подношу я.
О тройной нгкар-бамбук, их тебе подношу я.
О длэй-бамбук, что ветром искривлен,
О рла-бамбук из долины Дак Кронг,
 их тебе подношу я.
По примеру дяди — моей матери младшего брата,
По примеру дяди — моей матери старшего брата,
Поступаю, как прадеды повелели когда-то,
Поступаю, как предки повелели когда-то.
Коль завтра-послезавтра вдоволь мяса ем —
Пусть и потом хватает мяса всем!
Коль завтра-послезавтра мы спиртное пьем —
Пусть в нем не будет недостатка и потом!

В это время Боонг над чашей с пивной бардой перерезал курице горло.

Затем позвали из соседней гостевой Крэнг-Джоонга и шурина Бап Тяна — Банга Оленя, «священного человека» селения Пхи Ко. Все четверо вышли из дома и сели на корточки в ряд около *рла,* спиной к дому Бап Тяна. Боонг поднес товарищам пиалу с подкрашенной кровью бардой, каждый взял по щепотке и смазал будущую мачту, моля гигантский бамбук о милости в тех же выражениях, что и в речитативе, произнесенном перед порубкой бамбука. Боонг помазал кровью и пивной бардой жертвенные столбы, перегородку, ритуальный настил, колья, поддерживающие штабеля дров, резной зубец с кувшином, полку для одеял, кувшины, барабан, гонги... Смазывая каждый предмет, он провозглашал, что ему посвящены жертвоприношения и помазание.

Бап Тян, Крэнг-Джоонг и Боонг-Манг сели на корточки перед большим кувшином. Бап Тян дал им по трубочке, и они поцеловали друг другу руки. Затем посредник взял немного окровавленной барды и помазал белый рис в маленькой узорчатой корзинке. Остальные двое последовали его примеру. Это «помазание белого риса, который будет роздан в селениях».

Провожаю я день, что позади,
Повстречаю я день, что впереди,
Пусть веялка не рвется, хоть и тянется,
Пусть ступка, хоть щербата, не дырявится,
Чтоб не просыпалось у юношей
и девушек зерно.
Вдоволь мяса наедимся,
Из кувшина угостимся,
В селе нашем вас за ручку проведем,
В лесу нашем мы вас рисом наделим.

Произнося эти слова, Крэнг-Джоонг и Боонг-Манг опустили свои трубки в кувшины, сбрызнув предварительно несколько капель жидкости на землю. Затем Боонг взял пиалу с пивной бардой и пошел к семейному входу, повернулся к нему спиной, так, чтобы оказаться лицом к последней чердачной свае, и, распевая моления, помазал ее. Это «призыв к духам чрева *падди»*. Боонг и в самом деле одного за другим призывал высших духов.

О дух земли!
О почвы дух!
О дух окрестных мест!
О дух листвы!
О дух растений всех!
О прялки дух!
О нити дух!
О дух долин!
О дух равнины!
О водоем, тебя я тоже призываю,
И ты, трава, та, что соломой станешь, я тебя зову,
О болото, где буйволы лежат лениво, я и тебя зову!
Свинью едим мы — окорок тебе!
Забили буйвола — плечо даем тебе!
Съедаем курицу — тебе оставим грудку!
Забьем козу — ей горло в честь твою я перережу, о дух!
Мой гонг ты сохрани, чтобы не бился он,
Мой котелок храни, чтобы не лопнул он,
Мой лук храни, пускай не лопнет тетива.
Уводишь младшего куда, уводишь старшего, всегда
Следи, чтобы они в дороге не страдали,
Следи, чтоб не больными возвращались...

В то время как посредник обращался к чреву *падди*, Бап Тян поднялся на большие нары и поставил на алтарь, подвешенный в глубине дома, две пиалы — одну со спиртным, другую с рисом, в который он воткнул крутое яйцо и положил банан. Затем он произнес:

Боги приказывают,
Духи взирают,
Влиятельные слушают.
Ища буйвола, пусть я найду быка большого,
Ища кувшин, пусть черный я найду,
Возделывая поле, пусть сто корзин зерна я получу.

Наконец присутствующие начали пить одновременно из обоих кувшинов, соблюдая, впрочем, строгий порядок: я пил из первого кувшина, Тру — из второго. Я уступил место Крэнг-Джоонгу, а начальник кантона — своему помощнику. Только без четверти четыре семья Бап Тяна села обедать. Как всегда, она разделилась на две группы. В одной были Тян, его жена и *рноом;* в другой — Анг Длинная, ее дети, жених Джанг, старый Крах и прислужница. У Бап Тяна сегодня не было аппетита. Всем роздали по куску жертвенной курицы, зажаренной на углях.

Все пили и беседовали. Только Бап Тян был занят тем, что вспоминал, кого ему надо пригласить. Он под-

считывал «мясные долги», которые должен погасить. Разломает веточку и положит один кусочек перед собой: это огузок, полученный от Сиенг-Анга (из Нёнг-Браха), когда тот «пил» в честь земли. Рядом положит еще один кусочек веточки: это лопатка, подаренная Ван-Ёнгом (из Панг Пе Нама) при другом жертвоприношении... Вопрос о подарках беспрестанно тревожил Бап Тяна: мясные подношения надо соразмерно отдаривать, вот он и старался при первом же случае рассчитаться с долгами, чтобы ни в коем случае не обременять ими детей.

Затем старик отдал маленькую корзинку распорядителю, который обошел все семьи в селении и каждому хозяину дома дал горсть риса, сообщив, когда состоится жертвоприношение. Тем временем Бап Тян нарезал веревку на куски по пятнадцать-двадцать сантиметров и на каждом завязал на равном расстоянии по три узелка: узелок олицетворяет один день. Он «завязал веревочку дней» — говорят мнонгары. Веревочки он роздал людям, которым поручил отнести только что освященный рис далеко живущим приглашенным. Банг Олень на следующий день отправится в Бон Джа и Панг Пе Нам; Кронг-Сранг и Ван-Джоонг — в Лак Донг и Бон Ханг; Тян и Сраэ сегодня же вечером поедут верхом в Ндут Сар и Сар Ланг, и, наконец, сам Бап Тян утром понесет «рис приглашения» в Нёнг Брах..

Во всех семьях клана Рджэ женщины и молодежь разреза́ли на полоски буйволиное мясо, принесенное под вечер из Нэнг Браха Сиенг-Ангом: ему пришлось разделать тушу, так как жертва, которую он берег для духов, запуталась в поводке и задохлась.

●

В семь часов вечера Крэнг-Джоонг в свою очередь откупорил кувшин: он поднес Бап Тяну, своему соседу и шурину, «напиток в благодарность за „рис приглашения"». Крэнг поставил пиалу со спиртным на перекладину, к которой были подвешены кувшины. Сидя на корточках перед пиалой и не спуская глаз со стены, он произнес моление, которое Бап Тян только что читал перед алтарем. Затем он подошел к откупоренному кувшину, около которого стояла разукрашенная плетеная

корзинка с «рисом приглашения». Крэнг передал шурину трубочку и щепотку пивной барды, и они поцеловали друг другу руки. Бап Тян вставил трубочку в кувшин с напитком, Кроонг и Бап Тян совершили помазание пивной бардой, первый — коробки с рисом, второй — земли. В это время оба вознесли моление:

О рис приглашения влиятельных,
Сегодня я, обряд помазания свершив,
Спиртного подношу тебе кувшин;
Приходи спиртное с нами пить,
Приходи нашу трапезу разделить...

Через полтора часа подобная церемония повторилась у Боонг-Манга, который в свою очередь послал Бап Тяну «рис приглашения».

Около девяти часов вечера появились запыхавшиеся и сильно взволнованные Тян и Сраэ. Они даже не завели коней в денники, а бросили поводья юношам, которые вышли их встречать. Оказалось, что на всадников напал тигр.

Они начали свой обход с Сар Ланга, где, как и полагается, на их «рис приглашения» ответили кувшином *рнэма*. Посидев ровно столько, сколько требовали приличия, они бодрым галопом проехали два или три километра, отделявшие Сар Ланг от Ндут Сара. Там в их честь тоже откупорили кувшин, но они снова не задержались, хотя не боялись опасных встреч: Тян был хорошо вооружен, ведь Тру дал ему свое старое ружье и два патрона к нему. Но лошадей они взяли у начальника кантона и его помощника и обещали вернуть их в тот же вечер. Изрядно выпив, оба друга смело пустились в путь. Наступающая ночь их не пугала, они уповали на свою силу и мужество.

От Ндут Сара к дороге ведет довольно широкая тропа. Не успели они сделать по ней и ста метров, как лошадь Тяна (она шла впереди) взбрыкнулась, а лошадь Сраэ понеслась стрелой. Тян, понимая, чего следует ожидать, потихоньку сполз с лошади, одной рукой держа узду, а другой сжимая ружье. Из зарослей вышел огромный тигр. Тян зарядил ружьецо, нажал курок и... ни звука. Зверь продолжал медленно наступать. Тян снова попытался сделать выстрел, но безрезультатно: оба патрона были слишком старые. Тигр прыгнул сзади

на круп лошади, она кинулась в сторону. Тян схватил ружье за ствол и изо всех сил обрушил на морду тигра сокрушительный удар, потом еще один. Зверь, взревев от боли, бросился в кусты. Тян вскочил на свою клячу и догнал товарища. Через несколько минут они были в Сар Луке. Им удалось отделаться глубокой раной на крупе лошади, на которой скакал Тян.

23 октября

Наступила очередь Тру поднести спиртное в ответ на «рис приглашения», полученный от старшего брата. Пока мы пили из маленького кувшина без горлышка, кули — *трам* — отливал ножные браслеты для дочери Тру.

В четверть десятого вечера в деревню забежала обезумевшая лань со всем своим выводком. Мне удалось ее пристрелить, когда она пыталась переплыть реку. Теперь вся деревня была обеспечена мясом.

Сраэ повел купать двух буйволов, которые предназначались *джооку*. Крах и Крэнг Заика занялись украшением гигантского бамбука. А Длонг Чернуха, прислужница при обряде жертвоприношения, и дочь начальника кантона у излучины, где берут воду, мыли волосы «мнонгским шампунем»; водой, в которой промывали рис.

Бап Тян сам пошел приглашать учителя. По возвращении из школы, где ему несомненно поднесли кувшин спиртного, старик задумался над тем, как бы ему отвести дурные последствия нападения тигра. Обычное изгнание злых духов его не удовлетворяло, он обязательно хотел произвести какое-нибудь особенно могущественное заклинание. Для этого обряда требовался цыпленок, кувшин со спиртным, пустой *янг дам,* два гонга (их изображали два кружочка, вырезанные из тыквы), несколько кусочков угля, а также пара слоновых бивней и рог носорога (выточенных из дерева, длиной два-три сантиметра). Кроме того, нужна была ручка от куп-купа, бывшего в употреблении, и колено бамбука, в котором варили лесные овощи. Его наполнили золой. Кувшин со спиртным подвесили к малой внутренней перекладине, Тян и Сраэ присели перед ней на корточки. Бап Тян, стоя напротив молодых людей, стал водить над их головами упомянутыми ритуальными предметами и бамбуковым коленом с золой, в которое

вдел ручку от куп-купа. Перечислив то, что он принес, он заявил:

Духам я отступное плачу,
Дань, положенную духам, отдаю,
Эти гонги плоские им я уступаю,
Эти чаши медные им я даю,
Пускай я жив останусь...

Затем Банг Олень, вооружившись куп-купом, пошел вперед, а за ним Бап Тян понес ритуальные предметы к месту пересечения тропы и дороги. Он сложил все это на землю, вновь перечислил из чего состоит его подношение, и повторил свои пожелания. Выпрямившись затем во весь рост, он взял бамбуковое колено с золой и ручкой от куп-купа и бросил его в лесную чащу, восклицая:

Пусть бы лопнул ты, пусть бы сгнил,
Пусть бы ножики порезали тебя,
Пусть куп-куп, тебя встретив, поразит,
Пусть копье, тебя встретив, пронзит,
И пускай тебя встретит ружье Йо,
Тебя насмерть застрелит оно,
Таково заклятие мое!
Что ты заришься на наш свет-огонь?
Что свирепо так ты ловишь наши души?
Почему с тобой ведем мы вечно вражду?
Этот сосуд для варки шлю тебе,
Эту золу, ее кидаю тебе,
Эту ручку старую, даю ее тебе,
Чтоб ты лопнул, чтоб убили тебя,
Эй ты, дрянь!

Мужчины вместе возвратились в селение, приговаривая:

Вернись к себе домой,
В родимое селение,
В свой лес родной,
К своей родной реке!

Возвратившись к кувшину, Бап Тян срезал гребень курицы и провел им восемь раз по лбу Сраэ и Тяна, который держал трубочку. Когда Тян опустил трубочку в сосуд со спиртным, отец начал читать моление. Затем он восемь раз приложил ко лбу обоих пострадавших лезвие куп-купа, на которое предварительно поплевал, восемь раз повертел над их головами пустой *янг дам*,

обмакнул пальцы в спиртное и стал водить ими то по кувшину, то по лбам обоих юношей. При этом он перечислял те виды порчи, которые снимает, и произносил:

Пусть будет тело наше бодро!
Пусть будет сон глубок!
Пусть будет храп громоподобен!
Не лопнет пусть шнурок,
Пусть змей воздушный без помех взовьется,
И связь его с землей пусть не прервется!

Первым из кувшина пил помощник, за ним — Банг Олень. К моей великой радости, мне на этот раз не предложили приложиться к кувшину, рассчитывая, видимо, что я повторю свой утренний «подвиг», но выберу на сей раз своей жертвой не лань, наносящую ущерб лишь посевам, а хищника, нападающего на скот и даже на людей. Говоря о нем, мнонгары не произносят слово «тигр», а обозначают хищника поднятием руки со скрюченными пальцами, наподобие когтистой лапы. Во время заклинаний они не раз упоминали о том, что хорошо бы мне застрелить тигра.

Примерно без четверти шесть Банг Олень и Бап Тян снова пошли разносить рис. Банг Олень направился в селения Верхнего Донаи, а Бап Тян — в Нёнг Брах. Но Бап Тян через полчаса возвратился, испугавшись приближения ночи: он несомненно находился под впечатлением вчерашнего нападения тигра и своих собственных заклинаний, которые «тот», «другой», мог счесть слишком дерзкими.

Вечером к Крэнг-Джоонгу явился его *джоок,* начальник Сар Ланга, с которым он в сентябре совершил обряд обменной жертвы. Чонг-Ёнг только что сообщил о начале жатвы, и Крэнг открыл в честь его кувшин, к которому они оба приложились. Через час «священный человек» вынул втулку из второго кувшина, чтобы угостить людей из Нёнг Браха, которые на ночь спустились к нему с гор.

24 октября

С половины шестого утра у Бап Тяна бил барабан и звучал гонг — *синг:* это будили духов, чтобы они были готовы к празднику.

Крах и Крэнг Заика заканчивали украшение жертвенных столбов: *рноом* вырезáл на верхушке мачты —

капоки — стилизованного человечка, сидящего на корточках, а старый раб вытачивал из дощечек две пары «пчелиных крыльев», которые увенчают фигурку. Крылья представляли собой две полукруглые планочки на тонкой перекладине. Заика дополнил эту часть украшения вырезанными из мягкого дерева четырьмя горлинками натуральной величины, которых завтра прикрепят к «пчелиным крыльям».

Наконец, около половины одиннадцатого Бап Тян тронулся в путь. Он принял все меры предосторожности. Перед выходом из хижины кинул во двор несколько пригоршней золы, приговаривая:

Здесь под ветер бросаю я золу; пусть не ревет олень,
Пусть *прух*-травой не зарастает долина,
В равнине пусть не упадет нам на дорогу пень
И путь не преградят нам травы *рхоонг* и *ра*.
Я иду сам вести дня, что позади, отвести,
Я иду, чтоб вести дня, что впереди, разнести,
Выньте олово все из ушей и внимайте речи моей!

Днем на обрывистом берегу прямо на воздухе открылась настоящая парикмахерская: в нескольких метрах от Крэнга Заики, который вырезáл горлинок, молодой Тиар, возведенный неожиданно в парикмахеры, стриг на французский манер волосы многим юношам.

Вечером Банг Кривой в ответ на «рис приглашения» преподнес *рнэм* обоим участникам *там боха*. Кувшин принял от имени Бап Тяна его старший сын, а от имени Ндэха — Танг Военный (из Ндут Лиенг Крака). Жена бывшего начальника кантона и жена Кривого — «сестры». Но Бап Тян не потому предложил Кривому быть его *джооком*. Главное в том, что Ндэх взял себе в качестве *рноома* младшего брата Кривого — Нянга.

В убогой хижине собралось много гостей, настроение было веселое. Банг Кривой не скрывал, как он горд тем, что стал *рноомом*. Он когда-то служил в пехоте и теперь хвастал своими подвигами — в частности, рассказывал, как он четыре дня плыл по морю на борту «военного» корабля. Больше всего поразили его в этом путешествии рыбы, которых он увидел: некоторые были величиной со здоровенного буйвола. Тут же Кривой добавил, что чувствовал себя очень плохо, его все время рвало, он не мог даже поднять голову со своего

ложа. Только когда он сошел на землю, болезнь отступилась от него.

Начинался дождь. У Бап Тяна били в гонги, но Крэнг Заика предпочел остаться в хижине Кривого, где, правда, не было музыки, но зато было спиртное. Несмотря на заикание, он, как всегда, благодаря своим необычайным мимическим способностям, пользовался успехом.

25 октября

Сегодня ждали приглашенных Бап Тяна. С семи часов утра его посредник Боонг Помощник начал совершать магический обряд, который защитит дом *куанга*, где соберется много жителей других деревень. Боонг все делал сам. Вооружившись мотыгой, он выкопал у главной двери вдоль порога продолговатую яму и заложил в нее пару щипцов, мелкие ракушки, клубни магических растений (прохладника и *плоопа*) и черепки мисок. Работая мотыгой, он произносил заклинание:

О вы, щипцы! Зажмите, будто клювом,
Богатеев, влиятельных, рабов и *тяков.*
О ты, раковина, *кьеп меэм!* Замкни ты рот
Богатеям, влиятельным, рабам и *тякам.*
Вот что велю тебе я, о *кьеп меэм.*
Ты, о магическая трава прохладник,
Храни нам свежесть тела, дай нам сон глубокий,
Ты, о растенье колдовское *плооп,*
Их тайно сокруши, пожри, нашли на них сухотку.
Как глина к ним прилепись и ты, о клейкий рис!
Приказываю вам я следить за чужестранцами и
Всею дрянью двадцать, тридцать раз;
Приказываю вам я следить за всем, что движется
От Ндут Лиенг Крака;
Приказываю вам я следить за всеми селениями
Миров подземных.

Затем он разрезал стебель магического растения прохладника на мелкие кусочки, сложил в буйволиный рог и подвесил на стене около двери.

В довершение обряда по обеим сторонам двери подвесили два длинных полена, очищенных от коры. К каждому прикрепили палочку для чистки трубок, которую предварительно держали в прокуренной трубке и натирали зрелым перцем. Им был натерт и расщепленный конец полена. Он должен напугать колдунов — пожирателей душ *(тяков),* которые попробуют переступить по-

рог, если до этого их не заставит обратиться в бегство запах острого перца и горького табака.

«Не входи сюда, колдун. Я разбросал уже остатки курева, я разложил уже перец. Видишь расколотые поленья, если ты появишься, я прикончу тебя... Не входи в мой дом, на мой чердак. Не мешай мне есть и пить».

Накануне вечером шел дождь. Он смыл краску с больших бамбуковых досок, приготовленных для украшения гигантской мачты. Надо красить их снова. Опять из угольного порошка, разведенного в воде, изготовили черную краску, а из коры дерева *ти* (careya sphoerica) — красную.

Внутри дома все было готово, даже разостлан у двери банановый лист. Из того, что осталось сделать, самое трудное — украсить длинные бамбуковые шесты, которые будут водружены на верхушках шестов.

В течение всего дня в Сар Луке не прекращали пить. Танг Военный обошел все четыре дома, и в каждом в честь его прихода раскупорили кувшин.

Сразу после обеда Крэнг и Джоонг вернулись из Сар Ланга, куда они накануне пошли за *джооком*. Некоторое время спустя пришел Боонг Канг. В пять часов явились Банг Олень и староста Бон Джа в сопровождении двух мужчин. Вслед за ними пришел Бап Тян, его жена и три супружеские пары из Нёнг Браха. Придя в Сар Лук, каждая группа направилась прямо к Бап Тяну и устроилась на нарах в глубине помещения. Когда вошел хозяин дома, никто не обменялся ни приветствиями, ни рукопожатиями (эти привычки недавно привиты нами, так же как и — увы! — военное приветствие). Хозяин, положив свою ношу, взял пригоршню табаку и роздал каждому из гостей по щепотке. Односельчане, которые находились в комнате, получили свою долю наравне с гостями. В скором времени прибыли приглашенные из Панг Пе Нама, Дынг Джри, Сар Ланга, Панг Донга.

Настроение поднялось. Гостей было много, и они знали почти всех жителей Сар Лука. Каждому хотелось повидаться с друзьями. Житель Сар Лука, входя, прежде всего предлагал по щепотке табаку пришельцам из других деревень. У всех было что рассказать, и через несколько секунд гостевая гудела от разговоров.

Наконец, около семи часов вечера Бап Тян, старший из приглашенных Ван Ёнг из Панг Пе Нама и Манг-

Сир Слоновая Кость (староста Бон Джа) присоединились к Боонгу Помощнику, который сидел на банановом листе у двери и перед небольшим кувшином без горлышка держал живую курицу. Ван вставил трубочку в кувшин, он и его друзья начали молить, чтобы праздник прошел хорошо и завершился благополучно.

Помазание ноги гостям свершим мы
Кровью[30] курицы и из кувшина спиртным.
Пусть не ревет олень,
Пускай у *прух*-травы не разрастутся лапы,
Пусть травы *рхоонг* и *ра* не преградят нам путь.
Пусть тело (наше) будет свежим, сон глубоким,
храп громоподобным,
(Когда) *куанги* платят и приходят гости,
Пусть ступка, хоть щербата, не дырявится,
Пусть веялка не рвется, хоть и тянется,
У девушек и юношей чтобы не просыпалось зерно.
Все пейте, ешьте вдосталь.
Пусть колдовскую ту траву уносит вдаль,
Мое веление всем: курятины досыта ешьте,
Спиртного пейте вдоволь
Все вы, кто здесь сейчас.
И пусть свежим будет ваше тело.
Не затевайтс распрей, зря не спорьте,
Друг друга не ругайте и не оскорбляйте.

Боонг-Манг ввел лезвие ножа курице в клюв и рассек его. Придерживая курицу за туловище и кровоточащий клюв, он помазал кровью ноги Вана и Сира Слоновая Кость. После этого они присоединились к сидевшим на нарах, куда им принесли угощение. Гости из других селений подходили к двери и поочередно протягивали одну ногу, чтобы удостоиться помазания. Дети тоже не были обойдены. Каждая мать слегка приподняла покрывало на ребенке, переложила малыша на бедро и нагнулась, чтобы посреднику было удобно помазать младенцу ногу кровью. Когда все, старики и дети, мужчины и женщины, получили благословение, Боонг передал курицу одному из молодых гостей, который опалил ее, а куски роздал гостям.

После угощения мужчины собрались на нарах и попросили дать им веялку, «чтобы взвесить рис». Принесли совершенно новую красивую веялку с меандровым

---

[30] По представлениям многих народов, кровь — сильное средство, предохраняющее от злых духов, волшебства и несчастий.

орнаментом. Бап Тян и распорядитель присоединились к гостям. Каждый приглашенный вынул из заплечной дорожной корзины вьетнамскую пиалу, мешочек с очищенным рисом и немного пищи. Рис гости пересыпали сначала в пиалу, а затем в веялку и добавили к этому дару яйцо или мешочек соли. Бап Тян громко восхищался подношениями. Когда гости вручили свои подарки, хозяин дома поцеловал каждому руку, а тот ему, и Ван начал длинную речь. Он напомнил о происхождении праздника, сказал, как любезно было со стороны Бап Тяна пригласить его на праздник, и попутно воздал хозяину хвалу. Ван закончил речь кратким молением:

Сегодня ты, Бап Тян, мой старший брат,
Ты дал нам рис, ты нас позвал есть мясо,
Ты ведь обряд обменной жертвы
С Ндэхом, главой кантона бывшим, совершаешь.
Да будет тело твое свежим, сон глубоким, храп
громоподобным;
Пусть к младшим братьям всем и к старшим
не пристанет зло,
И не вернутся к ним пускай болезни.
Пусть на пути домой никто о камень не запнется,
Пусть никому у корня колючка не воткнется.

В заключение он поцеловал Бап Тяну руку. Тот ответил тем же. Остальные гости читали такое же моление, которое в свою очередь закончилось взаимным лобызанием рук.

Бап Тян ответил на приветствие Вана речью, которую он произнес с головокружительной быстротой. Речь соответствовала его положению «могущественного судьи». Он рассказал о происхождении *там боха* и изложил причины, побудившие его пригласить тех, кто в данный момент собрался вокруг веялки. Не забыл он упомянуть и Бинг-Дланга, начальника кантона Лак Донга, который, к сожалению, не смог прийти. По примеру Вана, он закончил речь молением:

Я созвал вас всех есть мясо, пить спиртное
и вместе вести беседу.
Пусть не порвется нить,
Пускай не лопнет шнур
И не закрутится, взвиваясь, змей воздушный.
Пусть на пути обратном счастливо вы до леса
доберетесь
И благополучно все в свое селение вернетесь!
Пусть тело ваше будет свежим!

Вновь началось целование рук. На помосте перед главным фасадом шесть молодых людей мерно били в гонги.

Затем Бап Тян, его посредник и гости спустились с нар и присели на корточки около обрядовой перегородки внутри дома, к которой были привязаны два кувшина. Самый большой кувшин — он стоит четырех буйволов — прикреплен к центральному резному зубцу, в нем «пиво в благодарность за белый рис». Другой кувшин, поменьше, предназначен «священным людям» Сар Лука. У основания большого кувшина (у которого собрались гости и хозяин) Тян свернул голову курице, и кровь стекла в домодельную пиалу. Хозяин дома и его посредник обменялись целованием рук с гостями, а те после этого воткнули в кувшин тростниковые трубочки, по одной от каждого селения.

У маленького кувшина совершили тот же обряд, но без жертвоприношения курицы. В нем участвовали Бап Тян и Боонг-Манг, два других «священных человека» (Крэнг-Джоонг и Банг Беременный) и Тру. Присутствие начальника кантона — дань новому общественному порядку. Есть еще одно нововведение такого же свойства: первым пью я, за мной Тру, затем его помощник. Из маленького кувшина сначала пьет староста Бон Джа, он уступает свое место Крэнг-Джоонгу и Вану из Панг Пе Нама. Эта первая грандиозная выпивка, которой открывается праздник, длится допоздна.

26 октября.

Как и в предыдущие дни, деревня пробудилась рано утром от звуков барабана, в который били у Бап Тяна. Еще до рассвета юноши вышли из дома и принялись хлопотать вокруг буйволов, которых они потом отведут к партнеру Бап Тяна. Юноши только передавали предметы украшения Краху и Сраэ — они убирали одного буйвола — и Тяну с *рноомом* — они хлопотали вокруг второго.

По существу украшали только голову жертвы. Прежде всего в рога вставили две трубки из гигантского бамбука с расщепленным наподобие султана концом. На рога, образующие круг, наложили тройной обруч из толстого ратана. Затем рога, обруч и трубки, увенчанные султаном, обернули длинными полосками, нарезан-

ными из коричневой коры лианы. От основания одного рога полосу протянули через весь круг к основанию другого рога, от него — через лоб животного, затем обернули у основания первый рог, возвратились ко второму и повторили все движения в обратном порядке. Эта процедура производилась до тех пор, пока лоб животного не скрылся под полосами лиан. На буйвола словно надели каску, обрамленную сверху широким нимбом. К нему прикрепили дощечку с отогнутыми краями, расписанную мотивами «листьев *сра*». У краев дощечки в полосы вдели большие листья *триа*, которые наподобие конских хвостов ниспадали до земли. (Иногда в трубки вставляют листья пальмы *сра* или длинные гибкие стебли толстого ратана, стесанные посередине и украшенные разноцветными нитями и белыми, подрезанными на особый лад перьями.)

Тян и его *рноом* на украшение своего буйвола потратили в общем двадцать минут. На обоих буйволов надели веревочные постромки, повод у ноздрей сдвоили и завязали, а узел продели через носовое кольцо. На рога накинули толстую веревку и завязали ее узлом.

Работали с волнением. Четыре главных действующих лица поминутно требовали то нож, то полосу ратана, один ругал вовсю парней, которые пришли помогать, другой бранил буйволов. Бап Тян, очень раздраженный, пытался давать советы *рноому*, но тот отказывался их выполнять. Все торопились, суетились, кричали в предрассветном тумане, поднимавшемся над рекой, которая шумела внизу под обрывом. Хозяин дома торопил людей: надо было выйти до того, как взойдет солнце и принесет с собой жару́.

Наконец, в пять минут восьмого оба буйвола, которых на поводе вели юноши, величавой поступью тронулись в путь. Над их головами высились великолепные уборы из растений. Оттого, что животных тянули за повод, продетый в ноздри, уборы откидывались назад. Открывал шествие прислужник при жертвоприношении. Для защиты кортежа он дул в листья *рхоонга*. Если, несмотря на эту предосторожность, косуля все же взревет, шествие остановится и выждет, пока животное замолчит. За буйволами шли человек десять молодых людей. После того как мы вместе с жертвами прибудем в Ндут Лиенг Крак, нам будет запрещено ложиться

спать, чтобы душа-буйвол уснувшего человека не подверглась нападению души-буйвола жителя другой деревни.

В Сар Луке Боонг-Манг заходил в каждый дом и просил людей поторапливаться. Затем он приказал Бап Тяну выходить, но сразу вышли только гости. Жители Сар Лука еще не были готовы: им пришлось сегодня не только упаковать свой багаж, т. е. достать лучшие наряды и уложить их в заплечные корзины, но, главное, прибрать в домах, сварить завтрак, одеть детей, которых, конечно, никогда нет на месте, когда они нужны. В момент выхода кто-нибудь обязательно обнаруживает, что забыл взять что-то из одежды или что исчез его ребенок. Наконец вышли, но тут новое непредвиденное обстоятельство заставило кого-то вернуться. Таким образом, жители деревни вышли не все вместе, а небольшими партиями.

Во главе шествовал посредник. Выйдя из Сар Лука, он перед первым мостом сорвал короткую ветку *рхоонга* и дунул на нее, чтобы отогнать дурные предзнаменования, которые могут встретиться в пути. Он обмотал ветку стеблями травы и закинул в чащу леса. Хотя тропа была широкая, мы шли гуськом, и наша цепочка очень растянулась.

Через двадцать минут Боонг решил сделать длительную остановку, чтобы отстающие догнали нас и шеренга из шестидесяти пяти человек подтянулась. Солнце, к счастью, приняло участие в походе и оживило наше почти карнавальное шествие. Жалея свои лучшие наряды, люди сложили их в заплечные корзины — несли их женщины, — а на себя натянули что попало: мнонгскую и вьетнамскую домотканую одежду, европейскую привозную, но ни на одном человеке не было полного костюма. Получилось странное яркое смешение, в котором был даже зонтик. Он принадлежал Манг-Сиру Слоновая Кость, который вырядился чуть ли не уродливее всех. Как и все Тили из Бон Джа, он предпочитал импортную одежду: на нем были *тян киан* (вьетнамские штаны), европейские рубашка и куртка, на голове баскский берет (внутренний кожаный ободок его он вывернул наружу). На плечи он накинул наподобие шейного платка полотенце. Все было покрыто неописуемой грязью, что для мнонгаров редкость. Можно только

представить себе, как выглядело подобное шествие лет двадцать-тридцать назад, когда предметы импорта не проникли еще в глубь этих районов. Но не стоит сожалеть о былой живописности: время для мнонгаров не остановилось и, слава богу, их не загнали в резервации, посещаемые кинотуристами.

Наша вереница извивалась по широкой тропе, которая змеилась, делая многочисленные повороты. Тот, кто шел впереди, обернувшись, не мог видеть конца пестрого кортежа. Мужчины были вооружены куп-купами или короткими мечами, а кое-кто даже ружьями (как Тру и его помощник, например). Женщины несли за плечами корзины или малышей. Девушки шли, сцепившись мизинчиками. Дети бежали по обочине тропы. Все не спеша двигались вперед, болтали, смеялись, молодые люди затягивали песни, стараясь привлечь к себе внимание. Когда мы вышли из высокого леса, покрывающего перевал Пот Рло, откуда видно ущелье Сар Ланг, Боонг-Манг показал мне гору Нор, а Ван начал читать моление, которое собственно состояло из названий четырех гор в разных сочетаниях.

В половине двенадцатого, т. е. через полтора часа после выхода из деревни, мы достигли *миира* Ндут Лиенг Крака. Тропа проходила по всей его длине. Мы сделали остановку на берегу двух ручьев. Деревня лежала в пятидесяти метрах от нас, но она не была видна из-за повышения почвы. Кроме Бап Тяна и Анг Длинной, которым на все время церемонии было запрещено купаться, все спустились к воде. Женщины выбрали себе один ручей, мужчины направились к другому. После купания из корзин достали новую или просто чистую одежду. Женщины надели свои самые красивые юбки, блузки из белого коленкора или мнонгские туники. Что касается мужчин, то они окончательно привели в отчаяние меня, любителя местного колорита. Правда, они сняли дорожную одежду, чтобы заменить ее более нарядной, но и здесь отдали предпочтение европейскому платью. Боонг-Манг вместо *су троань* натянул штаны цвета хаки и, желая продемонстрировать свое богатство, напялил под куртку — также цвета хаки — две рубашки и пуловер. Поверх этого костюма он натянул плащ, но жара заставила его расстаться с ним. Наконец, чтобы придать законченность европейскому стилю,

Боонг надел баскский берет, черные очки, шерстяные чулки и сандалии (которые я дал ему несколько дней назад). Костюм дополняло ружье военного образца. Тру также облачился во все европейское и не забыл ружье. Для большей элегантности он нацепил отвратительно грязный галстук. Верзила Ван-Джоонг нашел, что длинные кальсоны французского военного образца изящнее домотканого пояса-передника, как бы красив он ни был. Ван-Ёнг, самый старый из приглашенных, надел великолепную *су троань,* но, увы, обулся в отвратительные солдатские башмаки, которые выглядели безнадежно уродливо на его совершенно голых длинных ногах.

В это время из Ндута пришли молодые люди, которые отводили буйволов, предложенных Бап Тяном его *джооку*. Им удалось наконец снять маленькую заплечную корзинку[31], которая была подвешена на огромной бамбуковой мачте (честь этого подвига принадлежит Крэнгу Заике), и мы смогли войти в дружественное селение. Все ближе слышались звуки, издаваемые гонгами: оркестр остановился за небольшим холмом, который скрывал нас друг от друга. Музыка еще долго играла после нашего появления в деревне.

Дочь Крэнг-Джоонга поднесла Бап Тяну и его посреднику красивую заплечную корзину с клейким рисом. Устроитель праздника сел на корточки, испрашивая доброго здоровья:

Влиятельные так повелевают!
Приходят чужеземцы.
Расчищая лес, мы дожигаем пни
И ловим рыбу, следуя заветам предков.
Друг другу отдавая сыновей
В обмен влюбленных; и брата матери им отдаем мы дочерей[32].
Пусть веялка трещит, но не порвется...

После окончания моления Боонг Помощник взял корзинку и роздал всем по горсточке клейкого риса. Этот рис съели тут же на месте. В то время как посредник раздавал рис, сопровождая это занятие незатейливыми

[31] До установки жертвенного шеста на него вешают заплечные корзинки и другие предметы. Юноши публично соревнуются в ловкости и сообразительности, стараясь снять их.

[32] В брачных обычаях мнонгаров сохраняются архаичные черты «обмен сыновьями» (так как муж поселяется у жены); предпочтителен брачный союз юноши и дочери брата его матери и т. д.

шутками, на дороге появились три девушки из Ндута, сгибавшиеся под тяжестью ноши. Несмотря на то что они хорошо нас знали, девушки прошли мимо молча и не поднимая глаз. «Они робеют оттого, что нас так много», — объяснил мне Тру.

Вынули гонги, которые нес в лоскуте один юноша, и роздали их шестерым парням. Мы направились к деревне. Во главе процессии шел посредник, следом за ним шагали *куанги* Сар Лука и других деревень, парни, бившие в гонги, и прочие жители Сар Лука, в том числе женщины и дети. Шли, как обычно, гуськом. Навстречу двигался оркестр из Ндута. Поравнявшись с нами, он остановился слева от дороги и, когда мы проходили, подстроился в хвост нашей колонны.

Люди из Ндута собрались на главном помосте Ндэха. В центре, под навесом, окруженный гостями и самыми влиятельными людьми деревни находился бывший начальник кантона. Перед каждым участником церемонии лежала небольшая кучка пищи для подношения. Обрядовый помост был слишком узок и не мог вместить всех глав семейств; те, кто победнее, стояли по обе его стороны, вдоль стен дома.

Под звуки гонгов наше шествие приближалось. Жители Ндута встали, чтобы приветствовать нас. Безукоризненно ровная цепочка *куангов* из Сар Лука и их гостей разбилась, и они начали надвигаться на людей из Ндута, опустив головы и издавая носовые звуки «гуи, гуи», подобно нападающим буйволам. Жители Ндута отвечали тем же. На местном наречии это называется *там же,* что означает «борьба с буйволом». Затем каждый из местных жителей подвел за руку одного вновь прибывшего к своей корзиночке с пищей, после чего тот становился его партнером до окончания торжества. В это время наши музыканты под предводительством Крэнга Заики совершили обрядовый круг: не умолкая ни на минуту, они несколько раз обошли вокруг высокой мачты, потом вокруг буйволов, привязанных к жертвенным столбам, мимо помоста, на котором стояли *куанги* обеих деревень и их гости. Наконец, через семейную дверь они вошли в хижину. Там их встретили вошедшие через главную дверь музыканты из Ндута, те самые, которые раньше замыкали наше шествие. Бóльшая часть пришедших остановилась в несколь-

ких шагах от помоста, где происходил обрядовый обмен пищей. Теперь среди них преобладали женщины и дети, но было и несколько мужчин, которые не получили партнера из числа местных жителей. Заметив это, Боонг-Манг сам соединил в пары жителей обеих деревень, после чего партнеры сели на корточки по обе стороны корзинок со съестными припасами. В отдалении толпились девушки и дети из Ндут Лиенга, которые, замерев от любопытства, молча пожирали глазами все, что происходило.

Церемония, начавшаяся с нашим приходом, заключалась в многократном обмене пищей: житель Ндута предлагал своему партнеру из Сар Лука бутылку *рнэма* и корзиночку с пищей (кучку клейкого риса, поверх которой лежало несколько бананов, а у тех, кто побогаче, — яйцо или кусочек свинины). Потом он подносил к губам своего гостя сосуд из бамбука или стакан с рисовым пивом и обращался к нему, приговаривая:

Ты, мяса отрезая, руку не обрежь,
Когда пьешь *рнэм,* пускай живот не сводит резь.
Пускай в обряде соломы каждом ты свинину ешь.
Пускай козлятину ты ешь там, где селение было.
Пусть вырежешь сосуды из бамбука там, где новое сложили.
Пусть завтра-послезавтра сможешь ты есть мясо;
Пусть завтра-послезавтра сможешь ты спиртное вдоволь пить.

Принимающий подношение произносил почти такое же моление и выпивал пиво. Он в свою очередь наполнял сосуд пивом с теми же пожеланиями и передавал его хозяину. Житель Ндута брал полную горсть клейкого риса, поверх которого лежал очищенный банан, а иногда яйцо или кусочек свинины, и подносил к губам своего партнера, повторяя те же моления. Тот съедал из его рук несколько зернышек риса, а затем подставлял горсть и принимал в нее пищу. В это время жена жителя Ндута подводила жену его партнера к тому месту, где их мужья совершали обмен пищей. После окончания церемонии гость отдавал жене пищу и бутылку с пивом, и она прятала их в корзинку.

Лоонг-Рау, посредник от Ндэха, принимал Боонг-Манга Помощника, своего «коллегу» из Сар Лука. Он преподносил ему напиток не в стакане, а в красивом роге буйвола с ручкой из ратана, украшенной разноцветными нитями и красными помпонами.

Тру оказался партнером деревенского старосты, который в знак уважения усадил именитого гостя на стул, к сожалению довольно шаткий. У Банг-Джиенга Беременного, «священного человека» нашего поселка, и Манг-Сира Слоновая Кость, старосты Бон Джа, — общий партнер: мой друг Кронг-Бинг.

Наш *рноом* весело расхаживал среди участников церемонии. Через плечо у него был подвешен очень красивый сосуд из одного колена гигантского бамбука длиной не меньше метра, сверху донизу покрытый резьбой и украшенный разноцветными нитями. Этот роскошный сосуд ему преподнес, согласно обычаю, коллега из местных жителей. Пиво пили, потягивая его через прямую трубочку, слегка выступавшую над краем сосуда.

Около часа дня Лоонг-Рау поставил на помост между дверью и навесом *янг дам* с рисовым пивом. Оно предназначалось для его коллеги из Сар Лука. Мне объяснили, что это вознаграждение за то, что посреднику пришлось дуть в листья *рхоонга.* «Рнэм для осушения пота посредника» пьют без каких бы то ни было церемоний или священных стихов.

Ндэх взвалил себе на спину Бап Тяна, что вызвало бурный смех присутствующих. Это традиционный акт, предписываемый обычаями предков, в обычное время не принято развлекаться подобным образом. Ндэх переступил порог, опустил своего друга на землю и за руку подвел к нарам в глубине помещения. Оба посредника вошли вслед за ним, но остановились рядом с опорным столбом, напротив двери, около которой уже были приготовлены курица и маленький кувшин без горлышка для помазания ног кровью. Они обратились к духам с мольбой о том, чтобы праздник прошел весело и все были здоровы. В это время Боонг-Манг вставил трубочку в *янг дам.* Он взял куриную голову с раздробленным клювом и стал водить ею по ногам жителей Сар Лука, в том числе их гостей и юношей, приведших утром буйволов для жертвоприношения. Вскоре звуки гонгов не в силах были заглушить гул голосов и смех толпы, заполнившей дом. Праздник начал походить на нашу ярмарку: принарядившиеся люди, оживившиеся под воздействием алкоголя, красиво убранная гостевая с двадцатью пятью кувшинами, развешанными от одного чердака до другого, предвкушение попойки были спо-

собны вызвать улыбку даже у самых печальных. После помазания ног каждый входивший житель Сар Лука шел за своим партнером из Ндута к заранее открытому и наполненному водой кувшину.

Закончив обряд помазания ног, посредники присоединились к Бап Тяну и Ндэху, сидевшим на нарах. Хозяйка дома поставила перед четырьмя мужчинами блюдо с меандровым узором, на котором лежала огромная лепешка из перебродившего толченого риса — он служил основой для приготовления *рнэма*, — и домодельную пиалу с пивной бардой, которую она наливала из большого старинного кувшина, подвешенного к зубцу резного шеста на внутренней перегородке. Бап Тян передал Боонг-Мангу, сидевшему слева от него, большую вьетнамскую пиалу, наполненную очищенным рисом, тот подержал ее над лепешкой, а потом преподнес Лоонг-Рау, сидевшему напротив. Лоонг-Рау передал ее своему соседу справа — Ндэху. Затем все четверо, обеими руками поддерживая пиалу с рисом над лепешкой, объявили, что совершают приношение перебродившего риса и что вскоре они заколют двух буйволов. Они просят духов, чтобы все присутствующие были здоровы и чтобы до конца торжества царило согласие. Затем они опустили пиалу с рисом на блюдо, каждый взял щепотку пивной барды и помазал рисовую лепешку. Анг Длинная унесла лепешку, а жена Ндэха — пиалу с очищенным рисом. Пока происходила эта церемония, женщины ели, сидя на нарах, неподалеку от четырех мужчин.

Внезапно хижина наполнилась гулом голосов: около каждого кувшина хозяин и гость читали моления, в то время как гость вставлял трубочку в кувшин. Бап Тян, Ндэх и их *рноомы* спустились с нар и сели на корточки около обрядовой перегородки, вдоль которой были развешаны кувшины. Оба посредника поместились около левого кувшина, а два друга заняли места перед большим старинным кувшином, прикрепленным к зубцу центрального шеста (правый кувшин уже был начат Крэнг-Джоонгом, деверем Бап Тяна, получившим его от Нгэ-Доонга, старшего брата Ндэха). Бывший начальник кантона передал одну трубочку своему *джооку*, а другую — его будущему зятю Сраэ-Джангу. Все вставили трубочки в кувшины и прочитали моления. «Мы прино-

сим в жертву двух буйволов и большой кувшин с пивом, так пусть же все будут в добром здравии и вообще все будет хорошо» — таково в общих чертах их содержание.

Затем Лоонг-Рау поднялся, и мы начали обходить кувшины. Все должны были сделать хотя бы по одному глотку из каждого из двадцати пяти кувшинов. Мы начали с кувшина, подвешенного к зубцу последнего столба, постепенно дошли до кувшинов, расположенных под чердаком, и даже приблизились к нарам, чтобы попробовать пива из *янг дама*, который бывший начальник кантона преподнес до начала церемонии Банг-Джиенгу Беременному и его зятю. Пиво пили стоя, втягивая по нескольку глотков через трубочку, полученную от впередистоящего. Так трубочки всех кувшинов переходили из рук в руки. Все гуськом медленно продвигались вперед. По обычаю, за посредником Ндэха должен был пить посредник Бап Тяна, потом оба друга, *куанги,* а за ними мужчины, женщины и дети из обеих деревень. Мое присутствие несколько нарушило этот порядок: я шел непосредственно за Лоонг-Рау, за мной Тру, потом Боонг Помощник, далее все остальные.

Когда все кувшины были опробованы, каждый возвратился к своему кувшину, и началась великая попойка. Толпа заполнила не только огромные гостевые Ндеха и его соседа, но и помещения под чердаками, где в основном располагались женщины. Из-за отсутствия места там тоже пришлось подвесить несколько кувшинов. В обоих *хих намах* негде было повернуться. Около каждого кувшина находилось не меньше двух партнеров, один пил, а другой ожидал своей очереди, подливая воду в кувшин — впрочем, очень часто за уровнем жидкости поручали следить ребенку или подростку. Разговор не смолкал ни на минуту, даже тот, кто пил, принимал в нем участие. Первым пил гость, он должен был высосать определенное (всегда четное) количество порций *рнэма*, после чего уступал место жителю, который выпивал столько же. Потом трубочка снова переходила к гостю, и так до тех пор, пока эта пара не уступала свое место следующей. Порция, которую надлежало выпить каждому, была довольно велика, поэтому время от времени кто-нибудь из тех, кто в данный момент высасывал *рнэм,* наполнял при помощи трубочки этим напит-

ком стакан или бамбуковую трубку и предлагал кому-нибудь из присутствующих. «Обмен пивом» не имел никакого обрядового значения, он просто являлся поводом, чтобы пошутить и поболтать, а когда алкоголь произвел уже достаточное действие, то и попеть. Легко себе представить, какой гвалт стоял в помещении, куда втиснулось человек полтораста и где около каждого кувшина располагалось по двое, по трое, а то и по четыре человека.

Изобилие алкоголя и бурное веселье, царящее на подобных торжествах, далеко не безопасны, и нужно было предотвратить возможные неприятности. Полицейские обязанности, разумеется, взял на себя посредник.

После двухчасовой попойки Лоонг-Рау поднялся, наполнил пивом празднично украшенный рог с ручкой и преподнес его Боонг-Мангу, но тот отказался от подарка и даже не встал с деревянной скамьи. Тогда Лоонг направился к Мангу из Бон Джа, но тот тоже стал уверять, что недостоин такой чести. Посредник обратился к Ван-Ёнгу, но тот воскликнул:

— Это должен сделать Боонг Помощник, а не такой бедняк, как я!

— Но ведь Боонг-Манг отказался.

— Ну, а я не умею этого делать.

Лоонг-Рау осталось только обратиться с настойчивыми просьбами к Кронг-Нге, и покладистый староста селения Ндут взял рог.

Посредник стал на нарах во весь рост, так чтобы все хорошо его видели, и начал что есть силы выкрикивать торжественную речь *пранг бал*, размахивая мечом в ножнах, к которому был подвешен за лапки цыпленок.

— Эй, вы все! Дети и сосунки, седовласые мужи и старики, слушайте внимательно: не спорьте, не лайтесь, не деритесь, не хватайтесь за палки и дубинки. Пейте вволю, ешьте вволю, пойте, бейте в гонги, выгнутые и плоские... Пусть все будет красиво и радостно. Но если кто моих советов не послушается, пусть пеняет на себя: тот, кто начнет задираться или полезет в драку, будет иметь дело со мной.

В это время староста Ндута обходил гостей и каждому предлагал втянуть через трубочку по глотку из рога, висящего у него через плечо. А Лоонг-Рау, стоя на нарах, в подтверждение каждого своего слова делал

взмах мечом, на котором болтался и отчаянно пищал несчастный цыпленок. Кранг-Дрым подошел к посреднику и резким движением сорвал цыпленка, что вызвало оживление среди жителей Сар Лука: цыпленка зажарят и отдадут им. Все это продолжалось не больше десяти минут и никоим образом не помешало попойке.

Около половины восьмого, когда уже темнело, посредник Лоонг-Рау вышел из хижины. В руках у него была плетеная коробка с меандровым узором, наполненная шафранным рисом [33]. Он взобрался на обрядовый помост, тянувшийся от главной двери к жертвенным шестам, — к ним были привязаны буйволы, присланные утром Бап Тяном, — сел на корточки и пригоршнями стал бросать шафранный рис на крышу хижины и на обе жертвы, спокойно стоявшие у жертвенных столбов. Он обратился к духам:

О дух земли,
О почвы дух,
О дух окрестных мест,
О дух листвы,
О дух растений всех,
О нити дух,
О прялки дух,
О дух равнин,
О дух долины, —
Я к нам зову вас всех!
И вы — о дух дверей,
дух ложа,
дух начала дня,
дух ясности луны,
И дух заката солнца —
Вас зову я тоже.

Гулко звучавшие строфы священных стихов следовали одна за другой. Вся сцена, освещавшаяся простым светильником из древесной смолы, производила очень торжественное впечатление.

Через сорок пять минут началось грандиозное представление в стихах — песня о буйволах *тонг рпух*. Манг-Доонг, зять Ндэха, взял бамбуковый сосуд, в который было налито пиво понемногу из всех кувшинов. При свете небольшого соснового факела, который дер-

[33] Шафранный рис — полувязкий рис желтоватого цвета (цвета шафрана), чаще всего употребляемый для обрядового угощения и при жертвоприношениях. Кроме того, автор называет так белый рис, к которому добавлены кусочки шафрана.

жал один из *джооков,* он проскользнул между краем крыши и жертвенными шестами, взобрался на обрядовую перегородку и сел между жертвами. Несколько юношей и девушек, знающих старинные песни, протиснулись вслед за ним, чтобы лучше слышать. Острые языки пламени, испускаемого смолистыми палочками, ярко освещали склонившуюся фигуру певца с бамбуковым сосудом в руках, головы буйволов, окруженные великолепными венками из растений, и разнообразные украшения на жертвенных столбах. Пламя выхватывало из темноты то грузные тени буйволов, то легкие и пластичные очертания украшений. Оно трепетало на ветру, и тени метались, меняли форму, делались то больше, то меньше, люди и предметы исчезали, вновь появлялись, и казалось, что все это кружится в танце. Манг окропил лоб Почтенного Краэ, одного из буйволов, присланных Бап Тяном. Голос певца постепенно нарастал. Достигнув самой высокой ноты, он плавно перешел к мифическому повествованию о подвигах первых людей:

Мы привязываем буйвола у камня там, в глубине; великолепно.
Мы привязываем буйвола у баклажанов там, в глубине;
великолепье.
Мы привязываем буйвола у горького паслена там, в глубине
Пот-Танг;
Мы привязываем буйвола у ростков бамбука там, в глубине;
да отверзнется.
Приблизьтесь вы, кто подает здесь *рнэм* прекрасный,
Приблизьтесь вы, кто подает здесь *рнэм* чудесной прелести.
Подайте суп матери сороке, поднесите спиртного в кувшине
нтанг.
Подайте суп отцу дрозду и поднесите спиртного в роге обрядовом.
Служите Е, свой выполняя долг, готовьте украшения — пучки
фазаньих перьев,
И Ёнг, погружая в горла сосудов трубки толстые,
И Е, втыкая листья пальмы *сра* (у рамы двери) [34]...

---

[34] Очень трудно сохранить в переводе красоту этих своеобразных песен. Это объясняется не только исключительной музыкальностью местного наречия, но и тем, что под лаконичной формой стихов скрывается глубокий мифологический смысл, объяснение которого потребовало бы очень пространных отступлений, что полностью уничтожило бы их выразительность и звучность, которые так волнуют собравшихся мнонгаров. Одно из мифических песнопений мнонгаров посвящено потопу. В другом мифе говорится о бесплодных попытках первых людей совершить жертвоприношение. Не имея буйволов, они пытались принести в жертву растения. Второй рассказывает о первых *рноомах,* которые прислуживали мифическим предкам — сороке, дрозду, Е, Ёнг. — *Прим. автора.*

Не прекращая пения, Манг время от времени кропит пивом лоб животного: постепенно пение оказывает свое действие, и Почтенный Краэ ложится. Но зять Ндэха не может добиться того же и, утомившись, передает бамбуковый сосуд соседке, которой удается околодовать второго буйвола. Мы возвращаемся в помещение, где по-прежнему царят веселье и шум.

27 октября

Ранним утром у Ндэха раздались звуки висячего барабана и гонгов. Музыка подняла на ноги тех, кто еще не проснулся. В половине седьмого утра люди снова начали тянуть пиво из различных сосудов. Впрочем, большинство пирующих вовсе не смыкало глаз или подремало совсем немного, а *джоок,* как и должен, оставался на ногах всю ночь. Еще до рассвета жители Сар Лука стащили у хозяина дома двух кур и съели их, чтобы показать, на что они способны.

В большом старинном кувшине, подвешенном к зубцу последнего столба чердака, что напротив семейной двери, проделали отверстие и при помощи трубки перекачали пиво в огромный металлический чан. Ду-Пханг, «священный человек» из Ндута, зарезал курицу над пиалой, наполненной пивной бардой. Он вынес чашу и помазал буйволам лбы, потом остановился перед последней площадкой чердака и монотонно прочел «обращение духов к чреву *падди*», окропляя кровавой бардой перегородку чердака.

Буйволы по-прежнему стояли около жертвенных столбов. Боонг-Манг с мечом в руках подошел к тому, что стоял справа, и, подпрыгнув, нанес ему внезапный удар под коленные чашечки передних ног. Животное тяжело упало, заваливаясь назад и тщетно пытаясь брыкаться. Оно задело другого буйвола, которому в то же время наносил удары Манг-Доонг, зять Ндэха. Вне себя от ярости и боли, буйволы бились вокруг столбов, упираясь окровавленными обрубками и обдавая присутствующих грязью, смешанной с навозом и кровью. Манг размахивал над головой обнаженным мечом и в конце концов вонзил его по самую рукоятку в бок буйвола, стараясь попасть в сердце. К несчастью, животное упало на правый бок и залило кровью землю. Старый Крах заколол второго буйвола. Все бросились к буйволам,

чтобы заткнуть пучками травы кровоточащие раны. Первый буйвол издал предсмертное мычание. *Рноом* подбежал к нему и из калебасы[35] влил в окровавленные ноздри воду: надо помешать буйволу реветь.

Оба буйвола были мертвы. Хозяйка дома положила на головы жертв «погребальные дары»: большие вьетнамские пиалы, юбки, набедренные пояса-передники, покрытые вышивкой (они изготовляются специально для *там боха*) и прялку... Женщина взяла ее и повертела рукоятку над головой одной из жертв, взывая:

Не страшитесь меня, не покидайте нас,
О души буйволов и души кувшинов!
Пускай и в будущем смогу я вдоволь мяса есть
и пить спиртное...

Между брюхом и задними ногами буйволов хозяйка поставила дорогой *янг дам*. В это время ее деверь срезал стебли травы, украшающие рога животных.

Внутри хижины *куанги* пили из стаканов пиво, которое наливали из чана. «Священный человек» продолжал молиться, обратившись лицом к чердаку.

Молодой человек из Сар Лука, Кранг-Дланг, отрезал у мертвых животных хвосты. Боонг-Манг хотел обтянуть кожей с них барабанные палочки и следил за тем, чтобы были отрезаны только волосатые кончики. Другие юноши отрезали у буйволов мошонку. В запеченном виде она является настоящим лакомством, из-за которого дерутся мальчишки. Остатки половых органов натянули на деревянные рога, украшающие жертвенные столбы. Через отверстие, проделанное в паху животных, вытащили внутренности, и малыши потащили их к реке, чтобы промыть.

Через несколько минут после смерти буйволов молитва закончилась и *куанги* продолжали пить. Женщины расположились на нарах в глубине помещения. Там были расставлены корзиночки с рисом и большие чаши с дымящимися овощами. Прежде чем есть, каждая женщина обмыла правую руку водой из калебасы.

Заклание животных, хотя и являлось центральным событием праздника, заняло очень мало времени. Веселье продолжалось. Крэнг Заика, как всегда, был в форме и предложил девушке, исполнявшей обязанности

[35] Калебаса — сосуд из тыквы.

рноома Ндэха, соревноваться в том, кто больше выпьет. Девушка, однако, умела пить не хуже Крэнга, и исход поединка долго оставался неясным.

В двадцать минут десятого *куанги* вышли на маленький открытый помост перед семейной дверью. Они сели на корточки вокруг большого металлического котла и блюда, на котором стояло несколько бамбуковых сосудов с выжженным узором. Тут же находился чан с пивом, большая корзина с клейким рисом и чаша с нарезанной кружочками вареной требухой, покрытой подозрительными пятнами. Большой котел был наполнен зеленоватым супом, в котором плавали кружочки требухи. Чтобы сделать его вкуснее, один из молодых людей подсыпал туда перцу и душистых трав.

Снова начался обмен пищей и повторялись те же пожелания. Но вчера обмен происходил между определенными парами, а сегодня Ндэх один давал пищу и напитки своим и чужим *куангам* и получал от них. Прежде всего он отдал дань уважения своему *джооку*: поднес к губам Бап Тяна сосуд с *рнэмом* и положил ему в руку горсть клейкого риса с тремя довольно грязными кружочками требухи. Бап Тян поцеловал рис и сделал вид, что кладет несколько зернышек в рот, потом произнес вместе с Ндэхом пожелание, принял подношение и передал его своему второму сыну, наблюдавшему за этой сценой. Бап Тян в свою очередь преподнес своему *джооку* сосуд с напитком и горсть риса с требухой. Затем Ндэх обошел всех *куангов*, и каждый высказал пожелание:

Съедим цыпленка сообща,
Спиртного выпьем сообща...

Разумеется, как этнограф, я не мог не принять участие в церемонии и в трапезе. Меня удивлял и даже беспокоил странный вкус этого варева из требухи, и Кронг-Бинг подтвердил мою догадку: «Это всего-навсего дерьмо буйвола». Действительно, только толстая кишка была промыта, а желудок и прочие органы со всем содержимым были сложены в огромный металлический котел, залиты водой и приготовлены «по-мнонгски».

Все ели, пили, шутили. Тру поддразнивал своего «брата» Кронг-Бинга и его *джоока* Манга из Бон Джа, которые вскоре совершат обменное жертвоприношение.

Тру говорил мне нарочно громко, так чтобы слышали все на помосте: «Знаешь, Йо, они действительно могущественны. Каждый принесет в жертву по три буйвола». Кронг Коротышка кричал со смехом: «Ой, врет!», а староста Бон Джа старался мне растолковать: «Не слушай его, Йо. Это все враки, враки!» Как только Тру повторял свои шуточки, Манг подскакивал и горячо ему возражал.

Мне рассказали, какие прозвища у *куангов*. Старосту Бон Джа, например, называют Манг-Сир Слоновая Кость. Те, кто сидел рядом и слышал эти объяснения, завели шутливые песенки, высмеивающие *куангов*. О Бап Тяне, прозванном Танг-Дам-Тланг, пели такую песенку:

Танг Почтенный Ястреб!
Похититель чужих жен.
Все ищет Сумасбродку Ёнг,
Кем сын его — Банг — рожден.

Бап Тян бурно протестовал: Ёнг Сумасбродка — названая маменька [36] жены, следовательно, между ними не может быть любовной связи, в этом отношении табу соблюдается очень строго. Ёнг Сумасбродка через несколько лет после смерти мужа родила «дитя любви» (выражение, принятое у мнонгов), и мне рассказывали, что отцом маленького Банга считается Боонг Помощник. Приписывать отцовство Бап Тяну — нечто чудовищное, но намеки на нарушение табу и любовную связь с тещей или невесткой — излюбленные шуточки мнонгаров.

Около десяти часов утра молодые люди приступили к разделке туш буйволов, а на помосте по-прежнему пировали и веселились. Во многих других хижинах также открывали кувшины. Зять Кронг-Бинга вспрыснул приход родственников своей жены, — она родом из Нёнг Браха, — а мой *джоок* в той же гостевой угощал пришедших с ней женщин — Анг-Сиенг и Джоонг-Сиенг. Мне пришлось выслушать подробный рассказ о пятнадцати буйволах, принесенных Кронгом Коротышкой в жертву за всю его жизнь.

Раздачей мяса лично руководил бывший начальник кантона. Лучшие куски он отдал гостям, от которых

---

[36] Названая маменька — сестра матери или молочная мать, по положению в семье почти не уступающая родной. Тот, кто жил при ней, пользовался вниманием всех родственников.

раньше были получены такие же подношения, или тем, с кем налаживал взаимный обмен «дарами». Два куска остались неприкосновенными: правая лопатка для Бап Тяна и большой кусок вырезки для посредника Лоонг-Рау в качестве вознаграждения.

В половине третьего на главный помост с навесом вынесли маленький кувшин без горлышка с *рнэмом* для «заключительного обмена пищей». То ли все устали после бессонной ночи, то ли пиво стало менее крепким, но обряды выполнялись очень вяло. Как того требовал обычай, вынесли все подарки, поднесенные Ндэхом своему другу, с которым они обменялись клятвами. Эти подношения представляли собой набор разнообразных украшений, одежды, инструментов и даже посуды. Но в отличие от используемых в быту вещи были выполнены очень тщательно, а некоторые имели художественную ценность: одни были сделаны из плетения с черным рисунком по белому фону, другие привлекали глаз разноцветными нитями. Среди подарков можно было увидеть предметы обрядового назначения: например, маленький набедренный пояс-передник из узкой полосы ткани с черно-белой вышивкой, окаймленный двумя красными полосками. Хозяйка дома возложила его на труп буйвола как погребальный дар, а потом подвесила к жертвенному шесту. Эти *су троань динг дор* всегда великолепно выработаны, их ткут специально по случаю обменного жертвоприношения.

Потом принесли красивый рог с ручкой, наполненный рисовым пивом. Бап Тян, Ндэх и его старший брат Нгэ-Доонг держали над ним, зажав в кулак, несколько маленьких кусочков сердца буйвола, несколько крупинок риса и крошечные кубики, вырезанные из луковицы магического растения *падди*.

Все трое произносили заклинания:

Пусть буйволы приходят справа к нам,
Пусть *падди* к нам приходит слева,
Пусть будут дети, которых сможем мы прижать к груди,
Пусть не случится так, что вдруг сбегают души,
Из-за чего ты вдруг становишься рабом,
Из-за чего ты вдруг теряешь слух.
Вы, души буйволов, задержитесь хоть на вершине *рла*.
Душа *падди*, ты задержись хоть на усиках колоса;
Кувшины Нто, кувшины Нта пусть в ряд стоят
вдоль всей стены жилища.

Братья разжали кулаки, так что их содержимое упало в рог, и внимательно присмотрелись к тому, что там происходило. Все брошенное пошло ко дну. Бап Тян тоже разжал горсть. Хорошее предзнаменование! Кусочки сердца, крупинки риса и куски магического растения погрузились на дно. Братья поднесли рог к губам Бап Тяна, и под неистовые крики присутствующих и их завывания он одним духом осушил огромную дароносицу. Бап Тян не только проглотил два или три литра пива, но и съел зернышки риса и кусочки сердца и растения, лежавшие на дне сосуда. Потом оба *джоока* кормили друг друга клейким рисом и мясом буйвола, принесенного утром в жертву.

Появился Лоонг-Рау с узким ремешком из кожи буйвола в руках. Он накинул его на шею Бап Тяна, делая вид, что собирается задушить его. При этом он, смеясь во все горло, угрожал *джооку* разными карами, если тот нарушит свою клятву. Остальные *куанги* в это время кричали и завывали.

Постепенно все, захмелев, начали расходиться небольшими группами. *Рноом,* нагруженный подарками его хозяину, передал огромный с выжженными узорами сосуд с пивом одному из друзей. Время от времени Манг-Сир Слоновая Кость спускался, пошатываясь, с помоста и вытягивал из рога несколько глотков. Когда Бап Тян уходил, в его честь звучали тамтамы.

Возвращались навеселе, выписывая ногами зигзаги, и совсем забыли о существовании тигров.

●

Мы пришли в Сар Лук около половины пятого. Опередившие нас юноши подготавливали главную обрядовую мачту, хотя в основном ее украшение было уже закончено: верхушку венчала фигура птицы, на высоте трех четвертей мачты виднелась пара деревянных рогов и две большие изогнутые пальмовые ветви, распростертые в виде огромных крыльев, к которым были прикреплены разноцветные нити и деревянные дощечки. При малейшем порыве ветра дощечки вибрировали и издавали нежные звуки.

У основания каждого колена гигантского бамбука просверлили отверстие и влили туда ужасную смесь, ко-

торую юноши приготовили, растерев в ступке. Она состояла из *паэ тро* [alocasia(?)] и коры лиан *манг блиер*. Полученное вязкое месиво разбавили водой и добавили в него целый сосуд протухшей свиной крови, которая придала смеси омерзительный запах. Бамбук сверху донизу смазали свиным салом и опалили, от чего он приобрел блеск и стал очень скользким. Но это еще не все: один из юношей влил в каждое отверстие настойку из дикого перца, а его листьями натер деревянные рога и верхушку мачты. Мне объясняли, что эта «мазь» въедается в покрытую потом кожу, вызывая у человека невыносимый зуд.

Наконец, отверстия обернули плотно свернутыми полосками *манг блиера,* а в нижней части ствола заткнули ратановыми пробками.

Тро-Джоонг начал копать яму для мачты. Боонг-Манг выбрал место напротив маленького помоста, но Бап Тян даже подскочил от негодования: «Здесь копать запрещено!» — и сам указал подходящее место между двумя помостами. Неподалеку два юноши зарезали поросенка, разделали его и поджарили на вертеле.

На главный помост под навесом вынесли чан с *рнэмом,* перелитым из маленького кувшина без горлышка, блюдо, на котором стояла корзинка с клейким рисом, котел со свиной требухой, курицу, зарезанную одновременно с поросенком, кусочки магического растения прохладника, литр вьетнамской водки, подаренный Ндэхом, три сосуда для питья и домодельную пиалу с пивной бардой, перемешанной со свиной и куриной кровью. В маленькую корзинку — *киу* — сложили клейкий рис, яйца, три банана и свиную требуху и подвесили ее к рогам, украшавшим мачту. Гости Бап Тяна и жители Сар Лука поднялись на обрядовый помост. Мертвецки пьяный Боонг-Манг был не в состоянии держаться на ногах, и Крэнг-Джоонгу пришлось его заменить. Он надел обрядовый пояс-передник, который ему подарил месяц назад его друг Чонг-Ёнг во время обменного жертвоприношения.

Прежде всего Бап Тян предложил мне, Крэнг-Джоонгу и Тру вьетнамской водки. Юношей попросили поиграть, и тотчас же раздались звуки барабана и гонгов. Согласно обряду, Бап Тян стал читать моления и угощать нас *рнэмом.* Он начал с Крэнг-Джоонга, заменив-

шего упившегося распорядителя, потом преподнес пиво Бангу Беременному, другому «священному человеку». Тру вежливо уступил мне свою очередь, после него пили почетные гости, потом Банг Олень. Каждый вручил Бап Тяну свое приношение.

Внезапно большой столб огня осветил двор. Огромная мачта лежала на куче веток так высоко, что пламя выхватило из темноты только рога и гигантские крылья, а верхушка ее, увенчанная птицей, осталась в тени. Музыканты с гонгами вышли из хижины и обошли вокруг мачты. *Куанги* тоже поднялись и, взяв по щепотке кровавой пивной барды, уселись на корточки вдоль мачты. Они окропили ее и вознесли моление:

Не говори со мною так сердито,
Не сокруши меня своею злобой.
Служа тебе,
Мы поступаем так, как наши предки некогда,
как наши пращуры когда-то,
как пращур первый в древности седой.

Пока *куанги,* по-прежнему сидя на корточках, молились, шесть музыкантов прошли мимо них, заглушая звуками гонгов бормотание молящихся. Они обогнули основание мачты и пошли вдоль ствола, но оставили в стороне место, приготовленное для мачты.

Закончив молитву, *куанги* поднялись. В то же мгновение люди бросились к мачте. Подбадривая друг друга криками, они старались поставить ее. Те, кто находился у подножия, толкали мачту руками, остальные силились поднять ее при помощи бамбуковых подпорок, перекрещенных в виде буквы «х». При каждом толчке все хором испускали дикий вопль, заглушавший гонги. Тро-Джоонг стоял по другую сторону ямы, приготовленной для мачты. Он держал доску, по которой гигантский бамбук должен был соскользнуть вниз. Гонги не умолкали ни на минуту, их громкие звуки отчетливо раздавались между возгласами мужчин: «Хо! Хис!» Свет выхватывал из темноты ствол и дрожащие «руки» мачты, выпрямлявшейся рывками. Наконец она приняла вертикальное положение, будто на секунду замерла, а потом провалилась в яму. Все ликовали. Четыре человека поддерживали мачту, чтобы она не покосилась, а остальные засыпáли яму. Музыканты обошли вокруг мачты, кото-

рая, вздрагивая в темноте, возвышалась над их головами.

Бап Тян и два других «священных человека» направились к жертвенным столбам, для которых еще днем были вырыты ямы. Хозяин дома бросил в них клейкий рис, свиную требуху и кусочки прохладника, произнося при этом:

Сажаем тебя, о предок, колючий Тут,
Мы тянем нити в подземный мир,
Погружайте же корни навстречу им.
Погружайте предка-пращура,
Погружайте колючий Тут.

К молитве он добавил несколько строф, в которых просил защитить его от несчастного случая.

Рноом обернул корой стволы, покрытые шипами, чтобы поставить их в приготовленные ямы, обведенные кожаной петлей. Крэнг-Джоонг окропил кровавой пивной бардой каждый столб, а Банг Беременный — обрядовую перегородку. Они произнесли то же моление, что и Бап Тян.

В это время оркестр из гонгов восемь раз обошел вокруг большой мачты, а потом (все время двигаясь против часовой стрелки) вокруг жертвенных столбов и помоста, где собрались *куанги*. Затем оркестранты через главную дверь вошли в хижину. Под навесом Бап Тян, читая все то же моление, преподнес своему шурину пригоршню клейкого риса, на котором лежала свиная требуха, и ножки курицы, принесенной в жертву. Он совершил обрядовый обмен пищей со всеми *куангами*. Все пили и ели, но в конце концов усталость взяла верх и заставила всех разойтись.

28 октября

Парни закончили приготовления к празднику. Вскопанную накануне землю у подножия мачты полили так, что она превратилась в грязь. Ее разрыхлили мотыгой и «сдобрили» остатками из кувшинов. От прокисшей пивной гущи разнеслась тошнотворная вонь (в жидкую грязь добавили навоз буйвола). Вокруг каждого столба старый Крах вкопал несколько крепких кольев.

В семь часов утра Бап Тян роздал клейкий рис и бананы своим гостям, главам семейств Сар Лука, — всем тем, кому предстояло встретиться с партнерами из

Ндут Лиенг Крака. Те должны были принести для обрядового обмена пищей только кувшины с рисовым пивом. Затем Бап Тян разрубил на куски и разделил зарезанного накануне поросенка: одну лопатку он дал начальнику кантона и его помощнику, другую — Банг-Джиенгу и Тяну, окорок — Бангу Оленю. Джоонг-Крэнг, которой он дал хороший кусок, возвратила его с недовольным видом и взяла кусочек поменьше: партнер из Ндута дал накануне ее мужу маленький кусочек свинины. «Ну, а если эти люди не знают обычаев, то и нам незачем быть щедрыми. Нужно давать ровно столько, сколько ты сам получил, ни больше, ни меньше!», — добавила она, поджав губы.

Каждый принес Бап Тяну кувшин с *рнэмом*, это единственный взнос, необходимый для участия в празднике. Гости покупали их у жителей Сар Лука за пять или десять пиастров, в зависимости от размера кувшина. Люди стали около своих кувшинов, стараясь быть поближе к друзьям или к весельчаку, известному своими остротами и песенками.

Наконец в десять минут десятого привели двух буйволов — Почтенного Баэ и Почтенного Мока. Их прислал бывший начальник кантона, а привели молодые люди из Ндута и *рноом* Ндэха — Ниант, юноша из нашей деревни.

Осыпаемые шутками жителей Сар Лука молодые люди кинулись к мачте. При помощи заранее приготовленных шестов они вытащили из отверстий в кольцах бамбука ратановые пробки, и оттуда потекла тошнотворная вязкая жидкость. Значительно труднее было освободить отверстия наверху: приходилось привязывать к шесту короткий меч, всовывать его в узел из лиан и перерезать его. И все это для того, чтобы зловонная жидкость стекла по мачте, вызывая зубоскальство всех присутствующих. Потом собравшиеся, изощряясь друг перед другом, пытались обтереть мачту: они сплетали из листьев что-то вроде венка, надевали его на шест и водили им по верхней части мачты. И вот один юноша бросился на приступ мачты[37]. Он цеплялся за нее рука-

[37] Доставание приза со столба — наиболее распространенный вид состязания, являющегося частью древнего обряда. Считается, что чем быстрее приз снят, тем удачливее будет год.

ми и ногами, но ствол бамбука был так скользок, что ему удалось подняться не больше чем на метр, после чего он под улюлюканье зрителей шлепнулся в грязь. Вышел другой, изо всех сил натер мачту песком и устремился вверх, но добился немногого и тоже был осыпан насмешками. Сделал попытку третий, потом снова первый... Толпа следила за состязанием с напряженным вниманием, гогоча и издеваясь над его участниками.

В это время *рноом*, Крах и два или три юноши надели на буйволов уздечки. Старый Крах привязал к фигурке человечка, вырезанной на верхушке каждого столба, конец шнурка из красных и белых нитей, а другой конец продернул сквозь соломенную крышу, пользуясь кусочком бамбука как челноком; и привязал к боковой перекладине чердака. По шнурку должен пройти дух *падди*, чтобы присутствовать при жертвоприношении и на торжестве. Как только Крах привязал шнурок, раздалась барабанная дробь, которая привлекает внимание духов и призывает их. Вскоре из хижины послышались звуки гонгов.

Молодые люди из Ндута один за другим штурмовали мачту, несмотря на то что кожа у них на руках и на ногах была разъедена до крови различными снадобьями, приправленными перцем, которые стекали по стволу гигантского бамбука. Участники состязания с боем брали каждый сантиметр, и зрители следили за ними с неослабным интересом. Насмешки слышались все реже и реже. Наконец к половине одиннадцатого Тангу, самому молодому из состязателей, удалось достигнуть *киу*. подвешенной к «рогам» мачты, и под аплодисменты присутствующих усесться на них. Он тут же преспокойно принялся за банан и яйцо, которые достал из *киу*, затем отвязал корзинку и спустился на землю. Он роздал товарищам еду, оставшуюся в *киу*, а корзину подвесил к мачте, чтобы после окончания торжества принести в качестве трофея в свою деревню.

Все юноши из Ндута пошли на речку купаться. Там они встретили молодых людей из Сар Лука: как только Танг выиграл состязание, они нагрузились кувшинами и огромными бамбуковыми сосудами длиной в несколько метров, чтобы наполнить двадцать семь кувшинов с *рнэмом* и почти столько же пустых кувшинов и больших котлов для хранения воды. Когда все было готово, каж-

дый подошел к своему кувшину и влил в него одну или две бутылки спиртного для церемонии приветствия.

Уже давно наступила ночь, когда Боонг Помощник решился пойти звать духов. Он взял плетеную корзинку, наполненную шафранным рисом, маленькую домодельную пиалу с кровавой пивной бардой и поднялся на обрядовое возвышение между крытым помостом и жертвенными столбами. Внезапно возникла драка между Тяном, сыном хозяина дома, и его партнером Манг-Доонгом, зятем *джоока.* Я и не предполагал, что Тян такой здоровяк. Правда, его силы удесятерились под воздействием *рнэма.* Один из «священных людей» Ндута, Ду-Панг, попытался защитить лежавшего Манга, но Тян и его одним ударом кулака свалил на землю. Та же участь постигла и Танга Ученика, сына Ду-Панга. Драка происходила около главного помоста. Крики Тяна и его противников привлекли зрителей, и скоро дерущихся окружила целая толпа. Анг Слюнявая, увидев своего брата в таком состоянии, разразилась отчаянным ревом и упала на землю. Анг Длинная (она хозяйка дома!) обрушила на нее град затрещин, восклицая: «Плакать табу! Плакать табу!». Старая Джоонг-Крэнг и другие женщины старались удержать Тяна, и в конце концов им удалось угомонить его. Манг-Доонг подошел к нему и сказал: «Мы просто пошутили, пошутили!» Но он получил серьезные оплеухи и, не выдержав, разрыдался. Сразу же вокруг поднялся крик: «Табу плакать! Плакать табу!» Разъяренный Бап Тян, дрожа от бешенства, отчитывал своего сына, награждая его всеми нелестными эпитетами, которые приходили ему в голову. Вокруг места недавнего побоища собрались любопытные, но не так уж много, большинство гостей продолжало пить как ни в чем не бывало. Но вот все успокоились, зеваки возвратились в дом, и попойка пошла своим чередом.

Боонг Помощник наблюдал за дракой, сидя на возвышении. Теперь он мог наконец приступить к исполнению своих обязанностей. Он бросил несколько пригоршней шафранного риса в трех направлениях: на крышу, на буйволов и за спину, потом окропил щепоткой пивной барды верхушку одного из бамбуковых шестов, украшавших каждый столб на его возвышении, и начал читать моления:

О дух земли!
О почвы дух!..

Едва он дочитал свою длинную молитву, как снова поднялся невообразимый шум, на этот раз внутри хижины. Тян, вроде бы успокоившийся, вдруг снова набросился на своего гостя. В последующей свалке он опрокинул и разбил кувшин, что считается скандальным происшествием.

Боонг сказал мне с оскорбленным видом: «С завтрашнего дня Тян должен приносить каждый день кувшин и курицу как жертву искупления, иначе в будущем он не сможет участвовать в жертвоприношениях буйволов. Ведь он сын самого устроителя праздника. Я произнес торжественную речь *пранг бал,* Манг-Сир Слоновая Кость обошел всех с рогом, наполненным *рнэмом,* Тян пил из него, и я, Боонг Помощник, махал мечом с подвешенной к нему курицей. И все же Тян не внял моим призывам». Скандал, однако, быстро утих. Тян заменил разбитый кувшин другим, выпивка возобновилась и длилась всю ночь. Драка дала пищу для нескончаемых разговоров. Бап Тян благодаря ей смог блеснуть своим умением исполнять скорбные песни [38], но нужно было еще так много рассказать и в кувшинах оставалось столько пива, что вскоре о происшествии забыли.

29 октября

Песни и шутки не смолкали всю ночь. К полуночи дикий гвалт начал постепенно утихать, но тишина так и не наступила: человек пятнадцать заядлых пьянчуг не смолкали до самого рассвета. В пять часов утра барабанная дробь вывела большинство гостей из оцепенения, которое в конце концов их одолело. С шести часов утра *куанги* снова начали пить. Они пили *рнэм* из *янг дама,* куда он был перелит из очень ценного кувшина, подвешенного к зубцу на последнем опорном столбе чердака — том самом, что напротив семейной двери. Боонг Помощник зарезал курицу над домодельной пиалой, наполненной пивной бардой из большого старинного кувшина, вышел с пиалой на улицу и, читая моление, помазал кровавой бардой лоб каждому буйволу.

Старый Крах направился к двум огромным буйволам и с невероятной ловкостью заколол их. Прислужница при жертвоприношении бросилась к ним и залила

[38] Скорбные песни — традиционные формы плачей.

водой из калебасы ноздри буйвола, который жалобно мычал. Один юноша срезал с венков, украшавших головы буйволов, траву и заткнул ею их раны, чтобы не дать крови растечься. Кровью жертв прежде всего наполнили домодельные пиалы, используемые при обрядах.

Крэнг-Джоонг, «священный человек деревни», стал перед последним опорным столбом чердака и нараспев прочел длинное «обращение к духам чрева *падди*». В одной руке он держал домодельную пиалу, другой освящал перегородку чердака.

Его жена Джоонг Врачевательница поискала каких-нибудь знаков дружбы, оставленных духом *падди,* но не нашла ни мельчайшего осколка овального камушка — *ртэ*, ни кусочка луковицы магического растения *падди.* Она позвала на помощь другую очень опытную *нджау,* Джоонг-Сиенг из Нёнг Браха, но все их усилия были тщетны. Женщины заявили, что их позвали слишком поздно, так как обе жертвы уже похолодели.

Бап Тян возложил на того буйвола, который ревел, в качестве погребального подношения *янг дам* и меч, потом начал вращать над ним ручку прялки; на второго буйвола он возложил одеяло.

Вдруг появился Боонг Помощник. Он покачивался, глаза его были налиты кровью, он дико вопил, с трудом ворочая языком. В руках у него был маленький кувшин без горлышка. Он поставил его около двери хижины Бап Тяна и начал истошно вопить, не обращаясь ни к кому в отдельности: «Вот пиво из *янг дама,* я созвал вас из-за кувшина, разбитого ночью. Была ссора, была драка, а я об этом ничего не знал. Я, посредник, узнаю об этом последним. Меня не было при драке, я был занят тем, что на обрядовом помосте обращался к духам. Разбили кувшин, а мне ничего не сказали. Сегодня я налил рисового пива из *янг дама* и сзываю всех гостей. Все должны здесь собраться. Не знаю, кто затеял драку. Были ли они пьяны оттого, что хватили лишнего, мне тоже неизвестно. Но я знаю, что они пошли против пива, налитого в рог, и против курицы, привязанной к мечу. Они не послушались ни Манга из Бон Джа, ни Боонга Помощника. Я хочу знать, как все это произошло».

Кронг Коротышка, наш главный юрист, сидя на корточках на помосте, подробно изложил факты Боонгу,

который стоял к нему спиной. Он выложил их с головокружительной быстротой — так здесь принято вести судебные дела, — пересыпая рассказ многочисленными юридическими терминами. В заключение он сказал, что нет оснований для дела: все произошло во время обменного жертвоприношения, виновные еще очень молоды, и кувшин разбил родной сын устроителя праздника. Боонг успокоился и признал, что был недостаточно осведомлен.

На главном помосте разложили подношения, полученные при обмене: трубку, табак, кисет из собачьей кожи, в котором лежала зажигалка (камень, пакля и железный брусочек), — одним словом, нечто вроде «набора для курильщика»; точильный камень, мотыгу, нож, лук с колчаном, меч, ручную веялку с украшениями, маленькую поясную корзинку, тоже с украшениями, наполненную очищенным рисом, большую корзину для сбора урожая, калебасы для супа и для воды, ковш из тыквы, бамбуковый сосуд, коробку для риса, металлическую чашу, маленькую и большую вьетнамские пиалы, бамбуковый сосуд с выжженными узорами, ремешок из кожи буйвола, луковицу магического растения *падди* в роге буйвола, еще один рог, украшенный разноцветными нитями и красными помпонами, с ручкой из ратана, вьетнамскую черную тунику, тюрбан из креп-жоржета, две пробки из слоновой кости, старинное ожерелье, еще одно ожерелье зеленого цвета, оловянную палку, большую шпильку для волос.

Пока все рассматривали подарки, Боонг снова начал бушевать. Еле держась на ногах, он внезапно устремился в свою хижину, и оттуда до нас донеслись его весьма нелюбезные выкрики. *Куанги* были шокированы. Кронг Коротышка курил трубку, но по глазам и по дрожанию его ноздрей видно было, что он рассержен.

Следуя правилам обряда, Бап Тян предложил выпить своему *джооку,* а потом Кронгу Коротышке, но тут снова появился Боонг, вооружившийся палкой. Заплетающимся языком он выкрикивал ругательства, ввалился к Бап Тяну, ударил палкой по нарам, возвратился к нам на помост и дважды схватил за руку Кронга Коротышку, но тот сдержался. Вне себя от ярости, Бап Тян поднялся и приказал своему посреднику уйти. Тот, не переставая браниться, ушел. Среди невнят-

ной ругани можно было разобрать угрозы по адресу «чужаков» из Ндут Лиенг Крака. Все без исключения *куанги* были возмущены его поведением. Бап Тян и Кронг Коротышка поспешили заверить меня, что «это все пустяки».

Бап Тян взял медную пиалу, на дне которой лежали предметы, имеющие мистическое значение (кусочек кварца, овальные камушки, зуб буйвола, бусинка из старинного ожерелья), наполнил ее рисовым пивом, налил туда немного крови из сердца буйвола и бросил несколько кусочков магического растения:

Колдовское растение сильных в кувшинах,
Колдовское растение влиятельных у низа веялки,
Колдовская дурман-трава, заполни все по уши...

Пока Бап Тян угощал *куангов* своей бодрящей смесью, я рассказал появившемуся Тру о поведении его помощника.

Боонг вновь появился. Он был пьян по-прежнему, но присутствие Тру, по-видимому, подействовало на него отрезвляюще: ясно было, что тот не одобряет его поведения. Он спросил Тру, что тот думает по поводу вчерашнего дела. Начальник кантона смерил его холодным, твердым взглядом и сказал тоном, не допускающим возражения: «Никакого дела и не было!» Боонг ответил: «Тем хуже! Пусть так и будет!» — и в знак согласия протянул Тру указательный палец, за который тот его потянул. Настроение у всех сразу поднялось, и последние обряды Бап Тян совершил с большим воодушевлением.

Хозяин дома взял немного запекшейся крови из сердца буйвола и поднес к губам своего *джоока* и прочих *куангов*. Затем он встал, накинул на шею *джооку* ремешок из свежей кожи буйвола и, смеясь, произнес угрозу: «Теперь ты не сможешь нарушить клятву. Больше не может быть огня и воды — никакого „дела" между нами. Мы закололи буйволов в твою честь, мы обвязали вокруг твоей шеи этот ремешок из кожи буйвола, мы кормили тебя зрелыми бананами, мы кормили тебя клейким рисом и свининой. Больше ты не сможешь нарушить клятву». Многие присутствующие поступили так же в отношении своих партнеров.

Потом хозяин дома надел *джооку* на голову тюрбан,

преподнесенный в качестве «обменного дара», и помог застегнуть колчан, который он ему подарил. Вынув стрелу, он воткнул ее в волосы своему гостю. Затем Бап Тян взял шнур с дымящимся концом и провел им перед лицом своего друга (*рноом* быстро сплел этот шнурок, а Тян поджег и тут же потушил огонь, оставив только тлеющий конец).

Бап Тян сопровождал свои слова угрожающими жестами, но при этом все время смеялся:

Пустите пал в подлесок и на стебли травы сухой.
Пускай зажгут огонь и пустят пал в подлесок.
Пусть только он не сдастся нам: огню, воде, нашим трудам!
Пхит я!
Мы все же порубим и расколем — победим его.
Пусть только он не сдастся нам: огню, воде, нашим трудам!
О дух! ты видишь нас, пускай он сдастся и умрет!
Травы наши колдовские хороши, хорош наш клейкий рис,
И пиво хорошо в кувшинах наших. И если он
Не подчинится нам, нарушит клятву — мы победим его...

Он подробно перечислил подарки, пересыпая слова теми же угрозами.

Наконец *рноомы* и жена бывшего начальника кантона начали укладывать подарки в корзину, чтобы их унести. Бап Тян тоже сложил в медную чашу свои сокровища (кварц, овальный камушек и прочее), чашу засунул в сумку, а сумку — в корзину с крышкой. Люди из Ндута начали небольшими группами расходиться. Тян преподнес своему партнеру, с которым он накануне повздорил, белую курицу, «просто так, в подарок», объяснил он мне.

Перед тем как Ндэх со всем своим семейством вышел из дома, Анг Длинная помазала им лоб сажей со дна котелка, чтобы уберечь от духов дороги и леса. Громко звучали в честь Ндэха гонги и висячие барабаны у Бап Тяна.

В эти дни авторитет Бап Тяна снова сильно возрос: у него появился еще один *джоок,* с которым он обменялся клятвой, почти родственник. Союз с ним скреплен двойным жертвоприношением двух буйволов и взаимным обменом подарками. Благодаря празднику, устроенному в честь этого события, на котором жителям обеих деревень было роздано много разнообразной пищи, новый союз стал широко известен.

3 Кровосмешение и самоубийство красавца Тиенга

26 ноября 1948 года

Без четверти шесть вечера за мной пришли, чтобы позвать на большое ежегодное жертвоприношение, «помазание *падди* кровью»[39] — *мхам ба* — у Крэнг-Джо·онга, «священного человека» селения, который особенно тщательно выполняет все обряды. Вчерашний день был посвящен подготовительному обряду — «сбору соломы» — *сок рхей,* — окончившемуся, как и все сельскохозяйственные обряды, великой попойкой. Она продолжится сегодня и завтра и в последующие дни, когда будут отмечать самый большой праздник сельскохозяйственного цикла, завершающий год: «помазание *падди* кровью».

Когда я пришел к Крэнгу, он делал тесто из рисовой муки, чтобы рисовать им геометрические узоры на опорных столбах и балках чердака, а потом и на всей утвари. Только он принялся за кувшины, как ворвался Кронг Толстый Пуп с воплем: «Анг Вдова спуталась со своим братом Тиенгом!»

Бап Тян, куривший у очага, испуганно посмотрел на него, по-видимому ничего не понимая. Кронг повторил зловещую новость. Тогда Бап Тян повернулся ко мне:

— Это же страшное табу! Положить нож в котелок — табу! Жить сестре с братом — табу! Поразит молния! — и он показал рукой, как череп раскалывается надвое.

Кронг рассказал, как он застал виновных. Вместе с Кронгом Пузырем он вышел, чтобы облегчиться после обильных возлияний рисовым пивом. Зайдя за дом Чар-Риенга, они заметили пару в определенной позе. Они сразу же узнали Тиенга по блеску его оловянного гребня и крикнули:

— Негодяй, что ты делаешь с сестрой?!

---

[39] Мнонгары наделяют растения, животных, местности, явления природы и т. д. душами. Среди наиболее почитаемых — душа *падди.* Помазание *падди* кровью жертвенных животных вводит душу *падди* в круг родственников и предков.

Парень удрал, но потерял шпильку из пучка, а Кронг и Кронг Пузырь подобрали ее как улику. Мертвецки пьяная Анг не шелохнулась.

— Кто к тебе лез?

— Я пьяная, я не знаю.

— Это же Тиенг, твой брат!

— Откуда я знаю!

Тиенг прятался в кустах, пока другие выпивавшие выходили из дома, вместе с Кронгом и Крангом расспрашивали Анг и обсуждали скандальное происшествие.

В эту ночь Тиенга больше не видели. Дождавшись, пока все любопытные ушли, он проскользнул тайком в дом своего *коони* (младшего брата матери) Чар-Риенга, у которого жил.

●

Нельзя сказать, чтобы Анг Вдова была хороша собой. Сложена она плохо, плоскогрудая, темнокожая, но лицо у нее умное, а глаза, что особенно редко у мнонгарской девушки, сияют. Она живет у своего брата Тонг-Бинга, хорошего, спокойного парня, большого мастера плетения, но бедняка. Его старший брат Сиенг, тоже вдовец, живет в трех километрах отсюда, в Малом Сар Луке — хуторе, состоящем из одного-единственного дома.

Тиенг же, напротив, один из самых красивых парней в Сар Луке. В любое время дня он безупречно одет, а его гладко прилизанные волосы собраны в пучок, украшенный большим гребнем и красивой, отделанной оловом, шпилькой. На шее у него ожерелье, на руках браслеты, пояс с передничком плотно затянут на талии. Год назад он овдовел. Чар-Риенг, дядя Тиенга, привез его вместе с пятилетней дочерью Джоонг в Сар Лук из Пхи Сроони, где издавна жила вся его семья и до сих пор живет старший брат Танг.

Анг часто бывала у Чар-Риенга, особенно когда у него поселился племянник. У меня и раньше было смутное подозрение, что дело пахнет романом, но влюбленные мнонгары очень скрытны. Однако я совсем забыл, что Анг и Тиенг принадлежат к одному клану Тиль.

•

Кронг Толстый Пуп — очень уродливый человек, но прекрасный оратор — нашел себе отличную тему для разглагольствований. Еще не совсем протрезвев, он принялся всячески приукрашивать свое открытие. Еще немножко и он сказал бы, что Тиенг тащил свою сестру за волосы и затем изнасиловал, хотя насилие если и было, то с согласия жертвы. Несколько дней назад, сидя за своим письменным столом, я услышал крики, доносившиеся из дома Тонг-Бинга. Я выскочил на «веранду» и спросил у другого любопытного, что происходит.

— Тонг-Бинг бьет свою сестру, — ответил он.

— За что?

— За то, что она отмалчивается.

Сегодня мне все объяснили: Бинг упрекала Анг в том, что она флиртует с Тиенгом. Анг не только не ответила, но, когда Бинг продолжала, дала ей пощечину. По возвращении мужа Бинг рассказала, как было дело. Тонг рассвирепел и крепко наказал свою сестру. И раньше было известно, что Анг и Тиенг прелюбодействовали, но их никто не заставал с поличным. (Позднее Бап Тян мне сказал, что если бы их не застали, то и шума бы никакого не было, таков один из основных принципов обычного права [40] у мнонгаров.)

Сначала Бап Тян был удивлен, потом его охватило возмущение. И не без причины!

— Когда переспят брат с сестрой, ударяет молния. Она поражает не виновных, а тех, кто отвечает за лес и за селение: «священных людей» леса и деревни. Это очень серьезное дело. Виновные должны поесть дерьма свиного... собачьего... куриного... утиного... человечьего...

На мой вопрос: «Прямо так и съесть?» — последовал ответ:

— Нет, только лизнуть кончиком языка: тогда дождь перестанет лить.

Таков был лейтмотив всех разговоров в эти дни. Бап Тян, да и все остальные не сомневались, что искупительная жертва делает невозможным рождение ребен-

---

[40] Главный принцип этого права — гласность. Преступление должно быть засвидетельствовано. Свидетели участвуют и в разбирательстве.

ка после греховной связи (однако в июле 1949 года Анг родила мальчика), что кровосмешение влечет за собой насильственную смерть влиятельных людей, причем этой опасности подвергаются не только *куанги,* но и Тру, начальник кантона [41], живущий в Сар Луке, его помощник, да и я, поскольку я тесно связан с жизнью селения. Кровосмешение нарушает порядок в природе: вызванные им ливни заполняют глубокие впадины, вызовут оползни, земля извергнет воду...

●

Скандальное происшествие не могло помешать церемонии *мхам ба.* Оно послужило темой для бурных разговоров в каждой семье, а для Бап Тяна — поводом выложить все свои знания, распевая «сказания правосудия», где порицается упрямство виновных и говорится, какой ужас и отвращение вызывает их проступок:

Одеялом потрясут, дети удирают,
Телом шевелят, дети исчезают,
Вонь от брюха их и зада детей угонит насовсем.

В десять часов в Сар Луке появился Крае, староста деревни Бон Ртяэ. Глаза его были налиты кровью, совершенно пьяный, он орал и жестикулировал. Он принадлежит к клану Тиль. Узнав о том, что случилось, он, разъяренный, понесся в Сар Лук к Чар-Риенгу. «Их надо связать! Их надо судить!» — вопил он. Шатаясь, но не переставая кричать, он побежал к помощнику начальника кантона. Бап Тян попробовал его успокоить, говоря, что пока провинившихся нельзя ни вязать, ни судить, и спел немедленно придуманную им песенку:

Пусть вдоволь едят и вдоволь пьют,
Завтра дело пускай разберут.
От питья захмелели, пьяно все наше тело,
Ой, всего, что есть, и не счесть.
Завтра их расспросят обо всем.
Как Анг сблудила с Тиенгом...

---

[41] На представителей новой власти и новых «авторитетных» людей распространяются традиционные узы ответственности за прегрешения родичей по клану.

В песне говорится, что сегодня все посвятили себя *мхам ба,* надо пить и развлекаться, а дело всегда успеют уладить завтра. Как говорят у нас: каждому дню свои заботы.

Но Крае упорно стоял на своем: если его не послушают, он сам свяжет провинившихся и потащит на Озерный пост, раз уж он староста деревни и принадлежит к клану Тиль... Я тоже старался его образумить, но напрасно. Кто-то наконец нашел выход, усадив его у кувшина. Накачавшись вволю, он заснул.

●

С утра хмурилось небо, а к пяти часам вечера разразилась гроза. Говорят, не меньше четырех дней подряд будет идти ливень, изредка переходящий в моросящий дождь; четыре мрачных дня без единого проблеска над сплошными лужами и грязью! Поневоле из головы не выходят слова: «Дождь! Ужасное табу спать сестре с братом, дождь...»

●

27 ноября

Жертвоприношения *мхам ба* идут своим чередом. Достопочтенный Тонг-Манг рассуждал у себя дома о вчерашнем ливне. Сегодня тоже погода была скверная, моросил дождь. Нет сомнений, что скоро начнется губительный потоп — последствие кровосмешения. Он припомнил, что еще ребенком часто слышал рассказы стариков о грехопадении, осквернившем соседнее селение Панг Пе Нам. Данг и Манг, оба из клана Нду, полюбили друг друга и переспали... и вот начался ливень. Целый месяц не переставал идти дождь, земля уже не принимала воду... Стали искать причину. Брат и сестра были застигнуты врасплох. Их заковали в цепи, избили палками. Пришлось им добыть свинью и кувшин пива. Только тогда дождь прекратился. Их заставили «съесть дерьма», а потом прогнали.

К Танг-Джиенгу Сутулому, самому богатому из клана Тиль в нашей деревне, пришли Чар-Риенг и старший брат провинившегося Танг, живущий в Пхи Сроони. Оба они явно были удручены тяжким проступком Тиенга. Однако Чар состязался в знании родословной кла-

на Тиль с Бап Тяном, отец которого был тоже из Тилей. В углу совершенно подавленные всем случившимся робко присели на корточках Сиенг Вдовец и Тонг-Бинг, слишком бедный, чтобы участвовать в *мхам ба.*

Вечером наступил черед Тру выполнять *мхам ба.* К моему великому удивлению, я увидел, что Анг подносит гостям бамбуковые сосуды со спиртным. Она сновала, обнаженная до пояса, еще более смуглая, чем обычно, то ли от стыда, то ли от слишком большого количества спиртного, поглощенного в эту ночь. Ее присутствие вызывало некоторую неловкость, но она не выглядела прибитой, скорее была удивлена шумом, поднятым вокруг ее приключения. О нем говорили прямо при ней, как бы не замечая ее присутствия. Все старались бросить камень в сторону клана Тиль, а Тру даже плевался в знак глубокого отвращения, хотя его отец принадлежал к этому клану [42].

Поздно вечером появился Тиенг, которого никто не видел с прошлой ночи. Он пришел, чтобы позвать нас к своему дяде: теперь наступила его очередь приносить жертвоприношение. У красавца Тиенга, всегда такого элегантного, был неряшливый вид. На нем не было никаких украшений, волосы растрепались, он осунулся, глаза потухли. Он избегал встречаться с кем-нибудь взглядом и, приглашая нас, говорил вполголоса.

●

28 ноября

«Священные люди» деревни делили между собой подношения, куриные ножки и *рнэм,* полученные от каждой семьи за совершение обряда во время двух праздничных дней. Собрались все мужчины деревни, так как должно обсуждаться распределение участков земли *(миир).* Разговор то и дело возвращался к событиям прошедших дней, и люди гадали, где Анг раздобудет свинью для жертвоприношения: у ее братьев свиней нет.

Братья решили поработать на плантации. Скромная плата, которую они получат, позволит им сколотить необходимую сумму для покупки поросенка. Кроме того,

---

[42] Родство по отцу еще не столь важно у мнонгаров. Поэтому случившееся более всего переживают Тили — родичи по женской линии.

Тонг-Бинг сплетет мне корзины и веялки для Му́зея Человека [43].

Начальник сектора [44] Банг-Дланг, зашедший в Сар Лук за Тру и несколькими деревенскими парнями, повторил старикам то, что говорил еще вчера: виновные должны принести искупительную жертву, но штраф им платить не придется. Дело о кровосмешении решается обычно так: если виновные богаты, они приносят в жертву буйвола с рогами в целый локоть [45], пять кувшинов *рнэма* и шесть больших старинных кувшинов. Если они бедны, то каждый должен заплатить штраф в виде одной свиньи с объемом шеи пять пядей [46], одного кувшина *рнэма* и двух старинных кувшинов. Кувшины делят между собою «священные люди» и другие *куанги,* — ведь от последствий кровосмешения больше всего страдают влиятельные лица.

К полудню появился одетый в роскошное мохнатое черное пальто европейского покроя Кронг Коротышка, «брат» (по нашим понятиям — кузен) Бап Тяна, также Тиль по отцу. Это знаменитый судья и человек «больших познаний». Он приглашен для участия в разбирательстве «дела».

●

Было решено, что сегодня, когда нет Тру и сопровождающих его трех юношей, состоится только «разбор дела Тиенга», а жертвоприношение, причитающееся с Анг, будет отложено до возвращения начальника кантона. В сущности «дело» было уже решено во время споров около кувшинов с *рнэмом,* и оставалось только признать вину по всей юридической форме, обнародовать приговор и привести его в исполнение, т. е. совершить жертвоприношение.

Когда мы пришли к Чар-Риенгу, два средних кувшина уже были привязаны к колу, а рядом визжала,

---

[43] Музей Человека — этнологический музей в Париже.

[44] Сектор — территориально-административная единица.

[45] Примерный размер буйвола определяется по длине его рогов или — реже — по объему шеи. Локоть — старинная мера длины. Французский локоть составляет около 137 сантиметров.

[46] Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию от конца большого пальца до конца мизинца распяленной кисти руки. Величина пяди в разных странах разная.

стараясь вырваться, молодая свинья. Ее задние ноги были затянуты и накрепко привязаны к шесту. Один из мужчин вытащил из крыши длинную соломинку и измерил толщину поросенка под мышками: окружность груди составила больше двух пядей.

Провинившимся приказали созвать всю деревню. Смущенная Анг колебалась. Тиенг ее слегка подтолкнул, стараясь приободриться. Впечатление было такое, что он боится переступить порог дома. Мало-помалу дом заполнился: женщины, большей частью с завернутыми в покрывала детьми за спиной, забрались под чердак и сели на корточки, мужчины устроились на настиле, который тянется вдоль задней стены, или же сели, поджав ноги, у двери. Те кто пришел позже, сели где могли, оттеснив других в глубину комнаты. Наконец появился Банг-Джиенг Беременный, «священный человек» и хранитель *рнутов*. Он был совершенно пьян и орал не переставая, явно о том, что будет, если «брат переспит с сестрой». Не он один был в таком состоянии: вот уже два дня все жители деревни непрерывно тянули через трубки спиртное. Анг Слюнявая только что сообщила мне, что она пьяна (и не протрезвится в течение двух дней). Банг Олень шел пошатываясь и размахивая руками, чтобы удержать равновесие. Сколько было ртов, столько курили трубок, к тому же в очагах горел огонь, а из-за дождя дыму некуда было выйти. К нему добавлялся запах, исходивший от этого сборища проспиртованных людей, промокших по дороге. Вскоре стало нечем дышать.

Виновные возвратились раньше, чем у Чар-Риенга собралась вся деревня. Они допили содержимое кувшинов. Никто ими не интересовался. Наиболее любопытные слушали, как Кронг Коротышка скороговоркой излагал родословную клана Тиль. Он начал с Тинга и Манга, у которых было четыре дочери: Лоонг, Джиенг, прабабка Чонга (бывшего начальника кантона Ён Длэй), Длоонг, прабабка Анг Вдовы, и Бо, прабабка виновного. Он быстро перечислял поколения предков: «Длоонг вышла замуж за Банга, родила Гриенг; Гриенг вышла за Кронга, родила Нгу, вырастили Нга, Сранг и Ланг; Ланг...»

Дойдя до Анг, Сиенга и Тонга (провинившейся и ее братьев), он возвратился к Нга и рассказал родослов-

ную своего отца, чтобы закончить собой — Кронг-Бингом.

Он произнес двойную родословную [47] с поразительной быстротой и блеском. Эти рассказы, передающиеся из поколения в поколение, превратились в длинные поэмы, каждая строфа которых начинается с последнего слова предыдущей и скандируется словами: *саэ... бах...* [48]

В свою очередь Танг из Пхи Сроони, родной брат Тиенга, рассказал историю их семьи, к которой принадлежит и их дядя со стороны матери — Чар-Риенг, в доме которого происходила эта сцена.

Надо дойти до пятнадцатого колена, чтобы найти общего предка провинившихся. Это Тинг-Манг. По правде сказать, я был единственным, кто вел подсчет. Предки перечислялись только для формальности, так как все и без того были уверены: виновные «вышли из одного чрева», они «брат и сестра» [49], и они согрешили!

Теперь обсуждался порядок жертвоприношения. Самую большую активность проявили оба пьяницы Банг Олень и Банг Беременный. Им пришла в голову блестящая мысль: надо потребовать подарки, которые любовник сделал своей сестре: ожерелья, браслеты, перстни, колокольчики... «Пусть все принесут к водоему!», — вопил Банг-Джиенг и громко смеялся, радуясь своей находчивости. Но Тиенг не очень-то богат и подарил Анг только квадратную металлическую коробочку с зеркальцем внутри. К ней можно добавить шпильку, утерянную Тиенгом в тот момент, когда его застали врасплох.

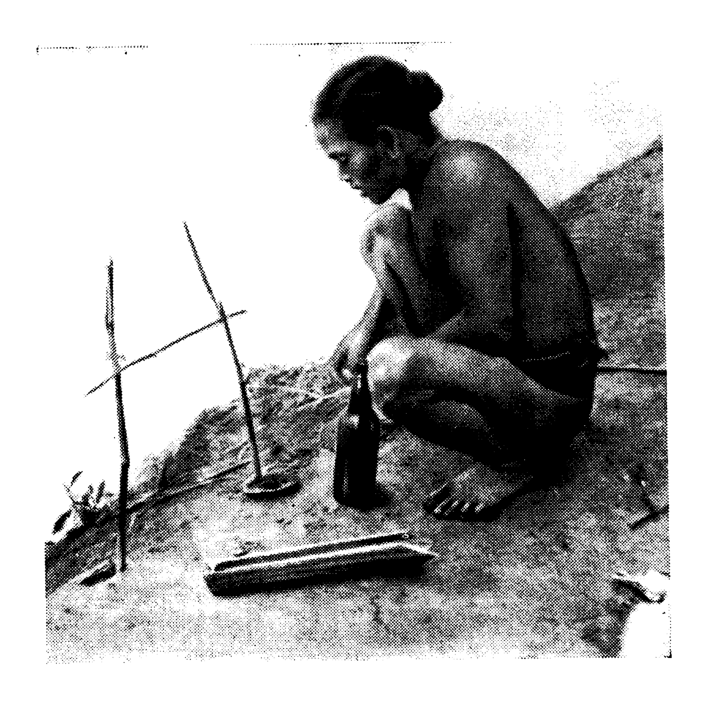
Сиенг Вдовец, старший брат Анг, протянул юношам бамбуковый сосуд и попросил собрать экскременты человека и разных животных. Все с отвращением отказы-

---

[47] В родословной предки перечисляются по формуле, знакомой нам из Библии: «Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова» и т. д., но в матрилинейном обществе мнонгаров перечисляются матери. Однако автор застал мнонгаров на переходном этапе. Кронг-Бинг поэтому рассказывает о предках по второй линии — линии своего отца.

[48] *Саэ* — означает «супруг, женился, вышла замуж», *бах* — означает «носить на спине в одеяле», т. е. вырастить ребенка. — *Прим. автора.*

[49] Мы бы их считали родственниками в тридцатой степени — вернее, не считали бы родственниками вообще. Да и кто у нас, кроме некоторых аристократических семейств, где существует письменная родословная, мог бы перечислить таким образом своих предков. — *Прим. автора.*

Тонг-Бинг молится перед маленьким алтарем у водоема

вались, а самые бойкие кричали в ответ: «Брать дерьмо табу!».

Один из них мне объяснил:

— Люди боятся заразиться, боятся, что нас поразит молния, что мы все заболеем.

А другой сказал:

— Все боятся оскверниться. Брать в руки дерьмо свиньи, собаки, человека, буйвола или курицы — табу.

— Но ты же его подбираешь, когда удобряешь грядки с овощами, — заметил я.

— Для грядок с овощами можно, а просто так нельзя.

Тогда Сиенг Вдовец сам отправился собирать кусочком дерева различные экскременты.

— Чуточку от каждого.., — сказал мне Кронг Коротышка.

За неимением буйволиного рога виновные наполнили рисовым пивом бутылки.

Анг, уходя, разворчалась:

— Я была совсем пьяной, я не знала, что делаю... я не понимала, что со мной творится.

Ее лицо почернело и стало еще упрямее. Тиенг совсем раскис, но для приличия сделал вид, будто уговаривает свою «сестру» и сообщницу делать то, что положено.

В четверть второго пополудни под моросящим дождем все спустились по скользкому глинистому склону к ручью. Впереди всех Тиенг нес поросенка. В месте слияния ручья с рекой Тонг-Бинг разрезал ствол бамбука на три части. Два куска он с одного конца разодрал на бахрому, другие концы заострил и, сделав надрез посередине, воткнул их на краю тропы над рекой. Затем, разлохматив оба конца третьего куска, вставил его в надрезы первых двух. Получился жертвенник в виде буквы Н с кисточками на концах боковых палочек и перекладины.

Тем временем юноши приступили к закланию жертв. Они перерезали свинье горло и собрали ее кровь в большую вьетнамскую пиалу. Часть крови они вылили на пивную барду и угли в калебасе, принесенной Тонг-Бингом. Затем над калебасой зарезали утку. Около самого ручья зарезали курицу, на рану положили пивную барду, чтобы она пропиталась кровью, и выложили барду в ту же калебасу. Таким образом, кроме углей в ней содержались частицы каждого приношения, т. е. пивная барда, пропитанная кровью всех трех жертв.

Тонг-Бинг поставил калебасу около жертвенника и прочел нараспев моление. Он призвал духов земли, духа дракона (духа воды), духа *падди.*

В бамбуках меж дерев дух-ворон;
В водах, на волнах дух дракона длинного;
На земле, на почве дух дракона малого.
Дракон, что в локоть длиной, останься со мной.
Дракончик в палец длиной, останься со мной.
Малая ящерка в пядь длиной, останься со мной.
Со мной не говорите так сердито,
Меня не сокрушите своей злобой.
Хоть я и спал с сестрой своей, вон той,

Хотя я и спал с матерью своей[50], той,
что здесь со мной.
Да очистит меня эта жертва свиньи,
Да очистит меня этот спиртного кувшин,
Да очистит меня эта курица,
Да очистит меня эта утка.
Пусть перестанет дождь,
Пускай не моросит.
Не упрекай меня ты, ступка!
Не откажись работать ты, о пест!
Нас не гнети ты, грех кровосмешенья,
Нас не дави своею тяжкою стопой,
Нас не круши, не истирай нас в пыль!

Виновные вышли вперед: они обмакнули в кровь свиньи (в большой вьетнамский пиале) и в кровь утки и курицы большой и указательный пальцы и провели ими по открытым ранам жертв. Анг и Тиенг вместе вошли в воду и прочли моление, а затем окунули в воду окровавленные пальцы и потерли их один о другой.

Тонг-Бинг, сидя на корточках, продолжал молиться:

Не должно со своей сестрой совокупляться,
Но ты нам это не вменяй, о дух.
Нельзя свершить обменной жертвы с предком.
И этого нам не вменяй, о дух.
Нельзя брать в жены дочь своей сестры,
И это ты нам не вменяй, о дух.
Не должно сыну с отцом сражаться,
Как со всем термитником термиту,
И это ты нам не вменяй, о дух...

Он помазал бахрому на правой стороне жертвенника и землю. Время от времени Бап Тян или другой старик, не сходя с места, громко читали вместе с Тонг-Бингом несколько строф.

Сиенг положил подарки в бамбуковый сосуд с набором экскрементов и полил их спиртным, потом положил в сосуд два пера — утиное и куриное. Оба виновных вышли на середину течения. Тиенг с напускной грубостью подтолкнул Анг вперед. Крэнг-Джоонг, «священный человек деревни», вошел в воду, а за ним Сиенг с бамбуковым сосудом в руках. Он остановился перед провинившимися на равном расстоянии от каждого, взял перо, окунул его в отвратительную смесь и поднес к под-

[50] В матрилинейном родовом обществе на мать и сестру как на женщин своего рода равно распространяется запрет полового общения с ними.

бородку Тиенга: «раз», потом к подбородку Анг: «раз», опять к Тиенгу: «два», к Анг: «два» — и так до восьми, после чего обратился с длинной тирадой главным образом к духу-дракону (духу воды). С самого начала церемонии виновные стояли спиною к собравшимся. При каждом ударе пера по подбородку Тиенга сводило от позыва к рвоте, и он прямо-таки складывался пополам. Анг же ни разу и глазом не моргнула.

Окончив моление. Крэнг бросил в воду перо, а Сиенг — содержимое сосуда, а потом и сам сосуд. Виновные вымыли подбородок, ноги и руки. Крэнг чуть было не вышел из воды, не очистившись, но несколько человек напомнили ему об этом. Он снова зашел на середину течения и вымыл руки и ноги.

Тонг-Бинг продолжал молиться. Наконец он вошел в реку с бутылкой *рнэма* и калебасой, где лежали угли и пивная барда, пропитанная кровью трех жертв, опустил ее на воду и вылил туда часть *рнэма*. Все начали молиться. Затем он пустил калебасу по течению, прося угли донести дары до духа-дракона. Под конец он вылил содержимое бутылки в реку и вышел на берег.

Все возвратились в деревню.

Во время церемонии не переставал моросить дождь, а к концу он стал проливным.

Несмотря на дождь, остатки принесенных в жертву животных опалили во дворе, так как при подобных жертвоприношениях запрещается делать это в помещении.

Народ снова собрался у Чар-Риенга освящать кувшины, что входит в обязанность «тех, кто вершит правосудие». У первого кувшина стали я и мой *джоок* Кронг Коротышка; у второго — «священный человек деревни» Крэнг и хранитель *рнутов* Банг Беременный. Мы вставили трубочки в кувшины, произнесли моление, упомянув о только что совершенном тройном жертвоприношении, и начали пить.

Банг Беременный взял мнонгскую пиалу, наполненную пивной бардой, пропитанной кровью трех жертв, и вместе с виновными пошел к себе, чтобы помазать кровью обрядовое топливо. Оно лежало в веялке, помещенной между стропилами крыши и соломенным перекрытием. Вытащить веялку не удалось, поэтому помазали только ее.

Помазание сопровождалось молениями.

После помазания мы заметили, что Кронг Коротышка продолжает пить из первого кувшина, у которого он сменил меня. Он обратился к Тиенгу:

— Отныне ты не можешь жить здесь, тебе придется уйти и найти себе жену в другом месте. Приходи жить ко мне, будешь ходить в лес за дровами и собирать овощи.

Танг из Пхи Сроони его поддержал:

— Иди с Кронг-Бингом, а Анг поищет себе здесь мужа.

Тиенг не ответил.

Кронг-Бинг хотел бы, чтобы Тиенг женился на хорошенькой Гриенг, его долговой рабыне. Свободный человек не становится рабом, женившись на рабыне, но его дети попадают в ту же зависимость, что и их мать, и надо быть очень хорошим работником, чтобы освободить жену и детей, а это совсем не для Тиенга.

Но в данный момент, по-видимому, не это беспокоило Тиенга.

Кронг-Бинг становился все более и более красноречивым. Он хвастался своими богатствами и известностью и рисовал Тиенгу приятную жизнь, которую он будет вести у него в Ндуте... Танг поддакивал *куангу,* упирая на то, что любовники должны расстаться и что его брату повезло, что он может поселиться у такого уважаемого человека. Он даже посоветовал Кронг-Бингу заставить Тиенга как следует поработать [51].

Во время этих разглагольствований по поводу его судьбы Тиенг, сидя на корточках среди мужчин, не произнес ни слова. Его молчание означало отказ.

Полчаса спустя Кронг Коротышка предпочел переменить тему. Он спел и продиктовал мне старинные песни, превознося попутно свои любовные похождения. Вскоре он перешел к песням о выпивке и даже непристойным. Всюду слышался хохот. Обстановка совершенно изменилась. Даже провинившиеся поддались общему настро-

---

[51] Этот случай раскрывает переходный социальный характер общества мнонгаров. Представитель рода Тиенга пользуется его правонарушением, чтобы получить дарового работника и закрепить за собой его потомков как домашних рабов. Свободный (а не ленивый, как кажется автору) Тиенг предпочитает самоубийство рабству у алчного *куанга.*

ению. Тиенг, который теперь вместо Анг подливал порции воды в кувшины, вступил в разговор. Он сообщил Чар-Риенгу, что сегодня же вечером принесет жертву, чтобы снять с него табу, тяготеющее по его вине над Чаром и всей его семьей.

Уже смеркалось, когда Кронг-Бинг перед возвращением в Ндут зашел ко мне домой, где я ужинал. Он спросил, может ли он, следуя традиции, потребовать *янг дам,* чтобы смыть с себя скверну. Это будет не плата, а очищение, на которое он имеет право.

Около восьми часов вечера пришла Анг пригласить меня на жертвоприношение, которое совершит Тиенг. Она до того расхрабрилась, что одна вошла в мой дом и попросила сигарету, на что до сих пор не решалась ни одна деревенская женщина. У Чар-Риенга собрались все обитатели его длинного дома. Кроме них было лишь несколько любопытных или желающих выпить. Первые уже пресытились, а вторым не на что было особенно надеяться. Ведь подготовили лишь крошечный кувшинчик без горлышка — *янг кэ ит*, стоявший на полу около нар. Рядом с ним положили курицу со связанными лапками и поставили пустой *янг дам.*

Чар-Риенг принес кожаный мешочек с кусочками магического кварца. Он вынул их и положил во вьетнамскую пиалу, стоявшую около маленького кувшина со спиртным, и с видимым беспокойством стал копаться в своем заветном мешочке. Он нашел лишь пять камней средней величины и никак не мог нащупать шестой, подобный зернышку очищенного риса, который его жена обнаружила однажды на кучке провеянного *падди.* «Сбежал! — печально сказал он. — Наше тело ослабло, нас постигла беда, он сбежал. Он заключил союз с другим, и тот станет *куангом».* К счастью, в конце концов Чар-Риенг обнаружил кусочек кварца, застрявший в уголке, и тоже положил его в пиалу.

Над ней Тиенг зарезал курицу. Когда в чаше набралось достаточно крови, Тиенг кровоточащей раной жертвы натер лбы всем обитателям дома. Затем он взял *янг дам* и описал им восемь кругов над их головами, произнося:

Пусть крепче будут балки чердака,
Пусть им опорой верной будут сваи,
Пускай дымится рис в большом котле,

Звери приходят во мраке ночном,
Куанг приходит вслед за словом,
Табу нарушено — тотчас ударит гром!
Пускай мы в жертву буйвола имеем каждый день!
Пускай у нас весь месяц будут полными кувшины!
Пускай и рис и *падди* также будут каждый день!

Он поставил *янг дам* за их спинами, но его заставили переставить его вперед, и все по очереди прикоснулись к нему. Затем Тиенг плюнул в руку и коснулся *янг дама,* а потом дотронулся до Риенга и остальных обитателей дома. У мужчин он коснулся лба, а у женщин — углубления между грудями [52].

После этого Тиенг направился к группе, которую составляли его брат Танг с женой и ребенком, описал *янг дамом* восемь кругов над их головами и дал брату и его жене по пиастру. Тем временем Чар выложил по порядку свои магические камни, помазанные кровью.

Наконец Тиенг с помощью брата и дяди вылил содержимое *янг кэ ита* на нары — освятил их. Все трое мужчин, покашляв, щелчками сбросили несколько капель жидкости на пол. Виновный взял трубочку, втянул в нее немного жидкости, заткнул указательным пальцем верхнее отверстие и сбросил несколько капель *рнэма* на дверь и на очаг, повторяя то же моление, что и раньше. Затем он дал трубочку брату, взял вьетнамскую пиалу и смазал кровью верх двери, верх камней в очаге и кувшины. Тем временем Танг вставил трубочку в *янг кэ ит* и вместе с Чаром произнес моление.

Так Тиенг смыл с общины пятно кровосмешения и очистил очаг своего дяди и семью брата от скверны, которую он на них наслал. Вина его была забыта, его лицо, напряженное во время совершения обряда, смягчилось. Перед вечером он был возбужден, теперь же держал себя непринужденно и разговаривал почти весело. В доме больше не осталось никого из *куангов,* которых он боялся.

День был чрезвычайно богат происшествиями. Надо еще добавить, что я побывал у Кранг-Дрыма, упавшего

---

[52] Как и многие другие народы, мнонгары не понимали связи между половым актом и беременностью. Рот и углубление между грудями они считали входами в лоно (открытыми и закрытыми), через которые в тело женщины проникает тотем — зародыш, отчего она и беременеет.

в обморок. Его теще Джоонг Врачевательнице с большим трудом удалось привести его в чувство, окуривая дымом «небесной смолы».

29 ноября

Сегодня утром дождь прекратился, как по волшебству, на небе не было ни одной тучки. За ночь уровень реки повысился почти на метр, а около ручья обрушился берег и с ним — маленький жертвенник, который тотчас же унесло течением. «Приходил дракон и унес алтарь», — сказал мне Бап Тян.

Анг исчезла. Она последовала за своим братом Сиенгом в Малый Сар Лук. Другой ее брат, Тонг-Бинг, отправился рано утром на плантацию, чтобы заработать денег на покупку свиньи, которую она должна принести в жертву.

Мы решили воспользоваться хорошей погодой и вскопать все вместе сад, чтобы посеять семена, привезенные мной и предоставленные администрацией. Около десяти часов за мной прибежал юноша: «Йо! Умер Тиенг! Он повесился на перекладине крыши!» Мы все побежали к дому Чар-Риенга. Тиенг повесился на своей набедренной повязке, которую привязал к двум бамбуковым перекладинам чердака. Вместо набедренной повязки он обвязался куском материи, пропустив его между ног и подоткнув концы под кожаный пояс. Чонг Военный и Банг Олень положили еще теплое тело на нары. Я проверил, не жив ли Тиенг, но он не дышал.

Прибежала, узнав о несчастье, запыхавшаяся старуха Риенг с корзиной, в которую она собирала побеги бамбука. По ее словам, дело было так: «Утром, когда все проснулись, Чар собрался пойти с Тангом в Нёнг Хат, чтобы сменять кувшин на одеяло. Тиенг попросил, чтобы они взяли его с собой. Дядя отругал его и приказал остаться в деревне и вместе со всеми работать в саду. Тиенг надулся и не сказал больше ни слова. А ведь вчера вечером он снова стал нормальным человеком и даже хорошо поел: съел большую чашку риса».

И она пошла за чашкой, чтобы показать нам ее. Тут же она добавила, что ни разу его не бранила.

Когда дядя и брат ушли, Тиенг пошел в Панг Донг, чтобы попросить у своего дяди (по клану) Нге-Данга разрешения перебраться к нему. «Ему было так стыдно,

что он больше не мог оставаться в нашей деревне», — пояснила старуха. Но Нге-Данг отказал. На Тиенга грубый отказ подействовал удручающе: он вернулся из Панг Донга совсем пришибленный.

Тогда он попросил старуху сходить в лес за бамбуковыми побегами, которыми ему хотелось полакомиться. Старуха ушла. В доме осталась только жена Танга с ребенком и дочь Тиенга — маленькая Джоонг. Тиенг подарил дочери свое красивое ожерелье, а невестке приказал пойти с детьми на реку за водой. Вернувшись, она увидела, что он повесился.

Труп, почти обнаженный, продолжал лежать на нарах. Он еще довольно долго оставался теплым, и мы несколько раз проверяли, не дышит ли Тиенг.

Закончив рассказ, старая Риенг, не пролившая ни слезинки и не испустившая вопля — самоубийцы не имеют на это права, — покрыла голову Тиенга старым лоскутом, валявшимся в углу грязной хижины, — у Тиенга не оказалось покрывала.

Никто не смел прикасаться к самоубийце. Молодой и очень кокетливый Нянг (брат Банга Кривого и Анг-Крэнг, занимающих вторую половину дома) отказался выпрямить ему ноги и вытянуть руки вдоль туловища. Не помогли уговоры и заверения, что он ничем не рискует, поскольку жил под одной крышей с покойным. Он боялся «дурной смерти», которая приносит болезни. Кто-то даже стал уверять, что самоубийца — *ндриенг* — не только не имеет права на гроб и на оплакивание, но и на то, чтобы его члены были расправлены.

Запрещение оплакивать самоубийцу соблюдалось неукоснительно[53]. Когда маленькая Джоонг, войдя в комнату, увидела на нарах неподвижное тело отца и столпившихся вокруг людей, которые мрачно смотрели на него, ею овладел животный страх, и она вдруг закричала. Сразу же на нее набросилось несколько человек: «Плакать табу!» Но девочка продолжала рыдать, пока не удалось уговорить ее пойти к другим детям. Остаток дня она играла, как если бы ничего не произошло. Казалось, она даже сознавала, что вызывает у окружающих интерес.

---

[53] Считается, что душа умершего «дурной смертью» становится сильным злым духом. Плачем боятся привлечь ее.

Разговор вертелся вокруг мрачных тем, но не задерживался на покойном. Зато все сочувствовали живым, понимая, какие заботы свалились на них. Жалели несчастного Чар-Риенга, которому придется снова приносить жертвы. «Он должен теперь найти свинью, козу, собаку, утку...» — перечислял кто-то. Живущий в том же доме Банг Кривой совсем пал духом. Он твердил, что ему придется покинуть этот дом и построить в другом месте новый. Его единственный зрячий глаз открывался и закрывался на печальном и унылом лице. Мысль о том, что, может быть, вся деревня переселится в другое место, его, по-видимому, успокаивала. Чар-Риенг будет вынужден отказаться от дерева и соломы и строить из иных материалов. Если бы Тиенг повесился в лесу, этих неприятностей не было бы.

Риенг-Чар снова заговорила о племяннике своего мужа, явившемся причиной всех бед. «Еще его мать — ее звали Риенг — согрешила в своем собственном клане. Тогда было то же: „съели" буйвола, опорожнили кувшины, да и успокоились, только штраф заплатили натурой». Помолчав немного, она добавила: «Если бы сразу поймали собаку и убили, Тиенг был бы жив!».

И старуха и мужчины непрерывно повторяли, что Тиенг наложил на себя руки потому, что был «по уши в стыде».

Вдруг вспомнили, что Тру и сопровождавшие его юноши отсутствуют. Между тем жители деревни не должны находиться в «чужих местах», когда у них дома «дурная смерть». Мне поручили написать Тру несколько слов, их прочтет учившийся в школе начальник сектора.

Тут появился Бап Тян, возбужденный и встревоженный, и поспешил ко мне: «Ничего особенного не произошло, Йо, он сам себя убил, сам! Его не обижали и не били! Он не умер после драки! Он покончил с собой!». Бап Тян говорил все быстрее и громче, почти кричал. Я старался его успокоить, уговаривал не волноваться: ведь я могу подтвердить, что он действительно сам наложил на себя руки, что его не оскорбляли, не били, на самоубийство его толкнуло отчаяние. Эта сцена привлекла к дому Чар-Риенга толпу народа. Теперь Бап Тян изливал свое возмущение перед благодарной аудиторией. Он презрительно улыбался с видом человека, чувствующего, что право на его стороне. «Пусть его

вышвырнут, раз он покончил с собой! Прежде такое дело стоило бы ему буйвола, у него же спросили только свинью в пять пядей за двоих, он же дал только свинью в две пяди и два пальца! А теперь взял да повесился! Пусть его выбросят!» Потом он спросил, не плакал ли кто-нибудь, и, получив отрицательный ответ, ушел успокоенный.

Около половины пятого пополудни пришел Чар-Риенг с Тангом. Им сообщили о происшествии в тот момент, когда они собирались продать кувшин.

Чар прежде всего осведомился, плакал ли кто-нибудь по усопшему, но его успокоили. Толпа, повеселевшая после разглагольствований Бап Тяна, сомкнулась вокруг вновь прибывших. Сняв со спины корзину, старик напустился на Анг Вдову. Он хотел привлечь ее к суду: Тиенг якобы из-за нее покончил с собой. Она была причиной его смерти — «значит, против нее есть дело». Эти слова толковались на все лады, и фраза «против нее есть дело» начала звучать как припев. Бап Тян тоже начал поддакивать Чар-Риенгу. Нетрудно было предвидеть, к чему это приведет: разговор будет продолжен у кувшина, потому что на этом настаивает Чар, а *куанги* только утвердят в судебном порядке решения, которые будут приняты. Никто не станет защищать Анг Вдову, тем более что братья ее очень бедны, а один даже отсутствует. В конце концов Анг станет рабыней старого Чара, а Бап Тян получит кувшин как плату за ведение дела.

Может быть, мне следовало бы с олимпийским спокойствием созерцать естественный ход событий и лишь невозмутимо регистрировать их последовательность. Но польза, которую можно извлечь из подобных наблюдений, была бы оплачена слишком дорогой ценой — рабством совершенно невинной женщины. И я решил вмешаться. Прежде всего я повторил то, о чем все твердили с самого утра: Тиенг покончил с собой, потому что не мог вынести свой позор. Затем я постарался изложить свою точку зрения: не стыд, а мысль о том, что ему придется навсегда расстаться с Анг, толкнула Тиенга на этот акт глубочайшего отчаяния. Взрыв негодования дяди послужил ему жестоким напоминанием о том, что его изгнали из Сар Лука. Единственной возможностью не разлучаться с Анг навсегда было жить в Панг Донге,

находящемся всего в километре от Сар Лука. Жители одной деревни часто ходят в другую, и всегда можно было бы встретить Анг. Но Нге-Данг грубо отказался приютить Тиенга, и тому оставалось только перебраться в отдаленную деревню, а значит, видеть Анг лишь в очень редких случаях. Он предпочел наложить на себя руки.

Эти объяснения показались моим слушателям запутанными, но сущность они, по-моему, уловили. В конце концов старики решили, что не нужно поднимать дело против Анг Вдовы. Даже Чар согласился с этим, но чувствовал необходимость оправдаться. Он не оскорблял своего племянника, он даже не спорил с ним, — все твердил он. И это действительно было так.

Мне рассказывали, что, если жена принимала смертельный яд после скандала, устроенного мужем, возникало очень серьезное дело.

Приход Чар-Риенга, казалось, снял с деревни подавленность. Теперь можно будет что-нибудь предпринять для того, чтобы отогнать самые опасные последствия «дурной смерти». Весь механизм очистительного колдовства придет в действие.

Прежде всего соседи *ндриенга* по площадке отделили свое помещение магическим предохранительным заслоном. Для этого Нянг разделил пополам гостевую, которой пользовались совместно оба «чердака». Он воткнул листья *тлоота* (gnethum latifolium) и *рхоонга* (злаковое растение) над главным входом, затем у основания, посередине и наверху двух опорных столбов, лежащих на концах воображаемой линии, которая делит комнату пополам, и — в продолжение этой линии — в противоположную стену и в крышу. Оставшиеся у него листья Нянг воткнул у главной двери со стороны защищаемого «чердака». Устанавливая «барьер», он непрерывно молился, неоднократно повторяя одни и те же формулы:

Пусть будет сон глубок и тело наше свеже,
Пусть будет мощным храп наш.
Поберегись, пусть не прольется кровь,
Пусть не пылает жаром тело,
И не обломится пусть рог.
Мы, мы все одна семья лишь в этом мире,
Мы, мы все единый *мпоол* лишь в этом мире,
Мы, мы все едим один лишь суп в сем мире,
Мы, мы все едим один лишь рис вареный в этом мире.

Между тем родственники покойного готовились к его погребению. Они набросили ему на ноги и живот старое рваное покрывало, слишком короткое, чтобы прикрыть его целиком, на грудь положили, даже не развязав узел, *су троань,* на котором он повесился. Риенг поставила около самоубийцы большую вьетнамскую чашу в знак почтения к его душе.

У старой четы не нашлось достаточно большой *нгок* (циновки, сшитой из листьев пандануса), и Чар перерезал пополам циновку, что ему принесла жена, и положил обе половины на покойника, соединив их концы. Затем с помощью сына он оторвал часть *ниера* (нечто вроде матраца из давленого бамбука, положенного прямо на нары), на котором лежал Тиенг, и положил тело на утоптанный пол. Сверху он прикрыл покойника несколькими пластинками прессованного бамбука и, чтобы было удобнее стянуть этот твердый саван, снизу продел полено. Танг всунул в сверток с трупом два пиастра, которые несчастный брат дал ему накануне вечером.

Танг рассказал мне, что на днях, когда он был в Пхи Сроони, ему привиделся сон, предвещавший очень плохое «дело»: дрова кололи не вдоль, а поперек. Прошлой же ночью его мучил кошмар: ему снилось, будто огонь охватил *су троань* Тиенга, тот поднялся и стал затаптывать огонь. Страшное предзнаменование: пламя, пожирающее набедренную повязку, означает, что ее обладатель умрет. Утром Танг не смог совершить очистительное колдовство: у него не было курицы, которую надо зарезать. «Колдун *неетнеет* (ночная птица, издающая зловещий крик) приходил за своим мертвецом», — добавил Танг.

Нянг, Нгэ (сын Чар-Риенга) и Манг Тощий завязали труп в трех местах, затем туго-натуго затянули ноги в пластинки расплющенного бамбука и полотнища из листьев пандануса. Они вынесли труп через семейную дверь и положили у порога, чтобы прикрепить к твердому савану шест для переноски, выступающий с каждого конца на целый метр.

Им напомнили, что через труп ни в коем случае нельзя переступать.

Старая Риенг принесла и поставила около покойника корзину, а в нее положила котелок, большую и ма-

ленькую вьетнамские пиалы, маленький кувшин без горлышка, содержимое которого было выпито накануне вечером, небольшую мотыгу, калебасы — одну с водой, а другую с супом, топор, остаток от клубка ратана, которым связывали тело, и полено, что подкладывали под труп.

Нянг и Манг Тощий положили на плечи шест с привязанным к нему трупом, вероятно довольно тяжелым, и понесли его. За ними последовали Нгэ с корзиной, Чар-Риенг, вооруженный куп-купом, Кронг Толстый Пуп и Биен-Дланг. Я спросил Банга Оленя, пойдет ли он с нами. «Табу запрещает нам с Кранг-Дрымом идти на кладбище, — быстро ответил он. — Дурная смерть может напасть на нас и навлечь болезнь, потому что мы собираемся устроить *там бох»*.

Дорогой Кронг Толстый Пуп сказал мне: «Он убил себя от стыда, а подождал бы день или два — и стыд прошел бы». Чар-Риенг печально добавил: «Он не хотел больше есть мясо на этом свете».

Мы сошли с дороги, проложенной французами, и по буйволиной тропе двинулись в глубь бамбуковой заросли, на север. Переправившись через реку Дак Тлонг Кар, мы свернули на северо-запад и миновали кладбище мертворожденных. Двадцатью метрами дальше между большим кладбищем и бывшим полем Танга Сутулого находилось место погребения тех, кто умер не своей смертью *(ндриенги)*.

Трое парней, все время подшучивая, принялись по очереди копать могилу длинной, тут же вырубленной палкой с острым срезом на конце. Они рассказали мне, что Тиенг будто бы собирался жениться на Анг. Это заставило меня еще раз изложить свою точку зрения, что снова вызвало шутки. Кронг Толстый Пуп велел могильщикам поторапливаться: над горизонтом нависла большая черная туча. Наконец прямоугольная яма, ориентированная с севера на юг, была готова. Рядом находилась заросшая травой могила *ндриенга* Ндонга из клана Тиль, утонувшего два года назад в возрасте двенадцати лет.

Чар-Риенг спустился в яму, края которой достигали ему до колена, и выровнял дно маленькой мотыгой, взятой из подарков покойному. Затем с листом прохладника в руке он встал над могилой, расставив ноги по

ее сторонам, наклонился и попятился, затягивая стебелек травы узлом:

Души дыхания живые, не оставайтесь на земле,
Вернитесь вниз сюда...

и бросил его вниз.

Покойника опустили в яму головой к югу. Концы шеста покоились на краях могилы, тело его не касалось дна. Тщательно избегая наклоняться над ямой, Нянг мотыгой обрубил ратановую перевязь, соединявшую труп с шестом. Шест сломали. Чар сказал, чтобы его не бросали в могилу, а оставили «на этом свете».

После этого с нескольких зазеленевших пней обрубили молодые побеги и прикрыли ими покойника, а Чар кинул несколько листьев на полоски ратана, которыми была обмотана голова.

Мне страшно, ведь земля твои глаза сокроет,
Мне страшно, ведь земля в твой набьется нос,
в твои глазницы...

Прикрытый ветвями труп забросали землей, приговаривая:

Я не бил тебя, не убивал тебя,
Не топтал, ногами не пинал тебя,
Нет, то божества — они тебя побили,
Это духи — они тебя побили,
Колдуны — это они тебя побили.
Ты же умер, тебе землю есть.
Мы живые, рис и суп мы едим.
С теми, кто внизу здесь, мир мы храним...

Могилу обложили ветками. Чар поставил кувшин[54] и прочие подношения в изголовье могилы, а вареный рис из кувшина бросил к ногам покойного:

Я рис вареный духам и обитателям миров подземных даю.
Тебе даю я суп,
Тебе даю я рис вареный, чтоб твой утишить голод.

Он поставил большую вьетнамскую пиалу слева от головы и сгреб в кучу погребальные подарки.

---

[54] Мнонгары обеспечивают душе покойного предметы первой необходимости. Прежде в могилу положили бы все его личное имущество.

Тебе даю я котелок, не зарься на суп тех нижних,
не зарься на их вареный рис!
Тебе даю я котелок, чтоб овощи варить,
чтоб рис варить, который ты станешь есть.
И пиалы вьетнамские даю, чтоб в них ты мог,
обедая, класть овощи...

Наконец провожавшие наломали веток и положили на могилу, обращаясь к покойному:

Вот топливо, тебе даю его.
Не требуй ни супа, ни риса вареного,
Ни топлива у тех, других, подземных обитателей.

И они поспешно ушли. Чар, замыкавший шествие, остановился на мгновение, срезал несколько колючих веток и бросил поперек дороги:

О дурная смерть! Пока я возвращаюсь к себе туда,
Ты ж удирай отсюда...

Обратно шли очень быстро. Долго спорили, где совершить жертвоприношение, наконец решили поступить согласно правилу: если смерть наступила в воде, нужно «съесть собаку» в воде, если в деревне или в лесу, то в деревне. Чар и юноши срезали охапки травы *тлоот* и *рхоонг*. Мы пошли к месту очистительного омовения кружным путем, и на перекрестке дорог Чар освободился от самого большого пучка ритуальных листьев.

Для купания выбрали место, находившееся ниже прежнего расположения деревни. Обычно после похорон омываются ниже своей деревни, но, когда человек умирает не своей смертью, опасность слишком велика, и те, кто провожал его, стараются совершить очистительный обряд как можно дальше от деревенского водоема.

Мои спутники омыли тело и выполоскали одежду, даже береты и тюрбаны. Чар и все те, у кого были купкупы, погрузили их в источник и вычистили. Выйдя из воды и надев пояс-передник, каждый взял по листу *тлоота* и *рхоонга* из свертка, принесенного Чаром, и помахал вокруг себя, произнося:

По траве *рхоонг* и пальме *сра*,
По траве *ра* и траве *гат*
удирай вниз по течению,
ниже леса для топлива,

Ниже высокой заросли,
Глубже глубокой ночи.
Пусть протянут малый ратан,
Пусть протянут толстый ратан.
Та скала для тебя,
Пусть мое тело будет свежим.

После этого все бросили листья в воду.

Стало холодно, и мы быстро пошли в деревню. На перекрестке Чар подобрал оставленные им листья. Тут мы увидели людей из Панг Донга: они шли навстречу нам с *падди,* которое собрали с поля Танга Вдовца, обосновавшегося после смерти жены в соседней деревне.

Около семейной двери Риенг-Чар поставила котелок с горячей водой, каждый омыл ноги и руки, а те, у кого был куп-куп, опустил и его в воду. Потом все вошли в гостевую, чтобы обсохнуть и погреться у огня.

Чар сообщил нам, что хочет обменять маленький кувшин на собаку и *рнэм*, чтобы принести их в жертву и таким образом дать возможность душе своего племянника перейти из небесных владений в подземные миры.

Танг рассказал, что вчера вечером после «вращения кувшина над головой» Тиенг велел ему сходить в Коон Йер за кувшином и обещал ему его в качестве «подарка брата». Танг поэтому считал, что не обязан отдавать его сиротке [55].

Чар объяснил мне, что, когда человек умирает не своей смертью, дух-*бриенг* съедает «его душу-буйвола и его душу-паука». Только когда убивают собаку, душа покидает небо, обитель *бриенга*, и присоединяется к другим душам в подземных мирах.

Биенг рассказал нам еще об одном случае «дурной смерти»: два года назад, во время праздника помазания *падди* кровью в Бон Джа, пьяные подрались и одного парня убили ударом палки. Возникло очень серьезное дело.

Тут возвратился от Тоонг-Манга Чар. Он приобрел кувшины с *рнэмом,* а также кошку и собаку и рассчитывал по возвращении Тру совершить двойное жертвоприношение, а позднее убить утку и козу. Вечером же он принесет в жертву только курицу и угостит всех *рнэмом.*

---

[55] Доведя отца до самоубийства, родовая аристократия теперь пытается «законно» обобрать дочь.

Танг поинтересовался, хорошо ли похоронен его брат. Кронг Толстый Пуп поспешил заверить его, что могила была глубиной по пояс (на самом деле она еле-еле достигала колен).

Чара торопили совершить обряды до того, как окончательно стемнеет. Он зарезал курицу над кучей листьев *тлоота* и *рхоонга,* которые положил с внутренней стороны порога. Он проследил, чтобы кровь попала на все листья, затем взял несколько из них и обмел кувшины, подвешенный барабан, нары (он указал на лежанку Тиенга: «Вот тут он спал»), нижнюю часть крыши и весь чердак. Покончив с вещами, он обмел людей: Джоонг — дочь покойного, Риенг, Танга, его жену и сына и всех, кто провожал тело. Потом он провел пучком окровавленных листьев по порогу семейного входа, по нижнему краю крыши, снаружи дома и по начальному участку дороги, по которой несли покойника. Перейдя дорогу, он бросил листья в густые заросли. Весь этот обряд он сопровождал ритуальной формулой, которую повторял после перечисления каждой группы объектов, подвергшихся помазанию:

Я боюсь, как бы глина не попала на суставы,
Чтобы дурная смерть не обрушилась на руки
И не вызвала страдания и болезни.
А теперь уходи прочь, о дурная смерть!

Нге вынес во двор маленький кувшин и поставил его в нескольких метрах от дома, а рядом разжег костер, на котором опалил приносимую в жертву курицу. Чар заставил каждого прикоснуться к трубочке и вставил ее в кувшин с *рнэмом,* повторяя заклинание. Танг вторил ему.

Потом он потянул немного спиртного через трубочку, заткнул ее верхнее отверстие указательным пальцем, продолжая произносить заклинания, сделал несколько шагов в сторону кладбища и сбрызнул немного спиртного из трубочки на землю. Затем он снова вставил ее в кувшин, каждый подошел и втянул один глоток. Остановившиеся у нас кули — *трам* — тоже поспешили хлебнуть. «Люди из леса (чужаки) боятся дурной смерти, напавшей на нашу деревню», — пояснили мне.

Рнэм получился неважный. Долитая в кувшин вода растворила соль, осевшую на стенках, и все, пройдя очищение и выпив глоток, поспешили восвояси.

30 ноября

С утра чувствовалось, что над Сар Луком нависла серьезная угроза. Стук пестов, обычно доносящийся со всех концов деревни одновременно, раздавался где-то далеко за околицей. В случае «дурной смерти» нельзя толочь рис в самой деревне, это может привлечь сонмы свирепых духов-*бриенгов*.

Сегодня с раннего утра старый Тоонг-Манг, старейшина клана Рджэ, пришел к Чар-Риенгу для переговоров с ним и Тангом, братом покойного. Когда я вошел, наш хозяин в который уже раз рассказывал, как он привел к себе Тиенга из Пхи Сроони, и все время повторял: «Мы не дрались и не ругались, никакого дела тут нет». Супруги спали на обычном месте, и им ничего не приснилось.

Чар сказал, что они не уйдут, а останутся жить в том же доме. Прежде вся община перебралась бы на другое место: из-за «дурной смерти» в деревне «источник мог отказаться утолять жажду». Но теперь это невозможно, жители устали строить новые дома из-за каждого несчастного случая. Чар принесет обязательные жертвы — козу и собаку, — чтобы вода утоляла жажду. К обязательным жертвам кроме них относятся: курица, утка и кошка. Утка и свинья были зарезаны накануне в воде, курица тоже, не хватало только собаки, кошки и козы.

Танг мне объяснил, что в случае естественной смерти колдуны с кладбища пожирают тело покойного и его душа отправляется в подземные миры, чтобы встретиться с душами «матерей и отцов, там под землей». Но если человек умирает насильственной смертью, дух-*бриенг* пожирает его тело, а душу уносит на небо и женит на одной из своих дочерей, отчего душа умершего сама становится *бриенгом*. Тогда-то его родственники умерщвляют собаку, свинью, кошку, курицу, и душа возвращается в подземные миры. Души убитых животных находят дочь *бриенга*, ставшую женой души покойного, и добиваются того, чтобы она позволила мужу вернуться в подземные миры, где душа *ндриенга* снова становится душой человека.

Сначала *бриенг* съедает душу человека, и тот умирает «дурной смертью». Естественная же смерть наступает после того, как духи съедают душу-буйвола.

«В тот вечер, когда Тиенг вращал кувшин у нас над головой, — добавил Танг, — я заметил, что он уже съеден *бриенгом.* Его душу съел *бриенг-радуга,* находившийся на горизонте. Я увидел вот такое большое зарево от огня!» — он развел руки на уровне плеч.

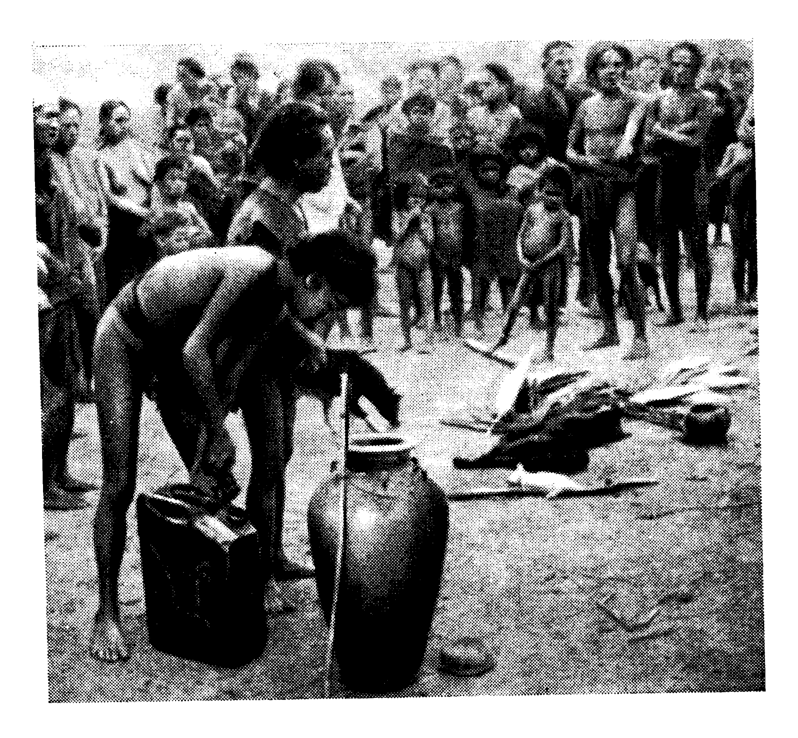
Жизнь в деревне шла замедленным темпом. Мужчины снова занялись огородами, женщины пошли собирать лесные овощи, но все ждали жертвоприношения после «дурной смерти». Чар решил совершить его сегодня во второй половине дня, поскольку Тру и юноши вернулись. На Сар Лук наложено на семь дней табу, посторонние не имеют права приходить, а жители — выходить за пределы деревни: пятно «дурной смерти» нельзя распространять на других. У входа в деревню не поставили никакого знака, извещающего о запрете, так как слух о несчастье, как мне сказали, разнесся очень быстро. Тем не менее из Нёнг Браха пришли два парня, уроженцы Сар Лука, —посыльный Быр-Анг, сын Джоонг Врачевательницы, и Банг-Джраэ Военный, сын старой Тро. Но прежде чем вернуться домой, они помылись и обмели себя листьями *рхоонга* и *тлоота,* моля «дурную смерть» удалиться.

Бап Тян был очень взволнован. Он опасался, что самоубийство навлечет на деревню неприятности со стороны администрации, что уполномоченный обвинит *куангов* и затеет судебное дело. Я старался его успокоить, объяснял, что по нашим законам [56] самоубийство не влечет за собой «дела».

В три часа дня Чар созвал к своему дому жителей деревни для «затаптывания крови свиньи и крови собаки» (на самом деле речь шла о принесении в жертву собаки и кошки). Несмотря на дневное время, было очень сумрачно. Ясная погода продержалась всего лишь несколько часов, и темные тучи снова заволокли небо. Мужчины, женщины, — некоторые с завернутыми в одеяла младенцами на спине, — дети встали полукругом перед главной дверью дома Чар-Риенга, где он сложил в кучу листья *рхоонга.* Наконец совершающий жертвоприношение схватил черную собаку и поставил ее на задние лапы, а Крах убил жертву ударами палки по голове, причем он бил до тех пор, пока не брызнула

---

[56] По законам Франции.

Кувшин, трупы кошки и собаки, предназначенные в жертву

кровь. Чар потер кровоточащую голову об обрядовые листья, затем положил труп на землю, голову же держал на весу над калебасой, чтобы собрать туда кровь. При этом он не забывал следить за другими собаками, привлеченными запахом крови, и отгонять их.

Потом Чар подержал над листьями *рхоонга* за лапы и голову белую кошку, а Крах куп-купом перерезал ей горло. Чар дал крови стечь сначала на листья, а потом в калебасу и положил кошку рядом с собакой.

Все жители бросились к окровавленным листьям и начали лихорадочно их топтать. Поднялись невообразимая толчея и шум. Все молили:

Грязь дурной смерти,
Дурной смерти щуп,
Звезда большая,
Убирайся...

Матери наклонялись, собирали пальцами кровь и смазывали детям ноги.

Низкое, покрытое темными тучами небо, торжественность, с которой толпа выполняла кровавый обряд, общее волнение придавали всей сцене глубоко драматический характер.

Кончив затаптывать кровь и листья, все, даже малолетние дети, направились к кувшину с *рнэмом*, укрепленному на колу около семейной двери, и втянули по одному-два глотка.

Когда все разошлись, Диенг и Чар вынесли прялки, пиалы, котлы — одним словом, все свое имущество. Что касается крупных вещей — кувшинов, корзин, — то их вынесли по одной штуке. Чар помазал окровавленными листьями всю посуду и утварь, а затем внес обратно в дом.

Он взял чашу с кровью обеих жертв, бамбуковую палку с расщепленным на мелкие волокна концом — она заменяла кропило, — длинный гибкий бамбуковый прут — *длей* и «веялку» (на самом деле остатки старой корзины) и взобрался на крышу дома. Там он сел верхом на гребень крыши лицом к кладбищу, издал угрожающее «пхит!», обмакнул бамбуковое кропило в чашу и восемь раз ударил по «веялке». Затем Чар побрызгал кровью перед и за собой и, схватив *длей*, начал во всех направлениях стегать воздух:

Уходи, глина дурной смерти,
Стань душой снова, дыханием, которое следует за долгом.
Ты, мерцающая звезда, не оставайся у *бриенгов,*
сиди спокойно в аду.
Я ударяю тебя и топчу, ведь ты плохо со мной говоришь,
ты меня оскорбляешь.
Сестры, племянницы, дети, внуки, прародители, предки,
Сегодня шлю вам свое приношение в кувшине, собаку и кошку.
Я взываю к душе и дыханию, которое следует за долгом.

Тру пояснил мне: «Когда душа уходит к *бриенгу,* съедают свинью, утку и кошку. Душа кошки зовет ее, душа собаки, душа козы тоже. Курица подобна кули, свинья — старосте деревни, кошка — посыльному, коза — начальнику кантона. Пока не съедят козу, душа бродит по земле и деревьям. Но как только приходит душа козы, она сейчас же говорит с *бриенгом. Бриенг* живет

на небе[57]. «Дай его душе спуститься в подземные миры, пусть она там побудет в покое, — говорит душа козы *бриенгу*. — Если дать волю духу дурной смерти, девушки и юноши не смогут радоваться — всюду будет печаль».

Тру посетовал на то, что у мнонгаров совсем не осталось коз, их всех пожрали тигры. Чтобы купить коз, надо идти к рламам. Козленка можно выменять на кувшин из Джиринга. За два кувшина дают одну козу с рогами не длиннее одного вершка...

Пока Чар молился на крыше, Нянг отделил от трупа собаки голову и положил около кошки. Потом с помощью Нгэ он унес тело собаки в дом, чтобы опалить и ободрать, предварительно отрезав тестикулы. После этого все пили *рнэм,* каждый, как обычно, вытягивал из кувшина свои две мерки. Тру пил первым, потом уступил место мне. Меня сменили Чар, Танг, затем один за другим к кувшинам приложились все жители деревни.

Чар взял окровавленные листья *рхоонга* и вставил по одному листу в горлышко или в ушко кувшина: боялся, как бы там не спрятались *бриенги.* Он постоял перед каждым сосудом и попросил духов «дурной смерти» уйти. Потом взял кропило и калебасу и покропил кровью кувшины, чердак, все свое имущество, даже кукурузу, разложенную на полке под потолком: *бриенг* ведь бежит от крови собаки и кошки.

Наконец Чар вышел из дома, чтобы произвести очищение территории и всех деревенских строений. Этот высокий, худощавый, сутулый старик с жалким пучком волос, одетый только в ветхий и грязный пояс-передник, обошел все деревенские дворы, волоча за собой на ратановой нити труп белой кошки и привязанный к нему кровоточащий череп черной собаки, которые подскакивали на каждом бугорке. На ходу Чар махал кропилом, которое держал в правой руке, и бормотал моления. По сути дела он повторял одно и то же.

Он дошел до ручья, на мгновение остановился, затем миновал сад и снова поднялся мимо крайних домов вверх по склону, не забывая окропить валявшиеся во дворах ступы. Этим обрядом Чар окончательно прогнал задержавшихся в селении *бриенгов.*

---

[57] По представлениям мнонгаров, все дурное гнездится на небе, а все благое рождается в недрах земли и вод и туда возвращается. Души предков счастливо обитают в подземных мирах.

Возвратившись к своей двери, Чар подобрал оставшиеся листья *рхоонга* и подмел ими начало тропинки, ведущей к кладбищу. Мимоходом он окропил своей жене ступню. Потом он пересек дорогу, углубился на несколько метров в лес и остановился. Его сын Нгэ вырезал куп-купом два больших кола с развилками на концах и палку для перекладины, на которую Чар подвесил труп кошки и голову собаки. Он положил на перекладину часть окровавленных листьев, а остальные — поперек тропы между обоими кольями. Туда же он положил палку, которой убили собаку, и поставил пиалу с кровью.

Уходил Чар, повторяя то же заклинание, которое произнес, когда подвешивал свои две жертвы:

Ты, голова собаки, ты, голова кошки,
Отзовите его душу от *бриенгов*.
Пусть вернется она к нему, чтобы суп есть и рис вареный.
Мертвеца гниющего оставь там,
Ничего не бойся и не мечись в страхе.
Пусть взовьется змей летающий,
Пусть взовьется могучий молодой ястреб.

Когда Чар вернулся к своему дому, сквозь толщу темных туч широкой полосой прорвались лучи яркого солнца и залили деревню.

«Видишь, Йо, — сказал мне Тру, — съели свинью, съели собаку, и теперь снова засветило солнце».

Около семейной двери собрались мужчины, чтобы поболтать вокруг кувшина, к которому они по очереди прикладывались. Женщины чувствовали себя непринужденно в своей компании под чердаком, те же, кто там не уместился, остались внизу с нами.

Чар принес мне налоговую карточку покойного, где тот записан Сиенгом. Это имя ему дали при рождении. Тиенгом он стал зваться только после очень тяжелой болезни, когда шаман решил, что ему нужно переменить имя [58] и обмануть таким образом духов и колдунов.

---

[58] По представлениям мнонгаров (и других народов, находящихся на этой стадии социального развития), имя — органическая часть человека. Его стараются не употреблять часто, заменяя меткими прозвищами. В случае несчастья и болезней можно заменить имя, и тогда духи не смогут найти человека и вредить ему.

Разговор касался различных тем, но все они, впрочем, имели своей целью завершить мое образование. Так я узнал, что в случае кровосмешения богатой семье выгоднее найти для жертвоприношения белых животных: они эффективнее; что в случае «дурной смерти» принесение в жертву свиньи и козы снимает запрет покидать пределы селения; что в течение трех дней после «дурной смерти» в деревне нельзя толочь *падди* и колоть дрова, так как сильный шум может привлечь *бриенга.* На другой день после жертвоприношения можно снова рубить деревья, не боясь навлечь гнев лесных духов и связанных с этим неприятностей.

Тут всех встревожило одно происшествие: через семейную дверь в жилище Банга Кривого, соседа Чар-Риенга, залетела ласточка. Бангу удалось поймать птицу, он разодрал ей брюшко, но вместо веточек (предсказывающих «дело») или волос (предвещающих смерть) нашел всего лишь несколько мух. Он выбросил птичку в кустарник. Обычно ласточку съедают, но раз эта проникла в дом — значит, на ней табу. Если бы в ее брюшке нашли что-нибудь, означающее дурные приметы, пришлось бы совершить очистительный обряд. Все решили, что птичка отыскивала Тиенга, но «дурная смерть» уже сделала свое дело.

Старики велели детям немедленно уйти с того места, где они было уселись играть: там привязывали труп к шесту. Мнонгары очень страшатся злых духов, которые обитают в злополучных местах и нападают на детей, чтобы наслать на них хворь.

На некотором расстоянии от кувшина, Нгэ поставил три большие вьетнамские пиалы с собачиной, сваренной с солью, перцем и листьями дикой мяты. Вокруг каждой чаши собрались люди и опустошили ее до дна.

Тут появился Бап Тян. Он шел согнувшись и осторожно нес в одеяле младшую свою дочь — маленькую Дыр. У нее лихорадка. Болезнь, без всякого сомнения, припишут влиянию «дурной смерти». Чар достал *янг дам* и дал Бап Тяну щепотку очищенного риса, а сам разжевал несколько зерен и выплюнул на лоб Дыр и ее отцу. Затем он кувшинчиком описал восемь кругов над их головами. Наконец, он плюнул себе на ладонь и по очереди притронулся к кувшину и ко лбу ребенка, плю-

нул на ладонь еще раз и дотронулся до кувшина и до лба отца. Затем он, испрашивая очищения от зла, произнес пожелание:

Будь емким, как кувшин,
Будь прочным, как куп-куп,
Проворным будь, как белка!
Сегодня я произвел вращение кувшина над головой!

Бап Тян унес *янг дам.* Он сказал мне, что завтра отдаст его Чару, в чем я не вполне уверен: фактически речь идет об уплате штрафа, полагающегося за кровосмешение. Чар долго уговаривал Тру принять окорок свиньи, зарезанной для того, чтобы уладить «дело», но начальник кантона решительно отказался: «Я не могу принять, меня не было на процессе».

Никто не задержался у кувшина, выставленного по случаю «дурной смерти», и с наступлением темноты все мало-помалу разошлись по домам.

Часов в одиннадцать вечера, когда я работал у себя, раздалось рычание: тигр двигался вдоль Дак Мей, приближаясь к Сар Луку. Послышался шум прыжка в воду: зверь переплывал реку. Бап Тян сказал мне из своей комнаты: «Дурная смерть, брат с сестрой переспали».

Однако же, когда я на следующее утро спросил Бап Тяна, собираясь с двумя юношами пойти за оленем, убитым тигром на том берегу:

— Тигр был наслан дурной смертью?

Он ответил с улыбкой:

— Конечно, нет, раз уж он напал на оленя.

Помолчав, он добавил:

— Тигр-убийца приходит только за *ндриенгом,* которого убил тигр.

4 Путешествие за душами в подземные миры

Прежде чем приступить к описанию последующих событий, необходимо вкратце рассказать о верованиях мнонгаров, связанных с болезнью и смертью. Итак, каждый человек имеет несколько душ *(хэенг)*, наделенных своей формой и, если можно так выразиться, ведущих себя по-своему: душа-кварц обитает непосредственно за лбом, душа-паук покидает голову во время сна, душа-буйвол возносится на небо, где находятся также душа-гигантский бамбук, душа-лодка и прочие. Жизнь человека тесно связана с благополучием этих душ: если с ними приключается несчастье — человек заболевает, если они прекращают свое существование — и он умирает.

Дабы избежать рокового исхода болезни, люди обращаются к искусству шамана[59] *(нджау мхэ)*: шаман исцеляет душу-кварц, борется с духами и колдунами *(тяками)* за жизнь души-буйвола, которую они готовы поглотить, ищет душу-паука и заставляет ее вернуться в свое обиталище, в данном случае в тело болящего. Все эти подвиги шаман совершает во время *мхэ*, шаманского камлания. После того как хозяин дома приносит жертву, врачеватель предпринимает в состоянии гипноза (по крайней мере символического) путешествие в потусторонний мир, ищет там причины болезни, старается отыскать души, врачует их, договаривается с духами и колдунами о цене за освобождение душ и приводит их «двойников». Наряду с этими чудодеями существует более низкая категория — *нджау пропрохи*, или врачеватели-волшебники, — чья обязанность состоит главным образом в уходе за больным *(пропрох)*, причем они особое значение придают массажу. Они знают некоторые рецепты и магические формулы[60], которым их научили *нджау мхэ*, но не имеют права совершать обряд

---

[59] В функции шамана входит общение с душами и духами и борьба за жизнь пациента, но основная его задача «очистительная», т. е. изгнание зла и оберегание от него. Однако у мнонгаров уже началась дифференциация жреческого сословия (первый этап ее — выделение шамана-профессионала), обособление прорицателей, заклинателей, врачевателей и др.

[60] Среди методов врачевания значительное место принадлежит психотерапии, сохранившей свое значение и в наши дни.

мхэ, так как не прошли посвящение и не получили в дар от духов тайну приобщения, которая открывает высшую магию.

Если духи решили умертвить душу-буйвола или колдуны задумали уничтожить душу-паука либо насытиться трупом, то человек умирает. Его двойник спускается в первый из семи подземных кругов, ад *(пхан),* где ведет вторую жизнь — бледное подобие его земного существования.

24 января 1949 года

У нас в разгаре расчистка *(мэих)* будущих полей. Вскоре после жатвы дожди прекратились и твердо установился сухой сезон. 23 декабря 1949 года «священные люди» отвели глав семейств в лес Камня духа Го и выделили каждому по участку. Мужчины починили купкупы — кто заново выковал лезвие, а кто отделал бамбуковую рукоятку, — и все семьи принялись старательно расчищать заросли и валить деревья, которые покрывали их будущие поля.

Кое-какие события нарушили однообразие этого изнурительного труда: дирекция плантации, для которой каждый здоровый человек обязан был отработать двадцать дней, решила заменить этот порядок системой «добровольности»: впредь каждый кантон будет обязан поставлять на год минимальный контингент юношей. По этому поводу два раза приходил агент-вербовщик. Кроме того, прошел сбор налога. И наконец, во время жестокой попойки Анг Слюнявая согрешила с европейцем [61]. Это из ряда вон выходящий случай у мнонгаров, но ничего особенного для Анг: несколько лет назад она ушла из Сар Лука и прожила некоторое время с белым мужчиной. Тогда Бап Тян уладил это дело со своей старшей сестрой, Джоонг-Крэнг (свекровью провинившейся), да и Анг обещала больше не обманывать мужа, Кронга Толстого Пупа. Теперь, после нового оскорбления, муж решил совершить вчера вечером церемонию развода, но неожиданные обстоятельства помешали ему.

---

[61] Это двойное преступление. Во-первых, мнонгары не приветствуют близость с европейцами (т. е. французскими и иными колонизаторами). Во-вторых, это нарушение нормы обязательного брака, в силу которой женщина потенциально вступает в брак (и связи) лишь с людьми из определенного клана.

Поскольку было воскресенье, учитель среди дня предложил два кувшина *рнэма* начальнику кантона, а вечером поднес кувшин мне, исполнив при этом обряд жертвоприношения курицы. Из-за этого нам пришлось присутствовать при новой ссоре Тру и Бап Тяна. Первый в резких выражениях обвинял своего старшего брата в том, что тот не предупредил его о важном для всей семьи событии, о котором он только что узнал из уст постороннего, своего друга Бап Но. Бап Тян горячо возражал. Тру тут же припомнил, что несколько месяцев назад, во время сватовства Джанг и Сраэ, его вообще держали в стороне. Оба брата вернулись поздно вечером, поэтому церемонию развода отложили на следующий день. И вот сегодня с половины восьмого утра гостевая у Бап Тяна и Крэнг-Джоонга полна любопытных. Анг, однако, удалось оттянуть развод на два часа, и те, кто спешил корчевать лес, один за другим уходили. А так как бракоразводный обряд требует присутствия всех жителей деревни, пришлось его отложить.

Никем не предвиденное событие помогло Анг Слюнявой и вовсе избежать развода. В полдень, когда большинство людей находилось в лесу, на Джоонг-Крэнг Врачевательницу, которая доводится Анг теткой по отцовской линии и свекровью и является самым безжалостным ее врагом, напал сильнейший приступ малярии. В это время Джоонг-Крэнг Врачевательница готовила обед для своего сына Быра, который пришел из Нёнг Браха, чтобы присутствовать при разводе. Джоонг пришлось лечь. Ее состояние быстро ухудшалось. К концу дня, когда все приготовились слушать дело о разводе, ее тряс яростный приступ лихорадки: руки и ноги у нее судорожно вытянулись, язык выпал изо рта, она потеряла сознание. На крик родных сбежались все соседи и стали хлопотать вокруг больной, которую положили на нары возле чердака. Пламя очага и длинные языки огня от смолистых веток освещали все происходящее. Дрым-Кранг, жена помощника начальника кантона и невестка Джоонг, взяла на себя роль врачевательницы. Чтобы привести свою свекровь в чувство, она описала над ее головой восемь кругов плетеным мешочком, с кварцем и магическими камнями, опрокинула пиалу с угольками, на которые наскоблили «небесной смолы», и приложила к груди, спине, локтям, подошвам ног

больной по щепотке этой смолы, взятой с угольков. Каждое свое движение она сопровождала наговором:

Камень двойной,
Кварц тройной,
Рога духов,
Преследуйте душу,
Дух, который идет вслед за долгом.
О душа, тебя несут в покрывале,
Тебе дают грудь,
Вернись к себе, мы примем тебя,
Съешь рисовый суп, который супруг приготовил клейким,
Съешь вареный рис, который супруг разжевал.
Не дай лопнуть кожаному ремешку,
Не убегай, чтобы погибнуть,
Не ищи себе ложа в чужом месте.

Но Джоонг не двигалась, не открывала глаза, дышала хрипло, прерывисто. Тогда решили послать за Манг-Сиром Слоновая Кость, который гостил в школе. Про него говорили, что он знает очень действенные способы врачевания.

Придя к больной, *куанг* нажевал шафрана и поплевал им ей на лоб, грудь, виски и темя. Затем он стал свистеть, положив руки на голову пациентки. Дрым приподняла свою свекровь и поддержала ее так, чтобы Мангу было удобно продолжать свои операции над грудью болящей.

После этого Манг крепко прижал губы к ее лбу, словно хотел укусить его, и сильно вдохнул. «Он пытается, — разъяснили мне, — разорвать шнурок, которым *тяки* душат старую женщину». После продолжительного сильного вдоха Манг выплюнул себе в руку то, что ему якобы удалось извлечь из головы пациентки, приказал всем расступиться и бросил в огонь нечто, что было у него в руке. (Что касается меня, то я видел только движение руки, но не заметил, чтобы что-нибудь упало в огонь). Затем *куанг* опять посвистел, сдвинул обеими руками кожу к середине ее лба и дунул на это место. Так кончилась первая часть лечения.

Джоонг, которая до сих пор была как бы в прострации, подняла руку и скорее выдохнула, нежели попросила позвать ей шамана.

Сиру Слоновая Кость подали медную пиалу, на три четверти наполненную водой, где плавали четыре зернышка риса. Манг набрал в рот воды и в два приема

смочил лицо Джоонг. Затем он посмотрел в медную пиалу, посвистел, восемь раз повертел ею над головой болящей, снова рассмотрел содержимое пиалы, полил немного воды на темя больной, под которым находится душа-кварц, продолжая свистеть, приложил ухо к пиале, прислушался, заглянул в нее, посвистел, побрызгал изо рта на больную очистительной водой, опять покрутил пиалой над головой Джоонг, рассмотрел содержимое сосуда и прочел ряд молений.

Манг крепко сжал руками голову Джоонг, приложился ртом к ее темени, сильно вдохнул, прокашлялся, выплюнул в руку то, что извлек из головы больной, и далеко забросил. Потом Манг повторил все сначала. Подняв пиалу на уровень головы Джоонг, он слегка пощелкал по ней, чтобы рисовые зерна легли в нужном направлении, сделав вдыхательное движение над ее теменем, покрутил пиалу над головой больной и вылил на нее несколько капель воды, умоляя душу вернуться. Проделав все это, он закинул пиалу себе за спину. Сосуд упал, как полагается, т. е. углублением к небу (в противном случае его пришлось бы бросать до тех пор, пока он не принял бы это положение). Добившись доброго предзнаменования, сулившего больной выздоровление, Манг-Сир Слоновая Кость подержал руки над огнем, давая им обсохнуть.

Появился Бап Тян и тут же начал длинную речь. Присутствующие слушали молча. Старик стоял, возвышаясь над массой сидевших на корточках людей, которые отделяли его от больной. На его лицо и плечи падали слабые отблески от очага и маленьких смолистых факелов. Он говорил о себе, о положении Джоонг, своей старшей сестры, о младшем брате, начальнике кантона. *Тяки* задумали против них недоброе, но все Рджэ готовы отстоять свою старшую сестру, отдав за нее буйвола. Это слово часто повторялось в его речи, насыщенной угрозами. У Джоонг спросили, слышит ли она Бап Тяна. Она едва приоткрыла глаза и невнятно что-то прошептала, указывая на правый бок. Джоонг-Ван, третья врачевательница в Сар Луке, помассировала не только это место, а и поясницу, причем время от времени она стряхивала со своих пальцев грязь, которую якобы извлекала из тела. Отсюда происходит и название этого лечения: *пропрох ук* или *пропрох киэк,*

т. е. извлечение грязи или песка — очевидно, тех, которые насылают колдуны и которые вызывают болезни. Врачевательнице принесли горячей воды. Она окунула в нее пальцы и стала массировать больной спину.

Кронг Толстый Пуп принес большой кувшин, откупорил и часть его содержимого перегнал в *янг дам.*

Больную попытались посадить. В мнонгскую пиалу положили неочищенный хлопок, а на него — угли. Дрым-Кранг взяла павлинье перо, сорвала с него бородку и бросила на угли, чтобы запах горелого помог душе вернуться. Затем она обвязала шею пациентки стержнем пера: духи и колдуны боятся павлиньего пера. Анг Слюнявая описала восемь кругов над головой свекрови мешочком с магическими камнями и помолилась, чтобы она как можно скорее выздоровела. Она выполняла обряд с большим рвением. Ее свекор, Крэнг-Джоонг, молился вместе с ней, а когда Анг кончила молиться, один продолжал читать моления. После этого он надел Джоонг на запястье браслет из латуни в знак того, что обязуется принести буйвола в жертву духам, и тут же заявил, что, если его жена умрет, он убьет того, кто при испытании окажется *тяком,* повинным в ее смерти.

Тян сообщил мне, что его семья твердо решила принести в жертву буйвола, и добавил, что в случае смерти Джоонг-Крэнг будет проведено испытание кипятком, дабы обнаружить виновного. В ответ на мой вопрос Тян пояснил, что шаман никогда не говорит, какая жертва должна быть принесена: «Он не осмелился бы так поступить, но, прислушиваясь к спорам колдунов с духами, мы обычно сами узнаем, что следует делать. Если они требуют кабана, мы убиваем кабана — и больной выздоравливает. Если духи выбирают буйвола, закалываем буйвола — и больной исцеляется. Но если духи не желают мяса животных, если они требуют тела человека, они пожирают его душу — и больной умирает».

Сбежалось много желающих помочь больной, все столпились около нее. Освещение, как всегда, весьма скудное, давали ветки смолистого дерева и очаг, в котором сейчас разворошили пламя. Свет выхватывал только лица впереди стоящих, столбы, подпирающие чердаки, и ложе болящей. Дым, конечно, не способствовал доступу воздуха в плохо проветриваемую хижину. Несмотря на это, Джоонг, видимо, становилось лучше,

дыхание ее становилось ровнее, и Анг Слюнявая воспользовалась этим, чтобы поправить больной прическу. Наконец Джоонг сделала огромное усилие и заговорила. Очень слабым голосом она сообщила, что видела над своей головой *тяка,* спасающегося бегством, чувствовала, что у нее связаны руки и пять человек пытаются ее утащить. В глазах Джоонг был ужас, обеими руками она отгоняла страшное видение.

Анг Слюнявая побежала за листьями *рхоонга.* Джоонг-Ван окунула их в воду, после чего Дрым-Кранг провела ими по глазам больной и начала массировать ей веки, а потом постепенно спустилась к области сердца.

Джоонг все еще сидела. Я посоветовал уложить ее. При звуке моего голоса она повернулась и посмотрела на меня. Она сама помогла тем, кто старался ее уложить, затем попросила перенести ее поближе к огню и шепотом добавила: «Поворошите в очаге». Тотчас же Манг Кривомордая дунула на огонь во всю силу своих молодых легких, да так, что чуть не подожгла низ чердака. Дрым хотела растереть еще и шею больной, чтобы сбросить «грязь колдунов».

Джоонг впала в дремоту, но вдруг сиплым и слабым голосом запела. Напуганная дочь окликнула ее: «Мама, мама!» Анг Слюнявая заявила: «Надо предложить выкуп духу водоема (тому, кто насылает безумие)!» — и вышла. Крэнг потребовал, чтобы принесли курицу, и взял старинный *янг дам.* Анг возвратилась в сопровождении двух парней, несших большой кувшин. Она сказала, что купила его за двадцать пиастров и собирается пойти за курицей, потому что хочет помазать ее кровью священные кварцы. Она долго уговаривала молодых людей не уходить, а принести ей прохладник и воду.

Крэнг разрубил курице клюв, собрал кровь во вьетнамскую пиалу, наполнил медную пиалу спиртным, которое через трубку перегнали в *янг дам,* и поставил все сосуды на нары у стены, где были выстроены по размеру большие кувшины. Рядом он положил плетеный мешочек с кварцем и магическими камнями Джоонг: он думал, что ее болезнь проявление их гнева. Жена очнулась и подозвала его, он быстро подошел и еле слышно сказал: «Ты стала петь... я уже зарезал курицу...» Крэнг помазал кровью магические кварцы (вер-

нее, мешочек, в котором они лежали). Сидя на корточках, он низко кланялся и двигал руками, сложенными в виде чаши, словно собирал ими что-то перед собой:

О дух мешочка!
О дух кварцев!
О дух земли!
О дух почвы!

И он попросил избавить его от бед и даровать больной исцеление.

После этого открыли кувшин. Первым к нему приложился я, затем Крэнг, после него Бап Тян... Пока мы пили, Анг разрыдалась: «Я одинокая, несчастная! Я предложила жертву помазания, а у меня ее не приняли!»

Крэнг вновь окропил магические камни, чтобы они позаботились о больной.

Тем временем Тян, Мхо-Ланг, двое сыновей Джоонг — Кранг-Дрым и Тоонг-Джиенг — и еще два парня ушли в Сар Ланг за самым известным в долине *нджау* (шаманом) Дэи из клана Рлык. В десять часов вечера тот явился.

Крэнг и шаман сели на корточки перед кувшинами, которые поставил Кронг Толстый Пуп, свернули курице шею, и *нджау* вставил свою трубочку в *янг дам*. Затем Крэнг помазал кровью курицы кварцы и магические камни Дэи (и третий раз камни своей жены): позавчера в Сар Ланге умерла одна женщина, а если в течение недели после чьей-либо смерти *нджау* призывают на помощь, то прежде чем он приступит к обрядам врачевания, необходимо помазать кровью магические камни.

С приходом Дэи опустевшее было помещение вновь наполнилось людьми. Народу пришло даже больше, чем раньше: всем хотелось присутствовать на сеансе лечения. Джоонг-Ван привела своего мужа, который с трудом передвигался. Двадцать два дня он вообще не вставал. В последнее время после трех посещений Дэи и жертвоприношений курицы и двух свиней ему стало немного лучше. Дэи очень гордился своей новой удачей и тем, что может таким образом доказать мне действенность своей науки. Я также хотел участвовать в

выздоровлении Ван-Джоонга и подарил ему несколько порошков — это был мой вклад. Бап Тян, который на личном опыте убедился в эффективности нашего лечения, похвалил уколы, которые, по моему совету, сделал ему приходивший фельдшер.

Итак, сеанс начался манипуляциями *(пропрох)*, схожими с теми, которые только что проделывали наши врачевательницы: кварц время от времени опускали в пиалу с водой (пиала обязательная принадлежность обрядов, совершаемых *нджау*) и прикладывали к шее больной, после чего шаман делал движение, будто он разрывает ремешок, причиняющий удушье, и проводил кварцем по левой части ее груди. Он массировал голову больной — она жаловалась на головную боль, опять проводил кварцем по шее и долго тер ей грудь, спину и поясницу. Он спросил Джоонг, что она пела, но она вообще не помнила, чтобы пела, так как находилась тогда в беспамятстве. Дэи рассмеялся. Около него поставили вьетнамскую пиалу с очищенным рисом — это была плата за труды.

Дэи сильно растер Джоонг пучком листьев *рхоонг*, согретых в котелке с водой, и изо всех сил подул на места, по которым прошлись листья. Дрым воспользовался случаем и рассказал шаману о приключении Анг. «Пусть спят вместе... Пусть кушают вместе... К чему разводиться?» — сказал шаман. В завершение лечения *нджау* поплевал разжеванным клубнем магического растения (имбиря) на сердце, на лоб и вновь на сердце Джоонг, читая в перерывах труднопереводимые заклинания:

Выздоравливай!
Выздоравливай от самого начала открытой ладони!
Повинуйся языку, слушайся руки,
Повинуйся рту, слушайся слюны...

Наконец больную усадили. Шаман прикрыл ей глаза, потянул за верхнее веко, затем приказал открыть их.

Чтобы передохнуть, Дэи вытащил из заплечной корзинки с крышкой маленькую флейту, но по рассеянности забыл, что хотел играть. В это время Анг Слюнявая доверительно рассказала женщинам, что и переспала-то она с белым один-единственный раз, да и то потому, что была мертвецки пьяна.

Кронг Толстый Пуп, сидевший в стороне, расщепил бамбуковую палку на полоски. Из них старый Крах сплетет крохотных козу и буйвола. Тоонг-Джиенг спросил шамана, надо ли вылепить фигурку раба. Получив утвердительный ответ, он сделал из влажной земли его изображение.

В одиннадцать часов вечера Крэнг и Дэи уселись на корточки около большого кувшина. Хозяин дома подал *нджау* трубочку, куп-куп, листья *линг онг* (его латинское название не выяснено) и тростник *тьенг ко* (Arundo Madagascariensis Kunth). Шаман сплел стебли тростника, а куп-куп положил на плечо. Крэнг свернул голову коричневому петуху и передал его старшему сыну своей жены, который опустил птицу в горячую воду, ощипал, окропил его кровью барду и поднес ее Дэи. Тот вставил трубочку в кувшин и перечислил духам все, что подносит им в дар. Одновременно он молился вместе с Крэнгом. Шаман помазал бардой землю, мешочки с магическими камнями и, положив на землю листья и куп-куп, прочел заклинание:

Поспешите за телом следом,
Скорее к душе взывайте,
Отправляйтесь к дыханиям,
Войдите в жилище духов,
Повидайте духов Танг-Мбиенг,
Сочленение бамбука Нгэр,
Рот бамбука Длэй,
Рог, на лбу растущий.
Вода во бороздах удерживается,
Вода в ручье запружена,
Злословию поставлена препона.
Женщины сплетничают вечером;
Мужчины болтают ночью;
Беседуют влиятельные за спиртным.

Пока Крэнг через сифон перегонял спиртное в бутыль, *нджау* лечил Ван-Джоонга, растирая ему грязью живот. Первым пил я, за мной Дэи, потом Тоонг-Ван. Когда он уже сидел перед кувшином, из его жилья раздались крики: у Банга, сына Лиенга Вдовца, начался приступ эпилепсии. Дэи обратился к помощи духов и применил к ребенку те же способы лечения, что и к Джоонг-Крэнг, когда она задыхалась.

Наконец Дэи приступил к окуриванию больной, предшествовавшему его «путешествию» в потусторонний мир. Он опустил в мнонгскую пиалу с рисом и шафра-

ном несколько угольков, на которые наскоблил «небесной смолы». От пиалы пошел густой горький дым. Усадив Джоонг, он закрыл ее с головой одеялом, раздвинул его спереди и в образовавшуюся щель просунул пиалу с тлеющими углями. Дым от них поднимался к лицу больной.

Джоонг, женщина смолы пчелы-каменщицы,
Янг, женщина смолы дерева тлоонг,
Длонг, женщина небесной смолы,
Отправляйтесь шумно,
Летите с грохотом,
Пусть непрестанно нарастает шум,
Пускай молва распространится, громко славя
Те богатейшие дары, что духом поднесены,
чтобы решить здесь дело.
Те гонги плоские; мы их оставили в лесу;
Кувшин, что нами поставлен при дороге,
Топор, его мы положили на *рнуты.*
О ты, копье большое *прам,* не затупись;
О ты, метла, нещадно выметай помет;
О ты, щепоть, без устали помазывай уста кувшина;
И ты, о плоский гонг, загороди рот этой распре всей.
Если хочешь съесть ты буйвола-самца — отправляйся к радэ,
Если хочешь съесть ты буйволицу — отправляйся к рламам;
Иль в многолюдный край цветущий тямов Нижней долины[62],
Женщины сплетничают вечером,
Мужчины болтают ночью,
Беседуют влиятельные за спиртным.
Глаз в сочленении бамбука нгэр,
Рот в сочленении бамбука длэй;
Рог, выросший на лбу.

Под конец он вылил немного воды на угли, чтобы затушить их, взял из пиалы щепотку шафранного риса и помазал пациентке лоб, углубление между грудей, живот, поясницу, колени и ладони. Затем он той же щепоткой помазал лоб Анг Слюнявой и жене Тоонг-Вана, принесшей в уплату за лечение ребенка пиалу очищенного риса.

На нарах у выстроенных в ряд кувшинов поставили большую веялку с подношениями духам: здесь была целая гора очищенного риса, увенчанная яйцом с кусочками кварца по обеим сторонам; между яйцом и кусочками кварца лежали вырезанные из полосок бамбука короткий меч и копье; все эти предметы опоясывало ожерелье. Позади кучки риса находились крохотные

---

[62] Т. е. в предгорья Южного Вьетнама и в дельту реки Меконг.

буйвол и коза, сплетенные из бамбука [63], небольшая палочка с нанизанными на нее кусочками мяса и внутренностями цыпленка, принесенного в жертву, вьетнамская пиала с белым рисом и двумя моделями гонгов из донца калебасы. На верхушке другой, меньшей, кучки риса тоже были положены два гонга из тыквы. Около веялки лежала мотыга и стояли пиала и бутыль со спиртным. *Нджау,* задрапированный в одеяло так, что правая его рука осталась свободной, сел позади подношений, положил куп-куп на левое плечо, а листья *линг онг* и тростника — возле правой руки. Ноги он вытянул вперед.

Внутри мнонгской хижины темно даже среди бела дня. Дым от многочисленных очагов скапливается тут же, ночью от него стоит непроглядная тьма, так как свет сосновой лучины не распространяется далеко. Не удивительно, что только шаман и дары были освещены более или менее хорошо. Больная лежала неподвижно на своем ложе под чердаком, вдали от очага. Толпа, плотной стеной окружившая шамана, образовала границу освещенного круга. Состояние у всех было напряженное: путешествие *нджау* в потусторонний мир считалось предприятием опасным, но не только это вызывало общий интерес: все надеялись узнать что-нибудь о душах своих близких — больных или умерших. Несмотря на это, царила относительная тишина, хотя возгласы шамана комментировались, а некоторые из присутствующих продолжали даже болтать, особенно те, кому не посчастливилось попасть в первый ряд (его, как обычно, приступом захватили женщины).

Дэи вынул из мешочка с магическими камнями крохотный фарфоровый флакончик, поднес ко рту, дунул в него, поднял на уровень правого уха, произнес «раз!» и свистнул, снова дунул во флакончик, поднес к левому уху: «два!», свистнул, и так до восьми, после чего он закрыл глаза, зевнул и снова свистнул. Он «уснул». Вскоре он пробормотал несколько слов, будто ему снился сон: «Моя сестра Джоонг...» (действительно, Джоонг принадлежала к клану Рджэ, он — к клану Рлык, а эти кланы находятся в родственных отношениях). Шаман потряс пучком листьев, который держал в руке, и «от-

[63] Довольно рано человеческая жертва заменяется в жертвоприношениях животным, а потом и его изображением.

правился в путешествие» (он делал ногами движения, похожие на движение поршня). При «ходьбе» он пел моления и просил духов сопровождать его:

Тоонг Транг, ведущий от духа
канала к фикусу, идем же со мной!
Отец Яэ, Нгкуар леса нечистой
смерти, идем же со мной!
Сиенг Ла, утес белой рыбы, идем же со мной.

Вдруг кто-то заметил, что забыли положить угли, которые считаются посредниками в потустороннем мире: их быстро добавили в веялку с дарами [64]. *Нджау* обратился к душе больной, заклиная ее поскорее вернуться к ее телу:

Вперед — и пусть ты сразу сравняешься длиною
с шестом для сушки!
Ступи ногой — и пусть ты в один прием сравняешься
длиною с багром от лодки!
Подпрыгни — и пусть ты сразу сравняешься длиною
с рукоятью копья!
Шаг сделай ты — и пусть в один прием сравняешься длиною
со стволом ратана!

Затем он перечислил обиталища духов. Он свистел и зевал.

Услышь нас, старший брат, как лаем мы отсюда!
Услышь нас, младший брат, как кличем мы отсюда!
Охэ!.. Охэ! О младший брат, взываем мы из мира этого!

Он обратился к душам углей, посвистел, «остановился», пошептал и снова пустился в путь. Затем неожиданно ударил перед собой кулаком, выкрикнул «трии!» и произнес магическую формулу в стихах (в ней много слов, подобранных только для рифмы, поэтому перевод ее затруднителен). Это означало, что он встретил души колдунов и устрашает их.

Он вынул из веялки и положил рядом фигурки буйвола, козы и прочие аллегорические предметы, чтобы поднести духам, и перечислил их в стихах. Взяв пригоршню белого риса, он сказал *тякам:* «Принесите большую заплечную корзину, большую крепкую корзи-

[64] Опытный шаман, даже позабыв «взять с собой» угли, не потерял присутствия духа и позволил присутствующим «незаметно» исправить его ошибку.

ну», раскрыл кулак с рисом над ладонью другой руки, сильно сжал руки, но так, что ни одно зерно не выскользнуло, и потер их одна о другую, словно стараясь убедить зрителей, что у него в пригоршне ничего нет. («Колдуны съели весь рис», — пояснил мой сосед). Вручая выкуп, *нджау* просил колдунов не есть живое человеческое существо.

Отдав *тякам* многочисленные подарки, он раздвинул одеяло на своей груди и несколько раз щелкнул языком, словно подзывая собаку. В действительности он старался привлечь душу нашей больной. Когда *нджау* запахнул покрывало, Крэнг остановился за ним, как бы взял что-то с его спины и перенес на голову своей жены: «Он забрал душу, приведенную из страны духов и колдунов».

Все еще «спящий» Дэи вынул из риса маленькую палочку с нанизанными на нее крохотными кусочками куриного мяса. Время от времени он отрывал один кусочек и бросал перед собой. Некоторые падали наземь, другие исчезали из поля зрения. В таких случаях говорили, что *тяки* схватили их на лету. (Я заметил, что иногда *нджау* только делал вид, что отрывает и бросает кусочек мяса). Он восемь раз произнес «пхит! пхит!» и снова начал петь. Затем он посвистел и поднес невидимым духам спиртное во вьетнамской пиале: «Это мясо курицы — отведайте его первыми. Это спиртное — выпейте его первыми. Я сам буду пить его только после вас». Он встретил душу Банга, сына Лиенга, и спрятал ее под свое одеяло, а так как ребенок все еще находился у Тоонг-Вана, его жена взяла пока душу ребенка, чтобы передать по назначению. Шаман встретил также душу маленького Вана, сына Кранг-Дрыма.

После того как Дэи подобрал эти души, он восемь раз подряд произнес «пхит!» и возобновил «ходьбу»:

Я хожу, как праматерь Бинг, прогуливаясь;
Я хожу, как праматерь Бинг, которая на лямке носила корзину,
Я хожу, как праматерь Бинг со всклокоченными волосами;
Я хожу, как праматерь Бинг, которая нет-нет да разразится хохотом.

Вдруг он потряс куп-купом и сделал вид, что надрезает невидимую веревку. Водворив куп-куп на плечо,

он разорвал ногтями нечто незримое, и от напряжения рот его скривился. («Он перерезал веревку, которой колдуны привязали душу-буйвола больной Джоонг»).

Снова восемь раз подряд «пхит!» и Дэи «пошел» дальше. Опять остановка: он вынул из мешочка магические травы *элет* и *имбирь пробуждения,* пожевал и восемь раз поплевал перед собой. Потом он сделал перерыв и снова запел. Он вытянул руку по направлению к мотыге, взял ее и стал подкапываться под душу-*рлаа* (гигантский бамбук):

Я сгребаю землю у подножия рла.
Я выпалываю травы вокруг подножия рла,
Пусть куры, роясь здесь, землей не забросают баклажаны,
Пусть куры, роясь здесь, землей не забросают паслены
прэн.

Дэи отставил мотыгу и снова запел, превознося «душу-лодку»:

Привяжи покрепче лодку к дереву.
Лодка, нитями оплетенная,
Лодка, бусами украшенная,
Лодка, ножами защищенная...

Затем он еще раз «подобрал» душу:

О Джоонг, вернись в свою деревню,
Не оставайся в лесу и по тропинкам не бегай больше.

Он «встретил» одного из двух детей Кранг-Дрыма, умерших в этом году. Из разговора с душой покойного выяснилось, что она голодна и просит супа и риса. После этого он подхватил душу Анг Слюнявой, которая страдала увеличением щитовидной железы. Теперь он выплеснул немного супа перед собой в глубину хижины. Подбросив в воздух несколько зерен риса, он произнес заклинание:

Колдуны-завистники, налево вон,
Вода в бороздах удерживается.
Вода в ручье запружена,
И рты хулящие стараются напрасно!

Шаман вновь бросил рис, но тот не упал на пол. Я хотел было выколотить табак из трубки и постучал ею о край нар, но оказалось, что этого нельзя делать: моя трубка вовсе не трубка, а птица *ртлех* и может накликать на шамана большое несчастье.

Дэи вытянул руки в сторону, давая этим понять, что ему нужна вода. Ему полили на руки, а он провел мокрыми руками по лицу и только тогда открыл глаза: он якобы вышел из гипнотического состояния. Затем он водой с рук брызнул на больную. Поднявшись, Дэи положил ожерелье и магические кварцы в мешочек, подал мне яйцо, а женщинам велел высыпать рис в его *киу*, после чего направился к Джоонг, приложил кусочек магического кварца ей между глаз и провел им по лбу до макушки, где «вдавил», читая при этом заклинания.

Такой же способ лечения он применил и к другим больным, даже к Манг Кривомордой и Крэнгу (дочь Джоонг с мужем, которые живут с ней у одного семейного очага). Потом шаман возвратился на прежнее место, выплеснул *рнэм* из пиалы на стенку в глубине хижины (туда же он раньше лил суп и бросал рис), но бутылку со спиртным не тронул.

В веялке все фигурки поменяли местами. Шаман заставил больную плюнуть туда восемь раз — он сам считал вслух — и под конец тоже плюнул со словами:

Пусть пиявка водяная, насосавшись, отвалится,
Пусть пиявка земляная, насосавшись, отпадет,
Пусть лишай, насосавшись, отстанет,
Убирайся к тем, другим, в подземные миры,
Те, другие, там крепкие пареньки,
Те, другие, там дети взрослые.

Шаман описал веялкой восемь кругов над головой Джоонг, «обмел» больную листьями, которые брал с собой в путешествие в потусторонний мир, и вышел через семейную дверь (его сопровождала женщина из семьи больной). На краю деревни, за свинарником Джоонг-Крэнг, он положил на землю дары для духов: фигурки буйвола, козы, раба... Потом взял угли, поплевал на них и, прежде чем положить около даров, произнес:

Я привожу раба *рхинг*,
Гонги плоские *рхэнг*,
Из слоновой кости клык предка
Я отдаю обеими руками;
Все это тщательно расположив,
Со всею строгостью я говорю,
Согласно с этим будет пусть здорова она от самого
начала раскрытой ладони.

Шаман встал и разбросал в разные стороны шафранный рис, стараясь попасть на высокую траву. В траву он положил веялку и сильно ее потряс, так что трава зашевелилась.

Явись, явись... домой вернись;
Тебя мы встретим у чердака;
Дети, супруг уже ждут тебя...

Мы заглянули в веялку: в нее упал паучок[65]. *Нджау* постучал рядом с ним тыльной стороной руки, и паучок подпрыгнул. Шаман загнал его в плетеную коробочку, которую подала молодая женщина. Она быстро захлопнула над этой «душой» крышку. *Нджау* собрал несколько таких паучков, сорвал в траве лист, и мы возвратились домой. Прежде чем перешагнуть порог семейной двери, Дэи спросил громким голосом: «Выздоровела ли она?». «Она выздоровела», — ответили ему изнутри.

Он направился к больной, открыл над ее головой плетеную коробочку и постучал по ней. У ложа больной было совершенно темно, а потому трудно было разглядеть, вернулась ли душа-паук в свое обиталище, но все полагали, что вернулась.

О душа-дыхание, что следует велению долга, вернись!

Шаман смочил лист и провел им по груди, спине, рукам и ногам больной:

Будь свежей, как вода,
Цвети и разрастайся ты, как таро,
Спи глубоко всю ночь...

Под конец он молча воткнул лист над семейной дверью. На этом в половине второго ночи ритуал лечения закончился.

25 января

Часов в одиннадцать утра к Крэнг-Джоонгу явился его *джоок* Чонг-Джоонг, староста Сар Ланга. Он пришел навестить Джоонг, о болезни которой узнал накануне.

---

[65] Отсюда и название последней фазы *мхэ*, которым часто обозначают весь обряд лечения: *тау бунг*, т. е. «трясти листья, чтобы подобрать душу-паука». — *Прим. автора.*

Войдя, он разгрыз несколько зерен риса и восемь раз плюнул над головой Джоонг, приговаривая:

Рис прибежать заставил,
На болезнь прийти взглянуть,
И влиятельным отдать визит.

Затем он взял метлу, провел ею восемь раз по телу болящей, произнося всевозможные пожелания, и положил метлу поперек порога, чуть отступя от него.

Постепенно хижина наполнилась посетителями: соседям сообщили, что во искупление души Джоонг будет принесена в жертву свинья. Ее закололи в обед. Немного крови и щепотку пивной барды положили на затычку кувшина.

Затем кувшин освятили: Крэнг подал трубочку и щепотку окропленной кровью барды каждому из трех мужчин, которые вместе с ним сели на корточки подле Джоонг. Это были Дэи Шаман, Боонг Помощник, согласившийся быть посредником при жертвоприношении — поэтому он держал на плече короткий меч, — и Чонг, доверенное лицо хозяина дома. Все четверо читали разные моления, прося исцеления Джоонг. Кончив молиться, Боонг-Манг вынул из кувшина пробку, на которой лежала пропитанная кровью барда, и положил на порог главной двери, с внутренней стороны. Мужчины, находившиеся в хижине, поспешно приблизились, взяли по щепотке барды и, сидя на корточках, смазали порог, читая при этом пожелания в стихах. Посредник же, не снимая меч с левого плеча, помазал верхнюю часть двери, призывая духов:

Боль заставляет меня стонать, и я молю тебя, о дух!
От колик вынужден охать, и я молю тебя, о дух!
В страданиях корчась, я молю тебя, о дух!
Порвалась привязь, молю тебя — ее ты возобнови!
Разломана преграда, молю тебя — ее ты восстанови!
Раз, два, молю тебя я нас охранять...

Крэнг один остался около кувшина и, продолжая читать моления, помазал голову свиньи.

Потом все приложились к кувшину. Завязался разговор. Молодые люди тем временем подготавливали мясо для жертвоприношения. Вначале по кругу пустили пиалу с печенью и кишками, пересыпанными солью.

Крэнг и Ндыр Хромой, сидя на нарах, вылепили из белого рисового теста дары духам: пять фигурок рабов, сидящих на змеях, несколько питонов, сороконожку, пару слоновых бивней, пару рогов носорога, корзиночку со свининой и две пиалы с двумя яйцами. Фигурки разместили на подносе, сплетенном из бамбука и покрытом двумя кусками листа банана, и на каждую Крэнг нанес одну или две капельки крови. Остаток теста он закатал в шарики, положил на поднос, а его поставил на кувшин, над которым будет священнодействовать шаман. К ушку одного из больших кувшинов, стоявших в глубине комнаты, подвесили на кусочке ратана сердце жертвы. У этого же кувшина поставили две пиалы с размельченным мясом, чашу, бутылку со спиртным и положили несколько угольков. Поодаль поставили кувшин с подносом, веялку с белым рисом и такими же дарами, что накануне.

В половине второго пополудни, когда все было готово, *нджау* сел на нары, напротив подношений. В руках у него не было ни куп-купа, ни листьев, ибо он должен был совершить обряд *гроонг*. Это слово обозначает нечто вроде гремящей сбруи, состоящей из ремешка, на котором висят несколько ожерелий, браслетов и бубенчиков. *Гроонг* латунным кольцом прикреплен к подставке *янг дама*.

Как и во время *мхэ*, состоявшегося накануне, шаман начал засыпа́ть, прибегая к помощи своего магического флакончика. Он «отправился в путешествие», позвякивая *гроонгом* наподобие того, как лошадь позвякивает сбруей. Время от времени он резко дергал *гроонг* вправо, как если бы его конь сошел с пути. Песни он пел те же и движения делал такие же, что и раньше, только дары — поднос, пиалу с мясом и содержимое веялки — он подносил духам иначе: прежде чем положить на нары, он ставил их себе на голову.

После «пробуждения» шаман выплеснул в глубину хижины между двумя кувшинами немного спиртного и бросил туда несколько кусочков мяса. Он положил кусочек кварца на темя больной, заставил ее восемь раз поплевать на веялку с дарами, описал ею восемь кругов над головой Джоонг и подал Крэнгу. Этот вид *мхэ* не связан с поисками души-паука, а сводится к приношению даров, которое муж больной совершает за пре-

делами деревни. Он вышел вместе с Тоонг-Джиенгом, вооруженным куп-купом, через семейную дверь и возвратился тем же путем.

Все пробовали из двух больших пиал мясо, предложенное духам, затем дочь Джоонг подала настоящий ужин *нджау,* Чонгу и его сыну.

Посредник Боонг-Манг положил в бамбуковый совочек (предназначенный вообще-то для мусора) челюсть кабана, сырой рис, трубочку с кровью и несколько угольков. Совочком со всем его содержимым он описал восемь кругов над головой Джоонг, затем сделал то же с прутом, вынутым из метелки, к которому Боонг-Манг привязал кусок хлопка, положил прут на совочек и вышел вместе с Крэнгом из дома. На опушке леса Боонг положил дары на край дороги [66] и начал ворожить над трубочкой с кровью *(пол динг мхам)*. Расчистив место на земле, он расколол трубку на две части и бросил куски на землю, заклиная:

Наружной округлой стороной ляг к духам,
А внутреннею, срезом — к нам.
Исцели этим мясом,
Исцели этим спиртным.
Вот здесь свинина,
Спиртное вот в кувшине...

Но куски упали неудачно, и Крэнг бросил еще и еще раз, пока наконец обе половинки не легли как нужно: та, что была ближе, — отверстием к нему *(рбланг),* а другая — отверстием к злым духам *(ртлуп)*.

Сидя на корточках, Крэнг двинулся в сторону деревни. Он отсчитал семь шагов, а на восьмой встал, взял щепотку земли и срезал лист травы. Вернувшись домой, он приложил щепотку земли к голове Джоонг, провел по ее телу метелкой, смоченной водой из калебасы, подмел проход от ложа больной до двери, в которую он вошел, а метлу бросил поперек порога. При этом он все время заклинал:

Будь свежей, как вода,
Цвети и разрастайся ты, как таро,
Спи глубоко всю ночь...

---

[66] Автор не упоминает, что на дороге вместе с дарами «оставляют болезнь», веря, что любое живое существо, найдя дары, примет на себя и хворь. Мнонгары ни за что не поднимут то, что лежит на дороге.

К четырем часам дня обряды закончились. Все принялись пить *рнэм*. Исполнив свои обязанности, Боонг-Манг ушел: у него дома сидел в одиночестве перед кувшином *рнэма* Манг Слоновая Кость, который пришел продать ему старинный кувшин. Боонг хотел бы приобрести дорогую вещь, но так, чтобы не задолжать постороннему. Обойдя всю деревню, он набрал наконец тысячу шестьсот долларов [67], которые запросил за кувшин Манг.

Вечером гости постепенно перешли к Крэнг-Анг: из-за того, что к ней в день самоубийства Тиенга залетела ласточка, у нее изгоняли злых духов путем жертвоприношения собаки, за которым должна была последовать выпивка.

26 января

Сегодня с раннего утра все ушли работать в поле. Это важный для Бап Тяна и его семьи день: наступила их очередь воспользоваться помощью группы [68], в которую входит его дочь. Вернувшись около полудня, Бап Тян увидел Крэнга Заику. Тот пришел за большим кувшином: это плата за помощь, которую он оказал еще четыре месяца назад в качестве *рноома* при обменном жертвоприношении.

Состояние больной Джоонг не изменилось. Дэи провел день в школе: его пригласил учитель к своему сыну, который плакал не переставая.

27 января

Едва взошло солнце, Бап Тян обошел деревню, оповещая жителей и, в частности, Тру, что сегодня состоится жертвоприношение буйвола для выкупа души Джоонг, а потому не следует идти работать в поле. Несколько человек во главе с Бап Тяном отправились в лес за дровами и за дикими овощами. Тру, его помощник и двое курьеров ушли на праздник, который устроила дирекция плантации.

Джоонг все еще серьезно больна. Чтобы отогнать злых колдунов, над ее ложем под чердаком подвесили

---

67 Надо: пиастров.

68 В доклассовом обществе часто практикуется добровольная коллективная взаимопомощь. У мнонгаров отказ от нее считается проявлением лености или пренебрежения к соседям. В данном случае речь идет о возрастной группе молодых девушек.

короткие мечи и копья длиной в руку, вырезанные из высушенных полос пандануса. Она еще не может передвигаться самостоятельно, и, когда ей нужно выйти по нужде за порог хижины, ее приходится поддерживать. Но теперь больна не одна Джоонг. Со вчерашнего вечера у ее младшей сестры Гриенг-Мбиенг появился сильный жар. Ее приемный сын Тоонг с женой Ван ушли в Панг Донг за шаманом (он отправился туда, чтобы получить старый долг). В половине одиннадцатого они вернулись вместе с шаманом. Тоонг нес зеленый кувшин — это плата Дэи за пять сеансов лечения.

Четверть часа спустя явился Быр, сын Джоонг, с женой, детьми и родителями жены, за ними Банг-Джраэ Военный и его семья (дело в том, что Банг-Джраэ принадлежит к клану Рджэ: он сын старой Тро из Сар Лука). Каждая семья принесла по вьетнамской пиале очищенного риса и браслету. Быр, как только пришел, разжевал несколько зерен риса и выплюнул их матери на макушку, читая при этом заклинания:

Я пришел навестить. И вы, те прочие духи, придите навестить.
Я пришел навестить. И вы, те прочие божества, придите навестить.
Пусть тело ее станет свежим, сон глубоким,
Живи вдосталь до преклонных лет,
Кушай вдоволь, пока не состаришься,
Толкуй, покуда ты *куангом* не станешь...

Он надел на запястье Джоонг браслет и снова пожелал ей выздороветь. (Браслет должен послужить *тякам* грозным предупреждением о том, что, если больная умрет, они не останутся безнаказанными: испытание кипятком выявит виновного, его убьют). Остальные гости повторили все, что сделал Быр. Люди из Нёнг Браха пришли не первыми: Чонг, *джоок* из Сар Ланга, явился на час раньше их.

В половине двенадцатого у Гриенга принесли в жертву кабана, и старый Банг-Джиенг Беременный, «священный человек», призвал духов. Почти никто не присутствовал на церемонии.

Примерно в половине второго дня Крах, Тоонг-Джиенг и его друг Тро-Джоонг принесли из леса бревно и две прямые ветки *рмуан* (Spondias mang). Тоонг-Джиенг держал бревно, а старый Крах сильными уда-

рами топора вырубил на его конце стилизованные шею и голову птицы *калао*[69], изображение которой венчает шест при жертвоприношении буйвола по случаю болезни или смерти. Говорят, что когда-то колдуны сами дали понять, что им желателен именно такой символ.

У ската крыши в предварительно выкопанную яму водрузили столб с «клювом *калао*», а рядом воткнули две принесенные из леса ветки, так чтобы они скрещивались под «клювом». К их основанию по горизонтали прикрепили третью перекладину. В точке скрещения обе наклонные перекладины прочно привязали к столбу веревками из толстого ратана. Верхушки веток, составивших подобие андреевского креста, срезали.

Все это заняло несколько минут. В это время у Мбиенг-Гриенга приступили к первой части обряда *мхэ* по случаю болезни его жены. Это уже знакомый нам обряд, связанный с «путешествием» в потусторонний мир шамана, который вооружен куп-купом и метелкой из листьев. Аналогичный обряд Дэи совершил первый раз для Джоонг. Отличие в том, что сейчас *нджау* очень резко препирался с колдуном по поводу Джоонг: «Я тебя не боюсь, — сказал он. — Ты уже сожрал свинью и получишь еще буйвола. Пора тебе угомониться».

В четыре часа пришли Кронг Толстый Пуп и Манг Тощая. Они привели молодого буйвола, предназначенного в жертву. Им пришлось немало походить, они с раннего утра ничего не ели и сильно проголодались. Сначала они хотели взять буйвола в Нёнг Брахе, но перед самой деревней услышали крик косули и отказались от своего намерения. Зато Кронг предупредил своих братьев Быра и Банг-Джраэ о предстоящем жертвоприношении. Из Нёнг Браха Кронг и его спутница пошли в Сар Ланг и взяли там буйвола у Мхо-Ланга (племянника Крэнг-Джоонга по материнской линии).

Пока что животное отвели на солончак около деревни. К Крэнг-Джоонгу принесли кувшины. После предыдущего обряда комната еще не подметалась: там, где совершалась церемония *мхэ,* нельзя сразу производить уборку. При жертвоприношении буйвола следует выста-

---

[69] Калао — птица из группы туканов. Играет роль в обрядах как пережиточно-тотемный символ.

вить семь[70] кувшинов с *рнэмом.* Так как некоторые пусты, то в них закладывают пивную барду из *янг дама.*

Кувшинов набралось уже одиннадцать штук. Это были: кувшин Крэнга для совершения *мхэ*, кувшины Бап Тяна (брата больной), Тоонг-Джиенга (сына), Банг-Джиенга (доверенного друга младшего брата и свекра старшего сына), Кранг-Дрыма (старшего сына), Кронг-Тро («брата» мужа), Ньянга из Нёнг Браха (свекра Быра), Мхо-Ланга (племянника мужа по материнской линии и мужа одной из «сестер»), Тро-Джоонга (*джоока* второго сына Тоонг-Джиенга), Кронг-Маэ («отдаленного брата» Ван-Джоонга, который желал совершить *там бох* со своим шурином), Банга Оленя (будущего *джоока* старшего сына).

Когда кувшины были расставлены по местам, Бап Тян приказал созвать всех. С каждого кувшина он снял немного барды и положил на ушко, а Крэнг перенес ее на пробку первого кувшина. Затем в кувшины положили много листьев и залили их водой.

Когда приготовления были закончены, буйвола привязали к жертвенному столбу.

Тем временем комната понемногу наполнилась людьми. Одним из первых пришел старый Тоонг-Манг, старейшина клана Рджэ и всей деревни. Он поплевал рисом на голову Джоонг и подарил ей за неимением браслета вьетнамскую пиалу.

Буйвола заклали, как полагалось по обычаю: подрезали сухожилия задних ног и прокололи правый бок. Тем не менее буйвол еще сохранял силы. Несмотря на неуклюжее украшение на голове и препятствие в виде большой жертвенной перекладины, он упорно защищался. Падая, он издал рев. Все бросились к нему, чтобы как можно скорее залить ему в ноздри воды.

В шесть часов вечера внимание всех переключилось с Джоонг-Крэнг на ее младшую сестру Гриенг-Мбиенг, болезнь которой собирались изгонять жертвоприношением собаки. Перед главной дверью на землю уже набросали листья *тлоот* и злака *рхоонг.* Тоонг-Джиенг два раза обрушил дубинку на голову собаки, которую помощник крепко держал обеими руками за бока. Еще один сильный удар — и Тоонг прикончил животное. Ок-

[70] Фактически восемь, так как необходим еще *янг дам* для уплаты посреднику. — *Прим. автора.*

ровавленную жертву, еще корчившуюся в судорогах, бросили на ритуальные листья. На запах свежей крови сбежались голодные собаки, их приходилось все время отгонять. Тоонг куп-купом отсек морду и шею собаки. Челюсти, остатки головы и окровавленные листья он положил на совок для мусора. Туда же он добавил трубочку с кровью, вырезанные из дерева клыки и рога, а также плоские гонги из донца тыквы. Молодые люди подхватили тело животного, чтобы разделать.

Совок вручили Банг-Джиенгу Беременному, тот, читая заклинания, подал его Гриенг и ее мужу. Челюсти и фигурки он восемь раз повертел над головой болящей, молясь о ее выздоровлении. Продолжая читать моления, он взял из рук Мбиенга дубинку, которой прикончили собаку, плюнул на нее и также положил на совок. Затем, держа голову собаки за уши и за язык, поплевал на нее восемь раз и повертел над головой Гриенг. Проведя по телу больной окровавленными листьями, он забрал все, что нужно для изгнания злых духов, и вышел. За ним последовал Мбиенг, вооруженный куп-купом. Они вступили на тропинку, ведущую за деревню. Банг-Джиенг положил на землю все, что нес, кроме трубочки с кровью. Челюсти собаки он положил так, что они были повернуты в сторону от него, к верховью реки. Поплевав на угли, он произнес магическую формулу, расколол трубку с кровью по длине и склеил обе половинки грязью. Затем он начал читать заклинания и бросать трубку наземь, упоминая при этом названия местностей. Он делал это до тех пор, пока упавшая дальше от него часть трубки не легла выпуклостью кверху, а другая — выпуклостью книзу. Тогда он сделал пол-оборота, присел на корточки, отодвинулся на восемь шагов, встал, взял щепотку пыли и вырвал лист из куста травы, росшего поблизости. Возвратившись в дом Гриенг, он спросил: «Она выздоровела?» — «Выздоровела!», — ответили ему. Он прижал щепотку пыли к груди Гриенг, ко лбу, еще раз к груди и в заключение провел по ее голове принесенным листом.

Он пошел к двери, неся остроконечную веялку и калебасу с водой, вылил в веялку немного воды, а часть ее выплеснул во двор. Эту процедуру он повторил восемь раз, считая вслух, закончил ее восклицанием «пхит!» и закрыл дверь.

Отведав мяса собаки — это было скорее причастие, чем трапеза, — все пошли опять к старшей сестре, где уже расставили все необходимое для обряда. Неожиданно Бап Тяна охватил приступ гнева. *Тяки* сердятся на него: разве они не напали сразу на обеих его единоутробных сестер? Но он не даст им воли: если сестры умрут, он велит провести испытание кипятком, и тот, чья рука в кипятке покраснеет, будет предан смерти. Весь кантон пройдет через это испытание, никому не удастся избежать его.

К одиннадцати часам вечера церемония закончилась. После ласковых увещеваний шаману удалось заставить больную съесть немного вареной печенки и рисового супа. Затем он прочел моления о ее выздоровлении.

Пили всю ночь. Еще до зари *нджау* должен был извлечь из тела Джоонг колдовские палочки, но, несмотря на все усилия Быра, разбудить шамана не удалось: он был мертвецки пьян.

28 января

Джоонг продолжала худеть. И все же на ней, пожилой женщине, следы тяжелой болезни были не так заметны, как на ее младшей сестре. Гриенг еще очень хорошо выглядела, но три дня болезни превратили ее в высохшую старуху.

Сегодня в половине десятого утра ради ее исцеления закололи свинью длиной якобы четыре с половиной локтя (на самом деле три локтя четыре пальца). Посредником был Кранг-Дрым: один и тот же человек не может два раза подряд вызывать духов.

Пока мы были у Мбиенг-Гриенга, к двери Крэнг-Джоонга подошел Манг-Сир Слоновая Кость, но его вовремя остановили: он хотел обменять у хозяина дома свинью длиной четыре локтя на двенадцать снопов *падди* и молодого буйвола, еще не ходившего на поводке. Манг-Сиру Слоновая Кость надо было бы получить свинью именно сегодня, чтобы заколоть ее на церемонии большого жертвоприношения в честь помазания *падди,* которое скоро будет совершать его деревня. Но в течение восьми дней после обряда *мхэ* запрещается посещать чужие дома и заключать торговые сделки. Предложение Манга вполне подходило Крэнгу, но он не мог преступить закон.

В четверть первого больную окурили, после чего шаман провел сеанс путешествия в украшениях типа *гроонг*. Церемония прошла спокойно, если не считать того, что пришлось унимать лающую собаку (собакам не следует лаять во время такой церемонии, ибо душа-кварц шамана, испугавшись лая, может скрыться под землей, вызвав этим смерть *нджау*).

После сеанса Дэи помассировал Джоонг. Крэнг поставил возле него пиалу с очищенным рисом и положил один пиастр.

Родственники Быра по линии жены возвратились в Нёнг Брах. Каждому перед уходом провели по лбу пальцем, вымазанным сажей с донышка котелка.

Около четырех часов изгоняли злых духов, совершая особый ритуал с челюстью свиньи. Затем шаман заставил Гриенг немного поесть.

Доказав в течение этих дней свое исключительное умение врачевать, Дэи решил вернуться в Сар Ланг. Когда он пришел пять дней назад, при нем был очень скромный багаж: всего-навсего маленькая заплечная корзинка с крышкой, где лежало все необходимое для совершения обрядов. Зато теперь потребовалось пять человек, чтобы помочь ему нести «гонорар»: кувшины, очищенный рис, мясо... От каждого животного, принесенного в жертву, ему причиталась определенная доля: нога — за его услуги, сердце — для передачи духам, мясо, как брату по клану (пациенты из клана Рджэ ему, члену клана Рлыков, приходятся «братьями»).

Вскоре после ухода *нджау* Крэнг развязал «крест» и отнес ветки за пределы Сар Лука, заклиная «вредоносные рты» вернуться в свое обиталище.

29 января

Жители Сар Лука отправились корчевать лес. В деревне остались только больные.

Крэнг-Джоонг и Кронг Толстый Пуп ушли «прогонять духов с оставленных полей». Муж больной нес большую корзину риса с шафраном, фигурку раба[71], пару изображений маленьких гонгов и угли. Сын нес на

---

[71] Постоянное присутствие среди даров духам фигурок рабов свидетельствует о том, что человеческие жертвоприношения у мнонгаров изжиты совсем недавно и память о них жива.

спине завернутую, словно ребенок в одеяло, узорчатую плетеную корзинку.

Вскоре они дошли до полей, заброшенных после жатвы. Еще несколько месяцев назад это обширное пространство было покрыто колыхавшимся ковром *падди,* теперь же являло собой унылое зрелище. Все покрыла густая низкая поросль. Между большими островками прохладника виднелись побеги более сильных кустарников и бамбука. Над ними возвышались обгорелые столбы, оставшиеся от прежних шалашей, и межевые знаки, которые напоминали о том, что растительность здесь низкорослая из-за того, что человек свел этот участок леса ради пропитания.

Подойдя к своему полю, Крэнг «подвинул» одно из бревен, отделявших его поле от соседского. Он поднял бревно и перекинул его на смежный участок, попросив при этом у границы наделов, чтобы она не гневалась на него за этот поступок. Затем он взял с межи щепотку земли, чтобы дома приложить к голове жены. Теперь мужчины стояли на самой середине поля, на небольшой земляной насыпи. За ней тянулось кверху дерево *ниер* (Irvingia oliveri), которое в прошлом году служило главной опорой навесу, теперь уже рухнувшему. Крэнг направился к откосу насыпи, где виднелась нора дикобраза, сорвал лист травы и взял щепотку земли у входа в нору (за дикобразом водится дурная слава: он якобы насылает кашель). Затем Крэнг подошел к *ниеру,* единственному дереву, уцелевшему в прошлом году, когда на участке выжигали лес. На *ниере* остались глубокие следы огня. Крэнг присел на корточки, поставил на землю фигурку раба, восемь раз плюнул на угли и обратился к дереву с мольбой о милосердии. В заключение он кинул несколько горстей шафранного риса на ствол дерева и потряс над своей корзинкой сначала листья росших здесь бобовых, а затем прохладника. Все это он делал для того, чтобы собрать души-пауки. Кронг Толстый Пуп загнал их в коробочку. Перед уходом Крэнг нарвал листьев.

Дома он открыл над головой жены коробочку и похлопал по ее донышку, чтобы из нее выпали пауки. После этого он приложил щепотку земли ко лбу, груди, спине и суставам больной, а в потолок над дверью воткнул несколько принесенных листьев.

Возвратясь с покинутых полей, со жнивья,
Я приказываю тебе вылечиться,
Пусть твое тело будет свежим...

К вечеру Крэнг срезал несколько листьев *тлоота* и *рхоонга* и положил на верхнюю перекладину двери. Теперь он ждал возвращения односельчан с поля, чтобы приступить к изгнанию злых духов путем жертвоприношения утки.

В половине седьмого «священный человек» отрубил утке голову над листьями, которые разложил на земле перед дверью. Он подал посреднику Тро-Джоонгу голову жертвы, угли, очищенный рис, две миниатюрные модели гонгов. Затем он срезал с головы жены четыре пряди волос (по две с каждой стороны) — его сын Тоонг-Джиенг поддерживал голову больной — и также вручил их посреднику.

Тро-Джоонг повращал полученными предметами (кроме головы утки) над головой Джоонг-Крэнг, громко считая при этом и произнося вместе с Крэнгом заклинания:

Я утку подношу в обмен вам в жертву,
Рты, клювы, жала языков,
Рты, изошедшие слюной.
Ее минуйте! Уходите!
Сегодня я вам утку приношу в обмен,
Я отгоняю заклятьем вражеские рты,
Рты Нёнг-Брах,
Рты Нёнг-Рла,
Рты Нёнг-Хат,
Рты чужаков, тех из миров подземных,
Рты чужаков и тех, что здесь на земле.
Возвращайтесь к себе в ваш чуждый людям край.
Сегодня я утку подыскал,
Утку эту я вам жертвую в обмен...

После этого Тро-Джоонг повторил заклинание и обряд, но уже держа в правой руке голову утки и ритуальные листья, окропленные кровью (в левой руке у него были предметы, перечисленные выше).

Крэнг пошел с Тро-Джоонгом по тропинке, ведущей за пределы деревни. Посредник положил поперек дороги листья, обрызганные кровью, и другие предметы, которыми пользовался при изгнании злых духов. Он сел

перед ними на корточки, поплевал и перечислил все подносимое: «Я принес тебе в уплату корзину очищенного риса, двух кабанов, буйвола, а сегодня еще и утку...», после чего добавил туда еще и угли.

Он сделал восемь раз глубокий вдох, приговаривая: «Сегодня я жертвоприношением утки изгоняю злых духов». Крэнг молча стоял возле него.

Уходя, Тро взял щепотку земли, оторвал лист и произнес с присвистом: «О мать моя, Джоонг, вернись! О мать моя, Джоонг, вернись!» (Джоонг-Крэнг мать его *джоока* Тоонг-Джиенга).

Прежде чем войти в дом, Тро спросил: «Она выздоровела?» — «Выздоровела!» — ответили ему. Он подошел к больной, натер ей щепоткой земли углубление между грудями, лоб, а затем воткнул над дверью лист. При жертвоприношении утки не полагается пить *рнэм.*

Час спустя Анг Слюнявая обошла все хижины и пригласила свою родню по мужу выпить в честь обряда «вращения над головой». Собрались главным образом женщины. Поводом для выпивки послужил кошмарный сон, который видел Кронг Толстый Пуп. Ему приснилось, что его «брат» Кранг-Анг, помощник начальника деревни, умерший в прошлом году, летел на самолете и приземлился в Сар Луке. Явление во сне возвращающегося на землю покойника, да еще к тому же на фоне неба, считается самым зловещим знамением: «Небо вскоре нанесет удар». Это может предвещать смерть и даже эпидемию. Вот Анг Слюнявая и предложила отвести угрозу принесением в жертву двух кур, *рнэма* и вращением большого кувшина. Кронг согласился и тем самым дал понять Анг, что простил ее.

У Анг было хлопот полон рот. Ей помогали «сестра» Манг и «брат» Манг Тощий (по нашим понятиям — ее двоюродные брат и сестра) и лучший друг последнего — Кранг Собачий Клык. Бап Тян наблюдал за приготовлениями. Он передал обеих кур Крангу и тут же свернул им головы. Анг Слюнявая, стоя рядом с приготовленным кувшином, подала трубочку своему мужу, который сидел на корточках по другую сторону кувшина. У его дна положили мешочек с магическими камнями самой Джоонг-Крэнг. Бап Тян сказал дочери:

Коль отправишься ты воду черпать — без недовольства иди,
Коль пойдешь ты топливо сбирать — без недовольства иди.

Анг Слюнявая помазала кровью мешочек, а Кронг Толстый Пуп воткнул трубочку в кувшин и прочел заклинания.

Анг обмакнула палец в *рнэм,* провела им по большому кувшину, а затем по лбу своей свекрови, мужа, свекра, Манг Кривомордой и золовки. Бап Тян первый начал пить. Когда сосуд слишком тяжел, обряд вращения над головой больного заменяют помазанием кувшина пальцем.

Анг Слюнявая смыла возможные последствия дурного сна, виденного мужем, а они ведь могли иметь прямое отношение к состоянию здоровья Джоонг. Одновременно Анг загладила собственный тяжелый проступок, который, может быть, и явился причиной поразивших семью несчастий.

Итак, первым приложился к кувшину Бап Тян, за ним последовали Кранг-Дрым, Кронг Толстый Пуп, Крэнг, Тян, Банг Олень, старый Тоонг-Манг, Нгэ-Тру, Анг Длинная... Пока мы пили, Дрым-Кранг лечила свою свекровь, «извлекая палочки», т. е. стрелы, пущенные в нее колдунами. Ее сменила Джоонг-Ван, которая массировала больную и прикладывала к ней кусочки магического кварца.

Говорили все время о состоянии больных. Бап Тян неустанно твердил мне, что необходимо провести обряд испытания кипятком и убить того, кто будет уличен. Я — правда безуспешно — старался убедить его в том, что лучше отвести провинившегося в суд на Озерный пост. Бап Тян упорно возвращался к своему намерению.

30 января

Это был третий день после жертвоприношения буйвола, а потому никто не пошел работать в поле.

Состояние больных улучшалось медленно, и, чтобы ускорить их выздоровление, было решено построить «хижину болезни», для чего требовались усилия всех жителей деревни. Они распределились для этой цели на две группы. Восемь человек под началом Кронга Толстого Пупа строили маленькую хижину напротив жилища Банг-Джиенга Беременного. Она служила про-

должением последнего дома в Сар Луке, принадлежавшего Тро-Джоонгу и Ван-Джоонгу. За два часа, с половины девятого до половины одиннадцатого, строители установили столбы, возвели стены, настлали крышу, сколотили нары в глубине помещения. Накидав поленья, они развели огонь и устроили как бы очаг. Жилище для Гриенг соорудили проще: столбы последнего чердака обвели стенами, которые составили как бы продолжение ее дома. И здесь тоже смастерили нары и разожгли огонь.

В половине третьего дня Крэнг отправился сделать «подношение взаимности медведю»[72]. Он вырезал из дерева куп-куп и *ка пиэт* — приспособление для копчения рыбы, представлявшее собой нечто вроде двойной решетки из полосок бамбука. На нем лежала палочка для чистки трубок с наколотым на нее зрелым индийским перцем.

Крэнг заставил жену восемь раз плюнуть на угли и сам поплевал, после чего повертел их над ее головой, прося о ее исцелении и желая ей «вновь обрести тело, свежее, как вода». Затем он повертел над головой Джоонг *ка пиэт* и вышел.

Дойдя до места, где были обнаружены следы медведя, Крэнг остановился перед деревом с дуплом и воткнул куп-куп в землю, а в кору дерева — палочку для чистки трубок. Он сел на корточки у подножия дерева, плюнул на угли, положил их на землю и вознес моления медведю, упрашивая его не гневаться и даровать исцеление. Перед тем как уйти, он срезал около дупла кусок коры, а чуть подальше сорвал лист. Дома он, читая моление, растер жене углубление между грудями, зажег с обоих концов принесенный кусок коры, а через несколько минут залил пламя водой. Щепотку образовавшейся золы он приложил ко лбу и к груди жены, моля о ее выздоровлении.

Крэнг считал необходимым совершить этот обряд, так как полагал, что болезнь жены могла быть вызвана неуважительным отношением кого-нибудь из членов его семьи к медведю: возможно, кто-то по неосмотритель-

---

[72] Медведь, некоторыми своими повадками напоминающий человека, у многих народов считается предком. Поэтому и существует обряд общения с предком.

ности наступил или плюнул на следы или на помет медведя и обозлил его, а это животное известно тем, что в отместку за оскорбление насылает насморк, кашель, приступы астмы.

Только в конце дня удалось перевести больных в их новые уединенные жилища. Это перемещение, сопряженное с надеждами и риском, требовало обряда освящения: по традиции в жертву выбрали собаку. Ее убили, а голову отрубили у входа в хижину перед самым приходом больной. Собрались все мужчины деревни. Они обмакнули в кровь, которая хлестала из шеи животного, ритуальные листья *тлоота* и *рхоонга* и обрызгали больную. Когда она, поддерживаемая двумя сыновьями, подошла к двери своего нового жилища, она была буквально выкрашена кровью. Все присутствующие громко молились о ее исцелении. Не прекращая молиться, они отступили назад и бросили листья с высоты утеса. Потом они возвратились и снова обмахнули больную, но уже чистыми листьями, которые лежали наготове на крыше. Эти листья тоже кинули с утеса вниз.

Больную устроили в ее новом жилище. Крэнг, читая моления, передал Тоонг-Бингу, который был посредником на этот раз, плетеные фигурки буйвола, козы, кусочки угля, белый рис, голову принесенной в жертву собаки и дубинку, которой ее убили.

Больная плюнула восемь раз. Над ней опять повертели ритуальными листьями и дарами. Тоонг-Бинг вышел, за ним последовал Крэнг. Сначала они пошли по дороге, и, прежде чем свернуть на тропу, посредник положил поперек дороги палку, а за ней — дары и собачью голову. Ей в пасть он засунул деревяшку, чтобы она не закрывалась и своим оскалом угрожала «божествам и духам, которые, испугавшись, повернут вспять». Положив угли и прочитав молитвы, Тоонг-Бинг взял щепотку земли, сорвал лист и вместе с Крэнгом возвратился обратно. Прежде чем войти к больной, они задали традиционный вопрос: «Она выздоровела?» — и получив извечный ответ: «Выздоровела!», Тоонг-бинг приложил щепотку земли к груди Джоонг и воткнул лист над дверью.

Та же церемония происходила при водворении Гриенг в ее новую хижину: так же была принесена в жертву собака и был проведен обряд заклинания с головой

собаки. В нем, как положено, участвовали все мужчины. Ни одной женщины не было.

В четверть седьмого все закончилось. На открытом воздухе стали пить *рнэм* и есть мясо собаки.

31 января

Несмотря на табу (три дня назад принесли в жертву свинью), Тян и Банг Олень отправили кули работать на поле Тру. «Тело его велико, — сказали мне, — а кроме того, он отсутствует и не знает о запрете». Остальные жители деревни строго соблюдали предписываемый ритуалом перерыв в работе и ограничились сбором диких овощей и сушняка.

Утром сыновья Джоонг — Кронг Толстый Пуп и Кранг-Дрым — отправились за Дэи — шаманом. Они привели его в новое убежище, где теперь в одиночестве лежала их мать. Старший сын и *нджау* присели на корточки около кувшина со спиртным. Кранг-Дрым передал шаману трубочку, ритуальные листья и маленького цыпленка. *Нджау* удушил птичку над мешочком с кусочками магического кварца, умоляя их о заступничестве. Воткнув трубочку в кувшин, он попросил о полном выздоровлении больной. Прежде чем он начал пить, спиртным наполнили бутыль. Банг Беременный и Кронг Толстый Пуп пили первыми, за ними настала очередь Дэи и Кранг-Дрыма.

После окуривания «небесной смолой» и последующего вращения магических кусочков кварца *нджау* уселся на нары подле больной, чтобы совершить обряд «извлечения палочек». Облачившись в покрывало, но оставив свободной правую руку с зажатыми в ней листьями, он положил куп-куп на левое плечо. Он дунул в магический флакончик, зевнул и «отправился в путешествие». Он потряхивал листьями, пел, спорил со своим собеседником из потустороннего мира. Раскусив корешок магического растения, он разжевал его и восемь раз плюнул перед собой, затем принялся массировать больную. Он наклонялся над ее обнаженным животом, губами захватывал складку кожи, сильно втягивал ее в себя, отпускал, а затем выпрямлялся и вытаскивал изо рта длинную палочку, которую вводил в трубку. Он повторял этот жест снова и снова, вынимая каждый раз все меньшие по размеру палочки, которыми наполнял тру-

бочку. Дэи положил в рот кусочек магического растения, пожевал, выплюнул жвачку, почти не отрывая губ от живота больной, затем надавил живот руками, словно желая что-то втиснуть в него. После этого он опять «отправился в путешествие» и спрятал душу под покрывало.

Выполнив все, что требовалось по обряду, он лег, растянувшись во весь рост. Это означало, что он спустился в подземный мир. Обе руки он держал над грудью, словно желая что-то поймать. Вот он схватил нечто невидимое и прижал к себе: он поймал душу-лягушку. Кто-то из присутствующих бросил в этот момент соль в огонь, она затрещала, что якобы отгоняло души умерших, которые следовали за душой больной и хотели удержать ее в подземном мире. Треск соли должен был убить их вторично и низвергнуть во второй круг подземного мира. *Нджау,* продолжая лежать, повернулся, вытащил из своей коробочки флейту и наиграл мотив, чтобы «разжалобить» души умерших. Наконец он вытянул руки в сторону, и кто-то полил на них воду. Это должно было пробудить *нджау.*

Он не мог сам подняться, и ему помогли сесть. Дэи провел мокрыми руками по лицу и отряхнул их в сторону больной. Вся процедура завершилась поисками души-паука с предложением символических даров и вытряхиванием души-паука на макушку больной.

В час дня Дэи лечил Джоонг стеблями *си динг* (Rutacées) и *си пет иер* (латинское название не выяснено). Подержав их в огне, он приложил обожженные концы к груди больной (чтобы излечить кашель и вызвать аппетит) и к голове. Он обмакнул пальцы в пиалу с водой, где лежали кусочки магического кварца, и провел по шее своей пациентки сначала пальцами, а потом кварцем. Затем он вновь положил стебли в огонь и приложил их к животу больной.

Тут вошла молодая девушка и попросила заодно полечить ей гноящуюся рану.

Джоонг заставили съесть немного рисового супа с измельченным *плэ рко* (латинское название не выяснено).

В половине третьего *нджау* собрался домой. Перед уходом он лизнул свой палец и погладил им лоб больной, испрашивая ее исцеления. Дэи понес заплечную

корзинку со всеми предметами, необходимыми для обрядов — ее крышка поражала тонкой работой, — а Кронг-Маэ взвалил на себя гонорар шамана: большую корзину с очищенным рисом и кувшин средней величины. Кронг Толстый Пуп взял короткий меч и пошел было за ними, но, увидев, что Крах взялся выполнять роль телохранителя, возвратился назад. Тоонг-Джиенг нес две большие ветви *ндронг*. Из луба этого дерева плетут крепкие веревки.

Вечером пили у Банга Оленя. Он угощал двух жителей Бон Джа, принесших ему рис приглашения на торжественный обряд помазания *падди*. Жители Бон Джа «поглощают лес»[73] Пхи Ко, а потому им всегда необходимо посредничество Банга Оленя и Бап Тяна, которые продолжают оставаться «священными людьми» на участке, проданном этим чужакам.

1 февраля

Сегодня день табу утки (прошло трое суток с тех пор, как ее принесли в жертву). Несмотря на это, Мхо-Ланг и женщины из клана Рджэ идут обрабатывать свой участок.

В состоянии обеих больных наступило наконец значительное улучшение. Гриенг, сильно ослабевшая и дышащая прерывисто, может все-таки передвигаться, опираясь на палку. Муж повел ее совершить первое омовение, обязательное после болезни. Гриенг вошла в ручей, а муж восемь раз обмахнул ее листьями *рхоонг*, листьями *сиеп сюр* (Sclerya laevis Retz) и *мат длэи*. При этом он читал заклинания:

Раз... два... восемь... долг уплачен навсегда.
Будь свежей, как вода,
Вниз, куда сбегает вода,
Вниз по течению глубокого ручья,
В чащу леса высокого, этой ночью глубокою
Удирайте, возвращайтесь к себе туда.
Спасайтесь тотчас, или нет вам спасенья,
Пусть тело распрямится, наступило исцеление.

---

[73] Т. е. пользуются участком, с которого сведен лес, или строительными материалами, продуктами собирательства, охоты и т. д.

Солнце сегодня пекло так сильно, что бамбуковые стропила моей хижины издавали от жары треск.

Утром Джоонг съела полпиалы супа. Все начали уже надеяться, что она скоро выздоровеет, но в середине дня удушье возобновилось. Послали опять за Дэи, но он отказался прийти. В половине пятого Бап Тян собрался идти со своей семьей в Бон Джа и попросил предупредить его, если состояние больной резко ухудшится.

В шесть часов Крэнг решил перевести жену обратно к себе в дом. Он боялся оставлять ее в хижине уединения, боялся, как бы смерть не застала ее там. Водворение назад сопровождалось той же церемонией: принесли в жертву собаку, и мужчины обмахнули больную листьями *тлоота* и *рхоонга*, омоченными в крови жертвы. Но обряд изгнания злых духов совершался не с помощью всей головы собаки, а лишь ее нижней челюсти.

После церемонии больную пришел проведать начальник соседнего кантона Биенг-Дланг с женой, дочерью старой Тро. Вскоре появился Тру. Переступив порог хижины, он выплюнул рис на голову сестры, а затем передал пять пиастров от учителя и пять пиастров от себя: «Чтобы больная смогла снова приняться за еду». Внезапно начальник кантона разразился гневной тирадой: ему хотят зла, завидуют его власти и могуществу. «Я соберу всех, и мы проведем испытание кипятком»,— сказал он.

Тру был в превосходном настроении, чему немало содействовало несколько кувшинов, из которых он успел угоститься по возвращении с праздника на плантации. Тру принялся рассказывать о великолепном празднике, то и дело сбиваясь на болезнь своей старшей сестры. Кронг-Маэ, выступавший на сей раз в роли посредника, принес цыпленка и угли. Он восемь раз поплевал на угли, повертел их над головой Джоонг, плюнул на лапки цыпленка и, проведя ими по лбу больной, вышел.

Рядом, в зале для гостей, Крэнг освятил кувшин и предложил его Биенг-Длангу и Быру. Тру спросил у больной: «Где у тебя болит?» Джоонг ответила: «Мне трудно дышать».— «Тебя медведь ударил? А медведя прогнали?» Все женщины воскликнули: «Его прогнали!»

Влажной метелочкой Тру как бы смахнул пыль с головы Джоонг, подмел дорожку, ведущую к двери, и бросил метелку поперек ее.

Кронг-Маэ помазал Джоонг грязью, которую взял за порогом хижины. Крэнг поводил по лбу и груди жены оловянным браслетом, затем вдел в него веревочку и протянул ее через комнату. Хижина стала табу: ведь в ней оловянный браслет. Теперь уж, если больная умрет, испытание кипятком для выявления виновного будет проведено обязательно. Крэнг подал трубочку Кронг-Маэ, чтобы тот почал кувшин, который он предложил ему как посреднику при обряде.

На вопросы Тру Крэнг ответил, что сделал все что полагалось. Он был вне себя от ярости: все несомненно говорило о том, что кто-то желает ему зла: стоило ему уехать, как злые духи набросились на его семью! Испытание должно быть проведено! Он объяснил мне, как проводится обряд: «Большой металлический котел с водой ставят на огонь, в котел на самое дно опускают яйцо, браслет, кольцо и темные камни *моонг*. Огонь раздувают кузнечным мехом. В качестве топлива употребляют только семь хворостин в палец толщиной (он показал мне свой большой палец). Вода в котле кипит. Каждый по очереди подходит и опускает руку в котел, чтобы вынуть яйцо. *Тяк* не может его достать: вода начинает бить ключом и „схватывает" руку. Через это испытание пройдут все кланы, включая Рджэ!»

Разговор перешел на праздник. Тру восхвалял щедрость администрации плантации, устроившей праздник, на котором присутствовали все местные власти. Их доставили на грузовиках. Начальники кантонов получили по камбоджийскому покрывалу, а их помощники и старосты деревень — по куску черного или клетчатого коленкора. На обед каждому гостю дали две пиалы рыбы, две — бобов, две — соли и сколько угодно риса. Все женщины получили ожерелья или гребни. Закололи двух буйволов. Один, к несчастью, был белый [74], поэтому Тру не мог есть мяса: его приемная дочь принадлежит к клану, для которого буйволы с белой шерстью табу.

Внезапно одна мысль, как молния, пронзила мозг Крэнга: у Бап Тяна была корзина клейкого *падди*. В конце жатвы он попросил Крэнга пересыпать это зер-

---

[74] Фактически это буйвол-альбинос, т. е. с более светлой, чем обычно, шерстью. Чаще всего цветовые запреты носят комплексный характер, т. е. все, что кажется мнонгарам белым, — табу.

но в его большую яму, где стояла огромная плетеная корзина с *падди* того же сорта. Крэнг, не подумав, согласился. Теперь он вспомнил, что нельзя ссыпать в одну яму *падди* брата и сестры[75]. Вот в чем кроется причина болезни Джоонг!

Из ямы поспешно выбросили ее содержимое. Крэнг взял несколько зерен риса и приложил их к груди жены, испрашивая ее выздоровления. А ночью двое парней спустились к реке и вымыли большую корзину для хранения риса.

Тру, выйдя по нужде из хижины, стал заклинать бродящих вокруг колдунов уйти из этих мест.

Вновь заговорили о празднике на плантации. Оказалось, что на плантации есть один надзиратель, Сиенг Малыш, сильно похожий на *тяка.* «Лысый француз», европеец-вербовщик, запретил ему избивать кули и велел вместо этого давать рабочим советы или делать замечания, но без грубостей. Стоило, однако, французу отвернуться, как надзиратель принимался ругать и избивать людей. Однажды, когда Быр был на плантации, Сиенг Малыш наслал на него кашель. Пришлось принести в жертву буйвола, чтобы исцелиться. А вот другой надзиратель, одноногий Миа, — хороший человек..

2 февраля

Сегодня утром Джоонг срезали волосы, после чего было решено совершить «приношение духам». На этот раз обязанности посредника возложили на Тоонг-Бинга. Он заставил больную плюнуть на корзину с куском шафрана, белым рисом, желтым рисом, углями и целым набором изображений из плетения и дерева: тут были и буйвол, и коза, и бивни слона, и рог носорога, и гонги. Он описал корзинкой восемь кругов над головой Джоонг и перечислил дары: «Сегодня я отдаю в обмен раба, буйвола...»

Он унес корзину со всем содержимым, а также маленький бамбуковый лук длиной тридцать сантиметров, сделанный сегодня утром. За ним последовал Крэнг, который нес на спине разукрашенную плетеную коробку, завернутую в покрывало.

---

[75] По представлениям мнонгаров, души риса живут в родовом обществе, поэтому во избежание кровосмешения нельзя класть рядом «брата и сестру *падди*».

Тоонг-Бинг и Крэнг вошли в высокоствольный лес и выбрали самое большое дерево. Тоонг-Бинг положил лук позади дерева, а все приношения из своей корзинки, кроме желтого риса и стрелы с кусочком шафрана на острие, — впереди. Он плюнул на угли, положил их на землю и опять перечислил свои подношения. После этого он разбросал рис по траве, взывая: «О Джоонг, вернись! О Джоонг, вернись!». Тоонг-Бинг взял несколько листьев и потряс ими над корзиной, чтобы собрать паучков, а Крэнг подобрал их в коробочку, завернул ее обратно в покрывало и опять водворил всю ношу на спину. Исполнив положенный ритуал, Тоонг-Бинг стал поносить дух дерева и угрожать ему, даже выпустил в него из лука стрелу с кусочком шафрана на острие. Он поспешно бросил лук у подножия дерева и похитил у него дитя, т. е. отрезал кусок воздушного корня и унес. Он захватил с собой также лист, который по возвращении воткнет над дверью.

Прежде чем войти в дом, Тоонг-Бинг спросил: «Она выздоровела?» — «Выздоровела!». На голову больной вытряхнули души-пауков. Затем посредник положил кусок принесенного корня под рыболовный сачок, прислоненный к одному из столбов. Он «взял в плен ногу ребенка духа», а взамен дух должен вернуть душу, которую удерживал у себя.

«Я заточаю твое дитя, о дух! Не вернешь мне душу Джоонг — я убью твоего ребенка. Возврати мне душу Джоонг, и я верну тебе твое дитя».

После этого символического заточения заложника Крэнг, молясь за выздоровление больной, дал Тоонг-Бингу за труды пиалу очищенного риса и пиастр.

В это время многие женщины отправились за дровами. Тян и его «брат» Манг Тощий пошли их провожать. На обратном пути они натолкнулись на тигра в засаде. Манг приготовился к обороне, а Тян так громко завопил, что зверь поспешил скрыться.

В честь Биенг-Дланга у Мхо-Ланга устроили выпивку. Крэнг чистил кувшины, из которых пили вчера. Неожиданно из Нёнг Браха явился Кронг-Длонг по прозванию Бап Тянг Синг. Старый друг пришел проведать больную, и Крэнгу пришлось откупорить новый кувшин.

Анг Вонючка, дочь Ёнг Сумасбродки, пришла поухаживать за больной. Она опустила пальцы в калебасу с

водой, где лежало несколько зерен риса, провела рукой сначала по своей груди, потом по груди больной и дунула на нее. При этом она произнесла: «раз!», повторила все с начала — «два!», и так до восьми. Затем она стала молить о ниспослании больной телесной свежести и выздоровления. Этот лечебный прием называется *сам гун* (простое помазание магическим растением). Когда-то Анг сама страдала заболеванием горла, и теперь считается, что она носит в себе средство от кашля[76].

Анг получила за труды пиалу очищенного риса и старую серебряную монету. Другая гостья — Длонг-Кронг — заставила больную поесть рисового супа. Вскоре возвратились Банг Олень и Бап Тян и присоединились к выпивающим гостям. Они делились новостями, принесенными из чужого селения.

3 февраля

Сегодня седьмой день со дня жертвоприношения буйвола, а потому еще нельзя работать в поле. Тоонг-Бинг пользуется случаем, чтобы совершить обряд «помазания кровью *рнутов» (мхам рнут)*, обязательный для его сестры Анг Вдовы, допустившей кровосмесительную связь со своим «братом» Тиенгом. Согласно решению судивших, животные для жертвоприношения были предоставлены Тингом Вдовцом: у Анг и ее единоутробных братьев не было ни одной свиньи.

После самоубийства Тиенга Анг всего несколько раз появлялась в деревне. Она жила в Малом Сар Луке у своего брата Сиенга, который женился там вторично на очень красивой девушке Эт. Скромное уединение Анг объяснялось помимо всего прочего еще и тем, что ее беременность сделалась очень заметной: она вынашивала «дитя любви», да еще такой порочной!

У Тоонг-Бинга «священный человек» Банг-Джиенг Беременный (хранитель *рнутов*) разложил на циновке, расстеленной на нарах, пыльную веялку с *рнутами* из Сар Лука и другими необходимыми аксессуарами: заплечную корзинку с *рнутами* из Пхи Ко, старую бутыль из-под бенедиктина, наполненную «водой хозяина». Крэнг добавил мешочек с кусочками магического кварца Джоонг, а Тру и Боонг-Манг — свои знаки отличия.

[76] Своеобразное представление об иммунитете или вакцинации.

Боонг-Манг положил еще орден «Дракон Аннама», купленный у бывшего стрелка из Панг Тинга.

Тоонг-Бинг зарезал над мнонгской пиалой с пивной бардой свинью и коричневого петуха. Анг и оба «священных человека» присутствовали при этом. Крэнг и Банг Беременный взяли немного барды, пропитанной кровью, и помазали ею все предметы, находившиеся на нарах. При этом они заклинали:

О плашки для добывания огня,
Не говорите с нами так сердито.
Не сокрушай своим нас гневом,
О дух Рнох!
Огонь *рнута,* его вздувают, брызгая слюной.
Огонь Рноха, его стараются разжечь,
Дитятя колдунов — его ударом высекает.
Так поступаем мы, подобно нашим предкам,
что в мирах подземных,
Так поступаем мы, как повелела праматерь издревле,
Так поступаем мы, как пращуры велели в древние века.

Анг подала одну трубочку начальнику кантона, а другую — «священному человеку, хранителю *рнутов».* Тру воткнул свою трубочку в большой кувшин, а Банг Беременный — в *янг дам.* Все трое молили *рнутов* о снисхождении и о даровании всем доброго здоровья.

Теперь приступили к выпивке. Банг Олень, «священный человек» из Пхи Ко, появился только после помазания. В обряде он не участвовал, но пил вместе с нами. Настроение у всех было весьма среднее, хотя в *рнэме* и мясе не ощущалось недостатка. Тру продолжал рассказывать о последнем празднике. Вчера он только хвалил его устроителей, сегодня же вспомнил, что радэ отхватили себе львиную долю угощений, а ему, да и всем остальным мнонгарам, достались жалкие остатки. Аналогичным образом вели себя на празднике озера рламы, за что получили выговор от дирекции плантации.

В половине второго ко мне неожиданно явился шестнадцатилетний сын пастора-американца из Бан-Ме-Тхуот в сопровождении евангелиста радэ и двух протестантов из этой же народности. Пользуясь засушливым сезоном, юноша приехал на велосипеде. Отсюда он собирался отправиться пешком через Мбыр в Далат. Его отец решил убить сразу двух зайцев и дал ему в проводники проповедника евангелистской миссии, чтобы он нес «слово божье» в нашу темную деревню.

Жизнь Сар Лука, по-видимому, не очень интересовала молодого американца, и мы сидели у меня. Тру был в хорошем настроении и отдавал долги. Он вручил Тоонгу-Мангу Повару два новых кувшина из Джиринга — один большой, другой поменьше — в уплату за свинью, которую он взял, чтобы совершить жертвоприношение в честь представителя плантации. По этому поводу он предложил Тоонгу выпить *рнэма* из *янг дама*. Развеселившись под действием винных паров, Тру решил в честь меня принести в жертву белого петуха, которого мы тут же вспрыснули спиртным из большого кувшина. Таким образом Тру отблагодарил меня за подаренный ему дождевик (старую матросскую блузу, которую я сделал непромокаемой). Третий кувшин он открыл в честь гостей, но никто из них — ни американец, ни радэ — даже не пригубил. Я объяснил Тру, что все дело в табу, которое наложил их *янг*. Тру прекрасно все понял, но тем не менее огорчился. После этого Тру стал расплачиваться со всеми, кто помогал ему корчевать лес: три пиастра на каждого кули, десять пиастров Бангу Оленю и столько же Тяну, которые их сопровождали и руководили ими.

Вечером произошло невиданное и неслыханное в Сар Луке событие: была прочитана первая проповедь. Сын пастора, устав с дороги, лег спать, но его товарищи собрались у Тру. Я опоздал к началу проповеди, а когда, оставив моего гостя в постели, вошел к начальнику кантона, то увидел, что в его хижине яблоку негде упасть: явились все до единого жители Сар Лука. На циновке, расстеленной на нарах, уселся евангелистский проповедник радэ, перед ним на табурете устроился Тру, по обе его руки — два других радэ. Их плотной массой окружили слушатели. Эта сцена была прекрасно освещена факелами из очень смолистого дерева. Проповедник говорил на языке радэ приблизительно следующее: «Вы все еще подчиняетесь духам, а они злы, прожорливы, требуют постоянных жертв. Я пришел сегодня к вам рассказать о добром боге, которому не надо жертв. Он благосклонен ко всем нам — к французам, англичанам, вьетнамцам, лаосцам, тямам... Все веруют в этого бога. Имя его — Ае Дие. Он сотворил мир и все в нем сущее». Затем проповедник вкратце рассказал Священное писание, от книги Бытия до Нового завета,

иллюстрируя каждый эпизод цветными картинками. Картинки передавались по кругу из рук в руки. Изложение библейской мифологии людям, никогда о ней не слыхавшим, само по себе было событием исключительным. Но своеобразная форма передачи Тру, который выступал в роли переводчика, придала ему совершенно необычайный колорит.

Тру, начальник кантона, с самого утра тянул *рнэм*. Он и вообще-то не отличался особой скромностью, а алкоголь удесятерил его потребность выставить свое «я» и свои таланты в наилучшем виде. Проповедь, пришедшаяся как нельзя более кстати, и стала средством возвысить его престиж. Он продемонстрировал свои глубокие познания в иностранном языке, который большинство женщин не знало. Все перипетии рассказываемой истории также никому не были известны. Сотворение мира, потоп, человек, которого чудовище поглотило и изрыгнуло, море, сомкнувшее свои воды над целым войском, сын духа, предложивший угощение огромной толпе и насытивший ее несколькими лепешками... Казалось, что Тру сам рассказывает древние мифы, что он досконально знает эти удивительные истории. Мнонгары умеют оценить хороший рассказ и с уважением относятся к тому, кто искусно излагает даже известную всем священную повесть. Что же сказать об истории, о которой никто никогда не слышал!

Итак, Тру был более чем навеселе, и, как бывает со многими *куангами*, алкоголь удесятерил его красноречие. Народу собралось много, все слушали внимательно как никогда, то, о чем рассказывалось, было незнакомо и необычно. Тру блистал, как в свои лучшие дни. Библия в его устах утратила характер рассказа и стала эпическим чудом. Его красноречие, подстегнутое рисовым пивом, придало яркую красоту всем подвигам действующих лиц, которых считает образцом поведения религия, запрещающая какое бы то ни было употребление алкоголя, во всяком случае членам той секты, что была здесь представлена.

Так произошло первое знакомство жителей Сар Лука с религией белых.

Джоонг понемногу поправлялась. Ее лечили еще две врачевательницы из Сар Лука, невестка Дрым-Кранг и толстая Джоонг-Ван. 16 февраля она воспользовалась

пребыванием *нджау* в Сар Луке — его пригласили к заболевшему Тру — и попросила удалить духов и разрешить ей употреблять в пищу овощи [77].

Сварили рис, маниок и дикие овощи: *гооль* (сердцевина большого ратана) и *пае сеи* (gnetum gnemon). Приготовленную пищу разложили в три пиалы и поставили около кувшинов, которые шаман освятил, опустив в них трубочку, поданную Крэнгом.

Двое мужчин прочли молитвы, заклиная болезнь окончательно удалиться восвояси. Джоонг села около кувшина и начала пить, шаман встал, погрузил короткий меч в сосуд и приложил ко лбу пьющей Джоонг, повторяя заклинания. После этого он «накормил» свою пациентку тем, что было в трех пиалах. Он клал ей в рот шарик из риса, немного диких овощей, кусочек луковицы и огородного растения. Под конец он изо всех сил провел по телу больной снизу вверх щепоткой овощей, говоря:

Я кормлю тебя дикими овощами, я питаю тебя курицей,
Я даю тебе сахарный тростник, я кормлю тебя мясом,
Я кормлю тебя рыбой, я питаю тебя клубнями,
Пусть она [78] вновь не тронет никогда,
Пусть ее не останется и следа,
Возвращайся к себе домой,
Руки, ноги свои уноси с собой
В твой лес и твой погост,
К твоим детям и твоим подросткам.
Пхэт Пу.
Колдуны Дэнг, удирайте с обоих берегов,
Божества, духи, бегите со всех сторон,
Духи смерти дурной, удирайте из всех углов.
Пусть будет она свежа телом,
Пусть сон ее будет глубоким.
Свинину ешь, об этом не болтай,
Собаки мясо ешь ты — страданий не доставляй.
Берегись, колдун Порей,
Колдун Кот, не кажи своих когтей.

---

[77] Всякий серьезный случай нарушения обычных норм жизни у мнонгаров влечет за собой различные запреты, в том числе и на пищу. Табу на употребление овощей свидетельствует о том, что огородничество сравнительно молодая отрасль хозяйства мнонгаров.

[78] Магия слова: колдун не хочет произнести слова «болезнь».

5 Свадьба второй дочери Бап Тяна

21 февраля 1949 года

Сегодня никто не пошел на поля: ночью и утром шел дождь — значит, нельзя работать в поле, иначе можно встретить кролика, лемура или другое животное, на которое в это время года наложено табу, и тогда придется уступить лесной чаще клочок земли, предназначенный под посевы.

Вчера также никто не ходил на участки: с Озерного поста пришел приказ мобилизовать всех мужчин на сбор ратана для постройки административного здания. В том же документе Боонгу Помощнику, Кранг-Дрыму (помощнику старосты) и Танг-Джиенгу из Панг Донга было велено явиться на пост.

Бап Тян направился на участок Пхи Ко взглянуть, не пришли ли на правый берег реки жители Бон Джа, чтобы вместе с жителями Сар Лука ловить рыбу. Его старшие дочери — Анг Слюнявая и невеста Сраэ — Джанг — в сопровождении старого Краха пошли в Ндут Лиенг Крак собирать дикие овощи.

Сегодня утром девять мужчин из Сар Лука и десять из Панг Донга отправились на дорожные работы. Женщины ткали или собирали овощи. Тру, у которого болела поясница, попросил Кронг-Маэ заговорить ему боль. Для этого Кронг-Маэ «напал» на дерево *ршах* и похитил его ребенка — т. е. кусок коры — в качестве заложника. Я же отправился в Малый Сар Лук, чтобы получить интересующие меня сведения.

Сегодня вечером старейшина Рджэ, тот, кого Тру и Бап Тян зовут *коони* (младший брат матери), — старый Тоонг-Манг[79] принимал у себя братьев по клану, шедших из Джа Ык в страну Куду продавать покрывала.

Вокруг кувшина, выставленного в честь гостей, собралось много жителей Сар Лука. Было уже довольно поздно, когда откуда-то донеслись звуки веселой песни.

---

[79] Не следует смешивать его с Тоонг-Мангом, сыном Танг-Джиенга, принадлежащим к клану Дак Тят. — *Прим. автора.*

Все тотчас же узнали голос моего друга Кронг-Бинга, прозванного за небольшой рост Коротышкой. Вскоре он и сам появился, живой и веселый, как всегда, и, чтобы повеселить собравшихся, тут же начал отпускать задорные шуточки.

Мне редко случалось видеть его одетым с такой изысканностью: рубашка, пиджак, брюки, носки, обувь — все на нем было европейское.

Как только *куанг* из Ндут Лиенг Крака подсел к нам, он начал соревноваться со своими братьями по клану в умении петь. Несколько минут спустя появился Сраэ — сын Кронг-Бинга — в великолепной отороченной мехом офицерской куртке, которую отец одолжил ему на сегодняшний день. Жениха Джанг сопровождали три ученика из центра. Вскоре дом Тоонг-Манга заполнился веселыми людьми. Гости из Ндут Лиенг Крака — Бон Джранги и их семьи — привели с собой жителей Сар Лука, которые собирались было укладываться спать. Кронг Коротышка, как обычно, блистал остроумием.

Изрядно выпив, все, кроме молодой пары, отправились к Бап Тяну, но никого не застали дома: хозяева задержались у Тоонг-Манга. Для приема гостей еще ничего не было готово. Бап Тян, Анг Длинная, Джанг и Крах явились только в одиннадцать часов.

Хозяин прежде всего обошел всех гостей и каждому предложил щепотку табака. Полчаса спустя пришли Кронг Коротышка, Бинг, Сраэ и еще несколько человек и принесли маленький кувшин без горлышка и свинью.

Джанг, героиня этого вечера, сидела у одного из чердачных столбов. Эта еще щуплая девочка с едва намечавшейся грудью застыла в своей застенчивости. Она не поднимала глаз, видимо, стесняясь того, что стала центром внимания. Ндэх поднес ей корзинку с ритуальными подарками. Она заерзала на своем месте и отвернулась. Мать и сводная сестра пожурили ее и велели взять подарки. Наконец она решилась дотронуться до двух резных палочек, которые выступали за край корзинки. Распорядитель, произнося пожелания невесте, надел ей на шею бусы, воткнул гребень в волосы, а ножик — в пучок, надел браслеты на руки. Анг вынула из корзинки все бамбуковые трубочки, взяла украшения, поднесенные посредником Джанг, и оделила ими жен-

щин из кланов Рджэ и Нтэр[80]; корзинку она дала старой Тро, курицу — Джанг-Бибу, приемной дочери Тру, гребень — Гриенг-Мбиенгу, ножик — Анг Вонючке (дочери Ёнг Сумасбродки), браслет — Джоонг-Крэнг.

Во время церемонии Сраэ скромно стоял в уголке. Хотя он учился в школе, а следовательно, поднялся над своими односельчанами, здесь он вдруг стал неуклюжим и застенчивым. Он подошел к Бап Тяну, своему будущему тестю, держа в руках петуха и две бамбуковые трубочки, вынутые посредником из корзинки еще до подношения невесте. Бап Тян показал ему постели своей семьи и ту часть нар, которая предназначалась Сраэ с женой. Это делается для того, чтобы молодые не посягали на место тещи. Подойдя к семейной двери, Бап Тян поднес к губам зятя калебасу с супом, из которой тот должен был сделать восемь глотков. Затем он взял сосуд с луковицами магического растения *падди*, налил в него рисового супа, поднес к левому уху зятя, дунул в отверстие сосуда, произнес «раз!», проделал то же самое у правого уха — «два!», и так до восьми. Завершился обряд высказыванием пожеланий.

Потом старик повел будущего зятя на чердак и предложил ему «погладить рис». Спустившись с чердака, Сраэ вручил Бап Тяну петуха и две трубочки *па*, которые держал в руке

Свинью, которую Кронг-Бинг принес из Ндута, закололи в доме. Ндэх был посредником Кронг-Бинга при освящении Бап Тяном маленького кувшина, принесенного одновременно со свиньей. Первым из него пил бывший начальник кантона, затем Бап Тян, Кронг-Джоонг, Манг Обезьянья Челюсть, Банг Ученик (один из Бон Джрангов, *коони* Сраэ). Ндэх встал и совершил помазание головы свиньи бардой из кувшина.

Возле чердака Бап Тян поставил *янг дам*, рядом — домодельную пиалу с белым рисом, а на нее опрокинул вьетнамскую пиалу. Он подал рис Сраэ, а после освящения маленького кувшина без горлышка сел подле него и начал пить. Бап Тян предложил отхлебнуть из кувшина Бангу Оленю — *коони* невесты, а потом — Тяну, своему старшему сыну. Затем Бап Тян уступил свое место будущему зятю. Отпив полагающиеся ему две

[80] Напомним, что Бап Тян принадлежит к клану Рджэ, а Анг — к клану Нтэр. — *Прим. автора.*

порции, Сраэ снова передал трубочку тестю, тот отхлебнул свою долю и возвратил трубочку зятю. Далее место у *янг дама* заняли Бинг, мать Сраэ, и ее муж Кронг Коротышка.

В час ночи подали обед. Гостей разделили на две группы: на нарах устроились семьи Кронг-Бинга и Ндэха, около чердака — Джанг, девочка из клана Бон Джранг, которая из самого Ндута несла корзинку с подношениями, и обе женщины Тиль, которых приютил Кронг Коротышка.

На почетном месте в комнате для гостей Бап Тян велел подвесить старинный кувшин, великолепный *тангсох* с двенадцатью ушками. Его горлышко украшали крупные старинные бусы. Манг Обезьянья Челюсть укрепила на том же колышке большой кувшин, который, согласно обычаю, поднесут Ндэху — посреднику. Люди из клана Нтэр (родственники невесты по материнской линии) — Банг Олень, его *коони* и его двоюродная бабка Ёнг Сумасбродка — принесли кувшин с *рнэмом*, каждая семья Рджэ (клан отца) — тоже. Хозяин дома и отец невесты в свою очередь поставили по кувшину. В три часа ночи закололи огромную свинью Бап Тяна, имевшую в объеме у подмышек шесть пядей. Ее толщина почти равнялась длине.

Отец невесты, отец жениха и оба посредника торжественно отпили из старинного большого кувшина, а чуть позже отхлебнули *рнэм*, поднесенный женой помощника. Затем Ндэх взял вьетнамскую пиалу, наполнил ее кровью двух жертв и бардой, взятой изо всех кувшинов, и начал «вызывать духов в чрево *падди*».

В половине четвертого все направились к кувшинам. Первым шествовал Бап Тян, за ним шли я, Ндэх, Кронг Коротышка и Бинг, Манг-Ндэх (жена бывшего начальника кантона), Анг Длинная, Манг Обезьянья Челюсть, Джанг и Сраэ, Крэнг-Джоонг.

Через двадцать минут, когда второй раз пропел петух, Ндэх помазал кровью и пивной бардой голову заколотой огромной свиньи. Каждый житель Сар Лука, выставивший кувшин, пил из него с двумя жителями Ндута. Кроме посредников, которые по обряду должны были пить из одного кувшина, присутствующие группировались в зависимости от своих симпатий или родственных связей. Из большого кувшина *танг-сох* с двена-

дцатью ушками пили сначала Кронг Коротышка и Бинг, затем Джоонг-Крэнг (как старшая сестра отца невесты) и ее муж, Ндэх с женой, Манг Обезьянья Челюсть (в качестве посредницы) и, наконец, Бап Тян с женой... Попойка длилась до утра.

22 февраля

Сегодня рано утром каждая женщина из семьи Джанг поднесла ей небольшую вьетнамскую пиалу с рисом, накрытую другой пиалой большего размера (впрочем, у некоторых второй пиалы не было). Очищенный рис и пиалы предназначались в подарок родственникам жениха.

Появился старый Тоонг-Манг, *коони* клана Рджэ, у которого мы вчера пили. Он пришел напомнить Бап Тяну, чтобы тот не обошел подарками гостей. «Надо, — сказал он, — каждому поднести вьетнамскую пиалу и кусок мяса». Бап Тян, раздраженный этим напоминанием, резко ответил дяде: «Уж не думаешь ли ты, что я „глухой“, что я не знаю обычаев, и потому пришел учить меня?» Тоонг-Манг ответил: «Я пришел напомнить тебе об этом, потому что гости собираются расходиться по домам».

Бап Тян взял мясо, но, не найдя под рукой свободных пиал и, видимо, не желая брать их из числа тех, что ему принесли, дал взамен пиастры. Он протянул свое подношение и Тоонг-Мангу, но старик воскликнул: «После таких слов мне стыдно принять твой дар». Тогда Бап Тян поручил Краху разнести подарки всем присутствующим.

Кронг Коротышка продолжил разговор, начатый раньше с Тоонг-Мангом: «Я стар и сведущ в этих делах. Так чего же ты явился разговаривать с нами, как с мальчишками? Зачем обижаешь Кронга, сына Дыра? Так не полагается». Старик не смутился и дал отпор своим племянникам — большим *куангам*. Бап Тян решил положить конец спору и заявил, что у него голова разболелась от всех этих речей. Но Кронг Коротышка уже разошелся вовсю, а *коони* с улыбкой на лице продолжал спокойно стоять и даже отказался от стакана спиртного, который ему поднесли: «Ты пьян, я и пробовать-то не стану твою воду. Ты, конечно, богат, но меня этим не запугаешь». Тогда Кронг Коротышка ве-

ликодушно заявил: «Ладно, я кончил заводиться», — и тут же затянул песню:

Не открывай глаз ночью, в ночь не гляди,
Не открывай глаз ночью, на козодоя не гляди,
Не расстилай раскрытого покрывала взору ястреба,
Не выставляй напоказ копья, мотыги взору косули.

На это старый *коони* ответил также песней:

Я не принимаю в расчет рот, что пустую речь
ведет, рот дрозда.
Я не принимаю в расчет челюсти, что двигаются
впустую, рот без запора.
Я не принимаю в расчет рот, в котором клыки
из дерева, и притом из мягкого,
Я не принимаю в расчет челюсти фальшивой,
фальшивой!

Закончив пение, старик удалился.

Пока шел спор, Мбиенг-Гриенг разделал около чердака свинью Кронга Коротышки, самую маленькую из тех, что были вчера принесены в жертву. Затем он приступил к свежеванию свиньи, которую закололи в честь Бап Тяна.

Пили не только *куанги.* Молодые люди и девушки не отставали от них. Они уселись у кувшинов, в которых после ночной попойки еще оставалось спиртное. Одни гости вели себя спокойно, например Янг, молодая дочь одного из Тилей, которая сидела с матерью у Кронг-Бинга, нежно склонив голову на плечо Краэ Вдовца (из Ндута); другие проявляли возбуждение: Анг Слюнявая забавлялась тем, что сажей с донышка котелка старалась вымазать Краэ Вдовца и Банга Ученика. Сначала Краэ вытер сажу, но второй раз в отместку провел черными руками по лицу Кронга Толстого Пупа. Джанг, молоденькая невеста, расплакалась из-за того, что ее заставляли пить, и, не долго думая, укусила Краэ за руку.

Молодые люди принялись болтать на каком-то ломаном языке. Особенно непонятную тарабарщину нес Краэ. Он не довольствовался тем, что вставлял лишние слоги в слово, но и переставлял некоторые из них, меняя даже начальную букву, произнося вместо глухого звука звонкий.

Тяна и Банг Оленя уже не было в компании. Они еще рано утром ушли в Ндут Лиенг Крак передать распоряжение о сборе ратана и повидать начальника сектора, которому было поручено следить за дорожными работами.

В одиннадцать часов утра подали еду, после которой все улеглись спать на нары. В три часа дня снова поели. Затем на нарах расставили пиалы для гостей. Женщины принесли котел с белым рисом. Началась подготовка ко второму дню свадьбы: в корзину-веялку с удлиненным концом положили старый рог буйвола, принадлежащий клану Рджэ, корзинку с вареным рисом, большую пиалу со свининой, старинную пиалу, которую Джанг вручит своей свекрови, котелок со спиртным, которое еще до освящения перегнали накануне вечером из старого кувшина с двенадцатью ушками, молодую курицу, почти цыпленка, опаленную на очаге.

Молодые поднялись на нары и заняли места по обе стороны обрядовой корзины-веялки. Возле них уселись посредники: Ндэх, Манг Обезьянья Челюсть и Бап Тян. Манг, молодая жена старого *коони* (она, как и Сраэ, из рода Бон Джрангов), заняла место около Бап Тяна: она будет наполнять стаканы. Вскоре к ним подсел Кронг Коротышка.

Для начала Бап Тян предложил выпить за своего *джоока* Ндэха, главного посредника на свадьбе дочери. Ндэх ответил пожеланиями всяческих благ. Главная церемония началась в половине четвертого, когда Бап Тян ловко разрубил голову курицы пополам. Она упала в корзинку с вареным рисом, поверхность которого заранее была выровнена. «Обратной стороной к духам, лицевой — ко мне», — произнес Бап Тян. Это значит, что та половинка, которая окажется ближе к Бап Тяну, должна упасть на внешнюю сторону головы, а та, что дальше, — на плоскость среза.

Кронг Коротышка поднес ко рту своего «брата» стакан *рнэма*, тот в знак вежливости ответил таким же жестом. Затем половинки куриной головы бросил Кронг Коротышка, но они плохо легли. Он бросил второй раз. Теперь снова была очередь Бап Тяна. Он воззвал к предкам кланов Рджэ, Нтэр, Бон Джранг, а также к предкам тямов, французов и вьетнамцев, подбросил половинки головы, но они не легли в требуемом положе-

нии. Бап Тян с новой силой стал читать заклинания, бросил голову — и на сей раз удачно.

Отец невесты напомнил историю женитьбы своих детей — Тяна, Анг Слюнявой, а теперь и Джанг. Закончил он восхвалением предков всех трех кланов.

Ндэх велел наполнить буйволиный рог спиртным и с молитвой поднес его к губам Сраэ, дал отпить Джанг и передал рог прямо в руки отца Сраэ.

Манг-Тоонг опять наполнила рог *рнэмом. Куанги* бросили в него кусочки магического растения *падди* и обе половинки куриной головы. Опуская в спиртное частицы *падди,* отцы и посредники вознесли моления о ниспослании молодым благополучия. К счастью, обряд прошел как положено: все, что опустили в *рнэм*, осело на дно сосуда.

Манг Обезьянья Челюсть поднесла к губам Сраэ трубочку с чистой водой и произнесла «раз!», а Ндэх приложил к губам Джанг рог с бардой. По счету «два!» *рнэм* передали Сраэ, а трубочку с чистой водой — Джанг, и так до восьми раз. Бап Тян заставил зятя съесть голову курицы и все, что осталось на дне рога.

Теперь настало время для одного из главных обрядов.

Ндэх стал между женихом и невестой и сблизил их головы так, что они почти коснулись лбами. Он взял прядь волос каждого, связал и опять развязал, испрашивая процветания и богатства для молодых. Затем он столкнул их головы, громко считая до восьми. Присутствующие при этом очень веселились. Этот обряд называется *там боок* (столкновение головами). Молодые смущались и краснели пуще прежнего. Сраэ поспешил к парням, собравшимся в кружок, а Джанг убежала под чердак, но мать напомнила ей, что теперь пора раздавать подарки родным жениха. Она «накормила» их, т. е. каждому поднесла к губам горсть вареного риса с несколькими кусочками свиных потрохов и дала по большой вьетнамской пиале. В первую очередь она оказала эту честь обоим посредникам: Ндэху, бывшему начальнику кантона и *джооку* ее отца, и Манг Обезьяньей Челюсти, ее «маменьке» («сестре» отца). Затем она накормила и оделила подарками жену Ндэха, Рау-Лонг, старшую сестру Бинг-Кронга (мать жениха), Кронг-Бинга Коротышку (отца жениха), Кранг-Джиенга (брата

Бинг-Конга), Лонг-Рау — иными словами, всех людей из клана Бон Джранг и их друзей, пришедших за компанию из Ндута, а также старого *коони* Рджэ — Тоонг-Манга, поскольку его жена из клана Бон Джранг.

Днем вернулся Банг Олень. Он *коони* невесты — значит, его роль должна была быть особенно важной, но разве мог он соперничать с таким человеком, как Бап Тян?! Кроме того, Банг Олень слишком часто прикладывался к кувшину, и мне было слышно, как он плел что-то о своей «маменьке» Ёнг Сумасбродке, но смысл его речей так и остался неясным.

Тем не менее Банг Олень должен был выступить по вопросу о приданом: только *коони* имеет право говорить от имени клана новобрачной. Спотыкаясь, он пошел на нары и устроился там вместе с обоими посредниками и отцами жениха и невесты. Заплетающимся языком он начал объяснять, почему необходимо дать жениху в приданое столько-то кувшинов. Кронг-Бинг нашел, что шесть *янг дамов* слишком много. Спор по этому поводу длился добрых двадцать минут, под конец Кронг-Бинг согласился с требованиями Банга Оленя. Последний отказался взять два куска железа, которые предлагала семья жениха, так как «женщины не умеют ковать (!)». Все кончилось песней, как бывает всегда, когда в обсуждениях участвует Кронг Коротышка. На этот раз песнями обменялись *куанг* из Ндута и *куанг* из Пхи Ко.

Бап Тян неизменно заботился об увеличении магической силы своих союзников[81], а потому принес свой заветный мешочек и вынул из него зерна очищенного риса, два яйцеобразных камушка (*ртэ*), большую старинную жемчужину, коренной зуб буйвола и крохотный кусочек кварца (*нар*). Все это он положил в медную пиалу. Кроме того, он показал нам прозрачный камушек и с гордостью сообщил, что освятил его белой уткой, белой свиньей и белой козой. Он наполнил пиалу пивом и заставил Сраэ пригубить его, желая ему при этом всяческих благ. Затем пил его зять — Банг Олень, *коони* его дочери. После этого Бап Тян собрал все свои драго-

---

[81] Ложно понятая взаимосвязь между вещами и явлениями ведет к возникновению веры в магическую силу вещей (к фетишизму). Собирая и нося с собой «могущественных союзников», человек уверен в удаче своих действий.

ценности, кроме зерен риса и кусочка кварца, который просто-напросто исчез.

В большой заплечной корзине принесли подарки и вручили их родителям жениха: корзинку для сбора риса с фаянсовой посудой[82], лопатку свиньи, которую принесли в жертву родители жениха, лопатку свиньи, которой родители Джанг отдарили сватов, голову, кишки и печень свиньи, принесенной в жертву в честь родителей жениха.

В половине шестого Бап Тян предложил посредникам по щепотке пивной барды, пропитанной кровью. Кронг Коротышка и Банг Олень, как и все, помазали ею голову свиньи, испрашивая благополучия и богатства. После этого хозяин дома обменялся целованием рук с каждым присутствующим и вручил корзину с подарками Ндэху, который от имени Бап Тяна передал ее Кронгу Коротышке. Голову свиньи оставил у себя отец невесты. Вьетнамская пиала с пивной бардой и кровью двух жертв была поднесена посреднику в благодарность за его услуги. К этому подарку Бап Тян добавил еще большую пиалу для старшей сестры жениха и маленькую пиалу для младшей сестры Кронга Коротышки, которая живет в его семье. Обе эти женщины остались в деревне стеречь хижину[83].

Церемония завершилась добрым стаканом спиртного. Банг Олень, пребывавший в приподнятом настроении от всего происходящего, а главное от выпитого *рнэма*, неустанно восхвалял свой клан.

Кронг Коротышка передал Бап Тяну лопатку свиньи, принесенной в жертву в честь Кронга. Бап Тян отрезал от нее огромный кусок сала и поднес его мне. Такие же куски получили его «сестра» Гриенг и его «мать» Тро.

Часть гостей из Ндута уже отправилась домой. Перед уходом жена Ндэха подарила большой ком табаку Бап Тяну, а он дал жене своего *джоока* котелок, наполненный кровью.

Неожиданно появился Дрым-Кранг и предложил каждому калебасу с водой, в которой плавало несколь-

---

[82] Три большие и три маленькие вьетнамские пиалы и одна тарелка, все импортного происхождения. — *Прим. автора.*

[83] Воровства (хищения у сородичей) в обществе мнонгаров еще нет. Хижину оберегают от животных и других непрошеных гостей.

ко рисинок. Гости по очереди окунали пальцы в воду и подносили их ко лбу и к сердцу. Это должно было снять с них опьянение. Анг, которой пришлось пить со всеми молодыми людьми, лежала на полу мертвецки пьяная. Ее мать собрала по всей деревне «воду, способную протрезвлять», и смачивала Анг целебной влагой грудь, лоб и область сердца. Но, видимо, ее целительные свойства не так уж велики: хорошенькая Анг лишь шевельнулась и, как только ее уложили на нары, заснула как убитая.

Бап Тян роздал по всей деревне свадебные трубочки для *рнэма*. Его маленький сын Чонг Толстопузый отнес в каждую семью две трубочки и кусок свинины.

Молодежь обеих деревень продолжала есть и пить. Бангу Ученику удалось увести Джанг в дом людей из клана Бон Джранг, где пиршество было в разгаре. Она даже согласилась, чтобы я перевязал ей глубокий порез на большом пальце ноги. Опустошив открытые вчера кувшины, мы отправились к Бангу Оленю пить свежий *рнэм*, с которого он уже снял пробу. Длонг Чернявка и Янг — девушка из клана Тиль, жившая у истоков реки, а теперь перебравшаяся к Кронгу Коротышке, — принялись петь, стараясь перещеголять друг друга. Но так как они изъяснялись на разных наречиях, то исполняли куплеты, не подходившие один к другому по смыслу.

23 февраля

Утром в деревне было тихо. Накануне вечером молодые люди пели и пили, но улеглись рано, устав от предыдущей бессонной ночи и огромного количества выпитого спиртного. Около девяти часов утра гости из Ндута пошли домой.

Бывший начальник кантона и Кронг Коротышка остались в Сар Луке досыпать. Ндэх был занят тем, что снимал кору с ветки *ндроонг* (латинское название не установлено).

Перед уходом Кронг Коротышка посоветовал Сраэ не задерживаться в Сар Луке: женитьба не должна помешать ему возвратиться в школу, которая поможет ему в будущем стать человеком. «Видишь, я сам с юных лет работал у европейцев и стал *куангом»*, — сказал Кронг. Сраэ слушал его потупившись. Он даже не по-

казал отцу словарь, который я ему подарил. Уже три дня он гостил у родителей Джанг, еще через четыре дня он с молодой женой вернется к своим родителям.

Сраэ отдал своей матери щенка, которого ему подарили, а мать оставила кувшин, принесенный с *рнэмом* в первый вечер. (Кувшин все равно вернут через четыре дня).

Бап Тян и Кронг Коротышка, прощаясь, обменялись целованием руки, произнеся при этом обычные пожелания.

Матери Сраэ кто-то посоветовал:

— Смотри не сердись, не ссорься ни с кем в эти дни.

— А что?

— Ты ведь оставляешь здесь своего сына.

После ухода родителей Сраэ и его «брат» Манг Тощий вылили остатки из праздничных кувшинов и перемыли их.

Ребятишки удили рыбу и даже построили маленькую плотину, чтобы загнать рыбу в вершу. Потом они начали играть в проповедь. Манг Карлик сел на корточки под навес кузни между Тонгом Заикой и Кронг-Токело, и все трое принялись распевать во все горло непонятные песни, в которых время от времени можно было различить слова: «Аэ диэ („бог" на языке радэ), Аэ диэ!». На мой вопрос, что это значит, Манг Карлик, к великой радости ребятни, ответил: «А мы делаем, как те христиане, которые приходили сюда недавно. Я — пастор радэ. Тонг Заика — один из певчих, а Кронг-Токело — молодой француз, на котором была салфетка».

В два часа дня возвратился с поля Тру с рабочими. Начальник кантона кончил корчевать свой участок. В конце дня пришли и остальные группы работавших.

В доме Бап Тяна жизнь вошла в свое обычное русло. В его семье отныне стало одним человеком больше. Это было залогом предстоящего увеличения семьи и клана.

27 февраля в пять часов вечера Бап Тян проводил молодых к родителям Сраэ. Вопреки традиции, Сраэ на следующий день возвратился со своим тестем в Сар Лук, чтобы 2 марта вернуться в школу. Накануне Бап Тян обязательно принесет в жертву курицу и кувшин спиртного, и тогда Сраэ будет сопутствовать благополучие.

6 Мы поглощаем лес священного камня Гоо

14 марта 1949 года

После обеда в Сар Луке почти никого не осталось: все отправились ловить рыбу в верхнем течении реки, в том месте, которое называют «рукав, где тянут лодку».

Утром молодежь пошла в лес за кожурой ядовитых корней *кро* (Milletia pirrei Gagnepain). Рыболовы поднялись вверх по течению реки и примерно в двухстах метрах от селения соорудили на порогах у левого берега плотину. Она состояла из бревен, переплетенных бамбуком, на которые были наложены охапки травы *пайот* и широких листьев *тлоонг* (Dipterocarpus obtusifolius). Бреши были тщательно заделаны дерном и прогнившими листьями. Поток, отведенный от «рукава, где тянут лодку», устремился к правому берегу. Около больших камней уровень воды значительно снизился, и под ними устроили поперек узкого протока ряд маленьких запруд, в которых установили верши.

Около двух часов дня созвали женщин и детей. Они вошли в воду и присоединились к рыболовам. Молодые мужчины, расставленные по утесам близ запруды, «ударили по *кро*»: они били дубинками по кожуре ядовитых корней, а затем погружали ее в воду, чтобы сок разошелся по течению. Вскоре отравленные рыбы всплыли на поверхность. Женщины прочесывали дно сачками, а мужчины расставляли сети в самых глубоких местах. Некоторые, сидя на корточках, вычерпывали рыбу большой сетью. Улов был богатый. Этому способствовали и длина плотины — она растянулась почти правильным полукругом метров на пятьдесят, — и множество камней, из-за которых здесь образовались пороги, и песчаная коса длиной сто метров. Был конец сухого сезона, и стояла сильная жара. Прямые лучи солнца палили немилосердно, их отблески на воде слепили глаза. Ребятишки бегали нагишом, на женщинах были юбки из изношенной тонкой материи, на мужчинах — самые узкие набедренные повязки. На утесах и на длинных песчаных отмелях остались только малыши. Они тоже пытались поймать мелких рыбешек, креветок, крабов...

В самых глубоких местах вода доходила рыболовам до пояса, а то и до шеи. Погружаться с головой они избегали, опасаясь, что яд может повредить глаза. Женщины, особенно молодые, были менее осторожны, они то и дело нагибались и быстро продвигались под водой, стараясь не отрывать сачок ото дна, и выпрямлялись только для того, чтобы переложить добычу из сачков в плетеный коробок, висевший у них на боку. К концу дня рыба стала попадаться реже, дети и старики начали сдавать, да и остальные тоже устали. Стоило одной семье заговорить о том, что пора прекратить работу, как все дружно согласились, и вскоре длинная вереница людей потянулась к деревне. Задержалось только несколько заядлых рыболовов, но и они спустя некоторое время тоже подняли верши, частично разрушили плотину и пошли домой.

●

Совместная ловля рыбы, в которой участвует вся деревня или часть ее, происходит обычно в период мелководья, в сухой сезон — с января по июнь. Сегодняшняя ловля носила особый характер: она была устроена по распоряжению Банг-Джиенга Беременного, «священного человека леса», как положено накануне выжигания леса. К 8 марта все закончили корчевать лес на своих участках, и палящее солнце быстро высушило выкорчеванные деревья и кусты. Банг Беременный, проверив состояние участков, обошел позавчера все дома и объявил, что на следующий день все должны выйти в поле и расчистить полосу земли вокруг полей, чтобы близлежащий лес не пострадал от огня. Назавтра, даже не совершая священного обряда (и пусть косуля ревет в этот день!), мужчины, женщины, дети скопом отправились к лесу священного камня Гоо и проложили вокруг *миира* широкую трехметровую полосу: мужчины валили деревья, женщины и дети расчищали участок, пропалывая его мотыгой и выметая сучья и листья.

Вечером «священный человек» приказал всем наутро явиться на рыбную ловлю.

●

Вернувшись с реки, жители Сар Лука принялись за свои дела. Женщины сели ткать. Анг Бегающая Мел-

кой Рысцой, жена Банга Оленя, ткала прекрасный обрядовый пояс-передник для *там боха*, который ее муж совершит с Кранг-Дрымом. Крэнг-Джоонг кастрировал двух кабанов Танг-Джиенга. Мужчины подметали дворы перед своими дверьми: чтобы огонь хорошо разгорелся, в деревне должно быть чисто. К околице подошли несколько человек из Мнонг-Латя. Они несли соль для продажи, но их не впустили, потому что сегодня Сар Лук — табу. Путники хотели заночевать в Сар Луке, но им отказали. Тогда самый старший, который знал меня, попросил разрешения остановиться в моей хижине. Мне пришлось объяснить, что я ничем не могу ему помочь: обычай категорически запрещал вход в деревню как накануне, так и в самый день сжигания сведенного леса. Тем не менее пришельцам разрешили обменять принесенную соль на очищенный рис.

Сегодня полнолуние. Главы семейств собрались у Банга Беременного. Каждый принес небольшой сверток «древесных листьев».

Хозяин дома вынес *янг дам* с пивом, а рядом поставил плетеную веялку с *рнутами*. Тут же он разложил принесенные ему свертки с листьями. Вскоре комната наполнилась гостями. В их числе были еще два «священных человека» — Бап Тян и Крэнг-Джоонг. Банг Беременный перерезал цыпленку горло над вьетнамской пиалой с пивной бардой и передал трубочку Бап Тяну, а пиалу — Крэнг-Джоонгу. Молился он один. Но вот пришел Банг Олень, «священный человек» из Пхи Ко. Он присоединился к своим «коллегам» у веялки. Все четверо совершили помазание священных плашек для добывания огня и листьев, вознося при этом моление:

Поглоти все, о пламя, до кругляков,
Поглоти все растущее от листьев до стволов,
Я повторяю то, что делали предки встарь,
Я повторяю то, что велела праматерь,
Я повторяю то, что делали пращуры.
Огонь от *рнутов,* меня научили вздувать его,
Вот я и вздуваю его.
Огонь *рноха,* меня научили разжигать его,
Вот я и разжигаю его.
Гру, дитя колдуна, меня научил его высекать,
Вот я и высекаю его.
Я срубаю детище равнины, как то делали предки,
Я валю дитя дерева, как то делали предки.
Я свожу лес и заросли кустов, как то делали предки.

Бап Тян произносит заклинание, чтобы куски бамбука упали в благоприятном положении

Бап Тян, не переставая молиться, передал трубочку Бангу Оленю, который погрузил *гут* в маленький кувшин без горлышка. После моления все встали, Банг Беременный сел перед кувшином и начал пить. Бап Тян произнес длинную речь. Сначала он уговаривал жителей деревни не ссориться, не браниться, не драться, а под конец обещал завершить торжественный обряд сжигания леса выступлением оркестра гонгов, после которого все отправятся в соседнее селение покупать буйволов, чтобы отметить праздник обрабатываемой земли (*ньыт донг*). Его шурин Крэнг-Джоонг внес кое-какие уточнения и сам стал рассказывать, как будут покупать буйволов для *ньыт донг*. В это время Бап Тян сел у кувшина, что, впрочем, не мешало ему говорить, не умолкая ни на минуту. Он уступил свое место Крэнг-

Джоонгу, а тот, отпив сколько надо, передал *гут* мне. Я, не желая пить, хотел по обыкновению предложить трубочку кому-нибудь из гостей, но мне сказали: «Бэнг! табу!» Так я узнал, что сегодня каждый должен пить сам, иначе олени, дикие кабаны и слоны набросятся на новое поле и сожрут весь *падди*. Завтра к этому запрету добавится еще один: пить стоя. Кроме того, по-прежнему будет запрещен приход в деревню чужаков. Деревню даже окружат веревочным кордоном. Хозяину сжигаемого леса и трем «священным людям леса и деревни» до послезавтрашнего утра запрещено купаться.

После меня пил Банг Олень, а за ним по очереди все главы семей из Сар Лука.

Крохотного цыпленка, принесенного в жертву, разделили между четырьмя «священными людьми». Разговор не клеился. Кувшин, и к тому же небольшой, был один, от завтрашнего дня зависело будущее урожая, поэтому все рано разошлись по домам.

15 марта.

Рано утром Боонг Помощник с двумя мужчинами воткнул на «французской» тропе указатели, принесенные вчера с Озерного поста. Без четверти восемь утра весь Сар Лук высыпал на тропу, ведущую к полю. На полдороге от него и деревни, в бамбуковой роще, выбрали место для совершения обряда. Мужчины быстро расчистили площадку размером двадцать метров на десять. Двое парней принесли барабан, подвешенный на бамбуковой палке, и соорудили для нее упор: на два вбитых вертикально кола положили перекладину, а концы кольев и перекладины разлохматили наподобие султанов. Дрым-Кранг, дочь Банга Беременного, принесла молотилку для клевера и поставила рядом с веялкой, где лежали *рнуты*, плашки для добывания огня, у подножия длинного бамбукового шеста *длэй*, на согнутой верхушке которого была подвешена рыба из вчерашнего улова. «Священный человек *рнутов*» вынул плашки из корзины и положил в веялку вместе с паклей, махрами бамбука, маисовым листом, в который было завернуто немного пивной барды. Каждая семья принесла огромную калебасу либо *янг кэ* — некое подобие кувшина без горлышка, но меньшего размера, чем *янг дам* — с *рнэмом*.

В самом начале ритуала молодые люди наполнили все сосуды и перекачали в котелок спиртное, взятое только из калебас.

В девять часов Банг Беременный перерезал горло крохотному цыпленку над пивной бардой, принесенной в маисовом листе. Он положил его в веялку, и трое «священных людей» вместе с Мхо-Лангом, которого пригласили в качестве посредника, приступили к обряду помазания содержимого веялки. Стволы *(длэй)* бамбука *(пол длэй)* длиной метр раскололи надвое и помазали наравне с прочими предметами. Бап Тян взял обе половины одного *длэя* и бросил над веялкой, молясь, чтобы он упал удачно, но бамбук принял неблагоприятное положение. Бап Тян несколько раз повторил обряд. Желая придать своему заклинанию бóльшую убедительность, он перечислил имена отсутствующих (в частности, Тру, начальника кантона, еще позавчера ушедшего в Рьоонг). Но вот просьбы Бап Тяна увенчались успехом. Он положил на *рнут* половину ствола бамбука, которая упала на плоскость среза (*ртлуп*), а ту половину, которая легла плоскостью среза кверху *(рбланг)*, отложил в сторону. Бап Тян взял другой *длэй*, но его половины легли в неблагоприятном положении, и тогда Бап Тян обещал отметить торжеством праздник земли.

В половине десятого Бап Тян поднес спиртное Банг-Джиенгу, который держал половинки ствола бамбука и лист маиса с пивной бардой. Банг Беременный в ответ поднес спиртное Крэнг-Джоонгу и передал ему предметы, которые были у него в руках. Затем то же повторилось с Мхо-Лангом, Бангом Оленем и Кранг-Дрымом. Каждый пил из рук того, кто вручал ему ритуальные предметы. После этой церемонии мужчины разделились на пары и каждый воткнул трубочку в калебасу своего партнера. Бап Тян погрузил *гут* в калебасу Банга Беременного, а тот — в калебасу Бап Тяна. Крэнг-Джоонг объединился со своим племянником Мхо-Лангом, Банг Олень — с *джооком* Кранг-Дрымом. Ребенок доливал кувшины до краев водой из священной калебасы (ее запрещено промывать), которая находилась в корзине с плашками.

Началось «шествие за водой» с кувшинами, калебасами и *янг кэ*. Во главе вереницы людей шли Крэнг-

Джоонг, Бап Тян, Банг Беременный, Мхо-Ланг, а позади всех — Джоонг-Крэнг, старая Тро и Джиенг-Банг...

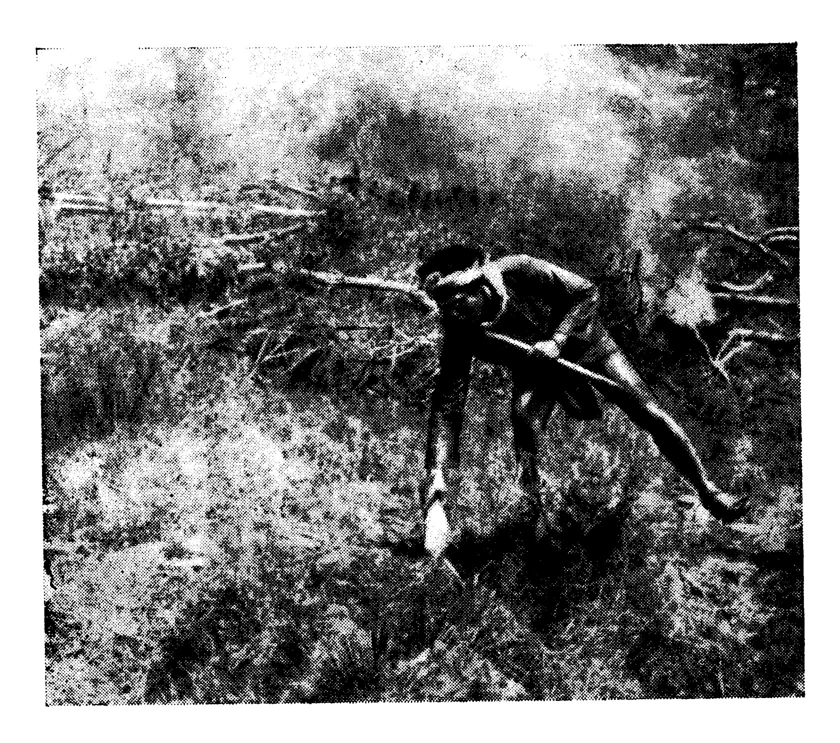
Возле веялки и невысокой мачты старый Крах и Тоонг-Ван расщепили ствол бамбука на узкие полосы. Каждый обладатель земельного участка принес *криет* — плетеную коробку с семенами огурцов, тыквы, фасоли и других овощей.

В десять часов «хранитель леса» вручил Крэнг-Джоонгу плашку, палочку и гибкую полоску бамбука. Он передал их Бап Тяну, а тот — Бангу Беременному. К нему подошел мужчина и взял палочку. Бап Тян поднес к его губам трубочку, предлагая выпить. К продольной трещине по верху плашки был прикреплен клочок пакли. Мужчина вставил вертикально палочку в продольную прорезь в плашке, а вокруг палочки петлей захлестнул полоску бамбука, удерживая ее концы.

Бап Тян и Банг Беременный присели на корточки, чтобы им было удобнее держать плашку, а мужчина стал тянуть полосу то за левый, то за правый конец, ускоряя движение, чтобы от трения бамбука в плашке вспыхнула искра. Бап Тян и Банг Беременный молили духов о заступничестве, а третий «священный человек», Крэнг-Джоонг, совершил помазание шеста, на котором висела рыба, и «призвал духов». Слова, которые он произносил, невозможно было разобрать: Дрым-Кранг крутил ручку скрипевшей, как трещотка, молотилки для клевера, двое мужчин, сидевших на корточках у подвешенного барабана, били в него изо всех сил, еще несколько человек дули в рога.

Когда мужчина, тянувший за концы полоски бамбука, уставал, его сменял другой, которому Бап Тян тоже подносил спиртное.

Наконец раздался оглушительный крик радости: вспыхнула искра. Теперь надо было, чтобы занялась пакля, а от нее и сама плашка — *рнут*. Паклю положили на приготовленный очаг, а Банг Беременный и Мхо-Ланг, вооружились двумя плашками, которые они взяли из веялки, и приготовились с двух сторон бить в барабан. Над пучком пакли совершили обряд. Она воспламенилась, и Бап Тяну удалось зажечь от нее плашку. Церемония прошла удачно, и «священные люди» и их помощники поднесли по очереди стакан *рнэма* «хранителю леса». Тот ответил такой же любезностью.

Кранг-Дланг поджигает траву

В двадцать пять минут одиннадцатого «священные люди» произвели помазание зерен для первых посевов в корзинках, принесенных каждой семьей.

Каждый поднес ко рту своего партнера ритуальную пищу этого дня: вареный рис и рыбу (пойманную накануне), завернутые в лист *тлоонга*. Чар-Риенг дал Бап Тяну вместо рыбы куриную ножку. Лист, который служит мисочкой или тарелкой, должен быть очень свежим: если он съежится или завянет, пламя не примет принесенной жертвы.

Бап Тян подошел к огню с живым цыпленком в руках. Дети плотным кольцом обступили пылающий костер. «Священный человек» связал лапки цыпленку и бросил его в огонь, но тому удалось выбраться. Бап Тян схватил его и снова бросил в огонь, и так несколько раз, пока жертва не погибла. Во время этого обряда

все подходили и кидали в огонь пучки «листьев деревьев».

Обряд закончился в половине двенадцатого. Молодые люди вытащили из костра горящие головни и разбежались с ними в разные концы сведенного леса, площадь которого составляла сорок гектаров.

И вот на северо-восточном крае участка повалил густой черный дым. Сразу же возник оживленный спор о том, в какую сторону дует ветер. Пока что дым поднимался столбом, но некоторые полагали, что тянет восточный ветер и что он грозит отнести огонь на участок Чонг-Коонга Военного, который не был окружен защитной полосой, потому что граничил с болотом. Но сейчас болото высохло и заросло довольно высокой травой, которая могла быстро воспламениться.

Когда мы подошли к этому месту, то увидели, что трава уже догорает. Ее поджег Кранг-Дланг — его участок находился севернее надела Чонг-Коонга, — воспользовавшись тем, что подул западный ветер. Это было сделано как нельзя более кстати, ибо вскоре ветер резко переменил направление.

Зрелище пожара в лесу было поистине грандиозным. День выдался жаркий, солнце пекло вовсю. Большой расчищенный участок был весь покрыт поваленными деревьями, пнями. Преобладали желтый и красный — цвета листьев и ветвей когда-то буйной, а теперь побежденной и умиравшей растительности. Вокруг этого пестрого участка — будущего *миира* — высился зеленой стеной лес, напоминавший густую кайму ковра. Он тянулся к холмам, поднимавшимся на севере. В этот час все тона поблекли, словно притушенные ярким светом солнца. До нас донесся сначала сильный треск, и только потом мы заметили большой столб дыма, возникший на северо-востоке. Небесный свод, голубизна которого словно бы побледнела от огня, казался, как всегда в это время года, особенно высоким. Дым медленно тянулся кверху, но, достигнув определенной высоты, клонился влево. Но вот раздался треск и поднялись новые столбы дыма. Вскоре треск превратился в оглушительный шум, который напоминал воздушный налет, сопровождаемый мощным обстрелом: это лопался бамбук, которого было много среди поваленных стволов.

Даже тень не спасала от нестерпимого пекла. Сорок

гектаров сведенного леса представляли собой гигантский костер, который пылал с невиданной яростью. Столбы дыма сливались и огромной черной тучей медленно тянулись к небу, распускаясь в высоте пышным султаном. Ветер подхватывал обугленные листья, эти «цветы огня», и они, подобно черным птицам, нерешительно оседали вдали.

Люди неустанно хлопотали вокруг гигантского костра. Ведь огонь мог внезапно обрушить свою ярость на окрестный лес, а затем перекинуться на деревню и уничтожить ее в мгновение ока. Тем не менее настроение было праздничное, все понимали, что огонь таит в себе не только угрозы, но и обещания благополучия. Одни свистом призывали ветер нести огонь к низовьям реки, другие просили: «О божества и духи, ниспошлите милость в уничтожении горящего». В полдень Бап Тян и Банг Беременный отправились в обход. Сегодня не только мы сжигали поверженный лес: на востоке, километрах в пяти, и на юге, километрах в пятнадцати от нас, прозрачное небо пересекали два огромных черных столба. Это жители Панг Донга и Панг Тинга жгли деревья и кустарник, чтобы впредь быть сытыми.

Издали зажженный нами пожар тоже казался огромной массой черного дыма, несущегося ввысь и только там превращающегося в гигантский бледно окрашенный гриб. Все пространство на расстоянии нескольких десятков метров от выкорчеванного леса было затянуто густым серым облаком, из которого вдруг появлялось два-три мужчины с ветками в руках, следивших за огнем, или группа женщин, несших к границе своего будущего поля небольшой *криэт* с освященными семенами. В полувысохшем русле ручья мокли клубни маниока, связанные по нескольку штук.

После возвращения в разбитый нами лагерь мы увидели, что оба принесенные в жертву цыпленка (зарезанный ножом и брошенный в огонь) подвешены на ритуальном шесте (на нем же висела рыба *ка сак*), чтобы женщины случайно не перешагнули через них и не нарушили таким образом табу, что повлекло бы за собой нашествие на будущие поля оленей, кабанов и прочих обитателей леса. Анг Слюнявая опять напилась. Она валялась прямо на земле, и молодежь забавы ради завалила ее листьями. Анг Длинная жевала сердцевину

толстого ратана. Ее сын, Чонг Толстопузый, также выпил гораздо больше спиртного, чем положено шестилетнему ребенку. Теперь он забавлялся тем, что дул в трубочки, и остатки *рнэма* в кувшинах булькали вовсю. Напрасно мать кричала: «Прекрати! Это же табу!» — ребенок продолжал в том же духе. Внезапно Бап Тян заметил отсутствие своего сына и отправился на поиски.

В три часа треск, напоминавший пулеметный обстрел, стал утихать, окутавшее нас дымовое облако слегка поредело. Пожар постепенно угасал, но «огненные цветы» все еще продолжали летать. Там, где недавно высился прекрасный лес, на земле, покрытой толстым слоем пепла, виднелись полусгоревшие стволы, по которым то и дело пробегал огонь. Из них, наподобие миниатюрных гейзеров, взвивались струйки дыма.

Насыщенный дымом воздух затруднял дыхание, тем не менее с половины четвертого дня одна женщина из каждой семьи приступила к ритуальному посеву. Я отправился вслед за Анг Слюнявой на поле Крэнг-Джоонга. Она подошла к нетронутому *ниэру* (Irvingia oliveri), вершину которого опалил огонь. К этому дереву в будущем прислонится полевой шалаш, а у его подножия раскинется незасеянный участок. Анг начала с того, что посадила рассаду маниока длиной пятнадцать сантиметров. Она выкопала мотыгой желобки в форме буквы «Т» и в каждый воткнула по два стебелька. У подножия *ниэра* она посадила черные бобы (Vigna sinensis), а по другую сторону от маниока посеяла кукурузу, семена которой вышелушивала тут же, «чтобы не коснулось чужое табу, чтобы не пришла в поле косуля, не забежал олень». В каждую ямку, выкопанную одним ударом мотыги, она опускала несколько зерен.

Я отправился на участок Бап Тяна. Джанг-Сраэ ворошила готовый угаснуть огонь, чтобы он пожрал как можно больше дерева и людям осталось меньше работы. Ее мать Анг Длинная сажала на берегу ручья маниок, *падди* — лунки для него она не засыпала землей — и восковую тыкву. В ее *криэте* лежали также семена хлопка и ямса, но она не собиралась их сегодня высеивать, а принесла только для совершения над ними обряда помазания. Чонг Толстопузый шел за матерью и сестрой. Вел он себя по-прежнему плохо: грыз семечки тыквы, хотя мать кричала ему, что это табу, подражал

крику вороны и не боялся, что за это «молния поразит».

Обратно я шел с Крэнг-Джоонгом. Навстречу нам попалась Ёнг Сумасбродка. «Священный человек» громко сообщил, что она собирается угостить нас спиртным и цыпленком в знак благодарности духам, которые позволили огню поглотить растительность на ее участке.

Ёнг даже вздрогнула от неожиданности и закричала, что Крэнг-Джоонг «лжет, просто лжет!». «Зачем ты так говоришь?» — спросила она полушутя, полусерьезно.

В семь часов вечера Боонг Помощник и Чонг Военный, его племянник, разожгли костер на небольшом участке, который они расчистили у реки, на краю деревни, недалеко от высокого леса. Огонь сразу хорошо взялся, и яркое пламя разогнало вечерние сумерки. Здесь было решено посадить бананы.

Вечером следовало совершить «помазание дров кровью», но этого нельзя делать без начальника кантона.

16 марта

Сегодня утром три семьи отправились за травой, которая пойдет на солому для починки крыш. Несколько женщин пошли подбирать недогоревшие куски дерева. Понг Вдова и старая Тро остались дома и занялись изготовлением глиняной посуды.

В половине первого бóльшая часть жителей ушла из деревни. Через лесную чащу они вышли к ручью Дак Мэи, к тому месту, где он перед впадением в широкую реку Дак Кронг делает резкий поворот. Мои друзья собирались заняться рыбной ловлей типа *панг дак,* но сильно от нее отличающейся. В этот период сезона ручей, вообще-то довольно глубокий, можно было перейти вброд. Его русло имело три метра ширины там, где начинался поворот, и пять — где он кончался. В этих местах установили двумя сплошными рядами верши, выделив, таким образом, своего рода садок. Каждая сеть была накрепко привязана к двум бамбуковым шестам, к ним же были прикреплены две другие верши, как бы обрамлявшие эту сеть. Конец сетей удерживался в потоке воды третьим колом. Самые большие сети были расположены в конце поворота ручья, их прочно удерживал длинный бамбуковый шест, перекинутый через Дак Мэи. Обе образовавшиеся плотины рыболовы

укрепили еще ветками. Перед входным отверстием верши Крэнг выкопал в песчаном дне ямку, по его словам, для большего скопления воды.

На берегу в песке Ёнг Сумасбродка собирала яйца игуаны. Когда все было готово, толпа человек в сорок кинулась к садку, две большие стороны которого составляли шесть и тридцать метров. Все были возбуждены, толкались, кричали и смеялись, предвкушая прекрасный улов. Большинство рыболовов вооружились сачками и прочесывали ими дно ручья. Это снаряжение дополнялось еще двумя большими четырехугольными сетями и двумя коническими, с которыми мужчины ловко управлялись. Солнце, проникая сквозь отверстия в настиле из ветвей, отражалось в текущей воде прыгающими зайчиками, а в середине ручья, где свет свободно лился на длинную извилистую полосу воды, оно оставляло широкую дорожку. В этой светотени во всех направлениях сновали рыболовы. Места было мало, и они все время наталкивались друг на друга, смеясь и перекликаясь. Рыба шла в изобилии, но так как она не была опьянена ядом, то случалось, что прекрасные экземпляры уходили под воду. Ловля длилась минут двадцать, после чего верши вытащили и повернули отверстием к реке. В низовье же расположение сетей не менялось; здесь между вершами двадцать метров расстояния, линия их тянется к верховью; так как ручей в этом месте шире и вершей принесли недостаточно, то преградить водный поток удалось только на две трети; отверстия вершей здесь также обращены к реке. Ветви, которые были накиданы на верши, брошены сейчас в изгиб Дак Мэи, чтобы заманить туда как можно больше рыбы; рыболовы срезают толстые ветви, нависшие над рекой, а старый Тоонг-Манг укладывает их в ручье.

В половине третьего мужчины подняли верши, выгрузили их содержимое и вновь поставили на прежнее место, а женщины разожгли огонь. Все подходили, пекли рыбу на огне и ели ее, обмакивая в толченый красный перец, принесенный в кулечке из древесного листа. Рыбу запивали рисовым супом прямо из калебасы.

Четверть часа спустя все возвратились к воде и расположились метрах в тридцати ниже второго ряда вершей. Рыболовы медленно поднялись против течения. Они двигались плотными рядами и доставали рыбу со

дна сетями, а то и сачками. Дойдя до малой линии расположения вершей, те, кому они принадлежали, вынули их. Остальные рыболовы продолжали идти против течения и подошли к запруде из больших вершей. Чуть позднее трех часов вынули и их: ловля окончилась. Уставшие, вымокшие, продрогшие, все гуськом направились в деревню. Снасти и улов несли в *криэте*, а самых крупных рыб нанизали на тонкий бамбуковый прутик.

Тру с женой вернулись из Горного Рьонга, а Ван-Джоонг, который принадлежит к клану Моков, — из Панг Пе Донга. Во время совершения обрядов функции Тру выполнял его приемный сын Кранг Собачий Клык, а Ван-Джоонга — его младший сын Кранг-Дланг. Теперь, когда начальник кантона возвратился, можно будет совершить «помазание ритуальных плашек». А пока Тру играл с младшими детьми своего старшего брата. Он держал за ручку Чонга Толстопузого и тоненьким детским голоском натравливал трехлетнюю Дыр на ее братишку: «Задуши его, задуши!» Мальчик изо всех сил старался вырваться, но не мог. Эта возня смешила нашего начальника, он хохотал до упаду. Тру, жестокий, честолюбивый человек, разочарованный, видимо, женитьбой на бесплодной женщине, перенес всю свою любовь на Джанг-Бибу, племянницу жены, а теперь, когда Джанг выросла, его любимицей стала Дыр, младшая дочь его старшего брата Бап Тяна, что, впрочем, не мешало ему часто с ним ссориться. Вечером в свободные минуты он нередко играл и дурачился со своей маленькой племянницей.

Сиенг-Анг из Нёнг Браха принес рис приглашения: несколько месяцев назад он собрал урожай и послезавтра утром во время «помазания *падди* кровью» заколет в жертву буйвола. Вечером он зашел к старой Тро, которая поставила перед ним кувшин со спиртным. Но ему пришлось пить в одиночестве: зять Тро — Мхо-Ланг — вместе со всеми жителями Сар Лука пошел к Бангу Беременному, у которого производили помазание кровью ритуальных плашек (*мхам рнут*). Каждый принес большую калебасу с *рнэмом*, курицу и кусок обгорелого дерева со своего участка. Начальник кантона приказал принести набор гонгов. В половине седьмого вечера все было готово в доме «священного человека»:

ритуальные плашки и гонги Тру разложены на нарах, а калебасы со спиртным выставлены в ряд на земляном полу в гостевой.

Воткнув трубочку в калебасу, Бап Тян перерезал горло цыпленку, предложенному хозяином дома, провел кровоточащей раной жертвы по углям, которые держал в пригоршне Банг Беременный, по гонгам начальника кантона, по барабану, по *рнутам:*

Духи погостов — сотнями,
Духи смерти дурной — целыми кланами!
Не бейте нас,
Не оскорбляйте нас,
Не говорите с нами так сердито,
Нас не гнетите яростью своей.
Мы сделаем, чтоб было светло, как днем, в деревне и в лесу,
Мы так устроим, что будут те гонги плоские вокруг носить,
Чтобы, когда мы ищем буйволов, мы б их нашли,
Чтобы, когда кувшины ищем, мы бы их нашли,
Чтобы вещи дорогие, когда мы ищем, мы бы их нашли!

Банг Беременный круговым движением провел рукой с углями по гонгам, по барабану, по *рнутам*, затем выбросил угли на дорогу, ведущую к кладбищу, плюнул на них и стал молить:

Пхит! Великие предки,
О черные угли!
Возвестите дяде — старшему брату матери моей —
в том мире,
Возвестите дяде — старшему брату матери моей —
в том мире,
Сообщите матери самой,
Вы сообщите моему отцу,
Вы известите всех предков наших:
К вам возношу я заклинания в дни малого ратана —
сотнями,
В дни толстого ратана — тысячами,
И в дни празднества — сонмами.
Не предавайся гневу ты, о дух миров подземных!
Нас оскорбленьями не осыпай, о дух миров подземных!
Вот мои гонги плоские, ты их не разбивай,
А вот мои котлы — им треснуть не давай!
Младших братьев направляешь ты,
Старших братьев наставляешь ты,
Их храни, пусть не ударятся и не споткнутся,
Их храни, пускай здоровыми домой к себе вернутся!

Вновь поплевав на угли, он положил их на тропинку, взглянул в направлении кладбища и пошел обрат-

но. Цель этого обряда — сообщить предкам, находящимся в подземных мирах, что обряд совершен и теперь им нечего сердиться.

Вернувшись в дом (было уже половина седьмого), Банг Беременный над мнонгской пиалой с пивной бардой перерезал горло курице, которую держал Бап Тян, провел кровоточащей раной по обгорелым кускам дерева и *рнутам*, после чего дал крови стечь во вьетнамскую пиалу.

Точно такой же обряд он совершил над каждой курицей, которую принес глава семьи, после чего тот унес жертву домой. Цвет оперения курицы не имеет значения, важно, чтобы у нее был хвост. Кур без хвоста приносят в жертву только во время болезни или погребальных церемоний.

Как и вчера в лесу, произвели освящение калебас с *рнэмом*. Бап Тян взял мнонгскую пиалу с пивной бардой, перемешанной с кровью всех жертв, и начал призывать духов.

После этого все пили и беседовали. Новости были очень плохие: каждый год в конце засушливого сезона разражается эпидемия, вот и сейчас она жестоко поразила два селения в верховье реки. В Горном Транге насчитывалось двадцать смертных случаев. Судьба долго щадила Ндут Трэ Пыль, находящийся всего лишь в семи километрах от нас, но сейчас там умерло уже три человека, и жители решили покинуть свои жилища и переселиться в лес.

В половине десятого началась процессия с гонгами *(рок тинг)*. Шесть музыкантов, ударяя в свои инструменты, гуськом прошли по всем домам Сар Лука. Они входили через семейную дверь и выходили через такую же дверь в противоположном конце дома. Если в доме был барабан, двое музыкантов выходили из рядов и били в него. Духам неоднократно напоминали о том, что вскоре будет совершено большое жертвоприношение земле. Процессия с гонгами продолжалась добрых полчаса.

Тру сообщил, что ходил в Горный Рьонг к *коони* своей жены и уговаривал его переселиться к ним. Старик согласился и начал было уже делить свое имущество между сыном и племянницей — женой Тру, но потом решил, что придет, пожалуй, дней через пять-

шесть[84]. Затем начальник кантона рассказал о своей поездке в Бан-Ме-Тхуот. Начальство угощало их, но, к удивлению Тру, не предложило им переночевать в городе. Тру рассказал также о покупках, которые он сделал у французского торговца.

Я тем временем наблюдал за молодыми людьми. Кранг Пузырь вытащил шпильку из волос хорошенькой Джоонг Грыжи и, поддразнивая, помахал ею. Его близкие друзья по секрету сообщили мне, что он сильно влюблен в эту девушку. Но Кранг Пузырь был пьян и заигрывал неуклюже. Длонг Чернушка, видя, что я наблюдаю эту сценку, сказала мне: «Они скоро поженятся».

Пили много. Еще долго звучали песни. Вернувшись домой, я слышал, как Тру сердился из-за того, что не пришли кули: их должны были прислать из Панг Донга, но не прислали, полагая, что Сар Лук еще находится под действием табу. Пришлось ночью посылать за ними Кранга Пузыря с несколькими парнями.

17 марта

Теперь, после сожжения срубленного леса *(чу нтоих)*, начался новый период сельскохозяйственных работ — *лох руих*[85]. Огонь пожрал в основном кусты и ветки, но не справился с некоторыми стволами и большими сучьями, особенно там, где земля была влажная или плохо расчищена. Даже после пожара на слое золы повсюду виднелись нагромождения причудливо переплетавшихся обгорелых крупных сучьев и стволов.

Руих состоит в том, что рано утром все несгоревшие остатки разрубают и складывают в кучи. После этого, подкрепившись едой прямо в поле, девушки и женщины, поджигают эти кучи, а парни и мужчины разбрасывают ровным слоем золу, пользуясь изготовленными на месте скребками, которые представляют собой дощечку длиной тридцать-сорок сантиметров на двухметровой рукоятке. Нечего и говорить о том, насколько тяжела эта работа: погода стоит знойная, воздух накален, все задыхаются от жара, который источают подожженные груды дерева. В воздухе носится пепел, дышать буквально

---

[84] На самом деле он появился в Сар Луке только 12 апреля, да и то всего лишь пришел с сыном в гости. — *Прим. автора.*

[85] Лох — «дожигание» остатков, руих — устройство кострищ.

нечем. Работающие каждый час бегают освежиться в ручье (если, на их счастье, он протекает поблизости). Очень многие получают при этом глазные болезни. Правда, *руих* длится не более полутора месяцев, да и работают в поле далеко не каждый день, даже если пожар оставил много дела.

Поэтому у людей остается некоторый досуг, который они используют для того, чтобы приносить в жертву буйволов и совершать поездки с коммерческой целью. 31 марта Кранг-Дрым и Банг Олень устроили в Сар Луке *там бох*, который закончился 2 апреля, а за неделю до этого Боонг Помощник купил целый набор гонгов у жителей Бон Дунга. В это же время Тру приобрел у радэ огромный гонг. Очень многие жители Сар Лука побывали в период *руиха* «в чужих краях». Мы были приглашены на помазание *падди* в Нёнг Брах, на обменное жертвоприношение в Бон Длэи Дак Рхиу, на очень красочные праздники земли (*ньыт донг*) в Нёнг Рла (он проходил с 3 по 9 апреля; за это время принесли в жертву тридцать три буйвола и одного быка) и в Бон Саре (с 14 по 16 апреля). К сожалению, это время — конец засушливого сезона, когда вспыхивают эпидемии.

После Горного Транга и Ндут Трэ Пыля эпидемия — «небесный удар» — опустошила Панг Донг, который находится только в двух километрах от Сар Лука.

5 мая

Наконец *лох руих* закончился. Ветки и сучья сожгли, а золу разбросали. Приближался сезон дождей. Сегодня все приступили к ритуальной посадке отборного магического *падди.* Этой церемонией начинается пора посевов. Позавчера мужчины под руководством Банга Беременного расчистили тропу, ведущую от *миира* к деревне. Они превратили ее в широкую двадцатиметровую дорогу, по которой теперь можно ходить, не опасаясь, что из кустов выскочит тигр. Для этого же под руководством Банга Беременного вчера убрали нагромождения сушняка вокруг деревни. На это ушло только несколько утренних часов. Даже те, кто не привел еще в порядок свои участки, не пошли на них 3 и 4 мая, так как эти дни считались нерабочими: 3 мая был третий день после смерти ребенка Чонг-Коонга, а 4 мая—третий день после того, как тигр убил свинью Мбиенг-Гриенга.

Сегодня с половины шестого утра мужчины (некоторые по двое и по трое) отправились в заросли бамбука, чтобы выбрать *длэй*, который они водрузят в центре своего участка как ритуальный шест. Те, кто не успел вчера произвести пересадку *падди*, пошли теперь за ним в отдаленные поля.

Я отправился вместе с Крэнгом в лес. Он долго колебался между тремя прекрасными деревьями, но облюбовал в конце концов не самый высокий, а самый изящный по своему изгибу ствол [86].

Он срезал его куп-купом, снял листья и выровнял. Вернувшись домой, он воткнул шест напротив входа. Затем взял в комнате «рис с головы» (рис, снятый с самого верха каши первого котелка, сваренного утром) и помазал им *длэй доонг:*

Суп с самого верха колеса,
Рис с верха каши первого котелка,
Пиво крепкое, готовое для питья.
Пусть станет темным он, как темное индиго.
И зрелым, как тростник,
И стойким, как звезда ночей.

В восемь часов Крэнг перерезал курице горло над мнонгской пиалой с пивной бардой и с минуту подержал жертву на весу, чтобы натекло побольше крови. Пиалу он поставил в веялку и туда же положил несколько стеблей магического растения *падди*, которые выкопал вчера на старом участке, не совершая при этом какого-либо обряда и не читая молитв. Правда, перед выходом из деревни он все же дунул из предосторожности на лист *рхоонга*, чтобы косуля не взревела.

В веялке находился еще и *криэт*, в котором были перемешаны семена *падди*, восковой и бутылочной тыквы, огурцов, кукурузы, фасоли. Крэнг позвал Бап Тяна, своего соседа, и оба они совершили помазание магического *падди и криэта.* В это время хозяйка дома Джоонг Врачевательница проводила кровоточащей ранкой курицы по кувшинам и котелкам. Все трое читали соответствующее моление: «Совершая этот обряд, мы подражаем нашим предкам и воздаем честь *падди*».

Крэнг убрал пиалу с пивной бардой и кровью на чердак, предварительно положив небольшое ее количе-

[86] Точнее, стебель: бамбук (как и рис) — злаковое растение.

ство на лист *гун ба*, который спрятал в корзинку для семян. *Криэт и падди* он положил в заплечную корзину и пошел через гостевую, чтобы помочь своему зятю Бап Тяну совершить такой же ритуал.

Сделав все, что надо, Крэнг надел заплечную корзину, взял куп-куп, положил *длэй* на плечо и направился к своему будущему полю. Его сопровождали дочь Манг Кривомордая и невестка Анг Слюнявая. Придя на место, он прежде всего снял свою ношу около *ниера,* который указывал центр поля, и нашел две отобранные во время *руиха* прямые и крепкие палки длиной два—два с половиной метра. Один конец у каждой он заточил и обжег на огне: это будут *рмулы* (палки-копалки, которыми делают лунки в земле).

После этого Крэнг выкопал мотыгой на близком расстоянии одна от другой несколько ямок и в каждую опустил стебель магического растения *падди.* Сажая отборные стебли *гун ба*, он произнес заклинание. Затем он взял в каждую руку по *рмулу* и обошел вокруг *гун ба*, равномерно ударяя по земле заостренными концами палок.

Так на площади приблизительно девять квадратных метров, вокруг магического растения, Крэнг сделал много ямок. Он взял из *криэта* разные семена, отдав, однако, предпочтение *падди*, легким движением большого пальца сбросил по два, по три зерна в лунку, а потом ногой засыпал углубление. Посередине стеблей *падди* он воткнул в землю *доонг длэй* и совершил обряд помазания кровью *доонга*, земли и *падди.* Затем он прочел длинное моление, из которого уже читал отдельные строфы во время посадки:

Я помазываю кровью дух длэй...
Прямо его втыкаю я в стебли травы,
Наискось его я всаживаю в чашу,
Я разгребаю груды горелые,
Я отпускаю *падди* в землю,
Я сею семя *падди* в отверстие,
Я извергаю семя, чтоб зародилось дитя во чреве.
Пусть станет темным он, как темное индиго,
Пусть зреет он упорно, как тростник,
И стойко, как звезда ночей.

Пока дочь и невестка Крэнга сажали кукурузу, он начал сажать стебли имбиря.

●

Джоонг-Ван, «названая сестра» Крэнга (она из клана Джа), очень больна: у нее дома только что принесли в жертву поросенка и шаман произвел камлание, которое собрало мало народу, ибо необходимость совершать обряды, связанные с посевами, взяла верх над любопытством.

В десятом часу утра «священные люди» собрались у Банга Беременного. В зале для гостей были выставлены два кувшина, что должны были освятить: один — «священный человек», другой — его зять и сосед Кранг-Дрым. Последний уже приготовился совершить обряд и поставил у стены в глубине зала между кувшинами вьетнамскую пиалу с *рнэмом*, не преминув сообщить духам, что́ он приносит им в дар. Он также упомянул, что действует строго по наказу предков. После этого он опять перешел в центральную часть гостевой и вручил Крэнг-Джоонгу *гут* и мнонгскую пиалу с пивной бардой, пропитанной кровью. Оба они стали читать пожелания, а «священный человек» в это время опустил *гут* в кувшин, и, призывая духов во чрево *падди*»[87], Бап Тян пригубил *рнэм*.

Банг-Джиенг, не дожидаясь окончания церемонии, отнес к изголовью ложа дочери дары духам. Кранг-Дрым взял мнонгскую пиалу и начал мазать пивной бардой и кровью все кувшины, а также крохотную овальную гальку *ртэ*, которая лежала в керосиновой лампе. Его жена поднялась на чердак, чтобы помазать «голову *падди*» и поставить лампу, в которой хранилась галька — *ртэт*. Ее нашли на роге буйвола, принесенного в жертву во время *там боха* Кранг-Дрыма и Банга Оленя.

Бап Тян закончил читать обращение к духам, и хозяин в благодарность поднес к его губам трубочку с *рнэмом*, а сам совершил помазание кувшинов, после чего передал мнонгскую пиалу с пивной бардой и кровью своей жене, которая поднялась на чердак благословить *падди*.

---

[87] Т. е. призывает души риса вселиться в колосья и сделать их полновесными.

У обоих очагов пили *рнэм*, но народу еще было мало: не все освободились от своих обрядов. Менее чем через полчаса церемония у Джоонг-Ван закончилась, и Боонг Помощник пригласил все троих «священных людей» к себе. У него произошла такая же церемония, с той разницей, что на чердак поднялся сам Помощник, а не его жена. Так «священные люди» обходят по очереди все семьи, чему способствует близкое расположение жилищ. В каждом доме им предлагают выпить, завязывается беседа, а после совершения обряда их приглашает глава следующей семьи: «Теперь, пожалуйста, ко мне!» Иногда приглашение приходится повторять, ибо по мере того, как время идет к вечеру, «священным людям» все труднее двигаться, хотя они становятся все веселее. Ведь они должны отведать спиртного из каждого кувшина, причем снимают пробу первыми, когда оно еще не разбавлено. Они также получают в каждой семье куриные ножки, которые нанизывают на ратановую нитку, и трубку с *рнэмом* или бутылку рисового пива, которое сливают в *янг дам.*

В час дня, когда я зашел к себе, чтобы поесть, разразилась сильная гроза. Ураган клонил деревья и шесты, срывал покрытия с крыш. Дождь водопадами низвергался на деревню и заливал дворы. Под резким напором ветра надломился у самого основания и рухнул огромный шест с пальмовыми крыльями, который Бап Тян водрузил во время последнего *там боха.* Шест Крэнг-Джоонга также клонился и грозил упасть, но потом выпрямился. Об этом происшествии много говорили у Крэнга: жена его Джоонг Врачевательница рассказала, что брат ее видел плохой сон, но так как он никому о нем не сказал, то никто не предложил совершить очистительную жертву, которая помешала бы шесту надломиться. Джоонг сообщила мне все это громким голосом, так как находилась далеко от меня и, кроме того, хотела, чтобы ее услышал Бап Тян, однако он и глазом не моргнул, хотя в глубине души был очень удручен происшедшим: гибель шеста требовала, чтобы был совершен обряд изгнания злых духов.

6 мая

С семи часов утра продолжалось выполнение обрядов. В половине десятого все собрались у начальника канто-

на. Крэнг-Джоонг освятил кувшин, а Банг Беременный призвал духов. Когда он вернулся с мнонгской пиалой, из которой совершают помазание, Тру спросил:

— Зачем ты ее принес?

— Чтобы ты поставил ее на место.

— Можешь сам поставить ее на край чердака (это было сказано довольно сухим тоном).

Банг Беременный направился к чердаку:

— Куда все-таки поставить ее?

— На крышу свинарника Банга Кривого.

Раздался громкий взрыв смеха. Добряк Банг-Джиенг был оскорблен.

Он проворчал:

— Нехорошо разговаривать так с *куангами*, доверенными людьми!

(Он и Тру когда-то совершили *там бох*, каждый принес в жертву по два буйвола).

Когда начальник кантона поднес ему стакан спиртного, он отказался выпить:

— Ты разговариваешь со мной не так, как надо.

Но тут же разразился веселым смехом. Тру не совершил обрядов подношения спиртного духам и помазания кувшинов и *падди*.

Тру все больше разыгрывает из себя царька: он стал надменным, резким, разговаривает со всеми свысока. Он опьянен тем, что достиг самой высокой административной должности, доступной мнонгару[88], что начальник округа — европеец — оказывает ему доверие. Недавно его назначили помощником начальника округа, и он окончательно потерял голову. Чтобы укрепить свой авторитет, Тру завел двух личных телохранителей. Кранг Пузырь и Манг Тощий, самые рослые парни в деревне, повсюду следуют за ним, а Манг Тощий даже ночью не покидает его. Кранг Пузырь, славный малый, желает во что бы то ни стало походить на заправского военного. Он носит солдатские ботинки старого образца и изъясняется только на солдафонском жаргоне.

---

[88] В колониальной администрации высшие должности замещались европейцами, средние — вьетнамцами, таи, китайцами, и т. д. Лишь самые низшие были доступны представителям малых народов (и то предпочтительно в зоне их расселения).

7 мая

Утро застало жителей деревни у кувшинов с *рнэмом.* Ночью разделали тушу буйвола, и Ван-Джоонг распоряжался раздачей мяса. Два куска пока отложили: лопатку для шамана и филейную часть для посредника. Вторую лопатку отдали Бап Тяну и Крэнг-Джоонгу, а вторую филейную часть — Чонгу, старосте Сар Ланга. Задние ноги разделили между сыновьями и братьями Джоонг-Ван, которая все еще болела. Грудинку предложили начальнику кантона, огузок — Бангу Беременному и его затю Кранг-Дрыму.

Остальное мясо роздали жителям деревни, причем так, что каждому досталось по ребру.

В половине девятого утра «священные люди» и «те, кто работает с господами», собрались у Банга Кривого. Накануне у него оставили шнур с нанизанными на нем куриными ножками и *янг дам* с *рнэмом*, собранным со всей деревни. «Священные люди» отдали половину куриных ножек Тру, чтобы он оделил ими по справедливости тех, кто выполняет какие-либо административные функции, т. е. самого себя, своего помощника, двух своих гонцов, помощника деревенского старосты и, уж конечно, своего друга — школьного учителя. Мне начальник пожаловал две ножки, не обошли меня и «священные люди». Кстати, они давали по ножке каждому любопытному, заходившему в хижину. *Рнэм* пили из стаканов.

Около одиннадцати часов утра группа женщин пошла в Ндут Сар собирать индийский перец.

Вечером люди кланов Рджэ и Бон Джранг собрались у Бап Тяна: его сын совершал обряд помазания кровью свиньи.

В половине восьмого вечера Тян подал трубочку и вьетнамскую пиалу с пивной бардой и кровью Бонгу Помощнику, а тот передал их Бап Тяну. Тян и посредник, посредник и Бап Тян и, наконец, отец и сын совершили обряд взаимного целования рук. Затем Бап Тян опустил *гут* в кувшин, читая при этом вместе с сыном моления, а посредник в это время стал по другую сторону кувшина.

Тян, очень взволнованный, пошел за принадлежностями, необходимыми для предстоящей церемонии. Ка-

жется, он не очень твердо знал, что полагается делать в таком случае, и поэтому несколько раз ходил взад и вперед. Он разостлал на полу на расстоянии локтя от кувшина циновку из пандануса, рядом поставил *янг дам*, перед циновкой, около сидевшего отца, положил лезвие топора, и Бап Тян опустил на него правую ногу. Наконец, Тян надел латунный браслет на ушко кувшина с пивом.

Бап Тян был в ударе и принялся описывать подвиги Кеэл Кока, сына Анг, героя клана Бон Джранг, в который входит его сын Тян.

«Однажды Кеэл Коку пришла мысль нырнуть в реку. В это время он курил рог буйвола, и из воды поднялась струйка дыма. Кеэл ничего не боялся. Дождя давно не было, и все сгорало от засухи, и Кеэл велел сварить мясо с фруктами, но и это не вызвало дождя. Он положил побег бамбука в норку *выла* (этот большой черный мохнатый паук живет в земле, в ямке), но небеса и на это не ответили благосклонно. Он стал «развлекаться» со своей сестрой, но все было напрасно. Тогда он взял пиявку и затолкал в ее заднее отверстие комок земли, на нее положил лягушку, все это завернул в лист *рмонга* (Panicum), а листу придал форму лодки и спустил ее на воду. Вот тогда пролился дождь и сверкнула молния. Она хотела поразить Кеэл Кока, но он спрятался под лист *ча* (Cupulifèr). Молния ударила в *ча*. Тогда Кеэл укрылся под *ти*, но молния настигла *ти* и превратилась в свинью. Кеэл ее убил и вырвал у нее зуб.

Как-то раз ему на удочку попалась рыба *джэт*, он оставил ее в лодке, и эта крохотная рыбка стала разлагаться. Муравей, отведав ее, — о, немного, совсем немного, — начал расти, раздуваться, пока не превратился в огромного дракона. Дракон хотел прыгнуть в воду, но шпорой зацепился за отверстие в лодке. Кеэл отломил шпору, принес ее в деревню и тщательно спрятал. Но отломилась только шпора, ведь туловище нырнуло уже в воду. Возвратясь в деревню, Кеэл взял курицу и кувшин с *рнэмом*, чтобы помазать шпору дракона кровью. Шпора по сей день хранится у потомков Кеэла, а именно у Янг-Дрыма (его жена принадлежит к клану Нду). После смерти Янга шпора перейдет не к его детям, а к его племянникам по материнской линии из клана Бон Джранг».

7 Рождение третьего сына Бап Тяна

Через два дня после того, как Тян совершил жертвоприношение свиньи в честь своего отца, вскрылось исключительно важное событие, всколыхнувшее всю страну мнонгаров. Это было истребление колдунов из Пхи Диха[89]. Из жалобы, поданной в Бан-Ме-Тхуот от представителей клана Срук из Бон Джа, стало известно, что восемь месяцев назад в восьми километрах от Пхи Диха произошло обрядовое избиение колдунов.

После опустошившей эту деревню эпидемии ее бывший староста Манг Глина договорился со Сруками из Рсала, Бон Джа и других горных селений об истреблении членов клана Срук, живущих в Пхи Дихе и Пхи Ко, которых он обвинил в колдовстве.

Все жители страны гаров были приглашены на это ритуальное избиение, во время которого девять человек было убито, а восемь человек продано в рабство. Несмотря на то что на это действо собралась масса народа, администрации ничего не было известно и она так бы ничего и не узнала, если бы не начались распри между членами клана Срук из Пхи Диха и из горных селений из-за раздела имущества, забранного у *тяков*.

Кроме этого ритуального убийства было совершено совсем гнусное преступление, не вызванное никакими религиозными мотивами: Тили из Панг Донга (к ним присоединился Чар-Риенг), которыми верховодил староста деревни Краэ Вдовец, зверски убили школьного повара Сиенга-Дэ; они завидовали ему и боялись его. Он был мужем представительницы клана Срук, и его не имели права даже продать в рабство.

В Сар Луке это дело отразилось таким образом: Чар-Риенг, убийца повара Сиенг-Дэ, был, конечно, посажен под стражу на Озерном посту. Тру, бывший в то время на вершине могущества, и его помощник Боонг-Манг были арестованы за то, что не сообщили администрации о трагических событиях в Пхи Ко. Так как

---

[89] Все материалы, относящиеся к этому делу, опубликованы в работе «Избиение колдунов у мнонгаров». — *Прим. автора.*

обе эти персоны занимали видное положение в деревне, их арест существенно изменил атмосферу в общине. Царили какая-то подавленность, страх, еще более усилившиеся после неоднократных вызовов для допроса на Озерной пост Бап Тяна, Банга Оленя и Танга Сутулого. Кроме того, два парня через день спускались к Озеру, чтобы отнести пищу двум арестованным начальникам.

11 сентября 1949 года

Со вчерашнего вечера у Анг Длинной начались предродовые схватки, поэтому ни она, ни Бап Тян, который всю ночь не отходил от жены, не сомкнули глаз. Услышав ее стоны, он разостлал циновку у самого очага под их чердаком — точнее говоря, около нар, на которых они обычно спят. Анг устроилась на этом не слишком удобном ложе, укрылась накидкой, под голову подложила подушку из тряпья. Бап Тян привязал к бамбуковым столбам чердака[90] длинную крепкую веревку. Когда боли у Анг усиливались, она подползала к краю циновки, сначала становилась на колени, а потом переваливалась на пятки и хваталась за веревку.

Сегодня в половине девятого утра у Анг был очередной приступ схваток, более сильный и болезненный, чем предыдущие. Бап Тян, не теряя ни минуты, применил средство, которое должно было облегчить ее страдания: горстью опилок, взятых тут же около дров, и несколькими угольками из очага, он провел по животу жены, читая заклинание:

Отсморкайтесь вы на берегу реки,
От слюны освободитесь на пути,
Потрещите дровами у тропы,
Рты и клювы, клювы вражеские,
Языков концы вражеские,
Возвращайтесь туда, откуда вы пришли...

После этого Бап Тян вышел и выбросил опилки и угольки, ведь именно в них перешла хворь, которую неизвестные враги наслали на его жену через угли.

Через час новый приступ резкой боли заставил Анг застонать. Бап Тян поспешил совершить еще один обряд изгнания злых духов. Когда схватки участились,

---

[90] Отсюда выражение *гэ'уинь* — «находиться возле очага», — означающее роды. — *Прим. автора.*

он позвал на помощь свою сестру, Джоонг-Крэнг Врачевательницу. Старуха села около своей невестки и сразу применила активные методы лечения: она захватила пальцами кожу на нижней части живота, разминая складку под животом и принялась массировать весь низ живота от верхней части правого паха до низа левого паха и поглаживать всю округлость живота. Смочив руки в воде, она проделала те же движения мокрыми руками. Анг пожаловалась еще и на стреляющую боль в плече. Джоонг помассировала указанное место и закончила всю процедуру ритуальным растиранием прокопченной паутиной, которую она собрала у середины чердака над очагом. Мне объяснили, что боль роженицам причиняет птица *теи* и что еще со времен предков их лечат таким способом.

Бап Тян попросил свою невестку Гро-Тян принести пиалу белого риса (чтобы оплатить услуги своей сестры). Джоонг протестующе воскликнула: «Не надо, к чему это?» Но тем не менее, уходя, захватила рис.

Бап Тян объяснил мне: «Она долго рожает, потому что ребенок медлит спуститься и войти в мир людей». Он доверительно рассказал мне, что видел этой ночью прекрасный сон: он присутствовал при рождении буйволенка, а это означает, что «душа-буйвол» появится в мире духов, а следовательно, и в мире людей, и родится ребенок, которому эта «душа-буйвол» будет соответствовать. Судьба ребенка, который увидит свет на другой день после такого сна, ознаменуется удачей: он будет иметь в изобилии буйволов, гонги, кувшины, достигнет «могущества».

С утра в дом стали приходить женщины, желавшие узнать новости. Некоторые даже остались на случай, если придется чем-нибудь помочь, ведь все могло случиться. Под чердаком возле роженицы сидели ее «названая мать» Ёнг Сумасбродка и опытная повитуха Понг Вдова. На нарах в гостевой, где уже находились мы с Бап Тяном, его невестка Гро-Тян и племянница Сранг-Кронг, устроились еще две молодые женщины. Понг Вдова на минуту удалилась и возвратилась с работой: она принялась лущить кукурузу, которая лежала в небольшой корзинке. Спустя некоторое время Гро решила пройтись, а другие женщины отправились домой, но мы недолго оставались в одиночестве: явилась Тро

(«названая мать» Бап Тяна) и привела свою дочь Ланг-Мхо и зятя. Они пришли узнать, как идут дела, и, перекинувшись парой словечек с Анг Длинной и Бап Тяном, ушли. На минуту заглянула еще одна племянница, потом забежали соседи, и так все время.

Оказав Анг посильную помощь, Джоонг-Крэнг тоже удалилась. Она взяла у себя дома калебасы и вместе с мужем наполнила их у излучины реки водой, а потом слила ее всю в один большой кувшин, в котором обычно приготавляют краситель индиго. Бап Тян позвал зятя, который, покуривая трубку, отдыхал на нарах после трудной и скучной работы. Бап Тян знал, что он умеет хорошо совершать обряд «гадания с копьем» *(пол так)*. Гро-Тян принесла дяде мужа все необходимое для совершения ритуала: маленькую вьетнамскую пиалу с водой на донышке, другую пиалу с белым рисом, копье и бамбуковую полосу. Крэнг-Джоонг кинул в пиалу с водой несколько зерен риса, положил плашмя бамбуковую полоску и осторожно воткнул в нее острие копья. Затем он объявил духам о том, что именно собирается предпринять, и спросил ребенка, скоро ли он родится. После этого он понемногу выплюнул — на пиалу, на бамбуковую полосу, на кончик копья — жеваные зерна риса и слегка толкнул копье. Оно вначале поколебалось, а затем, словно падая, описало дугу. Но Крэнг тотчас же подхватил его. Он придал копью более устойчивое положение, вновь выплюнул рис и спросил: «Ты ожидаешь твою старшую сестру, которая находится там? Ожидаешь ли ты Джанг-Сраэ, которая там?» — и вновь толкнул копье, которое на этот раз устояло. О ребенке Бап Тян сказал: «Он утомился идти по большой тропе (которая ведет в мир людей). Он непременно появится среди дня».

Вдруг Бап Тян вспомнил, что совсем недавно воткнул колышки около камней, которыми был укреплен порог. Вот поистине опасный поступок. Да, именно заостренные колышки мешают ребенку «выйти» и заставляют мать страдать. Надо как можно скорее изгнать злых духов! Бап Тян взял щепотку пыли с каждого колышка и провел ею по животу жены, произнося заклинания против вражеских языков[91]. Крэнг-Джоонгу тоже при-

[91] Речь идет о магических приемах, якобы предохраняющих от враждебных сил (а враги говорят каждый на своем языке).

шла на ум замечательная мысль: он посоветовал своему деверю развязать и раздвинуть солому на крыше. Бап Тян взобрался на гребень крыши, раздвинул солому на ширину примерно двадцати сантиметров и развязал скреплявшую ее полосу ратана: это роковое напоминание о пуповине, которая захлестнулась вокруг шеи малыша. Теперь на пол пробился луч света. Прежде чем сойти с крыши, Бап Тян выдернул соломинку из настила, чтобы изгнать духов с середины живота роженицы.

Вот уже с полчаса, как Анг не могла даже прилечь. Неутихающая боль заставляла ее стоять на коленях и держаться за натянутую веревку. Понг Вдова, сидевшая рядом на корточках, подбадривала Анг. Она ждала момента, когда наступит ее черед приступить к делу. К полудню схватки участились, и Понг приказала соседке поддерживать роженицу сзади, пока она будет массировать ей живот сверху вниз. Гриенг-Мбиенг (младшая сестра Бап Тяна) нерешительно приблизилась к Анг. «Призывайте духов!» — крикнула Понг мужчинам. Вихрем вылетели они из дома, Бап Тян схватил по пути пест, и все, стоя у ската крыши, громко, неистово и нестройно стали выкрикивать моления: один обращался к духам гор и вод, другой — к прародителям, у которых накопился опыт принимать роды, третий просил уберечь роженицу и отца от страданий, четвертый обещал ребенку самые прекрасные украшения, если он соблаговолит родиться... Эта сумятица длилась всего лишь несколько минут, так как едва Гриенг подхватила Анг за спину, как раздался писк новорожденного: дитя лежало на земле в луже крови, не освободившись полностью от плаценты.Повитуха накрепко обвязала черной ниткой примерно в двадцати сантиметрах от пупка пуповину, обвившуюся вокруг шеи ребенка, и очень острым бамбуковым ножом точно перерезала ее позади узелка. Затем она отнесла новорожденного к передней стене дома и обмыла его холодной водой, которую лила из калебасы Ёнг Сумасбродка. После тщательного омовения ребенка Понг, не вытирая, завернула его в покрывало и положила у очага возле распростертой на циновке Анг. Лицо роженицы было мертвенно-бледно, но она улыбалась. У головки ребенка Понг поставила разукрашенную плетеную коробку с белым рисом, «чтобы малыш был силен и не падал, когда начнет сидеть и ходить». Ма-

ленькая Дыр, присутствовавшая при родах, потихоньку приблизилась к новорожденному. При виде непрошеного гостя, которого уложили матери под бок, где до сих пор было лишь ее законное место, она всхлипнула, готовая разразиться плачем, но женщины успокоили ее.

В это время молодые матери, находившиеся в хижине, поднесли своих малышей к не убранной еще кровавой массе, заставляя ребятишек потоптаться в крови, «чтобы они, когда вырастут, не дрались с новорожденным». Ёнг Сумасбродка собрала маленькой мотыгой плаценту, пуповину, а также окровавленную землю в обычный плетеный мешок и унесла за дом, где Бап Тян заранее вырыл яму у перегородки (в случае рождения дочери яму роют у переднего фасада хижины)[92]. Ёнг Сумасбродка опустила ношу в яму, а Бап Тян прикрыл ее широким камнем и землей. Вокруг холмика он воткнул колышки, а верхушки их соединил наподобие конуса. Все сооружение он обвил колючими стеблями, громко заклиная при этом *тяков* удалиться. Если они сумеют проникнуть в яму, они сожрут плаценту, и ребенок в таком случае заболеет и может даже умереть.

В том месте, где обмывали ребенка, Ёнг Сумасбродка выскребла в земле большое углубление и снаружи соединила его с узеньким стоком, проходящим под перегородкой у переднего фасада дома. Над этим углублением она положила несколько бревнышек, а на них постлала циновку из расплющенного бамбука, служившую «матрацем» Бап Тяну с женой. Гро-Тян поставила сверху огромный котел воды, которую она согрела на своем очаге, как только ее свекровь родила. Ёнг подлила туда немного холодной воды, проверила, не слишком ли горячая вода, бросила *падди*, скатанный в шарик, и произнесла:

Пусть боль не нарастает,
Вот я уж опросталась[93],
Пусть боль прекращается,
Как шарик *падди* растворяется.

---

[92] Еще одно напоминание о господстве у мнонгаров в недавнем прошлом материнско-правовых отношений: плаценту девочки хоронят в почетном месте.

[93] Опускаемый в воду шарик *падди* символизирует в этом обряде новорожденного, а быстрое растворение его в воде — благополучные роды.

В котел Понг кинула кусочки магического растения *гун ба лэх* (магическое растение *падди,* часто сорт культивированного имбиря), предохраняющее от возврата болезни:

О гун ба лэх,
Отведи ты всякий приступ боли снова —
Ведь снова будем мы овощи вкушать.
Отведи ты всякий приступ боли снова —
Ведь снова будем мы побеги бамбука есть.
Ведь снова на праздник к нам слетятся чужаки.
Отведи ты всякий приступ боли снова.
Я опускаю сюда тебя, о *гун ба лэх.*

Между стеной фасада и столбами чердака женщины установили две бамбуковые плетеные перегородки, так что получилось нечто вроде ванной комнаты, где молодая мать, скрытая от нескромных глаз, смогла как следует вымыться. Анг сделала это без посторонней помощи, после чего возвратилась на свое ложе.

Бап Тян снял со стены в глубине помещения кувшин, поставил его посередине гостевой, где женщины, присутствовавшие при родах, уже завели болтовню, сидя на нарах или просто на полу на корточках. В двадцать минут первого напиток был готов, и Бап Тян перерезал горло цыпленку над вьетнамской пиалой, в которую положили пивную барду из кувшина. В первую очередь трубочку поднесли Понг Вдове, повитухе, но она вежливо отказалась от этой чести и сказала, что торжественный ритуал надлежит начать Джоонг-Крэнг Врачевательнице. Произошел обмен любезностями между двумя женщинами, в результате которого первой опустила в кувшин трубочку Понг.

Еще до этого Бап Тян помазал ей ладонь правой руки пивной бардой, пропитанной кровью, а теперь проделал этот обряд над всеми находившимися здесь женщинами. Понг в свою очередь помазала новорожденного, чтобы смыть с него всю скверну родов.

После этого Бап Тян одарил всех женщин, которые пришли облегчить страдания роженицы. Рядом с кувшином он поставил несколько больших вьетнамских пиал и положил купюры достоинством в один пиастр. Самую большую пиалу он поднес в первую очередь Понг Вдове, остальные роздал прочим женщинам. Каж-

дый мужчина (и я в том числе) получил пиастр. Племянница нашего хозяина Сранг также не была забыта, хотя она зашла только для того, чтобы предложить ожерелье. Его принесли жители другой деревни, которые остановились у Мхо-Ланга.

Начали пить. Первым пил Крэнг-Джоонг, затем Понг Вдова и Джоонг-Крэнг. Ребятишки с восторгом принялись носить воду, так как им обещали за это огурцы. Темы бесед были самые разнообразные. Кранг-Дрым рассмешил всю компанию рассказом о том, как он накануне сказал маленькой Дыр, что она замужем за Сраэ (мужем ее старшей сестры), а девчушка, еле умеющая говорить, ответила ему: *«Дэок брак!* (Обезьяний павлин)». Это не слишком вежливое восклицание в применении к конкретному лицу означает ругательство. Я старался раззадорить беседующих, чтобы они разговорились о своих верованиях, связанных с рождением человека. Женщины подтвердили слова Бап Тяна о том, что, если здесь, на земле, рождается человек, то в небесах появляется новая «душа-буйвол». Мне рассказали, что сын никогда не может носить имя своего отца, хотя причину так и не объяснили. Внезапно произошел скандальный случай: какая-то собака перескочила через новорожденного. Все начали кричать, многие бросились прогонять животное. Более чем оскорбленный Бап Тян вопил: *«Тла кап!»* — «Да пожрет тебя тигр!» Несчастная собака нарушила запрет и в тот же вечер поплатилась за это жизнью.

Как только волнение улеглось, разговор зашел о визите людей из клана Тиль Кон Дёо, которые пришли, чтобы продать кувшины и ожерелье и получить долг с Тоонга Повара. Гости остановились у Мхо-Ланга, который накормил их и согласился быть их посредником в нашей деревне. Он рассказал нам о бесконечных спорах, которые ему пришлось вести с истцами, чтобы они удовлетворились частью долга. Крэнг-Джоонг живо заинтересовался кувшинами и вышел со своим племянником, чтобы взглянуть на товар.

В четыре часа дня из Ндут Лиенг Крака пришли Джанг и Сраэ. Так как они провели ночь у «чужаков» и в момент родов не были в деревне, вход в хижину матери им запрещен. Длинная веревка, протянутая Бап Тяном от семейной двери к двери гостевой (он делит

ее со своим зятем Крэнг-Джоонгом), преграждала оба входа. Два высоких шеста, на которых держалась веревка, четко указывали, где проходит граница табу. Молодые супруги должны были провести остаток дня и ночь в помещении своего дяди Крэнга, откуда, кстати, они могли видеть все, что происходило на материнской половине. Фрукты, которые они принесли в подарок, также не могли быть перенесены через условную границу между двумя очагами. Так как у Крэнг-Джоонга и Бап Тяна общая дверь в гостевую, она сегодня тоже находилась под запретом. Джанг и Сраэ вошли к дяде через его семейную дверь. Ею воспользовался Мхо-Ланг, когда пришел показать Крэнгу кувшин, который тот намеревался купить.

Оживление наступило вновь при жертвоприношении провинившейся собаки, которую в мгновение ока прикончили, сварили и съели. Беседа шла о том, о сем: о диких слонах, которые забрели на днях в *миир*, о том, что некий человек из Сар Ланга взял «в долг» буйвола, и т. д. На какое-то время общим вниманием завладела Анг Слюнявая, которая с грустью вспоминала о прошлом, когда во время полевых работ царили веселье и любовь. Ланг-Мхо, еще не отнявшая от груди свою дочь, взяла на руки плачущего новорожденного, чтобы покормить его, но малыш отказался брать грудь. Любуясь его большим тельцем, она сказала, что он похож на полуторамесячного ребенка. Другие женщины также расхваливали младенца. Прерванная беседа вошла в свое русло. Ёнг Сумасбродка рассказала, что к ней приходили супруги Сиенг-Оот (муж—брат Тоонг-Бинга и Анг Вдовы, и после суда за кровосмесительство последняя живет у него). Они приходили, чтобы получить благословение для своего младенца, который как две капли воды похож на покойного Нгкои (один из Сруков, погибший во время избиения в Пхи Дих). Нгкои явился во сне Оот, когда она еще не была беременна, и сказал: «Я хочу повидаться с моей теткой Ёнг Сумасбродкой» (она вдова одного из Сруков). Пересказав слова своих гостей, Ёнг добавила: «Они не решились сказать мне это, но, когда ребенок родился, они назвали его Крангом, и он неутешно плакал, отказывался от этого имени. Тогда они назвали его Нгкои, и ребенок сразу успокоился».

12 сентября

Сейчас приблизительно около девяти часов утра. Анг уже умылась и съела первую пиалу рисового супа. (Вчера она мылась три раза и три раза принимала пищу, состоявшую каждый раз из маленькой пиалы рисового супа).

Бап Тян отправился просить магическое растение прохладник, «чтобы ребенок скорее начал брать грудь», а на самом деле произвести выбор имени (эта церемония называется «кинуть жребий на имя предка») [94]. Ведь совершенно очевидно, что если ребенок непрерывно плачет и не берет грудь, то он дает понять своим поведением, что желает получить имя или, если оно у него уже есть, сменить на другое.

Бап Тян уселся под чердаком прямо на ложе своей жены. Она сидела, вытянув ноги, на них лежал новорожденный. Бап Тян сел на корточки напротив Анг, на одном уровне с младенцем. В сложенных руках он держал два кусочка прохладника (*гун ик*). Его луковица, разрезанная по длине, напоминала половинки цилиндра. Бап Тян встряхнул кусочки луковицы, произнес имя Нджанг (это не имя предка) и быстро раздвинул руки. Кусочки упали в беспорядке: следовательно, имя не подошло. Бап Тян повторил эту операцию, назвав имя Сраэ (младший дядя жены по материнской линии). Снова не подошло. Затем последовали имена Кронг (отец Анг) и Банг (прямой предок Анг), но все было безрезультатно.

Пока отец выбирал имя, братишка новорожденного Чонг Толстопузый забавлял младенца: он с шумом дул на его крохотные ручки. Но скоро ему надоело, и он отправился играть со своими сверстниками.

Бап Тян продолжал «кидать жребий на имя предка». Он перечислил Манга, Чунга, Пара, называл даже имена предков жены, так как из троих детей, которых ему принесла Анг, двое носили имена его предков

---

[94] В каждом роде существует набор имен. С именем предки как бы вновь появляются среди живых. Поэтому при появлении на свет новорожденного гадают, называя имена наиболее доблестных предков. В данном случае отец старается подтасовать гадание и дать имя того предка, на которого якобы похож новорожденный.

(Чонг и Джанг). Но раз предки жены упорствовали и никак не проявляли себя, он обратился опять к своим прародителям. При упоминании имени Донг кусочки магического растения заняли благоприятное положение.

Я думал, что на этом ритуал закончится и младенец будет именоваться Донгом. Но оказалось, что я глубоко заблуждался. Бап Тян вновь взялся за кусочки магической луковицы и подбросил их два раза, но получил отрицательный результат. Старик сказал мне: «Поначалу *гун ики* указали Донга, но отступились от него при повторном вопросе». Насколько я разбираюсь в мнонгарской ворожбе, такое объяснение не может считаться убедительным. К моему изумлению, Бап Тян вновь возвратился к имени Кронга — отца жены. Мне (а немного и духам) он пояснил, что «у новорожденного нос похож на нос Кронга, да и глаза такие же». Затем Бап Тян заверил предка, что собака, перескочившая через новорожденного, в тот же вечер была принесена в жертву по всем правилам ритуала, с обязательными в подобных случаях помазанием и возлияниями. Но все его уговоры были тщетны, указания на имя Кронг не подтвердились. Бап Тян опять предложил имя Донг, но на этот раз и на него не получил согласия, как и на повторное предложение имени Кронг. Раздосадованный Бап Тян отказался от дальнейшего гадания и удовольствовался единственным положительным указанием на имя Донг. Он принес нитку, подвесил на нее кусок растения *гун ик*, плюнул на нее и, надев это подобие ожерелья на шею сына, объявил: «Я даю тебе имя Донг». Далее он просил ниспослать новорожденному «крепости телесной и глубокого сна».

Теперь у ребенка было имя, но еще предстояло предпринять ряд важных мер, чтобы оградить его от влияния колдунов, неутомимых в своих кознях. У ребенка несколько душ, одна из них может последовать за отцом, когда он отправится за водой или в лес, и вот тут-то младенческая душа подвергается риску оказаться жертвой многочисленных *тяков*. Следовательно, отца надо как бы изолировать, прогнав колдунов из опасных мест. И Бап Тян без промедления взялся за дело.

Водя ладонью по бедру, он скатал воедино четыре нитки (желтую, красную, белую и черную), разрезал эту цветную веревочку пополам, длинную часть обмотал

вокруг берда[95] ткацкого станка, который представлял собой нечто вроде длинного ножа из прекрасного дерева, отполированного временем и частым употреблением. К концу свисающей веревочки он привязал два куска «экскрементов железа» (шлака с окалиной железа). Меньший отрезок он также разделил на две части и одну привязал к своей левой щиколотке вместе с тремя кусками окалины. Проделывая все это, он произнес:

Пхит! Дракон в локоть длиной,
Маленький дракончик, с вершок шириной,
Маленькая ящерка в пядь величиной,
Удирайте, возвращайтесь-ка к себе,
Не задерживайтесь на большой тропе,
На моем пути, когда я по воду пойду,
На моем пути, как я купаться пойду,
Удирайте, возвращайтесь откуда пришли!
Удирайте в мир подземный за верховье реки,
в даль далекую за поле и лес,
За высокий строевой тот лес,
За глубокую ночь, в подземные миры,
Убирайтесь, откуда пришли.
А не то железо вас разразит.

Последний кусок цветной веревочки Бап Тян привязал с кусками окалины к своей правой щиколотке. Затем он собрал остатки (экскрементов железа) в консервную банку (из моей кухни), посыпал их размельченным рисом, взятым у Джоонг-Крэнга, а сверху положил кусочек шафрана. Перед уходом он разбудил задремавшую Анг, чтобы к ней во время сна не подобрались *тяки*. Во дворе он растолок в ступке жены шелуху риса с шафраном. Получилось нечто вроде маленьких рисовых шариков золотистого цвета.

Вооружившись таким образом для совершения магического ритуала, он прихватил еще несколько больших калебас и спустился к реке. Дойдя до излучины, где берут питьевую воду, Бап Тян кинул в направлении верховья и низовья реки пригоршни риса с шафраном и железной окалиной, повторяя все то же заклинание. Затем он вошел в воду, рассеивая рис во всех направлениях. Повторяя одни и те же формулы заклинаний, он вышел из воды и воткнул в землю бердо ткацкого станка, украшенное цветными нитями и окалиной. Теперь

---

[95] Бердо — мечеобразная деревянная пластина, используемая при ручном ткачестве для уплотнения ткани.

он мог быть спокоен, так как освободился (а с ним и столь уязвимые пока «души» его ребенка) от дурных влияний, которым подвержен отец новорожденного. Он спокойно наполнил водой все калебасы и возвратился к себе, не забыв унести консервную банку (с остатками риса и железной окалины, которые могли еще пригодиться для защиты от злых духов леса). Теперь он мог безбоязненно приходить на реку: шафранный рис с железной окалиной прогнал колдунов — пожирателей душ, мстительных духов и свирепых драконов. А ткацкое бердо высилось на берегу Дак Кронга наподобие меча, готового сразить всякую нечисть.

●

В шесть часов вечера я возвратился к Бап Тяну. Ёнг Сумасбродка кормила новорожденного грудью, так как у Анг еще не появилось молоко. За эту услугу Ёнг получит вьетнамскую пиалу. После первого омовения младенца не будут мыть, пока не отпадет пуповина.

Анг Длинная еще не могла встать со своего жалкого ложа, и все обязанности по кухне и дому нес Бап Тян.

Ван-Джоонг уже несколько дней хворал, и у него в доме устроили шаманское камлание с жертвоприношением кабана. Очень немногие пришли посмотреть на обряд, может быть, потому, что Нгэ-Манг, хорошенькая *нджау* из Ндут Трэ Пыля, не слишком опытна (так по крайней мере мне показалось). Правда, во время «путешествия» шаманки в потусторонний мир сошлись все беременные женщины деревни: они надеялись хоть что-то узнать о состоянии ребенка, которого вынашивали.

13 сентября

Бап Тян по-прежнему был недоволен именем, доставшимся его сыну, а потому после обеда и омовения Анг снова кинул жребий. Теперь он решил гадать «над трубкой для соли» *(пол динг бох)*. Речь шла не о сосуде, бывшем в употреблении, а о куске простой бамбуковой палки — наподобие тех, в которых хранят соль, по мере надобности срезая в лесу новые. Бап Тян наполнил такую трубку до краев очищенным рисом, затем пересыпал его в трубку большего диаметра. Назвав имя, он пересыпал рис обратно в «трубку для соли», воспользовавшись для этого воронкой из тыквы. Донышком

трубки он постучал о землю, от чего рис осел. Когда он назвал первое имя, трубка была почти полна. После нескольких постукиваний, рис при упоминании столь желанного имени Кронга уже не достигал краев трубки, а находился примерно в одном сантиметре от них. Наконец предки дали знать, что согласны на это имя!

Теперь, когда ребенок получил подходящее имя, можно было приступить к обряду освящения и помазания кровью. В центре гостевой поставили два небольших кувшина без горлышка, один пустой, а другой, закрытый пробкой, с пивной бардой. В пустой кувшин воткнули палочку с нанизанными на нее пятью медными браслетами, литым браслетом большего размера из латуни и двумя ожерельями — из олова и из «старинных жемчугов». Сверху положили два покрывала, три короткие мужские рубахи типа наших маек, тюрбан, а рядом с кувшином — короткий меч. Все это богатство должно было умилостивить «души» младенца, чтобы они ничего не опасались и дали бы согласие остаться в теле новорожденного и не покидать его родителей.

Сраэ-Джанг долил водой маленький кувшин с бардой. Бап Тян поймал великолепного петуха и присел на корточки возле кувшина. Он слегка надрезал петушиный гребень и, крепко держа туловище и голову петуха, восемь раз провел окровавленным гребнем по лбу ребенка, которого ему поднесла Джанг. Он вслух вел счет помазаниям и после каждого раза читал моление, заклиная душу ребенка не убегать и ничего не бояться. Наконец, Бап Тян показал петуха ребенку и сказал: «Взгляни на этого красивого петуха, он принадлежит тебе. Впоследствии ты будешь выращивать других животных, гораздо бóльших, чем он». Бап Тян взял щепотку риса из котелка, который сегодня утром первым был поставлен на огонь, раздавил несколько рисинок на лбу ребенка, опять же считая при каждом надавливании, и произнес те же заклинания, что и при помазании. Затем он восемь раз помазал лоб ребенка куском магического растения прохладник, надетым на нитку.

Джанг поднесла своего братца к кувшину со спиртным, так, чтобы он коснулся трубочки, которую отец в этот момент опустил в *рнэм*, объявляя о своих подношениях. После этого Джанг передала дитя матери, которая еще не вставала со своего ложа, устроенного под

чердаком. Бап Тян приблизился к подношениям, предназначенным душе младенца, плюнул себе на правую руку, положил ее на кувшин, затем на лоб ребенка, считая раздельно до восьми, и сказал: «Вот твой кувшин. Когда вырастешь, будешь разводить в нем *рнэм*».

Бап Тян окропил водой короткий меч и восемь раз поднес его ко лбу новорожденного. «Когда вырастешь, будешь носить его на плече, отправляясь на празднества или в чужие края, чтобы продавать кувшины или буйволов». После этого отец поднес ребенку все дары (браслеты, рубашки и пр.), говоря, что они принадлежат ему. На этот раз мать вторила отцу.

После окончания церемонии почали кувшин. Первым пил Банг Олень, младший брат Анг Длинной (а следовательно, *коони* новорожденного), вторым — Тян (старший брат младенца), затем Сраэ (его шурин).

Пока мы пили, Анг вышла из хижины, чтобы постирать белье. Она положила его на доску у жертвенных шестов и стала топтать ногами.

15 сентября

Бап Тян ждал людей из Сар Ланга, которые пригласят его на праздник земли. Незадолго до прихода гостей Анг Длинная под внимательным взглядом маленькой Дыр вымыла младенца. Она не лила на него воду, как это делается, когда малыш немного подрастет, а мокрой рукой нежно и осторожно протирала тельце ребенка.

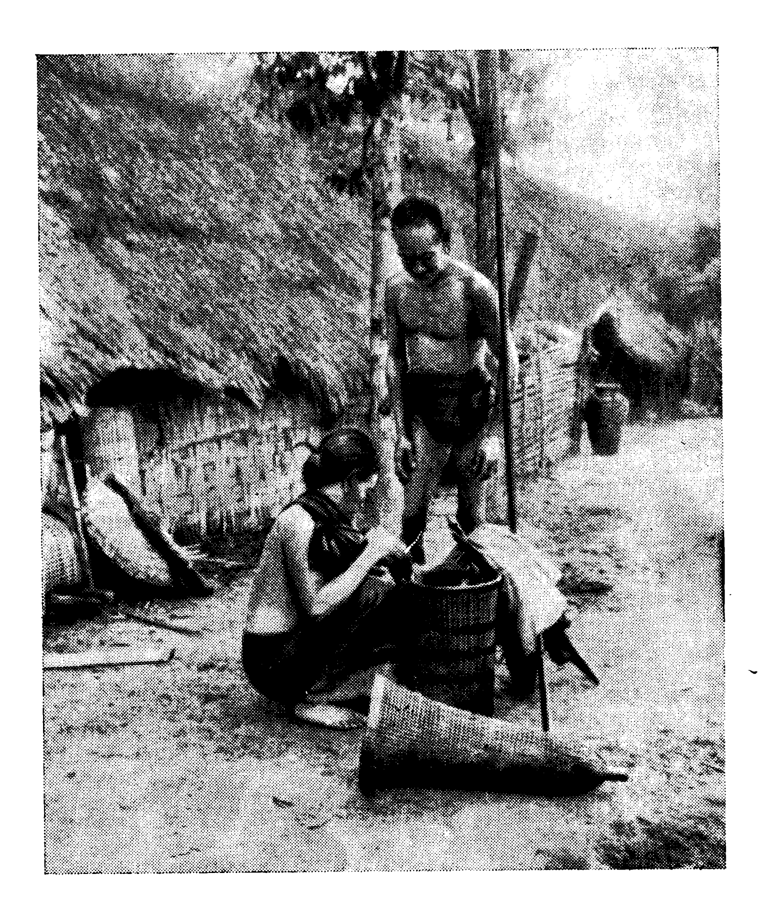
Кронга начали мыть только со вчерашнего дня, после того как у него накануне отпала пуповина. Чтобы избежать инфекции и пупочной грыжи, с нижней стороны настила чердака наскребли тэрэх[96], набрали засохших пауков, стерли в порошок и заложили в пупок младенца это «лекарство», предохраняющее от всяких инфекций, и особенно от грыжи. И только позавчера вечером Анг впервые сама покормила ребенка грудью.

16 сентября

Сегодня у Бап Тяна в узком семейном кругу состоялась важная церемония: «выход ребенка» *(нджыр кон)*.

---

[96] Тэрэх — автор, по-видимому, имеет в виду копоть от очага.

Бап Тян и Анг Длинная впервые вынесли новорожденного из дома

Ребенка впервые вынесли из хижины. Сегодня закончилась его изоляция, а заодно был снят запрет с прихода чужих людей. До сих пор ребенок все время находился под чердаком, где лежал то на циновке, то на руках Анг. Сегодня она должна была вынести сына на спине в покрывале, как это принято у горцев, но в действительности, держала его на бедре.

Обычно эта церемония происходит на седьмой день после рождения ребенка, но Бап Тян не раз вольничал

в своем обращении с календарем. Он вынес в заплечной корзине ажурного плетения и разложил в нескольких шагах от порога образцы всего, чем будет обладать ребенок впоследствии: мотыгу, калебасы для воды и для супа, трубку, кисет для табака (в данном случае нечто вроде кошелька), втулки кувшинов из слоновой кости, старинное ожерелье, рубаху без рукавов, тюрбан. К этому он добавил короткий меч, лук, копье и вершу.

Анг Длинная с ребенком на бедре присела на корточки перед всем набором перечисленных предметов. Бап Тян брал каждую вещь в отдельности, показывал ее ребенку, пояснял ее назначение и применение в будущем. Когда все вещи были продемонстрированы, Анг с ребенком возвратилась в хижину, а Бап Тян и Чонг Толстопузый унесли вещи, чтобы разложить по местам.

Теперь новорожденному предстояло посетить все дома в деревне. Анг Слюнявая пришла за братишкой, завернула в покрывало и унесла на бедре. Хозяйка каждого дома совершила над малышом обряд помазания магическим растением *падди* в знак того, что признает его равноправным членом деревенской общины. Впредь запреты, касающиеся чужих людей, не будут иметь силу над маленьким Кронгом на пороге дома, где его встретили простым обрядом. Хозяйка дома соскребла немного белой краски с рисунка на столбах и перекладинах чердака. Этот рисунок наносится во время большого жертвоприношения духу риса, которым завершается жатва, смесью рисовой муки с водой и магического растения *падди*. Хозяйка прикладывает щепотку белого порошка ко лбу и к сердцу ребенка, читая при этом заклинание:

О магическое растение *падди*,
Ты, кто дарует влиятельность и изобилие,
Не срази ни ребенка самого,
Ни племянника, ни сына, ни внука его.
Почитай его за своего,
Привечай всегда, как здесь привечаешь,
Ведь отныне ты его уж знаешь.

Теперь наконец с Кронга были сняты все табу, отделявшие его от прочих жителей деревни, и он благодаря церемонии выхода в мир и помазаниям стал одним из полноправных граждан Сар Лука, которых по традиции называют «людьми леса».

8 Великий праздник земли в Сар Ланге

17 сентября 1949 года

У Нянга Военного сегодня кончился отпуск, и он уехал в Далат. Стрелка провожали четыре его брата и племянница, для них это был удобный повод совершить большое путешествие и сделать кое-какие покупки. Но не отъезд Нянга был причиной оживления, царившего в деревне. В каждой хижине наряжались, торопили друг друга, ворчали на ребят, путавшихся под ногами. Короче говоря, в Сар Луке все выглядело так, как во время *там боха*, когда вся деревня тронулась с места. И действительно, все пятьдесят четыре человека, составляющие шестнадцать семей, собирались в гости на великий праздник земли (*ньыт донг*) в Сар Ланг, который расположен в четырех километрах вверх по течению реки.

●

Сар Ланг, население которого не превышает восьмидесяти человек, по административным соображениям с начала года был присоединен к соседнему селению — Ндут Сару, насчитывающему столько же жителей. В Сар Ланге все четыре дома — из них только один достигает в длину тридцати метров — вытянулись в одну линию на узком уступе берега Дак Кронга, у подножия горы, в ущелье, которое служит границей между Сар Лангом и Сар Луком. Многих жителей обоих селений объединяют родственные узы по браку, ибо в последнее время возникло еще два важных ритуальных союза: Боонг-Манг Помощник стал *джооком* Боонг-Дланга, помощника старосты в Сар Ланге. В сентябре этого года оба они были посредниками во время *там боха* нашего «священного человека» Крэнг-Джоонга с Чонг-Ёнгом, старостой Сар Ланга. Это бедное и даже довольно грязное селение пользуется на «равнине» некоторой известностью благодаря тому, что в нем живет Дэи-Длонг, самый прославленный шаман.

Последний *ньыт донг* состоялся двенадцать лет назад. Все церемонии тогда проводил Мхиенг-Джиенг из клана Дынг Джри, который был старостой деревни. По-

сле его смерти обязанности посредника на празднике земли перешли к Янг-Длангу.

Спустя три года после знаменательного события в Сар Ланге случился страшный голод. Янг-Дланг решил тогда предпринять выкорчевывание ратана *(док рэх)*. «После окончания посева, — рассказал мне Янг, — я созвал всю деревню, всех ее жителей, предложил им *янг дам* со спиртным и опалил курицу. Я обратился к каждому с вопросом, желает ли он достойно отметить предстоящий праздник земли. «Найдется у тебя буйвол — да или нет?» — спрашивал я. Одни отвечали утвердительно, другие обещали поставить только кабана. Чонг-Ёнг, староста деревни, обещал заколоть буйвола, но не смог сдержать слово, так как только год назад принес в жертву двух буйволов во время *там боха* с Крэнг-Джоонгом. Не выпуская из рук трубочку — *гут* — и курицу для жертвоприношения, я спросил каждого, что именно он может принести, затем передал *гут* Банг-Ангу («священному человеку — хранителю *рнутов*»). Он опустил ее в маленький кувшин без горлышка и прочел пожелание:

Чтобы, разыскивая буйволов, мы бы их нашли,
Чтобы, когда кувшины ищем, мы бы их нашли,
Пусть буйволы забитые вернутся к нам,
Пусть кувшины распитые вернутся к нам...

На следующий день, утром, мы отправились «выкорчевывать ратан».

В этой церемонии участвовала вся деревня. Шествие открывали музыканты, бившие в гонги. Непосредственно за ними следовали цепочкой посредник (Янг), «священный человек — хранитель *рнутов» (Банг-Анг),* прочие «священные люди» и все жители деревни. К низким звукам гонгов примешивался мощный голос рогов. «Нужно найти ратан, который происходит из обиталища духов, так как тот, что растет в лесу, годится лишь при возведении обычных построек. Поэтому мы пошли в Пот Рло, священный высокоствольный лес, и под приветственные возгласы присутствующих „священный человек — хранитель *рнутов*" и посредник одним рывком вырвали ствол ратана из земли — его нельзя срубить, можно только вырвать, — читая моления, в которых просили как можно больше буйволов и кувшинов. Вер-

хушку и корень ратана обрубили. Затем отсекли от оставшегося куска ствола метр длиной и с него содрали кору», — рассказал мне Янг.

Обработанный таким образом кусок ратана торжественно отнесли в деревню. Одна из девушек по обычаю завернула его, как ребенка, в покрывало и несла на спине. В селении она положила его в большую веялку для ритуальных *рнутов*, которая стояла на нарах у Банг-Анга. Он открыл большой кувшин со спиртным и заколол кабана, затем подал трубочку посреднику и каждому из «священных людей». После того как кувшин был почат, четыре *куанга* помазали кровью и пивной бардой принесенный кусок ратана и *рнуты*. Все пили спиртное из кувшина, после чего посредник, предшествуемый музыкантами, отнес веялку в соседний дом. Хозяин дома принес в жертву курицу и выставил маленький кувшин без горлышка с *рнэмом*. После обычной церемонии, сопровождавшейся возлияниями, все перешли к следующему соседу, там все повторилось с начала, и так до тех пор, пока не были обойдены все «чердаки» в селении. «В последующие годы кто-нибудь принесет в жертву козу, а кто-нибудь утку, все по очереди...»

Надо сказать, что, как я убедился, такие жертвоприношения совершались на празднике шестов *падди* (*ньит ндах*), на который 5 ноября 1948 года меня пригласили жители Сар Ланга. Праздник завершился довольно красивыми обрядами. После последнего приношения в жертву курицы и кувшина с пивом поздно вечером «священные люди» во главе с посредником открыли шествие. За ними шли музыканты, бившие в гонги, а потом уже жители деревни, которые время от времени издавали громкие возгласы. Кортеж направился к хижине духа нду (*тум нду*), которая прилепилась на самом краю утеса, возвышающегося над рекой. Это ритуальное строение представляло собой крохотную хижинку на четырех бамбуковых сваях, похожую на временные шалаши, воздвигаемые в полях. Хижина была окружена оградой из колышков высотой несколько сантиметров. Это был временный алтарь, посвященный главному духу мнонгарского пантеона, символизирующему душу риса, а также мифического героя, учителя людей. «Священные люди» остановились у *тум нду*, положили перед ней

сосуд со спиртным, вареный рис и перья курицы, затем сели на корточки и стали потчевать друг друга спиртным, в то время как музыканты ходили вокруг них и алтаря в направлении против часовой стрелки. Все остальные стояли вокруг, но на почтительном расстоянии. Посредник с бутылью *рнэма* в руках остановился перед *тум нду* и, капая время от времени спиртным на алтарь, затянул длинное звучное песнопение. Это были строфы из священной песни «Сказание гонгов». Когда посредник кончил, Банг-Анг, «священный человек *рнутов*», встал на другую сторону *тум нду* и как бы в ответ тоже затянул «Сказание гонгов». «Священный человек» поставил на порог хижины две бутылки со спиртным и, не прекращая пения, окропил маленький алтарь. Посредник ответил новой строфой и в завершение вокального диалога также поставил две бутылки на порог *тум нду*. Этот алтарь, как и ствол ратана, составляет неотъемлемую принадлежность великого праздника земли и других земледельческих церемоний.

●

Посредник и «священные люди» решили принести в жертву буйволов в конце второй прополки. Одни земледельцы стали подыскивать себе прислужников и прислужниц при жертвоприношении тотчас после сбора кукурузы, другие опасались, что не смогут прокормить их в течение столь длительного времени, и предпочитали нанять в последнюю минуту, а необходимые ритуальные украшения изготовить самим. Пятого сентября трое «священных людей» — Банг-Анг, Манг-Дланг и Чонг Вдовец [97] — отправились в лес, чтобы свалить и торжественно доставить по всем правилам обряда гигантский бамбук *рла*. Кронг Кривой, «священный человек», имевший право соорудить большую жертвенную мачту, не мог ничего сделать за неимением средств. Наконец, 12 сентября большинство жителей, которые должны были принести жертву, поручили своим *рноомам* помазать кровью ритуальные принадлежности и жертвенную пи-

---

[97] Чонг Вдовец выполнял только подсобную роль, да и то периодически. — *Прим. автора.*

щу. Прислужник помазал кладку дров, ритуальные нары и помост, а прислужница — очищенный рис, предназначенный гостям.

●

Тринадцатого сентября Боонг-Дланг, помощник старосты Сар Ланга, пригласил меня участвовать в «водружении мачт из гигантского бамбука» (*нтэнг ндах рла*) и при «помазании кровью *рнутов* и ратанового каната» (*мхам рнут сэи рэх*).

Эти обряды будут происходить у Банг-Анга, «священного человека *рнутов*». Хозяин дома, его «коллеги», их помощник Сиенг-Длонг, посредник и я уселись на корточки около кувшина средней величины, подвешенного к центральному шесту ритуальной перекладины, что в середине гостевой. Хозяин дома подал трубочку и черного петуха мне, трубочку и коричневую курицу — Кронгу Кривому, одну трубочку — посреднику, а другую — Сиенг-Длонгу (последний выступал помощником «священных людей», так как был настолько беден, что не мог сам принести жертву). Две птицы, имевшие вместе четыре ноги, заменяли кабана. Мы передали Манг-Длангу петуха и курицу, он надрезал им горло над вьетнамской пиалой. Бонг-Анг дал нам щепотку пивной барды с кровью и совершил целование рук, после чего мы опустили трубочки в кувшин и благословили землю *тётом* и кровью, испрашивая в стихотворной форме успеха и процветания. Перья петуха воткнули в соломенное покрытие хижины. Первым пил я, за мной — староста деревни. На этот раз такой порядок соблюдался далее в каждой семье.

Едва мы кончили пить у Банг-Анга, как нам пришлось перейти на другой конец гостевой, ко второму ее хозяину Чонгу Вдовцу. Он живет вместе с дочерью, которая замужем за Дэи Шаманом. Здесь повторилась такая же церемония, если не считать того, что Чонг Вдовец принес в жертву только одну курицу, хотя Банг-Анг заверял меня, что запрещено приносить в жертву «всего две ноги».

Пока мы пили, Нянг-Джоонг (сын Джоонг-Вана из Сар Лука, женатый на старшей дочери Банг-Анга и живущий у него) положил дары на *ндрэнг янг*, небольшой алтарь в глубине хижины. Дары состояли из пиалы с

клейким рисом, поверх которого лежало крутое яйцо, и пиалы с пивом.

При этом он завел речитатив:

Я семью за собой веду,
Всю деревню с собой я веду,
Я веду юных девушек,
Я веду храбрых юношей,
Пусть светло тем, что сзади идут,
Впереди — освещайте путь,
Олово из ушей вынимайте,
Как Мэт-Длэнг,
Как Мэт-Дланг,
Предок Джэт установила праздник; ей подражайте,
Как Джоот и как Джу,
Как Ндонг и как Нду,
Не говори со мною так сердито,
Не погуби меня своею злобой...

Далее следовало перечисление духов и названий окрестностей Сар Ланга. Некоторые строфы я уже слышал раньше в молениях. Банг-Анг, продиктовавший мне эти строки, объяснил, что Мэт-Длэнг и Мэт-Дланг — герои седой старины, как и предок Джэт и все прочие, упомянутые в молении. Они первыми совершили жертвоприношения, а мы только следуем их примеру: «Мэт-Длэнг и Мэт-Дланг устроили праздник. Они привязали (т. е. принесли в жертву) собаку, крокодила и игуану. Но «те» были глухи к их мольбам. Тогда предки придумали другое... Они закололи собаку, но их просьбы опять не были удовлетворены. Безостановочно шел то дождь, то ливень. Прошел год, другой, а предки ничего не делали. Но потом их осенило: они нашли буйволов, наняли *рноомов*, устроили праздник — и моления их были услышаны. Мы же только подражаем предкам. Все это произошло до потопа [98]».

Юноша, прислуживавший у кувшина, хотел было зачерпнуть воду рогом, который употребляется в качестве меры *рнэма*. Один из стариков остановил его: «Нельзя опускать рог в воду при чужих людях, на это есть табу на *рноомов*. Нарушая запрет, мы рискуем вызвать свару или болезни. Лей воду в рог из калебасы». После ухода чужих людей снова разрешается черпать воду рогом.

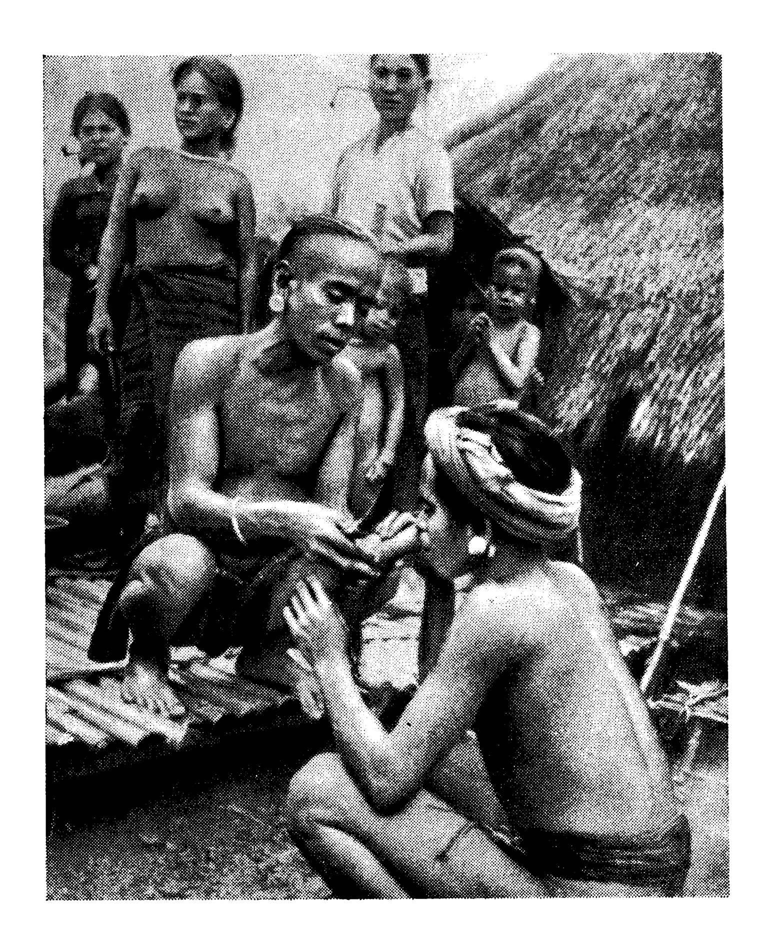
[98] Сказание о потопе есть в фольклоре всех народов Юго-Восточной Азии.

Было уже совсем темно, когда Банг-Анг попросил нас выйти из дома и следовать за ним на главный ритуальный помост. Туда заблаговременно принесли мнонгскую пиалу с пивной бардой, пропитанной кровью, котелок со спиртным, разукрашенную узорами веялку, в которой стояли корзинка с клейким рисом и большая пиала с куриным мясом, а рядом лежало несколько трубочек. *Рноом* наполнил их, подал одну за другой своему хозяину, который в свою очередь молча подносил их гостям ко рту. Банг-Анг обменялся со всеми целованием рук и прочитал стихи с пожеланиями. Когда он кончил, Кронг Кривой поцеловал ему руку, поднес к его губам трубочку с пивом и произнес те же моления. Его примеру последовал посредник, а за ним и прочие «священные люди».

Прислужница при жертвоприношении подала *рноому* разукрашенную плетеную коробку, в которой лежали два банана, сырое яйцо и клейкий рис. Юноша привязал коробку к мачте из гигантского бамбука, у основания двух больших «крыльев», сделанных из пальмовых листьев.

Затем *рноомы* с факелами и Банг-Анг пошли за мачтой *рла*, вставленной в крестовину. Мачту поднесли к краю помоста, в котором для нее было проделано отверстие. В него руками, вилами, бамбуковым крестом стали проталкивать конец огромной мачты. Два оркестра гонгов поощряли усилия «священного человека» и его помощников звуками. *Рла*, устанавливаемый по поводу жертвоприношения в честь праздника земли и *падди*, имеет высоту не более десяти метров. Под восторженные крики толпы *рла* наконец медленно вошел в отверстие, а потом неожиданно резко провалился в него. Пока *рноомы* хлопотали, укрепляя нижнюю часть ствола, «священные люди» и посредник совершили помазание мачты, а музыканты двигались вокруг нее и помоста, в направлении, противоположном ходу часовой стрелки.

После ухода «священных людей» Кронг Кривой, держа в одной руке мнонгскую пиалу, в которой находилось все необходимое для ритуала, другой рукой положил щепотку содержимого пиалы на верхушку шеста. С края помоста он призвал духов. Как положено при больших жертвоприношениях, Кронг испрашивал в молении про-

Банг-Анг угощает *рноома*

цветания и здоровья. Он призывал всех духов, в первую очередь духов земли. Описывая им предстоящее торжество, он пел о тех, кто служил в древности примером, о мифических героях. Музыка не прекратилась при появлении Янга Посредника, который пришел сменить Кронга Кривого и совершить помазание мачты «рисом и овощами» (на самом деле это была щепотка клейкого риса с маленькими кусочками куриного мяса).

После того как посредник «накормил» священную

мачту, хозяин дома «накормил» клейким рисом с куря-тиной *куангов,* собравшихся на ритуальном помосте. Первыми получили еду «тот, кто призывал духов», и посредник. Хозяин и оба его *рноома* угостили всех участников обряда, дочь хозяина потчевала служанок при жертвоприношении, сын — слуг. По обычаю всякий, кто получил пищу (или напиток), принес согласно установленной церемонии подношение, соответствующее полученному. В завершение обмена пищей, носившего характер причастия, Банг-Анг угостил *рноома* и зятьев. После этого все вернулись в дом.

Там под выстроенными в ряд кувшинами стояли две веялки, принесенные теми, кто через несколько дней заколет в жертву буйвола. В одной веялке, совершенно новой, стояли плетеные коробки с геометрическим узором, в которых лежал рис приглашения. С завтрашнего дня его начнут раздавать «чужакам». Во второй веялке, старой и дырявой, находились плашки огнива, свернутый в кольца ратан и кое-какая ритуальная посуда. Веялка с ее содержимым — грязная, старая — составляла душу праздника. Она неизменно находилась в центре всех обрядов. Банг-Анг подал щепотку барды, пропитанной кровью, посреднику, «священным людям», их помощнику. Сидя вокруг веялок, все пятеро помазали *рнуты,* ратан и ритуальные принадлежности, а также плетеные коробки с рисом приглашения. Все читали моления с просьбой о процветании и здоровье, напоминая, что следуют примеру мифических героев.

Банг-Анг и посредник подняли веялку с *рнутами,* повернув ее основание в глубь хижины («чтобы огонь пожрал внутренности жертвы»), и перенесли в соседнюю гостевую к Чонгу Вдовцу. Хранитель *рнутов* спел при этом «Сказание гонгов»:

Во начале времён ничего не было, была только страна ила,
Страна Нду и Ндох.
Во начале времён ничего не было, кроме земляных червей:
Только семеро их там ползало.
Во начале времён ничего не было; была только
страна бамбуковых ростков,
Лишь один пучок «длэи» рос тогда на ней.
Во начале времён ничего не было, кроме страны
диких овощей,
Да с поля клочок вся она была.

В полном молчании присутствующие внимали низким звукам песнопения, в котором оживала история мироздания. Наконец оба *куанга*, приветствуемые настоящей овацией, поставили свою драгоценную ношу на нары Чонга Вдовца. Сиенг, шедший за ними, нес новую веялку с рисом приглашения.

После этого все вышли из хижины и устроились на ритуальном помосте, где оба хозяина дома — Чонг Вдовец и его зять Дэи-Длонг Шаман — предложили гостям *рнэма*.

Единственным освещением служили длинные языки пламени от небольших смолистых факелов. При этом неверном свете под руководством Банг-Анга водрузили большую жертвенную мачту. Мужчины помазали ее вареным рисом, Манг-Дланг под звуки гонгов призвал духов. Дэи Шаман занял место «священного человека» на выступающей части помоста, у подножия мачты. Время от времени он сбрызгивал несколько капель из трубки с *рнэмом* и пел старинное повествование. Его жена, взволнованная, стояла за ним, готовая прийти на помощь, если на *нджау* нападет дух *падди*, т. е. нашлет на него обморок. В свете факелов, падавшем на лицо шамана, было видно, что глаза его расширились, блестели, стали неподвижными, но ничего особенного не произошло: кончив петь, он пришел в себя. Все возвратились в хижину Чонга Вдовца, чтобы совершить помазание содержимого двух веялок. После этого обряда их торжественно перенесли к третьему «священному человеку» — Манг-Длангу, который тоже собирался воздвигнуть жертвенную мачту. Шесть музыкантов, бивших в гонги, открывали шествие, за ними шел Банг-Анг с новой веялкой (той, в которой рис приглашения), далее следовал Янг Посредник, неся старую веялку с *рнутами* (он твердил, что следовало бы ему поменяться местами с Банг-Ангом). За ними шли остальные «священные люди», шаман с женой, а в самом конце — второй оркестр гонгов.

У Манг-Дланга третий раз за сегодняшний день проделали ту же церемонию.

Затем кортеж вновь выстроился, чтобы отнести веялки к Крэнг-Ёнгу, который живет в одном доме с Манг-Длангом. У Крэнга церемония была упрощена: он не «священный человек» и не должен воздвигать мачту.

Пока *куанги* беседовали вокруг только что освященного кувшина, в хижине, из которой они ушли, собрались *рноомы* и молодежь. Они подсели к кувшину, покинутому старшими, к ним примкнули музыканты, и начался шумный праздник. Громкие звуки гонгов и подвесного барабана перемежались резкими завываниями рогов. Юноши и девушки старались перепеть друг друга, то и дело раздавались взрывы смеха, все обменивались *рнэмом* — одним словом, воцарилось общее веселье. А в нескольких метрах от них *куанги* священнодействовали или глубокомысленно обсуждали дела. Они высчитывали, сколько дней осталось до великого праздника. Крэнг-Ёнг рассмешил *куангов* и прочих слушателей, рассказав, как он наставлял на путь истинный молодых супругов: свою рабыню Джанг и ее седовласого мужа Лиенга Вдовца («брат» Бап Тяна). Вчера они поссорились, как юные влюбленные: молодая жена кубарем скатилась с высокой лестницы и понеслась ночью в поле, старикан-муж кинулся за ней, а там опять начались упреки, жалобы и вновь воркованье. Она вернулась и снова устремилась вверх по лестнице, седовласый супруг за ней по пятам... И все это только из-за того, что она оставила его в поле одного убирать кукурузу. А вообще-то на долю взрослых жителей Сар Ланга выпадает мало веселых минут, нет среди них ни острословов, ни весельчаков, и, не приди гость из чужого селения на праздник, он пройдет угрюмо и печально.

Остаток ночи гости провели у Крэнг-Ёнга. Одни спали, другие пили.

●

На другой день (14 сентября) с семи часов утра начался обряд «помазания кровью *рнутов* и ратана», сопровождавшийся раздачей риса приглашения. Происходили те же церемонии, что накануне у Крэнг-Ёнга.

Уже за полдень Янг Посредник, перед которым шли шесть музыкантов, бивших в гонги, принес плашки, огнива и ствол ратана к их хранителю. Сиенг-Длонг нес за Янгом Посредником веялку с плетеными коробками, в которых лежал рис приглашения. Все *куанги* собрались у Банг-Анга. В руках каждый держал несколько вере-

вочек одинаковой длины. Собравшиеся спорили, когда провести праздник. «Через пять дней», — говорили одни. «Через три дня», — возражали другие. «Через четыре»,— твердили третьи. Все говорили одновременно, и все-таки хранитель *рнутов* незаметно направлял дебаты. (В это время прислужницы при жертвоприношении, не обращая внимания на своих хозяев, собрались у чердака и пили пиво, которое им подал *рноом.*) Верх одержало мнение Банг-Анга. «Священный человек» завязывал на подаваемых ему веревочках четыре узла и клал их на коробки с рисом, стоявшие прямо перед ним в новой веялке. Итак, праздник состоится через четыре дня. Каждый взял свою коробку и пошел домой, чтобы заготовить веревочки и раздать их вместе с благословенным рисом гонцам, которые разнесут приглашения в другие селения. Хранитель *рнутов* прикрепил ствол ратана к веревке, на которой был подвешен барабан. Там он останется до конца праздника.

●

После ухода *куангов* от Банг-Анга я вернулся в Сар Лук. Как может предположить читатель, 15 и 16 сентября жители Сар Лука посвятили в основном тому, что «отвечали на рис приглашения» посланцам из Сар Ланга — иными словами, угощали их спиртным из кувшинов. Пила вся деревня, кроме семерых хозяев чердаков и их семей, не получивших приглашения. Среди них оказался Ван-Джоонг из клана Мок (муж врачевательницы из клана Ртунг). Из всех обойденных он один рвал и метал. Он настолько был уверен, что получит приглашение, что еще сегодня утром подбивал своего соседа Тро-Джоонга выставить большой кувшин из Джиринга. И вот к соседу посланцы зашли, а его, Ван-Джоонга, миновали. Кронг Кривой даже не счел нужным поздороваться с ним. «Но, — сказал мне Ван, не пытаясь скрыть свою досаду, — после праздника я пойду получить то, что мне причитается: такую лопатку, какую родители Джоонг дали Кранг-Лангу (отцу Кронга Кривого), и еще такую лопатку, какую я сам им поднес».

•

Днем 16 сентября я опять пошел в Сар Ланг, чтобы присутствовать на церемонии установки жертвенных шестов. В деревне не чувствовалось вчерашнего оживления: многие из посланцев еще даже не вернулись. Тем не менее я заметил кое-кого из гостей. Несколько человек из клана Тиль уже два дня жили в хижине, которую занимал Сиенг Вдовец. Он жил один, и у него не было рогатой скотины, которую он мог бы принести в жертву, поэтому чужие могли беспрепятственно заходить к нему: посторонним запрещено заходить в дом, где живет человек, который собирается принести жертву (даже если они заходят через дверь соседа).

Этот запрет помимо всего прочего имеет своей целью оградить приносящего жертву от суеты, вызываемой большим наплывом гостей.

Сегодня утром каждый *рноом* вырыл перпендикулярно главной двери яму и зарыл в нее щипцы, осколки котла, куски раковины *киэп меем*, гальку темного цвета, плоды *мпат*, вознося при этом моления о том, чтобы «ни само небо, ни год не наслали хворей и недугов» (т. е. чтобы не было эпидемий). Поверх ямы он воткнул палку и подпер ее колышками, сзади положил длинный кусок бананового листа.

За два часа до наступления темноты *рноомы* привели из леса буйволов и на специальной площадке привязали к обычным столбам.

Около шести часов вечера Банг-Анг перерезал горло петуху и курице (его сосед в это время заколол свинью). Боонг-Дланг, у которого я остановился, возвратился домой поздно и тотчас попросил жену накормить гостей, которые пришли еще днем. Среди них была Манг Обезьянья Челюсть — жена его помощника и *джоока* Тро-Джоонга — с семьей. Женщины сели есть на длинных нарах, а мужчины — на ритуальных, которые тянулись вдоль всего фасада между дверьми. У подножия нар стояла калебаса, из которой после еды гости пили и сливали на руки.

Шесть *рноомов* шли гуськом и били в гонги, висевшие у них на левой руке. Они заходили в каждый дом и, если там был подвесной барабан, изо всех сил били в него.

Боонг-Дланг, опасаясь, что не успеет закончить приготовления вовремя, согласился принять помощь Тро-Джоонга из Сар Лука и поручил ему перерезать горло петуху и курице.

В восемь часов нас попросили занять места на ритуальном помосте Банг-Анга. Двое его *рноомов* и Кар, младшая дочь, принесли туда новую веялку, несколько сосудов, корзину клейкого риса, низенький котелок со спиртным, две вьетнамские пиалы с курятиной, чайник со спиртным и ритуальные принадлежности.

Церемонии начались с «обмена пищей». Хозяин дома поднес к моим губам не горсть риса, как обычно, а вьетнамскую пиалу с клейким рисом, на котором лежали кусочки курятины и куриная ножка. То же получили затем его *рноом*, «священный человек» Манг-Дланг, староста деревни, гости. Это угощение, носившее характер причастия, завершилось взаимным подношением спиртного в трубочках.

«Священный человек» Манг-Дланг встал и, с трудом протиснувшись за ритуальную перекладину, сел на корточки перед углублением для жертвенного шеста. Он положил в ямку калебасу с мякотью и зернами тыквы, а также необходимые для ритуала предметы: луковицу магического растения прохладник, раковину *киеп меем*, темную гальку, два осколка котелка, обточенных наподобие кругов, которые символизировали плоские гонги. Он прочел моление, испрашивая покровительства и бодрости.

«Священный человек» отошел в сторону, и *рноом* уложил кольцом, наподобие ошейника, вокруг отверстия недоуздок, затем с помощью других молодых мужчин поднял жертвенный шест (это был ствол колючего дерева), защищаясь куском коры от уколов. В это время *куанги* обратились к буйволу: «Встань, господин Дунг!» (так звали животное, выбранное Банг-Ангом для жертвоприношения). Отверстие оказалось недостаточно широким, все усилия были тщетны, шест не входил в яму. Пришлось вытащить из нее все, что туда положили, и расширить отверстие. Звуки гонгов подгоняли работающих, все происходящее, как всегда, освещалось сосновыми факелами.

Когда наконец жертвенный шест был укреплен, Банг-Анг посадил у его подножия три сорта травы,

употребляемые при обрядах, связанных со строительными работами. Манг-Дланг, стоявший рядом, помазал пивной бардой, перемешанной с кровью, нижний край ствола. Оба мужчины обратились к стволу с просьбой не гневаться, разрастись в пышное дерево и приносить здоровье и процветание. *Куанги*, которые подошли, чтобы совершить помазание шеста, молили о том же.

Теперь все перешли на ритуальный помост Чонга Вдовца, чтобы совершить там аналогичный обряд. Так как ни его самого, ни Дэи Шамана не было, гостей и «священных людей» кормил его *рноом*. Так как Боонг-Дланг Помощник имел представление о европейской вежливости, он сам поднес мне ко рту пищу. Он также «накормил» *рноома* после того, как тот принес дары, хотя молодой человек просил, чтобы это сделал сын его хозяина, а не Помощник, который жил на другом чердаке. Когда гостям вручали горсти риса и трубочки со спиртным, они осведомлялись, как зовут четвероногих, избранных для жертвоприношения. Это оказались господин Баэ и Матушка Дланг.

Рноом подал Банг-Ангу мнонгскую пиалу (в ней было на этот раз вдвое больше риса и мяса) и бросил в каждую яму по калебасе, а «священный человек», вознося моление, добавил туда удвоенное количество ритуальных раковин *киеп меем* и луковиц магического растения. Началась настоящая овация, когда молодые люди водрузили рядом с главным входом первый шест, предназначавшийся буйволу, к которому обратились со словами: «Поднимись, господин Баэ!». Такой же овацией приветствовали установление ствола. Радостные крики раздались и тогда, когда возле семейного входа опустился шест, приготовленный для буйволицы, которую ободряли возгласами: «Понимись, Матушка Дланг!». Банг-Анг и Манг-Дланг вместе посадили три вида ритуальных трав, помолились и помазали бардой с кровью конец освящаемого шеста.

Впредь вдоль лицевого фасада длинной хижины будут стоять три жертвенных шеста. Непогода уничтожит их изящные украшения, но каждый ствол бавольника прочно пустит корни, даст новые ветви и будет напоминать людям о жертвоприношении Банг-Анга, Чонга Вдовца и Дэи Шамана. А пока все возвратились в хижину и открыли первый кувшин, посвященный Банг-

Ангу. Хранитель *рнутов* подал одну трубочку своему коллеге Манг-Длангу, а другую — мне. Мы опустили их в кувшин, правда, не с таким усердием, как наш хозяин, который даже палец окунул в *рнэм* и провел им по *гуту*. Все начали пить.

Пока староста деревни пил, мы через гостевую прошли к Чонгу Вдовцу, чтобы благословить его кувшин. *Рноом*, несколько сбитый с толку моим присутствием, подал мне самую длинную *гут*, которая предназначалась сначала Банг-Ангу, а ему вручил *гут* Манг-Дланга (и заколебался, доставать ли третью).

Куанги прикладывались то к одному, то к другому кувшину, благо для этого достаточно было пересечь гостевую. Когда Боонг-Дланг заметил, что все главы семейств и гости выпили сколько положено, он поспешил к себе на ритуальный помост и приготовил угощение — причастие, а также все, что полагается при водружении жертвенных шестов. Он пошел за нами.

Повторилась все та же церемония. И так будет в каждой семье, которая собирается принести в жертву буйвола.

17 сентября

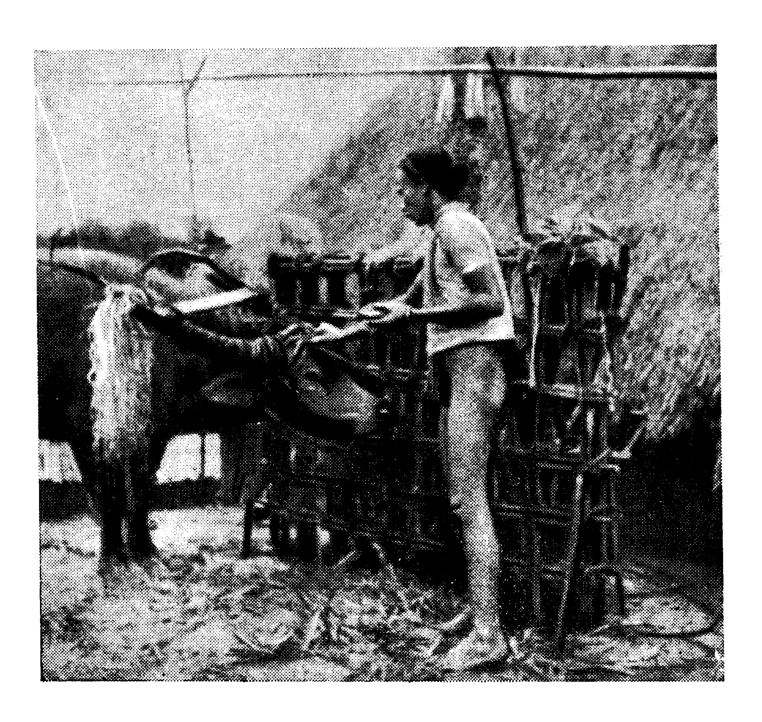
В половине пятого утра *рноомы*, мужественно вскочившие с первым криком петуха, растолкали своих товарищей, спавших еще сладким сном. Кто вздувал огонь в очаге, кто зажигал смолистые щепки, а *рноомы* принялись убирать буйволов и привязывать к шестам.

Когда утренний свет залил деревню, она предстала в праздничном убранстве. Все было готово. В каждом длинном доме хозяин чердака, приносивший жертву, выдвинул ритуальный помост, как бы удлинявший вход. Над главной дверью была сооружена крыша с двойным скатом. Прошлогодний шест, знаменовавший *там бох* Чонг-Ёнга и Крэнг-Джоонга, был теперь не одинок, рядом появились еще три высокие мачты.

Ночью в ямы были накрепко всажены жертвенные шесты, до этого только подвязанные к перекладине, вокруг которой теперь были обмотаны недоуздки пышно разукрашенных буйволов. Ночью же к шестам были привязаны те одиннадцать буйволов, которых принесут в жертву девять владельцев чердаков (из тринадцати семей, живущих в деревне).

Я улучил момент и побежал в Сар Лук за начальником округа, ибо местные старейшины, по примеру жителей Нёнг Рла, пригласили его. Еще в апреле мы присутствовали в этой горной деревушке на празднестве *ньыт донг*, где были свидетелями необыкновенной расторопности Сиенга — *куанга*, исполнявшего обязанности помощника старосты. Тщеславный Сиенг был не прочь прихвастнуть, но умел с размахом принять гостей. Поздравления, которые он получал, только усугубляли его самомнение и желание заставить других преклоняться перед его особой. Узнав, что начальник округа отправится в Сар Ланг на праздник *ньыт донг* и что его племянник Быр, заменяющий Тру в качестве начальника кантона, извещен Боонг-Длангом о том, что может прийти на праздник без ритуального приглашения, Сиенг решил пойти в Сар Лук, надеясь добиться приглашения, хотя это было явным заблуждением и нарушало обычаи. Пока я доказывал ему, что не имею права идти наперекор традиции, да еще и привести с собою друга, он дождался прихода начальника округа, проскользнул в число сопровождавших его лиц и отправился на праздник. Поступок Сиенга чрезвычайно не понравился всем и вызвал неловкость, которая, к счастью, потом сгладилась.

Когда мы в четыре часа дня возвратились в Сар Ланг, он стал неузнаваемым. Захудалая, бедная, ничем не примечательная деревенька кишела теперь людьми. Из девяти деревень и поселков пришло около двухсот гостей, что в два с половиной раза превосходило коренное население. Разбившись на маленькие группы, гости переходили из дома в дом, останавливались на ритуальных помостах и расчищенных площадках. Все были оживлены и веселы: праздник дает возможность встретиться с друзьями из отдаленных селений. Три огромные мачты и одиннадцать жертвенных шестов вносили в людской гул тихий аккомпанемент нежным шелестом пальмовых листьев и музыкальным цоканьем деревянных дощечек, нанизанных наподобие удлиненных четок. Среди возбужденной толпы неподвижно стояли, пережевывая жвачку, возле высоких шестов, отделенные от них лишь ритуальной изгородью, одиннадцать буйволов с колоссальными растительными украшениями на голове.

Помазание головы буйвола

В пять часов началось движение в направлении хижины Боонг-Дланга. Помощник старосты приступил к помазанию кровью ног своих гостей. Он поставил *янг дам* со спиртным у столба перед главным входом, затем перерезал горло курице и свежей ранкой провел по ноге каждого гостя. Царила невообразимая толчея, все стремились туда, где священнодействовал Боонг-Дланг. Закончив обряд, он направился к нарам, где двадцать три главы семейства сгрудились вокруг большой веялки, чтобы «взвешивать очищенный рис» *(вэх пхэй)*. «Отвечая на их рис», он в свою очередь угостил гостей спиртным из большого кувшина. Последний был освящен десятью трубочками — по числу деревень, из которых пришли гости. При совершении обряда полагалось выражать пожелания. Это делали все одновременно, и слова терялись в шуме толпы, набившейся в хижину. Самый ста-

рый гость почал кувшин. Некоторые из присутствующих, получив рис от Банг-Анга, перешли к «священному человеку — хранителю *рнутов*», который совершал такой же обряд, или к Чонгу Вдовцу. Почти в одно время на всех девяти чердаках начались грандиозные возлияния.

Часов в семь вечера Боонг-Дланг поднялся на ритуальное возвышение у главного входа и обратился к духам. Он осыпал крышу и буйволов шафранным рисом. Моление свое он прерывал мощными звуками, которые извлекал из рога с красивым глубоким тоном. В остальных хижинах хозяева поручили эту церемонию *куангам* — своим гостям: у Янга Посредника духов призывал Банг-Джоонг Беременный, у Манг-Дланга — мой друг Кронг-Бинг Коротышка. Устроители праздника считали, что для начальника округа, да и для меня, как его соотечественника, простого помазания ног недостаточно. Через час нас пригласили к старосте деревни, который собирался заколоть кабана в честь выдающихся гостей.

В гостевой поставили два кувшина, рядом с ними — вьетнамскую пиалу со спиртным и кровью. На банановый лист положили лезвие топора. Начальник округа и я уселись каждый перед своим кувшином, опустили в него трубочки, а ногу положили на лезвие. Хранитель *рнутов* обмакнул лапки курицы в один кувшин, громко произнес: «раз!» и провел лапками по трубочке, затем опустил их в другой кувшин — «два!», и так до восьми. При этом он взывал к духам: «О Янг!». Молению вторили гонги. Не переставая молиться, хранитель *рнутов* описал курицей над нашими головами восемь кругов, затем перерезал ей горло и кровью помазал нам лоб и руки.

Сидя на корточках, он смочил палец в пиале с кровью и спиртным, провел им по нашим ногам, которые мы по-прежнему держали на лезвии, прочел несколько пожеланий в стихах и надел нам на запястье по латунному браслету. После этого мы одновременно принялись посасывать из своего кувшина. В это время сзади нас молодые люди свежевали тушу жертвенного кабана.

Как всегда, когда на жертвоприношение собирается много народу и спиртное льется рекой, в каждом доме

произнесли речь — *пранг бала* — с целью напомнить молодым людям, что пить следует мирно, без ссор и драк. Все эти обряды напоминали *там бох*. Но великий праздник земли имеет свой отличительный ритуал, *бро рноом* — «взаимные визиты слуг при жертвоприношении». Он происходит глубокой ночью, после того как молодые люди споют буйволам своеобразную колыбельную, чтобы их усыпить.

Постепенно шум и гам, взрывы смеха, звонкие песни утихли, уступив место громкому храпу. На каждом чердаке участники праздника выводили громкие рулады, прерываемые икотой.

Наступило утро, петухи пропели второй раз. В хижинах начали просыпаться, фырканье и кашель заглушали треск топлива, раздуваемого в очагах огня. То из одного, то из другого дома доносились голоса женщин, которые медленно выводили длинные строгие песнопения. Их сопровождало бульканье воды, переливаемой из кувшинов. Только в доме приносящего жертву женщины «пели кувшину» (*тонг янг*). Точно так же в начале ночи юноши «пели буйволам», которые пользуются почетом, как посредники между людьми и духами. В песнях буйволам излагают всю историю с основания мира, напоминают о том, что их не просто убивают, а приносят в жертву, что это выражение благочестия, которое возрождает священный пример, поданный героями древности.

Перед тем как буйвола приносят в жертву, выбирают самый старинный и красивый кувшин в доме: его подвязывают напротив семейной двери к последнему столбу чердака, у которого призывают духов в чрево *падди*. Наполняют этот кувшин несколько необычным способом: женщина садится на табурет, маленьким тыквенным черпачком черпает воду из большого сосуда — чаще всего металлического котелка — и выливает в священный сосуд. При этом-то она и поет древние песнопения, трогательные и повествующие о тайне создания мира.

С началом дня кувшины наполнились, можно было приступить к жертвоприношению. Боонг-Дланг первый поднес с молитвой трубочку для *рнэма* ко рту хранителя *рнутов* и подал ему мнонгскую пиалу с пивной бардой и куриным мясом. Воздав честь помощнику ста-

росты, Банг-Анг перерезал курице горло над пивной бардой, и оба сразу же отправились помазать кровью головы буйволов. С трудом протиснувшись между краем крыши и ритуальной загородкой, «священный человек» помазал ее пивной бардой с кровью и призвал духов; прочтя несколько строф моления, он уступил место старому Краху из Сар Лука. Крах держал в руках короткий меч, чтобы заколоть жертву.

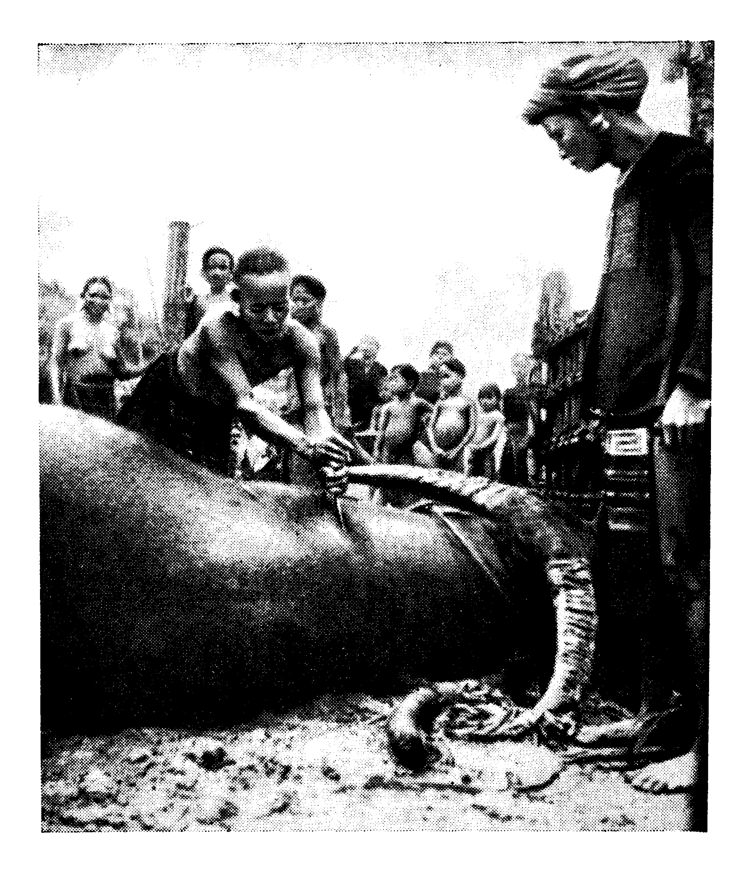
Банг-Анг вошел в дом и подал мнонгскую пиалу и курицу Чонгу Вдовцу, который вручил их Кронгу Кривому. Тот отпил из трубочки для возлияний и пошел помазать голову буйвола и призвать духов к жертвенному шесту, к которому он приложил щепотку пивной барды с кровью.

Как только стихли последние строфы моления, буйвола — жертву хранителя *рнутов* — закололи. Аналогичный обряд был совершен у посредника и у остальных жертвователей. Весь ритуал прошел так быстро, что на заклание одиннадцати буйволов потребовалось только полчаса.

Староста деревни не смог найти буйвола и предложил только кабана. Животное убили ударом меча в углубление около лопатки, после чего Чонг-Ёнг предложил Кронгу Кривому опустить трубочку в старинный кувшин, подвешенный к столбу чердака. «Священный человек» призывал духов во чрево *падди* и, отпив спиртное из трубочки для возлияний, поднесенной хозяином дома к его рту, подошел к кабану и помазал ему голову.

Молодой Тянг-Анг тоже хотел бы принести в жертву кабана, но у него не было ничего, кроме курицы. Тем не менее он был не самый обездоленный: Сиенг-Длонг смог предложить только пять яиц и спиртное в маленьком *янг даме*.

Принесенному в жертву буйволу полагались «погребальные подношения». Их принесла хозяйка дома. Они состояли из одеяла, маленького *янг дама*, прялки, которую женщина, прежде чем положить, слегка покрутила. «Священный человек» взял из мнонгской пиалы щепотку пивной барды, набрал крови из глубокой раны, зиявшей на боку жертвы, и направился к последнему столбу чердака, чтобы начать длинное моление — «призыв духов во чрево *падди*».

«Священный человек» намечает, как будет разделена туша буйвола

Банг-Анг велел поставить на ритуальный помост перед семейной дверью новую узорчатую веялку, корзину с клейким рисом, котелок с кишками буйвола, сваренными в своем соку, еще один котелок, наполненный до краев *рнэмом*, и трубочки для возлияний с красивыми выжженными узорами. Еду и напиток хозяин предложил гостям, чтобы придать им сил для свежевания туши. Хранитель *рнутов* почтил молодого Кронга, поднеся ему первому трубочку с пивом: ведь Кронгу он поручил содрать шкуру с принесенного в жертву буйвола. Он

поднес к губам Кронга трубочку со спиртным и вручил ему нож. Получив от него ответную порцию спиртного, он поднялся, взял у него из рук обратно нож и сделал на шкуре буйвола глубокие надрезы, по которым следовало разделить мясо. Кронг с помощью юношей и мужчин тотчас принялся за работу. Дело закипело. По мере того как от туши огромного животного отделяли большие куски, их относили на главный помост. На каждом чердаке, где принесли жертву, происходило то же самое.

Разметив тушу, Банг-Анг возвратился на помост, чтобы обменяться со своими гостями пищей и питьем: трубочками с *рнэмом* и шариками из клейкого риса с кусочками кишок. Никто из гостей не был обойден. Затем гости приступили к выпивке. Пили во всей деревне, на всех ритуальных помостах, а *куанги*, приглашенные несколькими семьями, ходили от дома к дому. Но в общем движения было мало. Молодые люди и любопытные толпились около заколотых животных, гости сидели возле помостов, смакуя мясо и посасывая спиртное. Предпочтение все-таки отдавалось спиртному, причем женщины не отставали от мужчин. У некоторых глаза затуманились, они развеселились, стали шутить. Пэт-Нхэ, жена *куанга* из Динг-Джри, нашла себе достойную партнершу, и обе матери семейства старались перещеголять друг друга в пении, к великой радости молодежи.

Наконец все туши были разрублены, и хозяева начали оделять гостей мясом. Если гость находил подношение слишком щедрым, он, зная, что должен будет отплатить тем же, с ложной скромностью заявлял, что ему, бедняку, это будет не под силу. Но хозяин, который долго обдумывал, как распределить тушу, настаивал, и приглашенному не оставалось ничего иного, как согласиться (помня о том, что «возврат» обязателен).

Многие гости, приглашенные в несколько домов, понесли домой довольно основательный груз.

При прощании хозяева предложили последний раз «обменяться питьем». Если среди уходивших были дети, жена хозяина проводила пальцем по дну котелка, а затем наносила сажу на лоб гостей, что должно было защитить их от духов дороги и лесной чащи. Иногда она довольствовалась тем, что давала тому, кто возглавлял

группу уходивших, щепотку риса, «чтобы съесть его по дороге». Гость завязывал рис в край одеяла, которое накидывал на себя. Прощались долго и растроганно, как всегда, когда одни что-то дарят, а другие получают. Постепенно гости небольшими группами разошлись. Они слегка спотыкались, что не влияло на их веселое расположение духа. Впрочем, некоторых *куангов* вино настроило на грустный лад. Они, однако, не упускали случая похвалиться тем, как много мяса получили. Старая Тро, например, икнув, сообщила мне: «Мои дети очень рассержены... Ланг-Мхо в ярости... они недовольны мной, Йо... Они устали, они измучились от того, что тащили столько мяса, поднесенного мне».

21 сентября

Дома те из моих друзей, кто получил много мяса, принялись разделывать его на длинные полосы. Правда, большинство участников праздника слишком устали, но, отдохнув за ночь, утром бодро принялись за работу. Между шестами и столбами натянули ратан, а на него развесили полосы мяса. Стены домов разукрасились как бы гирляндами. Эта работа не помешала молодым людям, а назавтра и мужчинам, отправиться партиями в поле на прополку.

Вскоре после полудня молодые люди из Сар Ланга пришли пригласить меня на церемонию «укладки черепов буйволов» *(йох боок рпух)*. При единичном жертвоприношении хозяин дома без всяких церемоний выносит за черту деревни череп без рогов, недоуздок и перекладину жертвенной загородки. После *ньыт донга* все приносящие жертву собираются, чтобы последний раз воздать дань уважения духам, в частности духу нду, и завершить таким образом праздник, который в течение нескольких лет занимал умы всех жителей селения.

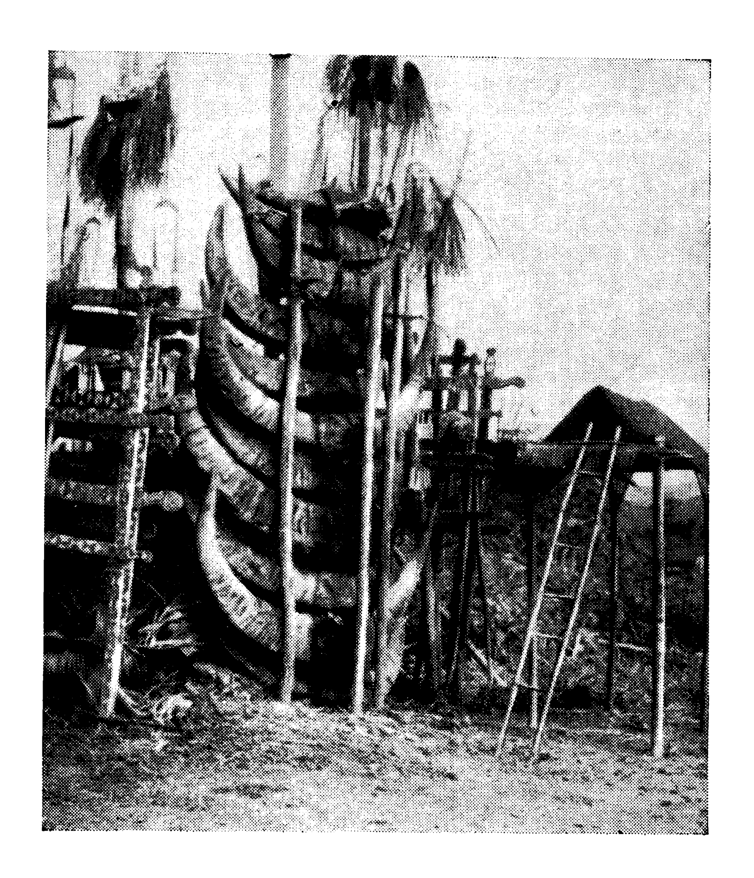
Так как праздник земли совпал в этом году с созреванием *падди*, было решено совершить обряд водружения шеста *падди* одновременно с *йох боок рпухом*. Все семьи накануне, а то и за два дня приготовили бамбуковый шест с плетеной «хижиной *падди*», которая имела форму куба со стороной пятнадцать сантиметров, увенчанного плетеной же крышей в виде пирамиды. «Хижину *падди*» прикрепляют к шесту на любой высоте и разукрашивают как кто хочет. Обряд шеста *падди* тре-

бует жертвоприношения курицы и *рнэма*: глоток жидкости и крошечные кусочки мяса подвешивают в бамбуковой трубке к «хижине *падди*». Но *куанги* из Сар Ланга, разоренные минувшим большим праздником, решили, что недавний *ньыт донг* освобождает их от новых затрат. Сегодня утром хранитель *рнутов* помазал «рисом с головы» (с верха котелка) шест, который возвышался у его входа, и поручил своему зятю Нянг-Джоонгу установить «шест *падди*» в священном квадрате поля и там помазать шест оставшейся от праздника пивной бардой, пропитанной кровью буйвола.

Его примеру последовало большинство тех, кто совершил жертвоприношение. Только Крэнг-Ёнг принес в жертву курицу и, дождавшись меня, почал кувшин.

Завершив церемонию, хранитель *рнутов* и Чонг Вдовец собрали *рноомов* и повели на тропу, ведшую к *мииру*, которая пролегала метрах в пятидесяти от задов деревни. Слева от дороги, если стать лицом к солнцу, они аккуратно уложили остатки грандиозного жертвоприношения. Три шеста с одной стороны и два с другой — образовали подпорки, поддерживавшие нагромождение буйволиных черепов, от которых сохранились, собственно, только лобная часть и рога. Если бы груда стояла вертикально, в несколько наклонном положении, «тыквы и огурцы, соль и рис отказались бы возвратиться, а разъяренные буйволы затеяли ссору».

Ритуальные перекладины для кувшинов были разделены на две части и положены рядом с грудой черепов, под тупым углом к ней. Между черепами и ритуальными перекладинами образовалось замкнутое пространство, куда были накиданы вперемежку недоуздки, челюсти животных и прочие остатки. Бамбуковые шесты с хижиной духов, украшенные листьями и султанами, оживляли эту мрачную картину. Слева от рогов, на переднем плане, стояла «хижина духа *нду*» высотой метр. Она воспроизводила в миниатюре изящные свайные шалашики, которые возводят на *миире*. Направо от черепов, напротив лесенки, ведущей на площадку маленькой хижины, в земле выкопали яму и опустили в нее трубку гигантского бамбука *рла* длиной двадцать сантиметров. Вокруг него должна была совершиться вся церемония. Староста деревни пояснил мне, что соблюдать такой строгий порядок при размещении жертвен-

Ритуальные нагромождения черепов буйволов, оставшихся после жертвоприношения, и шест с «хижиной духа *нду*»

ных предметов не обязательно, но что в этом году ввиду сильного голода было решено совершить обряд по всем правилам.

Я пришел в Сар Ланг, когда все было уже готово и ждали только меня, чтобы начать церемонию. Хранитель *рнутов* и *рноомы* гуськом направились к месту, где были сложены черепа. Каждый держал в одной руке трубку для возлияний со спиртным, а в другой — горсть клейкого риса с несколькими кусочками буйволиного

мяса (Боонг-Дланг решил блеснуть своей воспитанностью и сложил и рис и мясо во вьетнамскую пиалу). Дары были взяты с маленького алтаря, куда рис был положен в тот вечер, когда водружали ритуальные шесты, а рисовое пиво и мясо — в день жертвоприношения. Подойдя к пирамиде из черепов, те, кто совершил жертвоприношение, сели на корточки вокруг трубки бамбука, опущенной в яму, сложили в нее рис, кусочки мяса и влили *рнэм.* Староста деревни, заколовший только свинью, опустил в трубку кусочек мяса, а спиртного не влил. Принесение в жертву цыпленка вообще не дает права на участие в этом завершающем обряде.

Пускай плодятся буйволы,
Пусть множатся кувшины,
Пусть уродится *падди* и зерно рекою льется,
Пусть пиво льется завтра, послезавтра через край.
Тебя я пищей ублажал, о дух земли,
Дух леса, деревьев в зелени листвы,
Дух леса строевого,
Дух долины, где деревня разместилась,
О, прикажите *падди* дать урожай богатый,
Пусть пожирает огонь кустарник на *миирах.*
Младшими братьями руководя,
Со старшими братьями вместе идя,
Я завтра, послезавтра все снова повторю...

Домой возвращались все вместе, но в деревне каждый зашел к себе и спрятал трубку для возлияний. После этого собрались у Крэнг-Ёнга, затем у Кронга Кривого, которые приберегли кувшины для торжественного дня.

Теперь, когда жертвоприношения были совершены, настала очередь духов отблагодарить за подношения, нанесшие общине столь большой урон. Правда, многие жители Сар Ланга приобрели или увеличили свой престиж, но голод им придется заглушить только надеждой на богатый урожай в недалеком будущем.

9 Смерть и похороны Танг-Джиенга Сутулого

Несколько дней спустя после торжества в Сар Ланге в нашей деревне в свою очередь отмечали праздник водружения шестов, чтобы удержать в поле душу риса. *Ньыт донг* обошелся нам недорого, поэтому церемонию с шестами в Сар Луке провели куда пышнее, чем у соседей. 25 и 26 сентября все жители освящали шесты.

Мы доканчивали последний кувшин, когда внезапно появился Тру: его только утром выпустили из тюрьмы, и он тут же опрометью бросился в деревню. Его помощник задержался у своей сестры в Бон Длэи и пришел на следующий день. Но этим не исчерпывались сенсационные события. Несколько дней совершались жертвоприношения, которые бывшие заключенные обещали духам. 29 сентября Тру заколол буйвола. Пока мужчины во дворе разделывали тушу, в соседней хижине раздался плач: умерла Джоонг-Ван из клана Джа, т. е. родная (по клану) сестра «священного человека» Крэнг-Джоонга. Дом семьи, находившейся в трауре, стал центром внимания всего Сар Лука. Два дня подряд там непрерывно совершали погребальные обряды.

Только 3 ноября, после того как в течение десяти дней веселые обряды чередовались с погребальными, жизнь деревни вошла в свою колею. Год был неурожайный, риса не хватало, и приходилось занимать его в соседней деревне. Рис снимали, едва он начинал созревать. Но самым важным в это время было защитить поля от опустошительных налетов птичьих стай днем и набегов лесных зверей ночью. Но вот созрел и «настоящий рис» (т. е. основная его масса) и вечером 6 ноября Крэнг-Джоонг объявил начало жатвы *(нхеел кек)*. Собрав своих близких и остальных «священных людей» вокруг большого кувшина с *рнэмом*, он предложил каждому пиалу очищенного риса, курицу или вьетнамскую пиалу.

После живых наступила очередь мертвых. 11 ноября Крэнг-Джоонг, как и многие другие, объявил обитателям подземных миров о начале жатвы. В пять часов вечера я застал его под хижиной на *миире*. Он «ткал

Крэнг сообщает обитателям подземных миров о начале жатвы

одеяла»: кусочек бананового листа длиной одну пядь, шириной четыре пальца он разрéзал на одинаковые узкие полоски и, помогая себе крошечным бамбуковым ножом, просовывал «нить», также вырезанную из бананового листа, между волокнами плетения. Джоонг Врачевательница сообщила мне, что одеяла предназначаются двум недавно умершим «сестрам» Крэнга — Джоонг-Ван и Дланг-Танг. Им же, а также «матерям» Крэнга будут преподнесены «вьетнамские пиалы», т. е. половинки фруктов, желудёвые чашечки и кусочки дерева.

Крэнг собрал свои подношения, не забыв и кувшина со спиртным — маленькую калебасу с отрубями, в которую были воткнуты две соломинки. Его умершие родственники поделят кувшин с покойными родственниками жены. Крэнг направился к полю Тян-Гро и остановился по эту сторону проселочной дороги, отделяющей его *миир* от *миира* соседа. Он подошел к тому месту, где во время обряда укрепления *падди* воткнул бамбуковый шест с подвешенными планочками — они должны были передать свою силу и выносливость подрастающему злаку, — и аккуратно разложил подношения: сначала подарки для своих родственников, затем кувшин с пивом, а сбоку от него дары родственникам жены. Затем он взял кусочки угля, плюнул на них и попросил отправиться в подземные миры и объявить о начале жатвы.

Выполнив свой долг по отношению к живым и мертвым, Крэнг-Джоонг мог со следующего утра приступить к жатве. Надо было только принять ряд предосторожностей, чтобы удержать капризный и боязливый дух *падди* на поле. Для этого следовало его накрепко привязать и в то же время задобрить жертвами. В этом заключается смысл обряда «повязывание *падди*» (*муат ба*), который совершается сразу же после объявления начала жатвы обитателям подземных миров.

12 ноября

Чтобы защитить свои посевы от визитов лесных гостей, Крэнг и его жена провели ночь на 12 ноября на *миире* в хижине, стоящей на высоких сваях.

В семь часов утра к ним присоединилась возглавляемая Анг Слюнявой группа из пяти человек. Прежде чем ступить под руководством Джоонг Врачевательницы на поле, они сняли со спины корзины и выкурили трубки. Крэнг направился с различными ритуальными травами, цыпленком и рисом «с головы» к священному квадрату и сел на корточки у подножия *доонга* и столба *падди*. Положив свои приношения на землю, он обернул зрелые колосья *падди*, не выдергивая из земли, вокруг столба. При этом он читал длинное моление:

О, останься насовсем со мной,
Отдохни как следует со мной,
Я поймал, держу ногу твою,
Я сжимаю колени твои,

Я ласкаю твое лицо,
Мочку уха твоего я проколю[99],
Я держу твое правое ухо,
Я дотрагиваюсь до твоего левого уха.

Он обвязал вокруг столба еще несколько пучков колосьев *падди*, воткнул в узлы листья восковидной тыквы, растений «кости перепелки» и «белые рога» и скрепил все это стеблем фасоли. Между узлом и столбом он положил «рис с головы» и продолжал:

Не останься в ущелье ты,
Не задержись на перекрестке дорог,
Не заходи в чужие деревни ты,
Не возвращайся в селения чужие.
Ешь этот суп «с головы», такой жирный,
Ешь этот рис «с головы» такой вкусный,
Спиртное твою жажду утолит...

Он перерезал курице горло и, продолжая моление, провел окровавленной шеей жертвы по узлу, по магическим растениям *падди*, росшим у подножия столбов, по земле, по колосьям, а потом по листьям *рхоонга*, которые принес с собой.

Я помажу тебя кровью, *о падди,*
Гусеница падет на твою листву, ничего не бойся!
Гусеница глодать твой стебель станет — ничего не бойся!
Шершень брать сок твоих цветов начнет — ничего не бойся, о *падди!*
Ветер подует сильный, не убегай!
Небо нас попытается изгнать — ты ничего не бойся,
Свинья вдруг рыть начнет — ты ничего не бойся,
Курица начнет клевать — ты ничего не бойся,
Братья младшие и братья старшие враз звать начнут — не убегай!

Он унес листья *рхоонга* и курицу туда, где были сложены корзины, и освятил их, натирая ободки окровавленной шеей жертвы. Потом, продолжая читать молитву, он помахал над корзинами ветками *рхоонга*, окрапленными кровью. Он уговаривал:

Устав все время с *куангами* водиться, теперь со мной живи — я ведь еще ребенок,
Устав ходить все по указке *куангов,* со мной останься — я лишь паренек веселый.

---

[99] Прокалывание мочки уха — обряд инициации девушки. Дух *падди,* как и все самые важные духи, у мнонгаров женщина.

Устав с *куангами* скакать, со мной попрыгай —
я ведь сирота простой.
Те, кто *куанги* мудрые,
Те, кто богаты, пусть от тебя отстанут.
Меня — подростка,
Меня — сиротку,
Меня ты полюби и мужем своим возьми.
Другие ждут в дар свинью, мне ж курицы довольно.
Другие ждут в дар курицу, мне ж хватит яйца.
А коль они берут яйцо, то я
довольствуюсь словесным подношением.

Крэнг возвратился к хижине на *миире* и положил под нее курицу. Затем он направился к границе, отделяющей его поле от поля Тяна, и воткнул там ветки *рхоонга*, чтобы оградить себя от чужих бед. И снова убеждал *падди:*

Не бойся ничего,
Не убегай,
Пусть душа твоя не пугается,
Пусть она даже рабыней станет,
Пусть она даже оглохнет,
Ты возвращайся к нам, мы примем тебя.

Пока пять девушек и женщин под руководством Джоонг Врачевательницы наполняли *киу* (поясные корзины) зерном, а потом вываливали его в большие корзины, Крэнг ошпарил курицу, ощипал ее и сварил. Он нанизал кусочки куриного мяса, кусочки луковицы и листьев магического растения *падди*, срезанного около священного квадрата, на тонкую полоску ратана и без каких бы то ни было молений прикрепил ее к верхней части своей корзинки, между листьями. Выкурив трубку, он опоясался *киу* и присоединился к женщинам. Они работали бок о бок, стараясь держаться на одной линии. У каждой к животу была прикреплена плетеным кушаком *киу*. Одной рукой они вылущивали зерна из колоса, проводя рукой сверху вниз, и бросали их в поясную корзинку, в то время как другой рукой таким же образом обрабатывали следующий колос. Обе руки находились в непрерывном быстром движении. Когда поясная корзинка наполнялась, ее содержимое высыпали в большую корзину, стоявшую поблизости. В первый день сбора урожая хозяин дома, следуя обряду, обмахивал их листьями.

К половине одиннадцатого шесть больших корзин были наполнены. Крэнг унес свою полную до краев кор-

зину, поставил ее под хижину на *миир* и вылил из калебасы немного рисового супа на зерно:

Я лью тебе рисовый суп.
Суп «с головы», жирный;
Рис «с головы», вкусный,
Пиво, что жажду утоляет.
Я жну и в кучу собираю, я сгребаю,
Я отделяю солому,
Я наполняю зерном корзины,
Я по обряду подвешиваю киу,
Я лестницу стеблями обвиваю...

Затем он, поправив лямки, взвалил корзину себе на спину и пошел высыпать ее на *рдаэ* — временный амбар, построенный рядом с *мииром* около дороги в деревню. Как единственный мужчина, он в основном переносил и высыпал корзины, наполнявшиеся женщинами, и только изредка ненадолго принимал участие в жатве. К вечеру все семеро собрали двадцать одну корзину *падди*. Крэнг не один в деревне «повязывал *падди*» в этот день. Банг Беременный тоже выполнил этот обряд. Тру не повезло, он был вынужден повернуть обратно, ибо, как только он отъехал от дома, заревела косуля. В ближайшие два дня во многих семьях «повязывали *падди*».

Итак, жатва — *кек* — началась. Пока урожай не будет убран, строжайше запрещено отлучаться из деревни или пить спиртное. Все силы отдаются только этой трудной работе. От сбора *падди* можно отвлечься лишь для сбора хлопка, который тоже не может ждать. Только смерть члена общины может заставить людей бросить на время свою работу и откупорить кувшины.

●

В верхней части деревни за жилищем Тру стоял дом, который долгое время считался самым длинным в Сар Луке. В нем бесспорно главенствовал Танг-Джиенг Сутулый из клана Тиль, хотя это был человек скромный, редко принимавший участие в спорах общины.

Его чердак занимал в доме центральную часть, к нему с одной стороны примыкал чердак сестер Танга, с другой — чердак брата Джиенг и его деверя. Танг Сутулый делил гостевую со своей младшей сестрой Бронг Вдовой, которая жила с дочерью — Джоонг Грыжей — и с дальней родственницей из клана Тиль. Чердак,

смежный с чердаком вдовы, принадлежал Бангу Оленю (мужу младшей сестры Танга Сутулого — Анг Семенящей). Там нашли себе приют тоже два семейства. С другой стороны чердак Танг-Джиенга граничил с чердаком брата Джиенг — Ван-Джоонга, женатого на женщине из клана Джа. У него была общая гостевая с братом жены — Кронг-Тро. Напомним, что Крэнг-Джоонг тоже принадлежал к клану Джа.

Самой яркой личностью в этой хижине бесспорно был Банг Олень, хорошо сложенный и подвижный человек, всегда веселый и готовый выпить. Он приходился шурином Бап Тяну (Анг Длинная была его сестра). В поселке он занимал нечто вроде административной должности в качестве посыльного и был, кроме того, «священным человеком». Обменное жертвоприношение буйвола с Кранг-Дрымом ввело его в число *куангов.*

Дом жил очень спокойно, пока прожорливые духи не обрушили на него свой гнев, уничтожив за несколько месяцев всех его обитателей, принадлежавших к клану Джа. В прошлом году в сезон дождей умерла от какой-то неизвестной болезни Дланг-Танг. Через год скончался Кронг-Тро, который в течение многих недель не переставая харкал кровью. Через полтора месяца, 29 сентября, после долгих страданий отошла в подземные миры Джоонг-Ван. Тро-Кронг перебралась вместе с детьми жить к Ёнг Сумасбродке, как и она принадлежавшей к клану Нтэр. Ван-Джоонга взяла к себе его сестра и соседка Джиенг-Танг (практически он остался жить под той же крышей, что и раньше), а дети его жены от первого брака ушли к своему старшему брату Мхо-Лангу в дом начальника кантона. К октябрю 1949 года большое жилище Танг-Джиенга уменьшилось на два чердака.

Танг Сутулый был самый высокий человек в Сар Луке, скорее сухощавый, чем худой. Благодаря крепкому телосложению и отсутствию морщин он, с точки зрения европейца, выглядел моложе своих лет. После случая в Пхи Дихе его часто вызывали на допрос, и поездки на Озеро подорвали его здоровье. Очистительная жертва, которую он принес, вернувшись из последней поездки, мало ему помогла. Танга все реже и реже видели в поле, он жаловался на боль в груди, болезнь его с каждым днем усугублялась. 17 ноября Тангу стало ху-

же, и Банг Олень прибежал в Сар Ланг за *нджау* Дэи: по этому поводу была принесена в жертву курица и кувшин без горлышка с *рнэмом.* Но через три дня пришлось обратиться к другому специалисту — знахарке Джоонг-Ван. Она совершила большое изгнание духов, во время которого убили собаку, а курице перебили крылья и лапки. На следующий день фельдшер Ндонг нашел состояние больного настолько тяжелым, что счел необходимым поместить его в больницу. Жатва была в самом разгаре, и кое-кто продолжал убирать зерно в амбары, несмотря на табу, которое накладывало принесение накануне в жертву собаки. Семья больного в этот день собирала хлопок. Около полудня Банг Олень пришел просить, чтобы я уговорил Ндонга отпустить Танг-Джиенга в деревню. Я не согласился и стал доказывать, что больному лучше остаться в больнице. Банг не решился мне сказать, что состояние больного уже безнадежно.

Вечером (мои часы показывали девять минут двенадцатого) со стороны больницы раздались крики и причитания, на дороге замелькали факелы: Танг-Джиенг Сутулый умер. Его тело обернули в циновку и привязали полосами из ратана к бревну, которое несли его брат Крэнг-Анг, Банг Олень и Ван Вдовец.

От меня Банг отправился в больницу навестить своего зятя. Он пришел еще раз после ужина. Состояние Танга внезапно ухудшилось, и Банг бросился в деревню за женщинами. Когда они прибежали в больницу, Танг Сутулый уже не дышал.

Сын Танга Тоонг-Манг Повар (он работал поваром в школе) и женщины скорее выли, чем плакали. Растрепанные волосы рассыпались у них по плечам. Войдя в хижину, все сняли с себя бусы и браслеты. Джиенг подошла к своему очагу и разрушила его. Люди, принесшие труп, положили его на нары, куда Танг-Джиенг Сутулый каждый вечер ложился со своей женой. Теперь здесь покоилось его окоченевшее тело, руки с раскрытыми ладонями были вытянуты вдоль туловища, ноги крепко связаны у щиколоток и у пальцев веревкой. Тоонг расправил на груди отца новую белую рубашку, а Джиенг завернула тело до самой шеи в красивое домотканое покрывало. Потом каждый член семьи, плача, принес одну или несколько вьетнамских пиал и поста-

вил в качестве подношения около тела. Дети Танга проявили редкую щедрость. Тоонг Повар положил на грудь отца двести пиастров, а Анг Вдова — сверток черного коленкора. Мужчины и женщины толпились вокруг покойного, причитая нараспев и плача. Вдова гладила лицо покойного, прижималась к нему залитой слезами щекой. Пронзительные крики и причитания, прерываемые рыданиями, наполнили огромный дом.

О ты, о ты, отец!
　　Роют тебе в миры подземные,
　　Копают путь прямой.
О ты, о ты, отец!
　　Чтоб мог войти, как входят туда
　　Все, вытянувшись, лежа плашмя.
О ты, о ты, отец!
　　Ровняют путь вниз туда,
　　Как обтесывают гроб острым топором.
О ты, о ты, отец!
　　Дорога вниз туда
　　Так вьется, как дорога черных муравьев.
О ты, о ты, отец!
　　Змей бумажный вниз туда
　　Спускается кругами, как орел Ая.
О ты, о ты, отец!
　　Стрелка пути в подземный мир
　　Подобна носу веялки большой.
О ты, о ты, отец!

Один за другим в хижину сошлись жители деревни. Каждая женщина направлялась к нарам, ставила рядом с покойным вьетнамскую пиалу, садилась на корточки и, закрывая лицо руками, плакала или делала вид, что плачет, призывая умершего. Потом она начинала причитать нараспев, не обращая внимания на то, как и что пели ее соседки. Эта какофония никоим образом не нарушала мрачного похоронного настроения, царившего в комнате. Утомившись, женщины шли в гостевую, чтобы выкурить трубку и поговорить с другими посетителями. В гостевой все сидели сначала с печальным или спокойным выражением лица, говорили только о покойном и его болезни, вспоминали аналогичные случаи. Но вскоре (особенно после того, как откупорили жертвенный кувшин) все устали от мрачных разговоров и в комнате стал раздаваться смех, хотя плакальщицы не прекращали своего заунывного пения. Отдохнув в гостевой, женщины возвращались к плакальщицам и с тем

же пылом, что и раньше, начинали оплакивать умершего. За ночь эта процедура повторялась несколько раз. Наконец уставшие женщины отправлялись домой. На следующий день снова появлялись в доме покойного и оставались там большую часть дня и ночи, чтобы выполнить, согласно обычаю, свои обязанности: до погребения около тела должны неотлучно находиться плакальщицы.

Но, когда принесли тело, большая гостевая была еще почти пуста: шум, который производили ближайшие родственники покойного, не мог разбудить жителей деревни. Только вдова, ее сын и Банг Олень занимались выполнением обрядов.

Первую жертву через десять минут после прихода принес Тоонг-Манг Повар с помощью Банга Оленя. Банг Олень перерезал горло курице, а Тоонг-Манг держал ее за клюв, и кровь с его рук стекала на обнаженную грудь трупа его отца.

Пиво из большого кувшина,
Курицу. Я тебе их преподношу.
Покажи их нашим матерям и отцам,
Нашим дядям, младшим и старшим братьям наших матерей.
Оставайся около радуги,
Будь спокоен в подземных мирах...

Жертву положили справа от покойного.

Если бы Танг-Джиенга принесли в деревню до того, как он испустил последний вздох, ему помазали бы ладонь пивной бардой, смешанной с кровью курицы, чтобы он своими глазами убедился, что для его похорон ничего не жалеют, что все делается как подобает. Одновременно эта жертва предназначается предкам, находящимся в подземных мирах, к которым направляется умерший.

Танг Сутулый умер до совершения обряда, поэтому ему просто помазали кровью жертвы грудь. Это придает приношению дополнительный смысл: считается, что кровавое пятно не исчезает и остается даже в том случае, если покойный возвращается на землю как *кон ма,* т. е. воплотившись в новорожденном. Но так как в царстве теней все наоборот, то пятно оказывается на спине новорожденного [100].

---

[100] Такие пятна на спине новорожденного в этих местах не редкость. Антропологи называют их «монгольским пятном».

Родным надо было позаботиться о жизни покойного в потустороннем мире. У него в ногах, там, где двадцать минут назад возвышался очаг, на несколько тлеющих угольков поставили котелок, в котором прела горсточка очищенного риса, а рядом втиснули котелок поменьше с сырыми овощами. В потустороннем мире угли разгорятся в большой костер, рис и овощи начнут вариться по-настоящему, освещаемые пламенем смоляных палочек (здесь последние не были зажжены). Для полноты картины поставили еще две калебасы: одну с супом, другую с водой. Не забыли также положить у изголовья покойника трубку, кисет с табаком, корень маниоки и украшения для волос.

Тоонг Повар расплавил в обломке чугуна пчелиный воск, пропитал им хлопчатобумажную нить и закрутил ее спиралью. Кончик он зажег и стал водить этой свечой над трупом от головы к ногам, а затем от ног к голове, приговаривая:

Явись дядям, младшим и старшим братьям
наших матерей,
Явись матерям и отцам,
Живи у радуги,
Оставайся спокоен в подземных мирах.
Приготовь плашки для добывания огня,
Наколи дрова для очага,
Вари рисовое пиво.
Меняй опору кувшинов,
Коль духи буйвола вкушать начнут...

Мне объяснили, что свеча должна светить душе умершего, когда она пойдет по дороге, ведущей к душам предков. Всю ночь свеча стояла у изголовья покойного, воткнутая в маленький кувшин без горлышка.

Тоонг Повар перекачал *рнэм* из кувшина в бутылку и поставил ее на нары в ногах отца. Сообщив ему о своем подношении, он повторил то же моление, что и раньше. Потом все пили из кувшина, в то время как плакальщицы продолжали причитать у трупа. Первым потянул пиво через трубочку Крэнг-Анг (брат покойного) после него Тоонг Повар (сын покойного), он уступил место Бангу Оленю (мужу сестры покойного), потом наступила очередь Тяна (его жена Гро принадлежала к клану Дак Тят, в который входила и Джиенг). Сестры умершего — Бронг Вдова и Анг Семенящая —

пили только после Кранга Пузыря из клана Дак Тят. Бронг Вдова изливала свое горе в причитаниях:

Я кругом смотрю: где ты мой отец? его нет больше!
Я кругом смотрю: где муж мой? его нет больше!
Я кругом смотрю: где мой старший брат? его нет больше!

Тоонг Повар, склонившись над телом отца, перечислял: «Двести пиастров, белая рубашка, восемь больших вьетнамских пиал и две маленькие...» Он несколько раз повторил этот перечень.

Банг Олень рассказал, в какое затруднительное положение поставил его Танг Сутулый. Умирающий попросил принести ему в больницу табаку. «Придется тебе нарвать его у меня в поле», — сказал он. Но Банг знал, что Танг-Джиенг разбросал колючки на поле, где рос табак, и не хотел рисковать. Действительно, если колючки хорошо размещены, только хозяин может ориентироваться в поле, которое он оградил таким образом от воров, любой другой поранит себе руки и сделается посмешищем всей деревни. Банг Олень не хотел возбуждать подозрений, так как недоброжелатели могли превратно истолковать его поступок.

Джиенг-Танг и ее дочь поставили две бамбуковые палочки по обе стороны трупа — одну у изголовья на нарах, другую на полу в ногах Танга (он был такой высокий, что ноги не уместились на нарах). Между палками они натянули приблизительно на высоте двадцати сантиметров над трупом шнурок из красных и белых хлопчатобумажных нитей, а к нему привязали красные и белые помпоны. Эти украшения имеют глубокий смысл: шнурок ястреба *кулэл* (т. е. души-ястреба) поможет отличить *кулэла* от обычного ястреба. *Кулэла,* который пускается в путь, как только человек умирает, распознают по нитям на лапках. Заметив ястреба-душу, мнонгары наливают на землю рисового супа и зовут ястреба, чтобы привлечь внимание к символическому угощению.

Нгэ-Тру, жена начальника кантона, заявила тоном, не допускающим возражений, что теперь, когда его мать овдовела, Тоонг-Мангу следует бросить место школьного повара и переселиться обратно домой. Тоонг, сидя рядом на корточках, с невозмутимым видом промолчал.

Бронг Вдова крикнула человеку, который запирал дверь на засов: «Табу закрывать дверь на засов, когда в доме покойник, подопри ее просто палкой». Тян объяснил мне: «Знаешь, дверь не закрывают на засов просто потому, что все много пьют и людям необходимо часто выходить». Действительно, плакальщицы и любители выпить непрерывно подходили к порогу, чтобы удовлетворить свои естественные потребности, и к утру здесь образовалось зловонное болото; женщины не решались отойти от двери в этот поздний час, когда духов особенно много и они бродят вокруг дома умершего. Джиенг непрерывно плакала.

На рассвете ему закрыли лицо (отверстие в саване на уровне ноздрей прорезают, когда труп укладывают в гроб). Всю ночь домотканое одеяло, в которое его завернули, было натянуто только до подбородка, чтобы он мог как следует разглядеть свое имущество (хотя глаза у него были закрыты). Рядом с Джиенг женщина пела:

Под свесом крыши погляди, о брат! Там белая коза.
На нарах погляди, о брат! Там женщины ткут.
Под ярким солнцем дня гляди, о брат, бодаются козлята.
Когда ж спускается закат, дерутся петухи.

Всю ночь женщины плакали и причитали около тела вместе с Джиенг, ее детьми и золовками; а в это время уставшие от причитаний мужчины и женщины, сидя посреди комнаты, около кувшина, рассуждали на различные темы, в основном не имевшие отношения к случившемуся несчастью. К рассвету плач стих, большинство пьющих разошлось, дом умершего почти опустел. Кроме членов семьи осталось только несколько юношей и девушек, считавших своим долгом дождаться наступления дня.

24 ноября

В двадцать минут девятого шестнадцать человек, вооружившись топорами и большими куп-купами, вышли из деревни. Кроме родственников покойного среди них находилось по крайней мере по одному человеку от каждого чердака[101]. Они направились по большой до-

[101] Проведение похорон — дело всей общины. В изготовлении гроба участвуют представители каждой семьи.

роге в сторону Панг Донга. Приблизительно в двухстах метрах от деревни они углубились в бамбуковую рощу, за которой справа — строевой лес. Пройдя еще метров пятьдесят, все остановились вокруг *тлоонгов* (Dipterocarpus obtusifolius). Вскоре было найдено дерево нужной толщины (диаметром около метра) с очень прямым стволом. Пока искали подходящее дерево, несколько человек разожгли костер. Вокруг него будут отдыхать и курить те, кто не занят работой.

Два юноши стали рубить дерево топором; остальные расчистили вокруг место. Через полчаса после нашего выхода из деревни дерево рухнуло. Один человек принялся обтесывать топором бревно сбоку от основания дерева, а другой от верхушки. Меркой из ратана, которую принес Тоонг Повар, отметили длину будущего гроба (два метра пятнадцать сантиметров). Через каждые пятнадцать минут к работе приступала новая пара, и приблизительно через час заготовка была обтесана. Ее перевернули узкой частью кверху: это будет крышка гроба. Банг Олень и Боонг-Манг Помощник, начав с противоположных сторон дерева, нанесли топором на незначительном расстоянии друг от друга прямые зарубки, а потом наискось, превратив кору в подобие чешуи. Через каких-нибудь пятнадцать минут Кранг-Дрым приподнял ее и отделил вместе со стесанной древесиной.

Три мужчины отправились искать молодое дерево для кувалды, а два парня углубились в лес, чтобы нарезать ратана. Один из работавших взял куски дерева с остатками коры и вытесал из них клинья. Как только ствол очистили от коры, легкими косыми ударами топора обтесали его верхнюю часть так, что получились две наклонные плоскости, напоминавшие скаты крыши. Сидя на корточках у костра, Боонг Помощник расщепил куп-купом в длину на четыре части полый бамбук и отделил от них также куп-купом куски очень твердой коры. Из нее он вырезал тоненькие палочки — будущая «изгородь Сраэ» — ритуальное украшение. Работавшие не проявляли ни малейшей грусти.

Те, кто отдыхал у костра, рассказывали забавные истории или предавались воспоминаниям. Боонг Помощник рассказал, какие сложные гробы делают мнонгпрэнги: внутреннюю часть они не выдалбливают в виде корыта, а придают ей форму, соответствующую конту-

рам человеческого тела. На краях гроба они вырезают ручки, иногда даже четыре ручки в головах и три в ногах. От прэнгов перешли к тилям (речь шла не о клане, а о племени, которое живет на склонах гор, там, где берет начало река). О них отзывались с презрением: вместо риса они едят овощи и, кроме того, употребляют в пищу множество диких растений.

— Послушайте, какое у них самое любимое блюдо. Они берут овощи и кукурузные отруби, солят, заливают свиной кровью, добавляют горсть очищенного риса и всю эту бурду варят. Настоящее месиво для свиней! Какая гадость! И в довершение ко всему они никогда не моют своих котлов.

— А я знаю еще одно их блюдо: суп из прокисшего риса. Его вымачивают в кувшине без горлышка шесть дней. После этого считается, что суп готов.

Эти слова были встречены громким хохотом.

Боонг Помощник рассказал о празднике великой клятвы в Бан-Ме-Тхуоте, на котором присутствовали все начальники Высокогорной страны. В этом году они принесли клятву верности не только большому французскому начальнику, но также и «вьетнамскому королю [102]». Боонга не столько потрясло великолепное шествие слонов, сколько ружье, которое преподнесли жене Ма Кхам Сука, властителя Бан Дона — деревни охотников и дрессировщиков диких слонов. Что касается Тана, то на него наибольшее впечатление произвели противосолнечные зонты. «Они как шапки радэ, надетые на шесты, их несли люди, сопровождавшие великого Йо и короля». Насладившись успехом от своего рассказа, он добавил: «Это делалось в защиту от жары».

В четверть двенадцатого Джоонг Грыжа и Сои-о-Токело принесли большой котел с кушаньем из побегов бамбука. Они поставили котел рядом с костром и возвратились в деревню.

Десять минут спустя кора была снята. Банг Олень и Боонг Помощник провели углем черную линию, обозначавшую границу между гробом и крышкой. Тоонг Повар перерезал горло красивому коричневому петуху и отрезал у него лапки. Он сел верхом на «головную»

---

[102] Имеется в виду присяга фактически почти не царствовавшему принцу, короновавшемуся под именем Бао Дай.

часть гроба и провел лапками жертвы по черной линии. Держа в каждой руке по лапке, он пятился, расставив руки и прижимая их к черной линии, до противоположного конца гроба. Выполняя этот обряд, Тоонг вознес молитву духу *тлонга:*

О дерево, о бамбук,
Пусть от этого будет плохо тебе,
Пусть добро будет от этого тебе,
Будь добр ко мне.
Я готовил мясо и рисовое пиво,
Чтобы над тобой помазание кровью совершить.
Умершего ведь должен я перенести.
А я живой, я должен дом себе построить.
Я должен амбар построить.
Своей ярости не выказывай,
Гневу своему воли не давай,
О ты, дух дерева,
Вот я мясо тебе подношу, его ешь,
Вот я пиво тебе подношу, его пей!

Он положил лапки петуха на пень. Теперь, после обряда «отрезания лапок у петуха», можно было приступить к «разделению» ствола при помощи клиньев и топора.

Операция началась с «головы» гроба. Мощными ударами бревна по обуху топор забили в сердцевину ствола, там, где прошла трещина, образовавшаяся при падении дерева. При этом старались расщепить бревно по проведенной углем линии. Рядом забили второй топор, а потом и третий. Когда трещина стала достаточно глубокой, топоры заменили одним деревянным и двумя железными клиньями. Молодым деревцем, приготовленным с самого начала, шесть мужчин, как кувалдой, в такт ударяли по клиньям. «Голова» дала трещину по всему диаметру. Тогда два топора забили с боков. Без десяти двенадцать появились Тру, Крэнг-Джоонг и Чонг Военный. Начальник кантона сразу же стал командовать и заставил раздвинуть клинья, вбитые слишком близко друг к другу.

С одной стороны, где был снят меньший слой коры и дерева, трещина сильно отклонилась от намеченной линии. Нанося удары, люди громко молили дерево: «Мы дадим тебе свинью и рисового пива, только расколись как нужно».

Работу приостановили на пять минут, чтобы заменить один клин. Его быстро и ловко вытесали из толстого прочного сука, по которому удобно бить кувалдой. К несчастью, трещина все больше уклонялась в сторону, кое-кто даже поговаривал о том, чтобы бросить это дерево и свалить другое, но это никому не понравилось. Чтобы выпрямить линию, дерево перевернули. Один человек сел на него верхом и бил по намеченной линии топором, а когда загнал его достаточно глубоко, всадил рядом еще два топора. Потом дерево снова перевернули и таким же образом выровняли линию с другой стороны. В обе трещины забили клинья. Ствол оказался податливее с той стороны, где сняли больший слой коры и древесины. Там его главным образом и обрабатывали. Без пяти минут два ствол наконец с оглушительным треском раскололся и крышка отделилась от будущего гроба.

Все собрались вокруг костра, чтобы закусить. Только Тру, Боонг Помощник и Крэнг-Джоонг продолжали работать: они выдалбливали внутреннюю часть гроба и обрабатывали крышку. Один орудовал топором, другой ему помогал, третий действовал теслом, ведь выдалбливание производится различными инструментами. Предстояла еще одна важная работа — обчистить и отполировать гроб сверху.

Боонг Помощник, который любил блеснуть своим умением вырезáть мелкие предметы, занялся изготовлением «хвоста» и «рогов» для гроба. Хвост делается очень просто: десятисантиметровую бамбуковую палочку расщепляют на три четверти. «Хвост» будет укреплен в самой узкой части крышки. Зато изготовление рогов требует некоторого умения. Планку из свежего бамбука длиной приблизительно восемьдесят сантиметров расщепляют с обоих концов, только центральную часть в десять сантиметров оставляя неприкосновенной. Скручивают каждую расщепленную сторону на конце неподвижной части так, чтобы по обе стороны планки получилось по «глазнице», из которых торчат только кончики полосок. Каждую «глазницу» обматывают ратановой полоской, привязывая узлом около ее основания. Потом делают украшения, похожие на хвост, и помещают их на конце каждого пучка кончиков. Затем изготовляют два маленьких кольца из жгута ратановых полосок и подвешивают их к каждой глазнице. Эти два кольца —

глаза гроба, а два крупных отверстия — уши гроба. Как только гроб будет готов, рога прибьют деревянными гвоздями к «голове», т. е. узкой части гроба, а с широкой стороны будет вделан хвост. Гроб представляет собой стилизованного буйвола (известно, что главная душа всякого человека — душа-буйвол).

Самой сложной работой считается вырезание четырех ножек, в данном случае их делали в форме женской груди. Боонг Помощнику и его племяннику Чонг Военному понадобился целый час, чтобы вырезать эти две пары полушарий.

В семь часов вечера, когда топором и теслом сделали последние поправки, приступили к украшению гроба. Было уже поздно, времени оставалось мало, и решили ограничиться тем, что на обе плоскости крышки нанесли одинаковые узоры, напоминавшие две наложенные одна на другую пилы. Каждый зубец представлял собой прямоугольный треугольник, опущенный вершиной книзу, покрытый краской индиго. Если бы было больше времени, разрисовали бы также и гроб, а крышку расписали бы более сложным рисунком, в котором фигурировала бы орнаментальная фигура «щека тигра»: шестиконечная звезда, вписанная в круг. Мнонгары очень любят этот мотив.

В половине восьмого все ушли из леса и унесли гроб, полосы ратана, инструменты и т. д. и остановились только около семейной двери покойного. Услышав шум голосов, Джиенг-Танг вышла из дома. В руках она держала калебасу с водой, чтобы вымыть гроб внутри. Растерявшись, она стояла неподвижно, закинув одну руку на голову, а в другой держа калебасу, и глядела, как четыре мужчины на полосах ратана втаскивали гроб через низкую дверь. Около чердака с него сняли крышку и заделали дыры и шероховатости дерева только что замешанной глинистой смесью, затем обмазали края, чтобы гроб плотно закрывался. Женщины переставляли на нарах вьетнамские пиалы и кувшины без горлышка, чтобы освободить место для гроба. Тоонг Повар провел свечой из пчелиного воска над открытым гробом от изножья к изголовью. Джиенг стремительными движениями рук «собрала» душу в чашу и перелила сначала в большую корзину для зерна, а потом вылила на себя. После этого мужчины положили под труп

вчетверо сложенную мнонгарскую рубаху, на голову покойного надвинули большую вьетнамскую пиалу и завернули тело в циновку. Труп уложили в гроб. Анг Вдова «собрала» душу в калебасу и вылила себе на живот. Потом наступила очередь Бронг Вдовы выполнить тот же обряд. Анг Вдова повторила те же движения, но действовала только рукой. Она «вылила» душу на себя, на свою дочь Джиенг и на своих племянниц. Каждый член семьи должен был таким способом задержать свою душу, которая из любви к умершему цеплялась за него и рисковала быть увлеченной в подземные миры.

В гроб уложили все подаренные вьетнамские пиалы, которые только уместились. В последнюю минуту перед тем, как мужчины опустили крышку гроба, Джиенг положила около головы покойного несколько ракушек, оповещая о своем подношении: «Вот еще вьетнамские пиалы...» (на том свете ракушки станут пиалами). Щель между гробом и крышкой замазали глинистой смесью, причем на уровне груди в обмазку добавили клейкого риса («чтобы избежать запаха тления», — сказали мне). Гроб в трех местах перевязали ратановыми полосами, на крышку положили пояс, трубку и кисет покойного, а также «нож, чтобы разрезать саван на уровне носа». К восьми часам вечера гроб был закрыт. Наступила вторая ночь бодрствования. Мужчины, принимавшие участие в изготовлении гроба, отправились на речку для очистительного омовения.

Когда они через полчаса возвратились, начались *ньджат*, большие жертвоприношения и возлияния в честь покойного. В гостевой в один ряд были выставлены кувшины с пивом, два самых больших, преподнесенных Тоонгом Поваром и Бронг Вдовой, висели в центре комнаты на одном шесте. Те, кто приносил жертву с покрытыми пивной бардой пробками от своих кувшинов, собрались около порога семейной двери. Там они одновременно убьют свои жертвы. Бронг Вдова и Тоонг Повар принесли в жертву по свинье (в три и четыре пяди каждая), Тру, Тян и Крэнг-Анг — по курице. Джоонг Грыжа стояла около матери, Гро-Тян и Анг-Крэнг около своих мужей, а жена и дочери покойного около Тоонга. Все плакали, закинув руки на голову. Впрочем, это был скорее не плач, а вой: «О отец! о отец!», «О муж!», «О деверь!». Стоял невообразимый шум, ибо к душе-

раздирающим воплям примешивались хрюканье и кудахтанье издыхавших кур и свиней. (Животное, приносимое в жертву в честь умершего, должно быть убито палкой, даже если при обычных жертвоприношениях его закалывают). Кровь жертв собрали, натерев предварительно рану пивной бардой. Те, кто убил курицу, оторвали у нее крыло и лапку и положили на пробку кувшина. Каждый поставил свое приношение на нары возле гроба. Тоонг и Бронг помазали дары кровью, перемешанной с пивной бардой. Тру заметил, что они забыли принести когти жертв, и послал за ними. Тоонг и Бронг вышли из хижины, отрезав левую переднюю лапу своей принесенной в жертву свиньи, и положили на пробку своего кувшина, уже стоявшего около гроба.

Начались возлияния: каждый подходил к приносимому в дар кувшину, втягивал пиво в трубочку, а когда она наполнялась, закрывал верхнее отверстие пальцем, приближался к гробу и, отняв палец, кропил его. При этом покойному объявляли, какие ему делают подношения. Джиенг удовольствовалась тем, что набрала в рот пива и выплюнула на порог семейной двери, так как ее сын Тоонг уже совершил окропление от имени всей семьи.

Закончив обряд, начали пить из кувшинов. Плакальщицы продолжали причитать и петь погребальные песни. Все присутствующие должны были около гроба попробовать пива из всех кувшинов, чтобы избежать лихорадки, которую могут наслать духи дороги и леса. Многих беспокоило отсутствие тех, кто делал в лесу гроб, но вскоре они появились. Комната была битком набита, хотя от некоторых чердаков присутствовало только по одному человеку, а кое-кто вообще не появлялся в течение всего дня, как, например, Бап Тян, его жена и старый Крах.

Эта ночь в точности походила на предыдущую: те же плакальщицы менялись около гроба, слышались те же причитания и погребальные песни, те же истории рассказывались около кувшинов. Разве что пыл гостей поостыл, так как, несмотря на семь открытых кувшинов, давала себя знать усталость от предыдущей бессонной ночи и трудного рабочего дня. Некоторые все же стойко пили до самого утра.

25 ноября

В девять часов утра четыре мужчины подняли гроб, к которому был привязан за лапки «цыпленок, клюющий личинки мясной мухи» *(иер тёх рхаэ),* вынесли его через семейную дверь и поставили снаружи в нескольких шагах от порога. Развязали ратановые перевязи, сняли крышку гроба и положили ее на землю. Бронг Вдова, сестра покойного, откинула циновку-саван и открыла лицо умершего, чтобы он мог последний раз поглядеть на жену и детей, видеть небо и солнце. Все удивились, не заметив на его лице ни малейших следов разложения. Банг Олень приписал это действию уколов и таблеток из магического европейского растения, полученных покойным в больнице. Бронг положила рядом с трупом несколько кусочков угля: они послужат покойному проводниками в его путешествии к Янг Боек, властителю подземных миров. Банг Олень поскоблил ножом ноготь покойного и отдал Крэн-Лангу щепотку полученной пыли. После возвращения с кладбища тот приложит пыль к сердцу своей жены, потом Манг-Тоонга и Банга Оленя и попросит болезнь удалиться. Всем им запрещено соприкасаться с умершим, так как они состоят в браке с его младшими родственниками (младшим братом, сыном, младшей сестрой), однако во время погребальных обрядов они, нарушая запрет, не раз дотрагивались до покойника, часто садились на его ложе, пусть для того, чтобы плакать. Чтобы изгнать злых духов, Банг Олень отрезал лоскут от набедренной повязки-передника Танга Сутулого и отдал его сыну. Тоонг Повар взял совсем новое белое полотенце и закрыл им лицо своего отца, потом опустил край циновки и снова положил крышку на гроб. Пока гроб завязывали, женщины обмазали его в нескольких местах клейким рисом, чтобы помешать личинкам мясной мухи проникнуть внутрь.

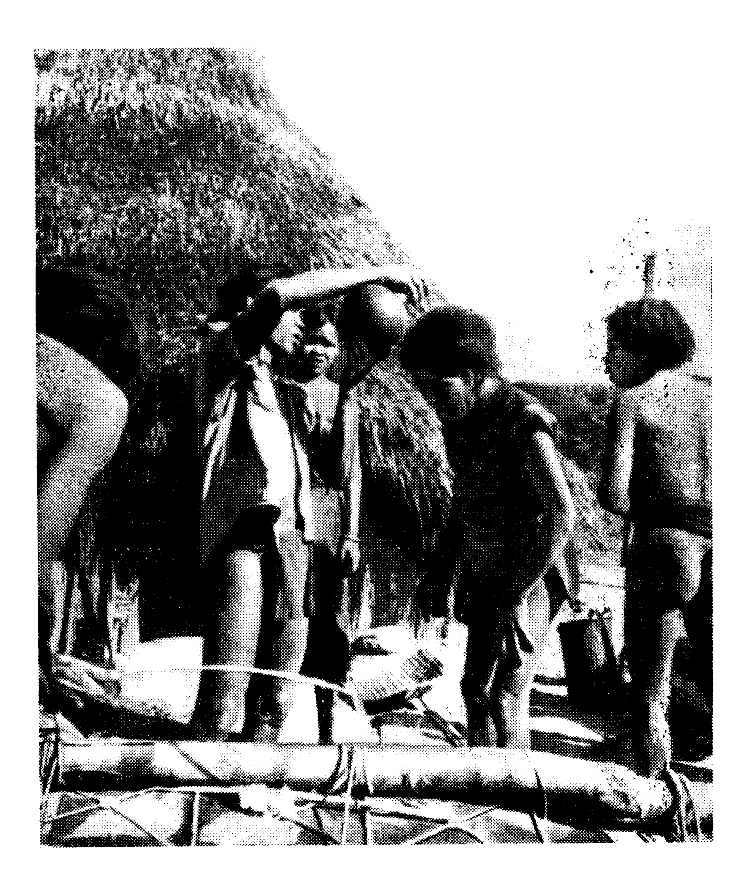
Тоонг Повар — он с самого утра рыдал взахлеб и ходил пошатываясь — вдруг повалился на гроб. Родственницы покойного плакали, сидя на земле и прижавшись головой к гробу, который Банг Олень и другие мужчины обвязывали ратановыми полосами, так что образовывались затейливые геометрические фигуры поверх тех, которые были вчера нарисованы на крышке гроба.

Три девочки из дома покойного держались немного поодаль. Все три стояли, закинув руки на голову, но только маленькая Джиенг (дочь Анг Вдовы) плакала искренне и горячо. Она единственная из всех троих понимала истинное значение происходившего и горевала о том, что ее дедушка, любимицей которого она была, уходит навсегда. Две другие застыли в положенных позах, неспособные выдавить из себя ни слезинки.

Тоонг Повар и Ван Вдовец вбили деревянные гвоздики в крышку гроба, чтобы покойный «оставил на земле души-буйволы, души кувшинов, соли, риса...». Джиенг-Танг «собрала» души в воздухе вокруг изголовья гроба и «вылила» в маленький кувшин без горлышка. Они необходимы для благополучия дома и нельзя допустить, чтобы они ушли вслед за умершим в подземный мир.

Когда украшение ратаном было закончено, к гробу привязали шест — очень прямой ствол молодого дерева, принесенный накануне из леса. Из хижины вынесли все подношения покойному: они последуют за ним в подземные миры. Наконец все было готово для того, чтобы идти на кладбище, но сначала следовало принять меры предосторожности и обезопасить людей и домашние вещи. Тоонг взял калебасу с рисовым супом и вылил по нескольку капель на голову каждого члена семьи, чтобы удержать душу-кварц на макушке головы. Потом он подмел пучком листьев *рхоонга* хижину и чердак, одну ветку прикрепил у входа на чердак, другую над семейной дверью, а остатки привязал к ратановым обвязкам гроба.

Без четверти десять кортеж тронулся в путь. Ноша была очень тяжелой — к весу гроба и трупа добавился еще вес вьетнамских пиал. Гроб несли на шесте четыре сильных мужчины, шедшие гуськом. За ними следовал Тоонг с корзинкой, наполненной дарами его отцу, потом шла Джиенг налегке, а дальше двигалась толпа родственников и друзей, которые несли остальные приношения покойному, среди коих были большой кувшин из Джиринга и два *янг дама* (один из них подарил Банг Олень), рыболовный сачок, верша, поясная корзинка для сбора урожая, наполненная семенами и луковицами различных полевых растений, большая корзина с котлами супа и риса, домодельная и вьетнамские пиалы, не

Помазание рисовым супом перед выходом погребальной процессии

поместившиеся в гроб, три бутылки с *рнэмом,* калебаса с супом и калебаса с водой, «цыпленок, клюющий личинки мясных мух», метла — короче говоря все, что может понадобиться умершему в «подземных мирах».

Кортеж прошел по дороге метров пятьдесят и остановился около тропинки, ведшей на кладбище. Носильщики опустили свою ношу, Тоонг очертил ножом на земле контур гроба и налил на черту немного рисового супа, умоляя:

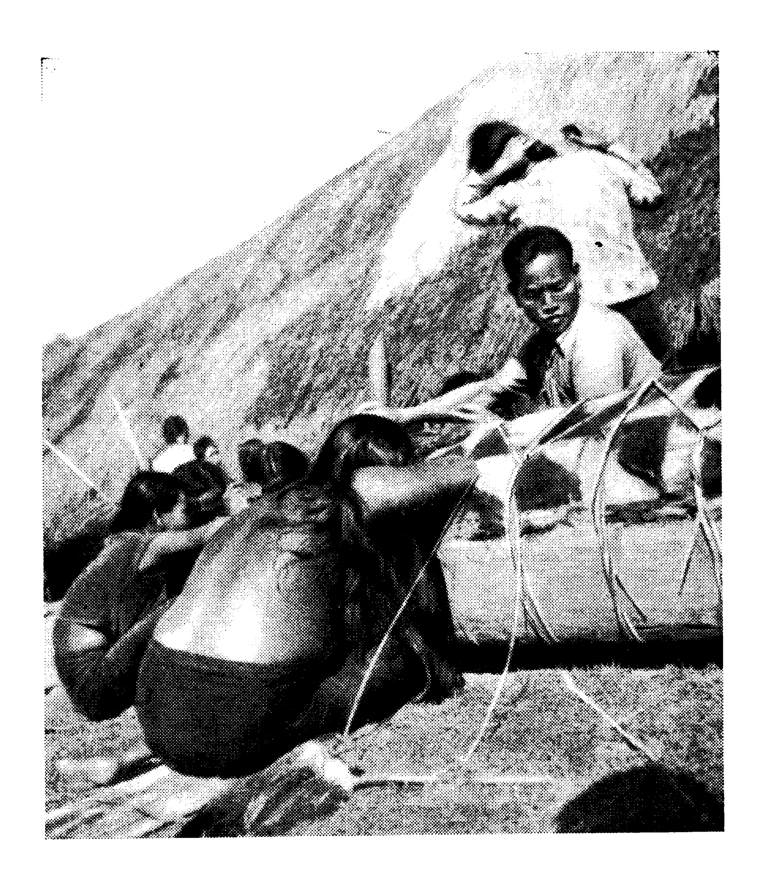
Я наливаю тебе суп.
И не ходи и не проси ты риса,
И не выпрашивай ты супа у живых людей.
Вот рисовый твой суп.

Он воткнул в землю маленькие вилы. Это нечто вроде сигнала для души-ястреба, которая невидимая летает по небу и следит за нами. По вилам ястреб *кулэл* легко найдет место, где ему приготовлена еда, и не будет попрошайничать у чужих. Джиенг срезала прядь волос и положила с несколькими угольками около тропинки. Волосы станут в подземных мирах травяным покрытием хижины, которую умерший там себе построит.

Мужчины снова подняли ношу. Теперь они продвигались с большим трудом: по тропинке редко ходили, она заросла травой, да и низкорастущие стебли бамбука и колючие лианы загораживали проход. Из-за неровностей рельефа и многочисленных ручьев она то поднималась, то опускалась. Мужчины, несшие гроб, несколько раз менялись, — недаром говорят: «Рога влиятельных тяжко нести». Танг-Джиенг Сутулый был богат — доказательством тому служили материал и форма гроба, душа его — могучий буйвол с тяжелыми рогами, а следовательно, гроб не мог быть легким. Внезапно тропинка вывела нас на поляну. В глубине ее виднелись старые могилы под соломенными крышами, черепки кувшинов и остатки корзин. Мы пришли на кладбище. Нам понадобилось для этого двадцать минут.

В начале пути женщины громко причитали, потом смолкли. На кладбище они снова разразились бурными рыданиями. Джиенг тихо плакала, напевая свои жалобы слабым голосом. На фоне общей печали поведение Анг Семенящей казалось неприличным: совершенно пьяная, она всю дорогу спотыкалась и в конце концов вместе с кувшином, который несла на спине, свалилась в высокую траву.

Мужчины сразу же принялись за работу: одни рыли яму, другие готовили кровлю для могилы — маленькую соломенную крышу со скатами. Вдруг Тоонг-Джиенг и Тоонг-Бинг, размахивая руками, бросились бежать: их напугал самый обычный шершень. Думая, что опасность миновала, Тоонг-Бинг остановился, и тут-то шершень ужалил его. Тоонг-Бинг взвыл от боли. Чтобы облегчить

Женщины оплакивают покойного, опершись на гроб, украшение которого заканчивает Банг Олень

ее, Тоонг-Джиенг приложил к укушенному месту сухой лист.

Работа снова закипела: нужно было выкопать прямоугольную яму, вытянутую с востока на запад. Во время работы не смолкали разговоры. Кладбище — излюбленное место колдунов, пожирателей душ, и Тоонг-Джиенг предложил поставить пулемет в ветвях одного из красивых деревьев, окаймлявших поляну. Во время посещения Озерного поста его очень поразило, как действует это оружие.

Мужчины обступили яму, которую они копали, сменяясь по двое. Разговор зашел о глупости и упрямстве женщин. «Все женщины бестолковы, — невозмутимо заявил Тоонг-Бинг. — Моя жена, например, лаялась сегодня с самого утра по любому поводу: из-за обрушивания риса, из-за готовки пищи... И так без передышки, без передышки. Но однажды я ее хорошо проучил: каждое утро она меня пилила, каждое утро принималась за свое, а я молчал, но один раз, когда она начала ругаться по дороге с *миира*, я одним ударом ножа распорол корзину, которую она впереди меня несла на спине». Слушатели расхохотались. Чонг Военный подтвердил: «Все женщины бестолковы», — и рассказал, как он сломал толстый ратан о спину своей жены после ужасной сцены ревности, которую она ему закатила, придя из Ндут Лиенг Крака, где происходило обменное жертвоприношение между Бап Тяном и бывшим начальником кантона. Тоонг-Джиенг спросил у меня, бывают ли у французов такие семейные сцены. Чтобы не распространяться на эту тему (а может, чтобы сохранить у мнонгаров иллюзии, сам не знаю), я сказал, что нет. «Глупости! — воскликнул Чонг Военный. — Еще как ссорятся! И ревности у них хватает. Когда я был в пехоте, я однажды видел, как два мужчины дрались из-за женщины, да не простые солдаты, а сержанты. Один хотел убить другого и гонялся за ним с большим кинжалом».

В двадцать минут двенадцатого могила была готова: в длину она имела два метра двадцать сантиметров, в глубину — шестьдесят пять сантиметров. Стенки у нее были очень прямые, а дно плоское, ровное.

Тоонг Повар завязал стебли травы *пайот* свободным узлом и, держа их за концы, стал над могилой, упершись каждой ногой в другой край. Нагнувшись, он попятился к ее изголовью, все туже стягивая узел, пока стебли не разорвались. Тогда он бросил их в чащу леса. Этим жестом он «собирал» души людей, которые работали в яме, иначе они могли там остаться...

Принесли гроб. Его обернули двумя крепкими ратановыми полосами, концы которых держали двое мужчин. Шест, на котором несли гроб, положили концами на высокие края ямы. Два человека обрезали мотыгой и куп-купом ратановые полосы, прикреплявшие гроб к

бревну. Благодаря удерживавшим его ратановым полосам гроб опустился в могилу плавно, без рывков.

На гробе, около рогов, слева от изголовья, Банг Олень положил кусочек дерева с зарубками. Это «лестница для души» *(нтунг хеэнг)*. Пока часть людей подносила длинные бревна, чтобы закрыть ими могилу, остальные опустили туда мотыгу, куп-куп умершего и все еще живого «цыпленка, клюющего личинки мясной мухи». Настил из бревен не должен коснуться «шнурка проводника души-ястреба», — это полоса толстого ратана, указывающая дорогу душе-ястребу. Настил из бревен покрыли плотным ковром только что скошенной травы, а на нее поставили три кувшина, самый большой — прямо над головой покойного. В половине двенадцатого все собрались вокруг могилы и обратились к умершему с мольбой, чтобы теперь, когда его похоронили, он спокойно оставался в подземных мирах. Могилу закидали землей, вынутой из ямы. Получился продолговатый холмик, достигавший краев горлышка маленьких кувшинов. Как только бугорок был готов, Тоонг потянул за шнурок, чтобы показать дорогу душе, если она захочет перевоплотиться.

Мужчины взяли тоненькие бамбуковые палочки и, читая молтивы, воткнули их крест-накрест вокруг могилы. Это «изгородь Сраэ» (имя мифического героя), защищающая умершего и его могилу.

На холмик положили различные предметы, принесенные в дар покойному, которые необходимы ему в подземных мирах. В это время Банг Олень, произнося моление, положил у изголовья могилы первый ком земли, снятый при выкапывании ямы. Это «ком земли души-ястреба» (*ук тланг кулэл*). Наконец, в голове и в ногах могилы укрепили крышу с настилом из травы *пайот* на двух шестах, установленных так, что образовался низкий навес.

В заключение каждый просунул руку под навес и положил на холмик несколько крошечных кусочков веточки:

> Вот тебе топливо,
> Не ходи и не выпрашивай у других...

Не теряя времени, все тут же возвратились в деревню. Анг Семенящая была на кладбище первый раз, поэ-

тому ее друг Тоонг-Джиенг дал ей перешагнуть через лезвие своего куп-купа, повернутого острием кверху. Замыкал шествие Крэнг-Анг, брат умершего. Он не забыл, уходя с поляны, загородить тропинку сломанной веткой, чтобы обезопасить наш уход [103].

В деревню мы возвратились в полдень. Все тотчас же отправились на реку, чтобы совершить очистительные омовения: помыться, выстирать одежду и омыть инструменты в проточной воде. Мужчины ушли купаться ниже по течению, где духам дороги и леса труднее напасть, но для женщин там было слишком глубоко, и они мылись у излучины... Прежде чем вернуться к себе, каждый подошел к дому умершего и, не входя в него, ополоснул ноги, руки и лезвие ножа (или другого инструмента, принесенного из леса) теплой водой из котла, выставленного Манг-Тоонг у семейной двери. Очистившись таким образом, они могли спокойно отправляться домой, не боясь заболеть или заразить близких. Наступило время еды.

●

После обеда началась вторая очередь жертвоприношений и возлияний покойному. Накануне жертву принесли для «помазания кровью гроба», теперь для «переселения в лес». По сути дела, это повторение тех же церемоний, объединенных одинаковыми названиями и связанных с одинаковыми обрядами. Тоонг Повар и Бронг Вдова пожертвовали вчера покойному каждый по свинье и кувшину с пивом, сегодня Тоонг принес в жертву курицу и *рнэм* в небольшом кувшине, Бронг принесла маленький кувшин с *рнэмом*, приятель Тоонг-Джиенг и близкий друг Тоонг-Ван сделали одинаковые приношения. Банг Олень в честь своего шурина принес в жертву поросенка и маленький кувшин с *рнэмом*. Как и вчера, пока мужчина убивал дубинкой или палкой свинью или курицу, его жена, сестра или дочь, стоя рядом, призывала умершего, закинув руки на голову и громко причитая. Он отрезал крыло и лапку у курицы (или когти у свиньи) и клал на пробку кувшина, покрытую пивной бардой с несколькими кусочками угля наверху.

---

[103] Т. е. чтобы помешать душе умершего вернуться и чтобы преградить путь всякой нечисти.

Приносящие жертвы отправились все вместе к началу тропинки, ведшей на кладбище, и положили там свои приношения. Они уселись на корточки около принесенных пробок от кувшинов и, устремив взгляд на кладбище, выкрикивали свое имя и описывали принесенные дары, потом умоляли покойного:

Соль и *падди,* оставь их нам на этом свете,
Буйволы и кувшины, оставь их нам на этом свете,
А тяжбы и долги, их уноси туда, в подземные миры.
Огонь и вода, несите их туда.

Все возвратились в деревню. Каждый подошел к своему кувшину, стоявшему перед домом покойного, набрал в рот пива и выплюнул его на семейную дверь: в подземном мире эта капля превратится в кувшин с *рнэмом.* Тоонг-Манг как хозяин дома выполнил этот обряд, набирая в рот пива из каждого кувшина, принесенного гостями в честь его отца. Затем все начали пить.

Атмосфера сразу же разрядилась. Два дня и три ночи в деревне стояли крик, плач, стоны и причитания, а тут вдруг воцарилась тишина. Разумеется, произошло горестное событие, дом был потрясен несчастьем, но оно проявлялось только во внешнем виде членов семьи: они обязаны несколько месяцев ходить в трауре, не носить ни браслетов, ни бус, волосы их в беспорядке распущены по спине, у них опухшие лица, и говорят они охрипшими от непрерывного плача голосами. Но больше не было слышно причитаний и душераздирающих криков плакальщиц, и отсутствие шумных проявлений горя создавало впечатление успокоенности. Этому, разумеется, способствовало и то, что цепь обрядов, выполнявшихся после смерти Танг-Джиенга Сутулого, закончилась. В них отразился страх перед умершим: живые защищают души не только своих близких, но и своих вещей от опасности быть увлеченными в подземный мир. Ни один человек, даже самый несчастный, не покидает охотно мир живых и старается унести с собой все, что возможно. Вокруг кувшинов ни на минуту не смолкал разговор. Говорили о чем угодно: о том, что прошедшие ночи были свежими и что Танг Сутулый не начал разлагаться благодаря больничным лекарствам. Беседа велась спокойным тоном, пили, курили. Ван-Нга Кролик даже

принес собачью шкуру, из которой по заказу Боонга Помощника выкраивал кисет для табака.

Но спокойствие сразу же нарушилось, как только присутствующим предложили «рис духов дороги и лесов», потому что тут сын и зять Танга Сутулого начали снимать со стены кувшины, чтобы разделить их между кланами покойного и его жены. Раздались пронзительные голоса Анг Вдовы и Манг-Тоонга. Разложили посуду и украшения. С одной стороны младшая сестра умершего Бронг Вдова представляла клан Тилей; с другой — Тоонг Повар защищал интересы своей матери и сестер из клана Дак Тят.

Пробки из слоновой кости принадлежали покойному мужу старшей дочери Анг, они в счет не шли. Красивое ожерелье из крупного жемчуга, которое Танг Сутулый носил, будучи еще холостым, возвратили его сестре. У Джиенг осталось ожерелье, которое ей подарили до замужества. Бронг Вдова, очень довольная тем, что к ней вернулось ожерелье, объявила, что трости, купленные четой, оставляет детям своего брата. Анг сердито говорила тетке, чтобы она в будущем не вздумала утверждать, что кто-то не хотел делиться. Между двумя кланами впервые пробежала черная кошка.

Джиенг-Танг вынула шесть вьетнамских пиал, две полоски железа и два котла, половину этого отдала своей невестке, а другую оставила себе...

Перешли к дележу «ценного имущества». Выставили все кувшины, принадлежавшие семье покойного. Тоонг разделил их на две части: те, что принадлежали детям или Вану Вдовцу, и те, что были нажиты родителями за время их совместной жизни. Тоонг брал каждый кувшин в руки и подробно рассказывал, как и за сколько он был куплен. «Этот большой „танг-сох" из Джиринга я купил за шестьдесят пиастров, которые заработал на плантации. А этот стоил восемьдесят пиастров. А вот этот я получил в обмен за свиную голову у начальника кантона. За этот старинный кувшин я отдал две тысячи шестьсот пиастров, свинью в три пяди, одеяло, сотканное моей сестрой Анг, и поросенка. Этот кувшин обошелся в двести пиастров, да еще свинку в три пяди. Вот как обстоит дело с моими кувшинами. А эти четыре кувшина принадлежат моему дяде Вану, они ему достались после раздела имущества с кланом Джа, после

смерти его жены. Эти шесть кувшинов — собственность моей сестры Анг, она получила их во время раздела с кланом Рджэ, после смерти ее мужа».

Потом были перечислены семейные долги, в первую очередь «мясные долги», т. е. мясо, полученное во время жертвоприношения буйвола, которое следует отдарить, когда семья покойного будет приносить жертву. Супруги остались должны грудинку старосте Сар Ланга, лопатку (целую переднюю ногу) шаману Дэи и два куска тонкого края (включая вырезку) Банг-Ангу. Последние два подарка были получены на большом празднике земли в Сар Ланге. Другим важным долгом был ряд кукурузы, занятый у шамана Дэи, за который был обещан новый кувшин. У Танг и Джиенг были и должники: Крэнг-Анг, брат покойного, задолжал им шесть корзин *падди,* вместо которых обещал дать кувшин среднего размера, а Чар-Риенг — двенадцать корзин травы *пайот.*

Перешли к живности: Танг-Джиенгу принадлежала только одна свинья, и ее принесли в жертву позавчера. Остальные свиньи и домашняя птица являлись собственностью его сына, так что здесь делить было нечего.

Около четырех часов каждой плакальщице вручили ее долю «мяса духов дороги и леса»: полоску в палец длиной и в два пальца толщиной. Это мясо, отрезанное от туши жертвенной свиньи, дает право женщинам, оплакивавшим покойника, отмыться от табу, которое их оскверняет. Сразу же после этого начались «обряды плевания на ногу» (*чох джэнг*). Это наиболее важные обряды погребального очищения, сопровождающиеся подношениями, которые являются компенсацией за помощь, оказанную в эти дни, платой за принесенную жертву или спиртное или одновременно и тем и другим. Начали с Бронг Вдовы, гостевая которой служила продолжением гостевой покойного: такая близость с умершим делала ее наиболее уязвимой, и надо было принять срочные и энергичные меры. Тоонг Повар разжевал несколько зернышек риса и выплюнул на лезвие куп-купа, которым провел по левой ноге тетки:

Наши жилища соприкасаются,
Наши чердаки спина к спине стоят.
Пусть трубки со спиртным будут полным-полны,
Вот для чего я сейчас плюю.

Потом он преподнес ей корзину, наполненную *падди,* поверх которого лежала лопатка принесенной в жертву свиньи и лезвие куп-купа — символ прочности (Бронг со своей стороны дала жене и детям брата окорок свиньи, заколотой в его честь). Она взяла щепотку белого риса, разжевала его и выплюнула на верхнюю часть обеих своих дверей, чтобы отогнать злых духов.

Бангу Оленю дали такое же количество *падди* и часть свиного окорока. Боонг Помощник и Чонг Военный, делавшие ножки гроба, получили по куску филе, по поясной корзинке с *падди* и по железной полоске. Крэнг-Ангу подарили кусок грудинки, полоску железа, а вместо *падди* — маленький кувшин без горлышка (фактически — отдали долг, так как Крэнг-Анг на похоронах своей первой жены подарил точно такой же кувшин Тангу Сутулому в ответ на курицу и *рнэм,* которыми тот почтил память умершей). Остаток грудинки был вручен Кранг-Дрыму. Начальник кантона и Тян получили одинаковые подарки: поясную корзинку с *падди,* полоску железа, половину окорока первый и половину лопатки второй. Мхо-Лангу, преподнесшему кувшин с *рнэмом,* и шести мужчинам, которые делали и несли гроб, выдали каждому по куску мяса и по щепотке сырого *падди* (чтобы они совершили обряд очищения своих дверей). Вручение подарков сопровождалось благословением: очищенный рис выплевывали на левую ногу.

В доме умершего собралась целая толпа народа: как всегда при раздаче «подарков», людям хотелось посмотреть, как имущество переходит из рук в руки. Пришли те, кто рассчитывал что-нибудь получить, и их родственники, которых влекло желание защитить в случае надобности интересы своих близких и убедиться, что они получили все, что им полагалось.

Когда «подарки» были розданы, Банг Олень попросил родных покойного рассказать о больших праздниках, на которых «поглощалось» его добро. Он сам назвал три жертвоприношения буйвола, совершенных покойным, а присутствующие вспомнили еще о четвертом, состоявшемся в Пхи Сроонь, где Банга не было. Крэнг-Анг обстоятельно рассказал о каждом жертвоприношении, совершенном его братом. Джиенг, ее брат Ван Вдовец и

в особенности сын покойного Тоонг Повар добавляли к рассказу все новые подробности, а Краэ-Дрым, тоже член клана Дак Тят, оживлял его веселыми шуточками. Покончив с воспоминаниями о щедрости покойного, поднимавшими его престиж, на середину комнаты выдвинули оставленные в наследство кувшины. Банг Олень несколько раз повторил, что делить следует только имущество, нажитое супругами за время их совместной жизни, но никак не то, что они имели до свадьбы, и не то, что принадлежит их детям. «Кувшины,— сказал он,— уравновешивают дела». О мясе, давно съеденном супругами, «сестрами и матерями», не вспоминали. Обсуждались только мясные долги последнего времени или, например, кукурузный долг, который оценивался в один большой кувшин.

По этому поводу Бронг Вдова сказала живо:

— Этот долг должны платить жена и дети.

Банг Олень возразил:

— Долговое обязательство на солому возместит кукурузный долг.

— Как бы не так! Одно стоит кувшина средних размеров, а другое — большого!

— Они возьмут на себя долг кукурузный и лопатку буйвола, а ты грудинку и филе. Им дадут долговое обязательство на траву *пайот,* а тебе на *падди.*

Но Бронг Вдова пришла в ярость, лицо у нее вытянулось, и она начала пронзительно визжать. Растянувшиеся почти до плеч мочки ушей яростно раскачивались... Нет! Она не хочет получать по наследству этот кукурузный долг. Она не будет отдавать грудинку. Ее хотят надуть, потому что она вдова и за нее некому вступиться, кроме дочери. Но она этого не допустит!

Тян со свойственным ему здравым смыслом и любовью к посредничеству попытался втолковать вдове, что израсходованная кукуруза такая же неотъемлемая часть наследства, как и накопленные кувшины. Бронг Вдова соглашалась делить кувшины, но не долги.

— Это не по правилам,— заметил Тян.

Вне себя от ярости, Бронг выдвинула веский довод:

— Куда ты лезешь? Не суй нос в чужие дела! Ты же Бон Джранг!

Тян был совершенно оглушен этим нападением, и за него пришлось вступиться его двоюродному брату Тоонг-Джиенгу:

— Ты забываешь, что жена Тяна из клана Дак Тят. Значит, все это его касается.

Бронг Вдова отошла, проклиная сквозь зубы мужчин, которые обижают бедную вдову. Несмотря на то что скромному обычно Бангу Кривому близки интересы Тилей (его сестра Анг замужем за Крэнгом), он осудил поведение Бронг. Чтобы всех примирить, Тро-Джоонг (не заинтересованный в этом деле) перешел на другую сторону комнаты и предложил рассвирепевшей вдове взять на себя лопатку, предоставив Тоонг-Мангу расплачиваться за грудинку, филе и кукурузу. Она получит долговое обязательство на траву *пайот,* а ее племянник на *падди.* Если же она предпочитает долговое обязательство на *падди,* так как должник ее брат Крэнг, то может поменяться с Тоонг-Мангом. Но это предложение вызвало протест членов клана Дак Тят.

В конце концов приняли предложение Банга Оленя: Дак Тяты возместят кукурузу и лопатку, а Бронг — грудинку и филе. Дак Тяты получат долговое обязательство на *падди,* а Крэнг оплатит его натурой после жатвы. Бронг же получит долговое обязательство на траву *пайот.*

Атмосфера разрядилась. Джиенг отдала два лезвия куп-купа своей невестке, а себе оставила один куп-куп. Бронг предложила поделить дом, но Банг Олень не согласился. Тян, придя в себя, заявил, что раздел необходим, иначе впоследствии «сестры и матери» будут рассказывать всякие небылицы. Джиенг продолжала делить наследство: корзину только что собранного хлопка она оставила себе, а хлопок на корню отдала невестке. Тоонг Повар посоветовал тетке взять из корзины несколько пучков хлопка, чтобы закрепить свое право на тот, который еще стоял в поле. Еще до возникновения спора Джиенг взяла из своей доли вьетнамскую пиалу и отдала Бронг в добавление к отданным раньше.

В конце концов «ценное имущество» распределили так: Бронг получила два больших кувшина из Джиринга и *танг ла,* который стоит в два раза дороже обычных кувшинов, т. е. получила стоимость четырех кувшинов из Джиринга. Доля Тоонга Повара составила два кув-

шина из Джиринга и старинный кувшин с трещиной на дне (из-за дефекта он стоит столько же, сколько большой кувшин из Джиринга, а не будь ее, он был бы равноценен буйволу). Четыре котелка, две калебасы для воды и четыре для супа оба семейства поделили поровну.

Раздел имущества закончился спокойно. Но вот полчаса спустя после того, как его отчитала Бронг, Тян вдруг взорвался. Нападение вдовы так его оглушило, что он застыл на месте, сидя на корточках около двери. Теперь, когда все уже забыли о ссоре, он вдруг взревел от ярости и набросился не на ту, которая его оскорбила, а на своего друга Банга Оленя.

— Правда, я Бон Джранг, но все равно это мое дело, потому что я женат на женщине из клана Дак Тят, а значит, имею право говорить. Банг Олень, женатый на женщине из клана Тиль, говорит, а мне не дают раскрыть рта. Я сплю с женщиной из клана Дак Тят, так же как он спит с женщиной из клана Тиль.

Тян побагровел, как петух перед дракой. Банг Олень, смеясь, ответил ему:

— Чего ты ко мне привязался? Я тебя не трогаю, чего же ты на меня накидываешься?

— Меня оскорбила женщина из клана Тиль, твоя жена принадлежит к этому клану, а муж и жена неразделимы, и даже был случай, как рассказывают французы («даже» одно из немногих наших слов, знакомых Тяну благодаря тому, что он посыльный и связан с белыми или их служащими), когда муж и жена из клана Тиль напали на мужа и жену из клана Дак Тят.

— Ты важничаешь, — добавил он, — потому что ты *куанг*. Но я тоже буду могущественным. Ты *куанг,* потому что совершил обменное жертвоприношение. Но как только я отделюсь от отца, я совершу *там бох* и тоже стану *куангом.*

Боонг Помощник рассмеялся:

— Он оскорбляет и ругает всех подряд, потому что хочет устроить обменное жертвоприношение.

Все засмеялись, и даже Тян успокоился. Было уже поздно, и вскоре после этой неожиданной вспышки те, кто уже достаточно выпил или кого вообще не привлекали кувшины, начали расходиться по домам. Девочки из дома покойного направились к семейной двери и молча

бросили горсти песка, чтобы прогнать привлеченных несчастьем духов, для которых дети — легкая добыча.

Запоздавшие Тро-Джоонг и Краэ-Дрым получили причитавшуюся им долю мяса. Мбиенг заявил, что завтра не нужно жать, иначе рис, который они сожнут, не будет придавать людям силы.

Пиво было уже некрепкое, и вообще все устали от ежедневных погребальных обрядов. Наследство поделили, так что оставаться больше было незачем. Посторонние разошлись по домам. В семь часов вечера в комнате, где за несколько минут до этого кипели страсти, осталось только несколько усталых людей, подавленных горем и совершенно разбитых выполнением бесконечных обрядов. Их вид — распущенные волосы, отсутствие украшений, опухшие от слез лица — усиливал ощущение подавленности и тоски, царившей в их жилище. Но ни стонов, ни жалоб больше не было слышно: после возвращения с кладбища нельзя плакать или причитать.

Тоонг вынес в гостевую новый кувшин с *рнэмом,* рядом поставил пустой *янг дам* и положил охапку листьев *рхоонг,* и на нее — топор. Вся семья собралась вокруг для выполнения обряда «обмахивания тела» *(прах сак)*. Тоонг перерезал курице горло над топором и листьями так, что на них стекла кровь. Окровавленный топор он восемь раз приложил к ноге каждого из присутствовавших, считая вслух. Затем он обратился к умершему:

Оставь нам соль и *падди,*
Табак и перец;
Но унеси с собой ты тяжбы и долги.

После окончания обряда помазания все уселись вокруг листьев, тесно прижавшись друг к другу. Тоонг взял маленький кувшин без горлышка и описал им восемь кругов над их сближенными головами, обращаясь к умершему с той же мольбой. Он поставил *янг дам* на землю, опустил в него палец и приложил его к сердцу своего соседа: «раз!», снова смочил палец, поднес его к соседу — «два!», и так до восьми. При этом он повторял ту же мольбу. Когда этот обряд был выполнен над всеми членами семьи, он взял окровавленные листья и провел ими по чердачной перегородке, потом по куче риса, по кувшинам, корзинам, полке для

кувшинов и так далее... В заключение он помахал ими над всеми членами семьи, по-прежнему сидевшими на корточках. Ван Вдовец, его дядя по материнской линии, выполнил все очистительные обряды над ним и бросил листья для изгнания злых духов в глубину хижины. В заключение все пили *рнэм*.

Бронг Вдова на той же «площадке» выполнила обряд попроще: для нее не так важно было очиститься, как освятить унаследованное имущество. Она принесла в жертву цыпленка и *янг дам* с пивом, провела зияющей раной жертвы по «рису для выплевывания», по каждому кувшину, полученному при дележе, и по собственным кувшинам. О покойном брате она уже почти не думала. Она просила:

Душа соли, душа *падди,*
Души буйволов, души кувшинов,
Ничего не бойтесь, не убегайте...

Обряды эти проводились в очень узком кругу, без посторонних (если не считать меня).

2 декабря

Впервые после похорон женщины с утра принялись обрушивать *падди.*

Джиенг, ее дочь Анг Вдова и сын Тоонг Повар с женой Манг собрались около двери, чтобы пойти на кладбище. К ним присоединились Бронг Вдова и Банг Олень. Ван Вдовец тоже хотел пойти, но сестра посоветовала ему остаться: «У тебя жар, а нас и так много». Она повторила это несколько раз, но Ван настоял на своем. Он прошел с нами несколько шагов, но затем все же возвратился домой и лег. Мы вышли без четверти девять. Банг Олень сказал, что следует остерегаться больших обезьян. На предстоящую церемонию «посещения кладбища» *(коол моок)* запрещено брать с собой корзины, поэтому мы несем в руках последние приношения умершему: кусочек корня маниока и семена перца, баклажанов и табака, которые будут посажены на могиле, а также несколько символических предметов — крошечную ивовую клетку с кусочками обгоревшего дерева (в подземном мире они превратятся в кур), несколько кусочков дерева из породы буковых (в подземном мире — вьетнамские пиалы), маленькое покрывало из банано-

вых листьев и, разумеется, кусочек угля, который доставит все эти вещи на место. На кладбище Банг Олень посоветовал внимательно осмотреть землю, чтобы убедиться в том, что «колдуны и духи нигде не оставили своих следов». В действительности ищут только следы *тяка,* так как духи ведь никогда не оставляют следов. Колдуны же, сожрав труп убитого ими человека, оставляют крошечные отпечатки, напоминающие следы грудного ребенка. Кроме того, они разрушают «изгородь Сраэ» — маленькие палочки, поставленные людьми перед тем, как сделать над могилой крышу навеса. Если следы будут обнаружены, это значит, что *тяки* причастны к смерти человека, которого сейчас в последний раз будут оплакивать близкие, и тогда нужно использовать последнюю возможность спасти его, торгуясь с ними при посредничестве шамана за его голову. Ну, а если следов нет, значит, покойного убили духи, и тут уж ничего не поделаешь. Так по крайней мере мне объяснил Банг Олень. Мы никаких следов не нашли.

Не доходя несколько метров до могилы, Джиенг разрыдалась. Остальные женщины вторили ей; плача и причитая, они положили на могилу свои приношения и кусочки угля.

Вскоре Бронг Вдова сказала, что пора уходить. Сама она и Банг Олень уже давно отошли на другой конец лужайки, но Джиенг с детьми замешкалась около последнего приюта Танга Сутулого, к которому они больше никогда не смогут приблизиться. Бронг завопила:

— Идете вы наконец? Скорее, а то духи захватят наши души.

Все побежали. Покидая лужайку, Тоонг заставил свою жену перешагнуть через лезвие куп-купа, — она впервые была на кладбище. По дороге домой он срезал ветку *ршаха*, чтобы изгнать злых духов из ребенка Тро-Джоонга: тот непрерывно плакал с тех пор, как его отец нес гроб. Вернувшись в деревню, все отправились к реке для очистительного омовения.

Возвратились в дом умершего. На нарах лежал большой лимон из школьного сада: есть его еще нельзя, так как на фрукты, баклажаны, сердцевину ратана и овощи наложен семидневный запрет. Табу будет снято только завтра. Последний раз принесли в жертву курицу. Ее убили как положено в нескольких шагах от се-

Последнее жертвоприношение в честь умершего

мейной двери. Крыло и лапку отломали и положили на затычку от кувшина, которую отнесли потом на тропинку, ведущую на кладбище. По сравнению с предыдущими обрядами есть существенные отличия: никто не стоит рядом с приносящим жертву и не причитает. Тоонг сделал все, что нужно, один, он плакал, но никаких ритуальных жестов не делал. Кроме того, при откупоривании кувшина не набирали в рот *рнэма,* чтобы выплюнуть около двери, а когда пили, не предлагали сначала выпить покойному. Сейчас главное было очистить жи-

вых, освободить их от тягостных погребальных обрядов («Нам, живым, необходимо совершить помазание тела кровью», — пояснил мне Банг Олень). Выглядело это очень мрачно: народу было мало, пили без всякого удовольствия. Впрочем, в деревне почти никого не осталось: жать сегодня могли только те, кто был настолько предусмотрителен, что провел ночь в лесу и таким образом избежал семидневного табу, наложенного на деревню. В действительности только Банг Беременный, «священный человек — хранитель *рнутов*», и его зять Кранг-Дрым осуществили эту предосторожность, но начальник кантона Тру, невзирая на табу, повел в поле группу жнецов во главе со своей племянницей Анг Слюнявой. Поскольку жать рис в этот день запрещено, большинство людей использовали его для сбора хлопка или выкапывания клубней и корнеплодов.

В течение двух часов все тянули пиво из кувшина. Так, в обстановке общего безразличия, прошел «седьмой день», последний день, когда в жизни деревни еще ощущалось «присутствие» Танга Сутулого. Он был похоронен согласно всем правилам, в его честь были совершены многочисленные жертвоприношения, все было сделано как подобает делать для *куанга,* человека, душа-буйвол которого имела тяжелые рога. Были приняты все меры, чтобы он больше не возвращался и не нарушал покой живых: его завалили подарками и жертвами, которые должны помочь ему жить как надо в подземных мирах. При каждом подношении не забывали обратить его внимание на то, какой ему оказывается почет, какие ценные подарки он получает, — тут уж скромность неуместна. Ему советовали быть благоразумным и не оспаривать у живых земные блага. Впрочем, были приняты очень серьезные меры предосторожности, чтобы он не мог этого сделать.

Сегодня близкие в последний раз посетили кладбище. Теперь его могила будет покинута навсегда. Танг-Джиенг Сутулый отныне ничего не значит в экономической, социальной и религиозной жизни деревни. Он присоединился к предкам своей семьи, где, как во всех мнонгарских семьях, предки-мужчины играют самую ничтожную роль, пока не перевоплотятся в новорожденного. Только тогда, в своей новой жизни, они снова займут какое-то место в обществе.

10 Год священного камня Гоо закончился. Мы поглощаем лес Пхи Ко

3 декабря 1949 года

После того как в каждой семье отпраздновали день «повязывания *падди»* (*муант ба*), приступили к жатве. Погода стояла отличная: не считая короткого промежутка с 18 по 21 ноября, когда перемежающиеся дожди задерживали людей в деревне, солнце сияло с утра до вечера. Только смерть и похороны Танг-Джиенга Сутулого, а также третий и седьмой дни после жертвоприношения в честь покойного на время отвлекли людей от работы в поле. Одни воспользовались этим вынужденным отдыхом для уборки хлопка или пересадки табака, другие ходили в лес за дровами или за дикими овощами. Время, на которое распространялось табу, постарались свести до минимума, а некоторые даже решились нарушить запрет.

Те, кто первым убрал зерно, отнюдь не бездельничали. Они тут же предлагали свою помощь другим. Число семей, закончивших жатву, увеличивалось, но общий ритм работы не ослабевал. Так же как и в начале жатвы, днем в Сар Луке не оставалось никого. Благодаря этому уборка урожая закончилась очень быстро.

Бешеный темп работы стал особенно заметным, когда зерно из *рдае* — временных амбаров, построенных рядом с *мииром* — начали переносить на деревенские чердаки. Сегодня утром, едва рассвело, шесть семей занялись этой работой. Домашние Бап Тяна успели до первого завтрака два раза пройти от *рдае* до деревни. Никогда не увидишь такой суетни на дороге, ведущей к *миирам,* как в эти дни! Из шести рабочих групп, состоящих из сорока одного человека, хотя бы одна в каждый данный момент была занята погрузкой: хозяин или хозяйка дома, стоя на *рдае*, наполняли корзины, в некоторых семьях им помогали дети. Чтобы в корзину вошло как можно больше зерна, его утаптывали ногами. Когда все корзины наполнялись доверху, бригада возвращалась гуськом в деревню. Некоторые несли по две

корзины, поставив их одна на другую. В деревне они сгружали свою ношу перед входом на чердак, хозяин дома забирался наверх и ссыпал зерно изо всех корзин.

Но и *миир* не пустовал: еще многие семьи не закончили жатву. Чтобы убрать урожай на два дня раньше, Мхо-Ланг нанял пятерых человек и заплатил каждому по большой корзине *падди*. Нужно было перенести сто сорок две корзины зерна с его собственного поля и тридцать пять с половины поля, полученной им в наследство от своей матери — Джоонг-Ван. Сегодня утром он попросил двух человек помочь ему: нужно было сжать серпом и утоптать квадратную грядку клейкого риса и убрать руками немного обычного риса. В четверть двенадцатого, когда осталось всего несколько стебельков «настоящего риса», его помощники отправились домой, а он сам, опоясавшись *киу,* пошел собирать последние колосья — «душу *падди*» (*дооп хэенг ба*) на свое поле, моля душу *падди* не бояться и не убегать. По сути дела, это были не последние колосья: Мхо-Ланг еще не прикасался к священному квадрату участка около обрядового столба, засеянному первым. Большинство его односельчан именно на таких участках «собирали душу *падди*», но он предпочитал оставить свой такой участок для «взятия соломы» *(сок рхеи)*, которое происходит накануне большого жертвоприношения. Вскоре он ушел с поля и направился к *рдае*, полученному в наследство от матери: из него вчера не только вывезли весь *падди,* но и сняли боковые стенки, так что остался только остов и бамбуковые палки, поддерживающие плетеный пол. Мхо опустил свою *киу* на землю, стал на колени и принялся «собирать» воздух под тем, что осталось от пола, и «выливать» его в свою корзинку, умоляя душу *падди* идти с ним в деревню и ничего не бояться. Потом он направился к своему собственному *рдае*, в котором были сняты только плетеные перегородки, вскарабкался в амбар, подмел остатки зерна на полу и высыпал в стоявшую там корзину, до половины наполненную зерном. Он сел на корточки и, повторяя ту же молитву, сгреб в свою *киу* последнюю кучку зерен, восемь раз собрал в пригоршню воздух над тем местом — теперь пустым, — где она находилась, и вылил его в свою *киу*. Он поспешил закрыть душу *пад-*

Временный амбар на краю *миира*

ди, для чего взял стоявшую здесь маленькую корзинку и вставил в свою *киу,* затем свернул плетенку пола и отдал своему помощнику, чтобы он отнес ее в деревню. Наконец Мхо-Ланг прикрепил наискось две *киу* поверх своей большой заспинной корзины с зерном и возвратился домой. Там он завершил обряд «собирания души *падди*» жертвоприношением курицы и кувшина с *рнэмом.*

День был очень трудным, все нуждались в отдыхе, так как вечером в пяти домах собирались пить по случаю *дооп ба.*

Начало празднествам положил 22 ноября Чонг Военный, но так как он совершил обряд первым, то никто, кроме него, не имел еще права браться за трубочки, и пришлось ему распивать кувшин в одиночестве. С тех пор многие семейства выполнили обряд собирания души *падди* и тем самым освободились от запрета пить *рнэм* во время жатвы. Таким образом, по мере того как продвигалась уборка урожая, возрастало количество людей, участвовавших в выпивке. В деревне чувствовалось праздничное настроение, которого не было уже целый месяц, со дня освящения обрядовых столбов и жертвоприношений для очищения Тру и Боонг-Манга.

4 декабря

Вчера в поле работали без передышки, а сегодня ритм работы стал и вовсе неистовым. Все хотели убрать зерно к сегодняшнему вечеру, чтобы завтра приступить к обрядам, завершающим жатву, — отпраздновать окончание года. Из девяти домов, не окончивших уборку, у пяти *падди* еще стоял в поле. Даже самые бедные прибегли к посторонней помощи: Кронг Кривой пришел из Сар Ланга, чтобы помочь утром своей сестре Анг-Крэнг переносить зерно, а во второй половине дня — своему брату Бангу закончить жатву. Тот, кто уже принес домой душу *падди,* нанимался к богачам, таким, как Крэнг-Джоонг или Банг-Джиенг Беременный. Но больше всего рабочих рук требовалось Тру: помимо его самого, жены и приемной дочери, двадцать семь наемных работников трудились на его поле.

Тру отвел свою группу в поле рано утром: значительная часть участка еще была покрыта колосьями. К полудню поле было сжато. В перерыв жена начальника кантона Нге и дочь Джанг-Бибу накормили работавших. К половине первого двадцать восемь корзин зерна, сжатого сегодня, и две взятые из *рдае,* были перенесены в деревню. Восемь корзин высыпали в яму — этот рис будут хранить на семена; все остальное отнесли на чердак. В два часа дня, после третьего захода, Тру выплатил работникам жалованье: отдал им двадцать одну корзину зерна [104].

---

[104] Давалась одна корзина на двоих. Некоторые одиночки еще вчера работали на начальника кантона.

Банг Олень с женой не взяли платы: во время неурожая они одалживали *падди* у начальника кантона, часть долга они возместили сегодня работой. Помощник с женой и еще двое из клана Рджэ тоже отказались от вознаграждения. Хотя они упорно твердили о своем родстве с местным начальником, вполне возможно, что они тоже выплачивали долг. Тру произвел расплату до окончания рабочего дня, так как при последнем заходе могло не хватить *падди,* а сегодня нельзя подниматься на чердак и брать оттуда *падди.*

Освободившись от работы в своей группе, Кранг Клык присоединился к тем, кто работал на поле его приемного отца. Тру высыпал одиннадцать корзин на общий чердак, устроенный по инициативе последнего начальника округа. Начальник кантона возвратил общине свой долг, так как буйвол, заколотый во время «жертвоприношения для очищения его тела», был куплен на деньги, полученные от продажи общинного зерна. Руководя засыпкой зерна на чердак, Тру был необычайно красноречив и всячески старался привлечь к себе общее внимание, сам умиляясь своей честности.

Последний раз рабочие Тру принесли в деревню только четырнадцать корзин. Тру взял две *киу* и пошел на свое поле. Он подошел к священному квадрату и принялся жать *падди,* который посеял у обрядового бамбука *доонга* в тот день, когда был пересажен *гун ба.* Колосья, обвязанные вокруг священного шеста во время церемонии по поводу начала жатвы, он не тронул. Потом он сел на корточки, «собрал» воздух над жнивьем и «вылил» в поясную корзинку:

Душа *падди* болот, *падди* света душа,
Душа *падди джранг,* мать *падди* душа,
Возвращайтесь все к нам из селений подземных,
Если даже косуля вас съест — возвращайтесь,
Если даже кабан вас пожрет — возвращайтесь,
Если съест обезьяна, склюст попугай — возвращайтесь.
Ничего не бойтесь,
Не удирайте.

Он взял маленькую *киу,* вставил ее внутрь другой *киу,* закрыв таким образом *падди*:

В поясную корзинку я тебя убираю,
В поясной той корзинке я тебя закрываю,
На чердак я тебя убираю,

В дом к себе я тебя убираю.
Вверх по речке удрать не пытайся ты,
Не таись, смотри, не теряйся ты,
Спать в селеньях чужих не оставайся ты!

Не прерывая моления, он связал несколько пустых колосьев и возвратился к своему *рдае*. Там он открыл свою *киу* со священным зерном и, восемь раз набрав воздух в ладони, «вылил» его в *киу*, а ее привязал к большой корзине с остатками *падди*, собранными в *рдае*. В деревне он все втащил на свой чердак. Сначала он высыпал на огромную груду *падди* содержимое корзины, а затем, читая моление, высыпал зерно, собранное со священного центрального квадрата поля. Жена поставила около чердачной двери домодельную пиалу с солью и калебасу с рисовым супом. Тру вылил несколько капель рисового супа на груду *падди* и поставил на ее верхушку тыкву и пиалу.

Весь урожай Сар Лука был убран. Только один Банг Кривой не успел перенести свой *падди*. Во всех домах, кроме одного, уже совершили обряд, а следовательно, все табу, связанные с жатвой, *доон хэенг ба*, отпали. Особенно много народу собралось вечером в тех трех домах, где праздновали *мпан ба* (опоясывание головы *падди*): этим обрядом заканчивалась церемония «собирания души *падди*». Хозяин дома залез на чердак и перерезал горло курице над грудой *падди*. Кровь стекла с его пальцев на гору зерна — пищу и питье для всей его семьи. Потом он спустился вниз и около нижней ступеньки чердачной лестницы поставил кувшин с пивом, который он принес в жертву. Все зерно было убрано, и теперь он мог спокойно отдыхать, веселиться и пить.

Сегодня можно было лечь спать попозже, и все спокойно отправились пить к трем *куангам*. Тру вынул свой набор плоских гонгов, Ван-Джоонг принес выгнутые гонги. Начался самый большой праздник года. Крэнг-Джоонг рассказал о том, какой вред причинили ему дикие звери: прошлой ночью кабаны вытоптали значительную часть поля, на которой он еще не успел закончить жатву. В результате у него осталось всего пять корзин *падди*. Но под действием спиртного и веселых разговоров он вскоре забыл о своем несчастье.

Я отправился к Ван-Джоонгу (из клана Мок), мужу

Переноска урожая в деревню

одной из трех здешних знахарок: вчера вечером он начал мне петь «сказания гонга», и я решил воспользоваться его хорошим настроением. Сегодня он был особенно в ударе, так как откупорил кувшин в честь *падди* и у него собралось много народу. Поздно вечером совершенно неожиданно к нему ввалился Тру в сопровождении своего помощника Боонг-Манга и «посыльного» Банга Оленя. По тому, как он безукоризненно отдал

мне честь, сразу было видно, что Тру пьян. Наш хозяин прервал свой рассказ и скромно предложил трубочку начальнику кантона, расположившемуся около кувшина. Теперь слышен был только голос Тру. Он хотел, чтобы Ван-Джоонг продал ему табак, и обещал заплатить по три пиастра за пакет сухих листьев, столько же, сколько он платил своему соседу по «площадке» Тро-Джоонгу. Ван ответил, что, к сожалению, у него нет табака. Тру сказал: «Тем хуже», — и начал рассказывать мне всякие истории про нашего хозяина. По его словам, когда Ван-Джоонг пришел в Сар Лук, он был последним бедняком. Раньше он был старостой в деревне Дынг Джри, но там было нечего есть, и поэтому он ушел оттуда.

— Подумай только, Йо, он был там *кхоа бон,* а на празднике земли смог принести в жертву всего лишь одного буйвола.

И он показал мне пару рогов, прикрепленных к чердачной балке. Джонг-Ван поправила его:

— Не на празднике земли, а во время помазания *падди* кровью.

Тру повторил:

— Да, да, во время помазания *падди* кровью.

Она продолжала тихим голосом:

— Те рога, что остались от буйвола, принесенного в жертву на празднике земли, висят над дверью.

Тру, не слушая, продолжал свое.

— Годами они страдали от голода, есть им было нечего. Но вот Ван устроился здесь, рядом со мной, начал снимать хорошие урожаи, и теперь у него каждый год вдоволь *падди.* Он ест досыта и даже может покупать кувшины. Он стал *куангом.*

После Ван-Джоонга Тру перешел к своей деревне:

— Раньше в Сар Луке была всего одна хижина, это была совсем крошечная деревенька. А во что она превратилась сейчас! Я твержу всем кули: «Работайте в поле как следует, не спите, надо полоть, корчевать, жечь валежник, жать... Во всей деревне только у троих ничего нет: у Ёнг Сумасбродки да у Вана Кролика (третьего он забыл). На будущий год я упрячу в тюрьму всех, кто будет лодырничать...

Тру признался, что он слегка навеселе. Я предположил, что он пил *алак* (вьетнамская рисовая водка, ко-

торую европейцы называют «шум-шум»), но Тру с жаром возразил:

— Я пил только из своего кувшина. Пиво в нем оказалось очень крепкое и кислое.

Я недоверчиво улыбнулся, и тогда он послал к себе домой Биенга, сына Банга Беременного, чтобы тот перекачал из его кувшина пиво в бутылку. Я сделал из нее глоток: пиво показалось мне не слишком крепким. Я передал бутылку Джоонг-Ван, она попробовала и скорчила гримасу. Муж последовал ее примеру. Затем он возвратил бутылку жене, и та стала рассеянно потягивать из нее пиво, забыв о своих ужимках.

По моей просьбе Ван продолжил рассказ о небожительнице Джиенг-Ланг. Сразу же воцарилась тишина. Но через некоторое время Тру начал переговариваться со своими соседями, продолжая, однако, следить за повествованием. Когда Ван рассказал, как страшно было герою подниматься на небо с девами-духами, Тру его прервал: «Почему же он не полетел на самолете?» Все же он дал возможность Вану продолжить свой рассказ, а когда тот почти закончил, сказал:

— Мужчину звали (Ван утверждал, что имя героя неизвестно) Дэи-Нанг. (Дэи муж Нанг, а Нанг — значит дикая свинья). А что касается истории о Джиенг-Ланге, то в ней речь идет о Нду Буате, сыне Дланга.

И он сам блестяще рассказал эту легенду, вдыхая в нее новую жизнь и делая ее для всех близкой: в пьяном состоянии Тру всегда становится необыкновенным рассказчиком. Его повествование пестрело намеками на современность. Это вынудило его сделать отступление и рассказать о первых французах, исследовавших страну:

— Один из них заставил носить себя на веревочной циновке[105], подвешенной к длинному шесту, концы которого лежали на плечах носильщиков. Что за нелепая выдумка! В то время французов называли *пэто* (искаженное тямское слово — «король»), а вьетнамцев *теи* (так вьетнамцы называют европейцев). Когда француз появлялся в деревне, все убирали с дороги, чтобы расчистить ему место, а детям говорили: «Берегитесь, король застрелит вас!» — и дети разбегались. Французов

[105] Тру имеет в виду, очевидно, переносный гамак на шесте.

очень боялись. Наши деды были дурачки. Стоило какому-нибудь субъекту обзавестись тремя *янг дамами,* бруском железа и несколькими корзинами *падди,* как его уже считали *куангом.*

Разговор перешел на другие темы и постепенно замер. Захмелевшие гости начали расходиться по домам.

5 декабря

Несколько дней дует обычный для этого времени года сильный ветер с востока, или, как здесь говорят, «ветер с верховьев реки».

Как и полагается накануне больших праздников, мужчины сегодня утром расчистили окрестности деревни от валежника. Тут Бангу Беременному вздумалось попросить Манга Тощего постричь его. Эта затея увлекла не только молодежь, но и деревенского старосту и начальника кантона. Пока все стриглись, принесли три письма из Бан-Ме-Тхуота от Банга Ученика, и мне пришлось выступить в роли чтеца. Два первых письма были посвящены событиям и спорам недавних дней. В третьем письме Ученик просил табаку у своего «брата» Тяна.

Сегодня весь Сар Лук наслаждался отдыхом — только Бангу Кривому пришлось заниматься переноской *падди.* В свободное время готовились к самому большому празднику года, знаменующему его окончание, — помазанию *падди* кровью (*мхам ба*). По сути дела, празднество началось сегодня вечером предварительной церемонией взятия соломы *(сок рхэи).* Прежде чем помазать *падди*, его нужно принести, что делается с соблюдением всех предосторожностей. Взятие соломы в сущности повторяет «собирание души *падди*», но проходит еще торжественнее. Меня восхитил вид тех, кто первым направился около пяти часов вечера к *мииру.* Каждый захватил с собой *киу* и великолепное одеяло. Тру надел чистую синюю рубашку, на голову надвинул баскский берет. На Ндуре Хромом была абсолютно новая яркая тельняшка. Тян, который в этом году впервые обработал собственное поле, облачился с поразительной пышностью: он был в белой куртке, на голове у него красовался тюрбан из черного шелка, в руках он держал короткий меч своего отца, а *киу* и одеяло, необходимые для обряда, нес его брат Манг Тощий, надев-

Тру умоляет «душу *падди*» следовать за ним в деревню

ший поверх рубашки цвета хаки фуфайку, а на голову — военную пилотку.

В поле Тру прежде всего выдернул листья и стебли перца, табака, тыквы и фасоли. Потом он направился к священному квадрату, сорвал стебель магического растения *падди* и вытащил маленький священный нож, воткнутый во время праздника начала жатвы между колосьями, обернутыми вокруг ритуального столба. Он оторвал от маленькой хижины *падди* крошечную бамбуковую трубочку, в которую во время праздника шестов было налито пиво и положено немного куриного мяса. Тру обрезал края трубочки наискось, превратив ее в свисток. Потом он выдернул *доонг длэй*, отбросил его в сторону и срезал колосья, оставленные во время жатвы. Зерно он высыпал в *киу*, умоляя душу *падди* не убегать, а следовать за ним в деревню. Наконец, он

поднес трубочку к губам и издал протяжный свист, потом второй, третий... После восьмого он поднялся, подвесил к плечу *киу* с росшим около шеста *падди,* поверх которого лежал священный серп, и завернул корзинку, как ребенка, в одеяло. Затем он собрал в пучок оставшиеся листья и стебли и положил на плечо шест *падди* и куп-куп. Теперь можно было отправляться и в обратный путь. Он протяжно свистнул в старинную трубочку и на ходу вознес моление:

Падди сноп целый,
Рис скороспелый,
Будь полновесным и сильным!
Я уношу тебя с залежной земли, с оставленного поля,
Я уношу тебя из мест, где много тростника и камыша,
Я уношу тебя из мест, где много воробьев, где много птиц других,
Я уношу тебя с залежной земли, с оставленного поля,
Я уношу тебя от проволоки длинной, которой пугало [106] приводится в движенье,
Я уношу тебя от проволоки той, что, банками гремя, приводит птиц в смятенье.
Направляйся ты в деревню прямо,
Я срезал тебя, как это делал Сиенг Ноор,
Я уношу тебя, как это делал Сиенг Нунг,
Я на плече несу тебя горою, выше высокого леса,
О дух *падди.*
Падди, сошедший с неба, тебе приказываю я укорениться,
Падди, пришедший из земли, тебе велю я ввысь стремиться,
Свинью в ее корыте, тебе велю ее я оплодотворить.
Падди в амбаре нашем, тебе велю я сохраниться для еды,
Вепрь Тоонг, дух охоты, тебе велю я помочь мне хищников всех заманить.
С желудком полным я тебя прошу помочь мне предметы дорогие получить.
Падди от радэ,
Рис от рламов,
Животные, кувшины от куду,
Сюда собирайтесь!..

По дороге Тру время от времени свистел и повторял священные строфы. Если ему попадалась лужа, он, прежде чем перешагнуть через нее, срезал бамбуковую или тростниковую палочку и делал из нее мостик для души *падди.* При этом он свистел в трубочку и взывал:

Сноп *падди* целый,
Рис скороспелый!

---

[106] Во всей Юго-Восточной Азии на полях ставятся пугала, которые приводятся в движение длинной проволокой.

Так он всю дорогу свистел и молил *падди* идти в деревню. По пути он сорвал стебель травы *краэ* (memecylon scutellatum) и добавил к своему букету. Наконец он добрался до своего дома. Прежде чем войти в него через главную дверь, он восемь раз свистнул в дудочку и призвал *падди*.

Тру сразу же направился к чердаку, но, прежде чем подняться, положил шест *падди* вдоль лестницы и прикрепил букет из злаков и священных трав к ступеньке. Он взобрался на свою огромную гору зерна и высыпал содержимое *киу* на самую верхушку, после чего обратился к душе *падди* с длинной мольбой: он просил душу остаться на его чердаке, ничего не бояться и не убегать (при этом он перечислил все, что может ее вспугнуть). В заключение он восемь раз посвистел в дудочку, положил ее на верхушке груды отверстием кверху, вылил на *падди* немного рисового супа, стараясь не попасть внутрь свистка, и там же поставил калебасу с супом и пиалу с солью, не переставая молить душу *падди* не покидать его дом.

Когда Тру спустился с чердака, Кранг Клык уже успел поставить под лестницей кувшин с *рнэмом*. Тру вытащил из-под чердачной балки лист ритуальной пальмы *сраэ* и добавил к своему букету, прикрепленному к ступеньке.

Он выкурил трубку, в то время как его приемный сын наполнил кувшин. Когда все было готово, он направился к двери дома и свистнул восемь раз. После восьмого раза он принялся читать обращение к душе *падди*, умоляя ее не уходить. Потом он снова взобрался на чердак и вылил на верхушку груды зерна немного пива, перекачанного из кувшина в калебасу:

Поешь этот рисовый суп, с головы камня взятый,
Поешь этот вареный рис, с головы котла снятый,
Попей это вкусное пиво, сверху кувшина слитое.

Теперь Тру начал пить. Я, пользуясь тем, что никого постороннего не было, попытался вытянуть из него историю о Нду Буате, сыне Дланга, и его любовных похождениях с девушками-небожительницами. Но тут явился закадычный друг Тру Банг Беременный, и мой собеседник быстро перевел разговор на другие темы. Сначала мы говорили о полученном мной приглашении

на завтрашнее помазание *падди* кровью в Дам Ронге, куда я не смогу пойти, а затем Тру с нескрываемым удовольствием сообщил мне, что его брат Бап Тян по уши в долгах: он еще не расплатился за шесть буйволов. Тру даже назвал имена четырех кредиторов и подчеркнул, что он, Тру, никому ничего не должен.

Сегодня было полнолуние. Это самое подходящее время для большого жертвоприношения. При ущербной луне не рекомендуется совершать обряд, так как рис может размельчиться и исчезнуть так же, как небесное светило. В одиннадцать часов вечера Боонг Помощник приготовил белую пасту, необходимую для ритуальных рисунков. В ступку, стоявшую в комнате около семейной двери (снаружи это делать нельзя), он положил муку из перебродившего риса — ту самую, из которой обычно делают *рнэм,* кусочки магического растения *падди* и священные травы (*краэ,* белый рог, кость перепелки). Он долго растирал эту смесь, приправленную рисовым пивом, покуда не получилась очень мягкая белая паста. Он перерезал курице горло и дал крови стечь в это месиво, после чего снова растер его пестиком.

6 декабря

В четыре часа утра я проснулся от звуков трубочки Бап Тяна. Я бросился к нему. Старик молился на чердаке, вскарабкавшись на кучу зерна. Внизу старый Крах, держа в руках домодельную пиалу с ритуальной краской, раскрашивал опорный чердачный столб. Он наносил на него простой геометрический узор, напоминавший меандровый орнамент. Потом он покрасил белой краской чердачные балки и домашнюю утварь.

Бап Тян свистнул восемь раз и спустился на утрамбованный пол хижины. По моей просьбе старик сообщил мне состав своей пасты, очень похожей на ту, которую приготовлял Боонг Помощник. Он объяснил мне, что заменяет *рнэм* лечебной или, если можно так сказать, волшебной водой, взятой из водоворота стремнины: она должна удерживать рис. Подобно потоку стремнины, который кружится на одном месте и никогда не уходит прочь, рис будет оставаться в доме. В состав пасты добавляют многолетние растения, чтобы *падди* рос так же быстро и был таким же выносливым, как они. Но тут вмешался Крэнг:

— Все эти объяснения ни к чему. Мы просто подражаем предкам, которые так делали.

Крэнг тоже разрисовал балки чердака сплошным меандровым орнаментом. После балок он раскрасил лестничные перекладины, столбы, плетеные перегородки, домашнюю утварь, кувшины, корзины, котлы... Под конец он поднялся на чердак, освещая себе путь смолистым факелом. На груде зерна лежала священная трубочка. Стоя около двери, он поднес ее к губам и свистнул восемь раз. Затем он начал читать длинную молитву: «Пусть *падди* больше не покидает деревню и этот чердак, пусть не бродяжничает где-то на стороне, пусть шум повседневной жизни, поступки людей и животных не пугают его. Пусть он благоразумно остается среди нас, мы накормим и напоим его». Крэнг взобрался на груду зерна, два раза свистнул в трубочку, повторил несколько священных строф и спустился с чердака. Он снял со стены в глубине дома большой кувшин с пивом и подвесил к одному из передних чердачных столбов. Затем он нанес священный узор на горло себе и своим домочадцам:

«Да не подавится никто, вкушая суп и вареный рис!»

У свояков все было готово для торжественной церемонии помазания *падди* кровью, знаменующей окончание года, в течение которого мы поглощали лес священного камня Гоо. Оба «священных человека» намного опередили своих односельчан. Бап Тян отправился за Бангом Беременным. Вернувшись, он объявил, что тот сейчас придет. Ждали, ждали... никого! Бап Тян сходил еще раз, и опять безрезультатно. Бап Тян начал сердиться и ворчать на хранителя *рнутов*, которого приходится звать по нескольку раз. Все готово, а он себе и в ус не дует! Заодно досталось Бангу Кривому и Краэ-Дрыму, не соизволившим явиться вчера на расчистку валежника, в то время как он, Бап Тян, работал вместе со всеми. Окончательно потеряв терпение, он предложил начать обряд без Банга-Джиенга, но Крэнг наотрез отказался. «Не хочу резать курицу без Банг-Джиенга. Он „священный человек, хранитель плашек для добывания огня“» и должен нами руководить». Итак, мы продолжали ждать. Наконец, появился сияющий *тьро вэр рнут*. Бап Тян не сделал ему ни малейшего упрека. Вскоре началось первое праздничное жертвоприношение.

Бап Тян повел своих коллег к амбару. Банг Беременный нес затычку от кувшина, покрытую пивной бардой, а Крэнг-Джоонг — петуха и курицу. Около «головы *падди*» — верхушки груды зерна — Бап Тян обратился с мольбой к духу *падди,* в то время как Банг отрезал ножом головы жертвам, которых Крэнг крепко держал над затычкой кувшина. Затем оба перешли в глубь амбара, присели на корточки, Банг закопал петушиную голову, а Крэнг — куриную. При этом они вознесли молитву:

Как бы я ни ел, пусть твой уровень не снижается!
Как бы я ни вкапывался, пусть ямка не образуется!
Как бы рук ни раскрывал я, пусть на землю[107] зерно не валится,
Я врываюсь в тебя, как посадку веду.
Свернись спиралью плотной, как змея,
Ты будь, как сука, плодовитым,
О, сделай это для меня, ты, дух *падди.*

Бап Тян со свояком спустились вниз, а Банг Беременный остановился у двери амбара, к выступу настила которого была приставлена лестница. Прежде чем унести от кучи зерна обезглавленную курицу, Бап Тян заявил своему коллеге: «Здесь десять заспинных корзин (т. е. сто *киу*) *падди*». Но «хранитель *рнутов*» (как видно далее из гадания) явно не верит ему, считая цифру сознательно уменьшенной. Банг-Джиенг, державший обезглавленного петуха, воззвал к *падди*:

Ничего не бойся,
Не убегай от нас,
Призывай ты буйволов сюда,
Призывай от тех, других, кувшины сюда,
Призывай железо сюда,
Призывай от тех, других, ножи ты сюда,
Призывай мотыги для прополки сюда,
Призывай ножи для очистки овощей сюда,
Призывай вьетнамские пиалы обеденные сюда,
Сто и семьдесят раз не скрывай ничего никогда!

Закончив моление, он бросил петуха вниз, но жертва упала в неблагоприятном положении. Ее подобрали и возвратили «священному человеку», неподвижно стоявшему на верху лестницы. Он снова начал молиться,

---

[107] Мнонгары считают, что уронить зерно — значит оскорбить душу риса. Она обидится и уйдет.

опять бросил петуха, и опять неудачно. Так повторялось несколько раз. Тогда Банг Беременный, считая, что дело в том, что указывается неправильное количество корзин, предпринял еще одну попытку, но объявил, что на чердак убрано двести *киу падди*. На этот раз духи согласились, и петух упал как полагается: лапками в сторону лестницы. Это вызвало бурное ликование, а хранитель *рнутов,* повернувшись к груде *падди,* подтвердил:

— Совершенно верно, здесь как раз двести корзинок [108].

Сбрасывание курицы с лестницы — *рла иэр* — считается своего рода гаданием. Банг-Джиенг сошел с амбара, и Бап Тян преподнес ему трубочку с пивом. Тем временем Крэнг тоже закончил молиться, и все принялись за *рнэм.*

У Крэнг-Джоонга закололи свинью, и в домодельной пиале смешали ее кровь с пивной бардой. Перед тем как залезть вместе с Бангом Беременным на чердак, хозяин дома вручил ему эту пиалу, а сам взял курицу. Хранитель *рнутов* заявил Бап Тяну:

— Ты будешь призывать духов на землю, а я — в дерево.

Бап Тян остался внизу. Банг-Джиенг перерезал горло курице над домодельной пиалой, стоявшей на груде зерна, и закопал голову жертвы в глубине кучки риса. Крэнг с пиалой в руках спустился с настила амбара и передал ее свояку, предложившему сначала трубочку с пивом. Бап Тян отправился призывать духов в чрево *падди,* а хранитель *рнутов* сбросил обезглавленную курицу с верха лестницы. Он бросал ее до тех пор, пока она не упала как полагается. Окрыленный удачей, он спустился вниз, и хозяин преподнес ему трубочку с *рнэмом.* Затем они оба расположились около кувшина.

Мы перешли к соседу — Тоонг-Джиенгу, сыну Джоонг-Крэнга от первого брака. У него была общая гостевая с Мбиенгом, хромоногим мужем Гриенг, младшей сестры его матери. Тоонг-Джиенг принес в жертву поросенка больше чем две пяди длиной. Его *коони* Бап

---

[108] Эта цифра ближе к истине, чем названная хозяином дома. По моему подсчету (основанному на ежедневных записях), на чердаке Бап Тяна находилось двести десять корзинок зерна (из них только шестьдесят три были принесены с поля Тяна). — *Прим. автора.*

Тян поднялся вместе с Бангом Беременным на настил амбара, и они закопали там курицу. Тем временем его тесть Крэнг-Джоонг призывал духов в чрево *падди*.

Крэнг рассказал мне, что позавчера вечером, сразу же после моего ухода, Ван-Джоонг (из клана Мок) попросил Мбиенг-Гриенга совершить над ним помазание кровью, потому что накануне его всю ночь преследовали кошмары.

Я попытался уговорить Мбиенг-Гриенга совершить в моем присутствии помазание кровью, которое имеет своей целью заключение братского союза между двумя людьми и сопровождается традиционными жертвоприношениями. Я объяснил ему, как интересно было бы мне присутствовать на подобной церемонии. Но Мбиенг не согласился:

— Я вовсе не собираюсь совершать обменную жертву. Ведь тело мое с изъяном, я не *куанг*[109]. Если бы я еще не был калекой! Ведь я хромой, как же я могу привести буйвола!

И он увел «священных людей» к своему амбару, чтобы принести в жертву двух кур.

В это время пришли люди из Верхнего Донаи, от которых я вчера получил приглашение. Разговор зашел о плантациях и о роли их начальников в вербовке рабочих. Все в один голос говорили, что слишком много дней приходится тратить на обработку земли чужеземцев.

Заметив, что эти разговоры произвели на меня сильное впечатление, Тру заявил гостям:

— Вы своих *куангов* боитесь больше, чем начальника округа.

В ответ раздались протестующие возгласы:

— Почему же ты в таком случае не пожалуешься ему?

Возмущенный его снисходительным тоном, я не выдержал и сказал:

— На словах-то ты храбрый, а вот когда начальник сектора выжимал последние соки из твоих кули, ты помалкивал. Если бы я тогда не вмешался, то никто бы об этом и не узнал.

---

[109] По представлениям мнонгаров, как и многих других народов, с духами может общаться только физически совершенный, красивый человек.

Помолчав, я добавил:

— Так же как и о том, что он нажился на делах о колдовстве в Пхи Дихе и Бон Кханге.

Раздались удивленные возгласы:

— Он знает, знает все!

Мне рассказали об участии Банг-Дланга в этих делах под большим секретом, и до сих пор здесь никто не знал о том, что я в курсе дела.

Видя, что скрывать от меня нечего, начальник кантона пустился в откровенности:

— За резню в Пхи Дихе ему предложили старинный кувшин, но он предпочел большого буйвола. Кроме того, ему дали свинью в пять пядей.

Затем Тру рассказал мне, что резню в Бон Кханге организовал сам начальник сектора:

— Вместе с двумя Чонгами и Нжрунгом он убивал людей. Монгу достались по наследству плоские гонги.

Желая оправдать свое молчание, Тру рассказал мне, что зачинщики резни пригрозили ему: «Не забывай, что твои собственные *коони* Длоол-Банг из клана Рджэ были уничтожены в Ньоонг Рла за колдовство кланами Нтэр и Тиль, Нду и Рьям».

— Я испугался и решил держать язык за зубами, — продолжал Тру, — В Пхи Дих я пошел только утром. Банг Олень бежал из Пхи Диха и укрылся у меня. Это он утром отвел меня туда.

Банг-Джиенг Беременный и Ван-Джоонг помнили братьев Длоол-Банг, хотя и были в то время еще детьми.

По этому поводу вспомнили, что очень давно был случай, когда жители деревень Бон Длэй и Бон Сар, объединившись с другими деревнями, уничтожили колдунов в Дам Ронге. «Сто человек. Весь клан Нду перебили».

Захмелев, Тру развалился на нарах. Гостевая Тоонг-Джиенга и его тетки была набита битком. Обитатели обоих домов собрались приступить к священной трапезе *биет коот* (собрание в честь пивной барды). Под чердачной лестницей подвесили второй за этот день кувшин. Рядом стояла ручная веялка, в ней помещался котел с перекачанным из кувшина *рнэмом,* корзинка дымящегося клейкого риса и котелок с *паэ лах тух* (кушанье из свинины с фасолью, посыпанное дробленым рисом). Тут же лежали пакетики из листьев тлонга (Dipterocarpus

obtusifolius), наполненные ритуальной пищей: клейким рисом, имбирем и *паэ лах тух*.

«Священные люди» сели на корточки вокруг веялки, хозяин дома поднес каждому ко рту пиалу с пивом. Сначала он предложил чашу Бап Тяну, после него Крэнгу, затем Бангу Беременному и, наконец, мне (Тру задремал и не захотел больше пить). Бап Тян взял из веялки старинный рог буйвола и наполнил его пивом, бросил туда немного клейкого риса, *паэ лах тух,* кусочки имбиря, куриного мяса и свиного сердца. Он поднялся на настил амбара вместе с Бангом Беременным, который нес пакетик с пищей, и Тоонг-Джиенгом. Тем временем Крэнг взял домодельную пиалу с кровавой бардой и пакетик с *паэ лах тухом:* он будет призывать духов во чрево *падди*.

Бап Тян сделал углубление на верхушке груды зерна, резким движением вылил туда содержимое рога, а его друг положил рядом с ямкой пакетик с пищей. Хозяйка дома стала под чердаком, держа в руках одеяло и горсточку клейкого риса. Мужчины наверху вознесли моление:

Ничего не бойся у нас,
Никуда не убегай от нас,
Курицу ешь здесь у нас,
И свинину ешь здесь у нас,
И пиво пей здесь у нас.
Не ходи искать суп тех, других,
Не ходи искать рис тех, других,
Не ходи искать дом тех, других,
Не ходи искать амбар тех, других!

Пиво просочилось сквозь толщу зерна и начало капать с пола чердака. Джиенг-Тоонг подставила одеяло. «Священным людям» крикнули, что церемония прошла удачно. Хозяйка дома, не переставая молиться, помазала клейким рисом место, где протекало пиво, и «священные люди» сошли вниз. Банг Беременный вставил трубочку для возлияний в кувшин, подвешенный под лестницей. Тоонг-Джиенг преподнес «священным людям» по большой вьетнамской пиале со спиртным, а своему *коони* Бап Тяну домодельную пиалу с очищенным рисом, накрытую вьетнамской пиалой. Когда Крэнг кончил молиться, ему тоже дали выпить.

Тоонг-Джиенг вручил *тьро вэрам* пакетик с пищей, и они направились для совершения священного обряда к Мбиенг-Гриенгу. Джиенг накормила взрослых и позвала детей. Стая мальчишек с листьями *тлонга* в руках набросилась на ритуальную пищу.

У Мбиенг-Гриенга помазание *падди* совершал Банг Беременный. Он вылил на кучу зерна больше половины рога, но не получил результатов. Он кричал сверху:

— Все в порядке?

Несколько голосов ему отвечали:

— Нет!

Боясь устроить под лестницей потоп, он доливал *рнэм* понемногу, поминутно спрашивая:

— Ну, как там?

— Нет, — отвечали ему.

— Уф! Он разозлился!

(По-моему, это говорилось вполне серьезно).

Вылив все содержимое рога, Банг Беременный протянул его в дверь, и его снова наполнили. Наконец пиво потекло на одеяло, которое держала Гриенг, стоя под амбаром. Банг Беременный спустился с настила амбара и вместе с хозяином дома вставил в кувшин трубочку для возлияний. Как всегда, за пивом начались разговоры.

Тру уснул, и его пришлось расталкивать, чтобы он отправился на *биет тёт* с Бап Тяном и Крэнг-Джоонгом.

Восстановив свои силы, начальник кантона согласился продолжить рассказ о приключениях Нду Буата, сына Дланга. Все были настроены очень добродушно, потому что и выпивки и закуски было вдоволь: четыре веялки с разнообразной пищей и восемь кувшинов со спиртным на четыре семьи, занимающих один длинный дом. *Рнэм* развязал всем языки, но помутил рассудок: Банг Беременный на полуслове прервал Тру и потребовал музыки. Он просил одолжить ему один плоский гонг и набор выгнутых гонгов. Он так пристал к Тру, что тот в конце концов согласился исполнить застольную песню. Банг попросил своего сына Биенг-Дланга сходить за гонгами. Этот обычно очень добрый и покладистый парень, выпив сегодня лишнего, нагрубил отцу:

— Зачем это я пойду?

— Не смей так со мной разговаривать! Принеси гонги, чтобы поиграть на них.

В это время, весьма некстати, откуда-то появился крошечный щенок и начал тереться о ноги молодого человека, а тот запустил в него головешкой и ударил так, что несчастное животное взвыло от боли. Банг-Джиенг — единственный человек в деревне, у которого я замечал жалость к собакам, — вне себя от ярости набросился на сына:

— Мерзавец! Как ты обращаешься с собакой, да еще со щенком!

Он задыхался от негодования. Но Биенг, окончательно захмелев, разразился пьяными слезами:

— За что он меня обругал? Я покончу с собой, я повешусь, как Тиенг!

И он устремился к двери. Мать, с ужасом наблюдавшая эту сцену, с криком бросилась за ним, умоляя вернуться. Его *джоок* Тоонг-Ван (племянник и приемный сын Мбиенг-Гриенга) тоже побежал за Биенгом и, к счастью, догнал его. Тоонг связал своего друга кушаком, после чего все трое отправились к Мбиенг-Гриенгу. Но тот, будучи тоже навеселе, встретил их совершенно неожиданным образом:

— Это ты, племянничек, так его напоил! Но имей в виду, если он покончит с собой, я тебя убью...

Кроткий Тоонг, желая загладить неприятное происшествие, предложил откупорить кувшин в честь Биенг-Дланга, но тот уже немного пришел в себя и решительно отказался:

— Хватит, я и так уже пьян.

Стараясь успокоить Мбиенга, я ему предложил:

— Вот и прекрасно, теперь вы вместе с племянником одновременно устроите *там бох*: ты с Ван-Джоонгом, а Тоонг-Ван с Биенг-Длангом.

Мбиенг ответил мне:

— *Бенг!* Табу! Этого нельзя. Духи не любят смотреть одновременно в разные стороны. Поочередно дядя и племянник могут устроить *там бох*, племянник даже раньше дяди, но вместе — никогда.

Мое предложение устроить одновременно два *там боха* в одной семье только рассмешило присутствующих.

Алкоголь взбудоражил всех, даже людей, обычно спокойных. Например, жена Повара, тихая и всегда всем

довольная Манг-Тоонг, внезапно заговорила о разделе наследства. Она с жаром стала доказывать, будто Танг-Джиенг Сутулый хотел, чтобы после его смерти старинное жемчужное ожерелье перешло к его сыну Тоонг-Мангу.

— Он отдал за него пять пиастров... а после его смерти сестры и матери забрали ожерелье себе.

7 декабря

Вчера *мхам ба* был совершен только в четырех семьях. Сегодня утром все собрались у Банг-Джиенга, и он торжественно открыл вторую очередь жертвоприношений Он принес в жертву жирную свинью в четыре пяди. Кронг-Сранг, младший сын «священного человека», держал жертву, а Ван-Джоонг заколол ее коротким мечом, ударив один раз в сердце. Банг Беременный оставил духам пиалу с *рнэмом* в глубине хижины и потчевал пивом сначала двух своих помощников, а затем Ван-Джоонга и Тро-Джоонга. На этот раз Крэнг-Джоонг призывал духов во чрево *падди*, а Бап Тян вместе с хозяином дома поднялся на настил амбара для совершения обряда. Как только пиво, вылитое на *падди,* просочилось сквозь груду зерна, Джиенг-Банг подставила одеяло.

Банг-Джиенг преподнес Бап Тяну рис за то, что тот лил пиво, и угостил пивом его и Крэнг-Джоонга. А затем началась первая в этот день попойка.

Утро было уже на исходе, когда мы оказались в крошечной хижине Поонг Вдовы. У всех, кто подсаживался к каждому кувшину, развязались языки. Я навел разговор на избиение колдунов, и Тро-Джоонг охотно рассказал мне, как он вместе с другими вершил божий суд в Ромене после смерти Джиенг-Чар, матери начальника кантона Бронг-Дыра. Рассказ кажется мне очень живым и образным, но Бап Тяну и остальным гостям (к счастью, из-за бедности Поонг Вдовы у нее собралось немного народу) повествование о подвигах Тро-Джоонга не доставляет никакого удовольствия.

Затем мы перешли к Бангу Кривому. Его сосед Тоонг-Бинг не захотел откупорить кувшин, и Тян обрушился на него с упреками. Он ставил ему в пример друга и соседа, который не богаче его, но тем не менее не поскупился на угощение.

После полудня все семьи принесли жертвы и приступили к *биет тёт* — священной трапезе. Теперь главную роль играл не Банг Беременный, а Тро-Джоонг, который с самого утра пил без передышки. Под действием спиртного он разговорился, пыжась от гордости. У Тро была очень трудная молодость. После избиения колдунов его мать продали в рабство, и ему пришлось жить у очень скупых и злых хозяев. Он работал изо всех сил, думая, что это поможет ему освободиться, но хозяева обращались с ним так бесчеловечно, что он был вынужден бежать к своему «брату» Танг Тру. Тро и его жена Джоонг с детства привыкли к тяжелой работе и благодаря своему трудолюбию богатели с каждым годом. Это позволило Тро-Джоонгу совершить обменное жертвоприношение свиньи со своим другом Тоонг-Джиенгом.

— Сегодня духи объявили восемьдесят корзинок, — расхвастался Тро, — а в будущем году будет сто, и тогда я заколю буйвола.

Жена, которая, вероятно, хитрее его и боится гнева духов, останавливает мужа:

— Не надо, табу так говорить.

— Не важно! Сначала я продам твой белый кувшин, чтобы купить буйвола для праздника земли, а затем мой большой плоский гонг. Дети сами пробьют себе дорогу, но покуда я жив, они должны попробовать мясо буйвола.

Возможно, это просто пьяное бахвальство, но в нем чувствуется гордость человека, уверенного в своем уме и силе.

Хмель бросился в голову не только Тро-Джоонгу. Тру позволяет себе такие грубые шутки, каких я не слышал ни от одного мнонгара. Пресловутое «табу любовной связи со свекровью» распространяется на всех старших родственников *(там кэих)* мужа или жены. Старшими родственниками считаются сестры и братья (всех степеней), которые старше супруга (или супруги), все родичи того же поколения или старшие. Со всеми ими нельзя вступать в брак или в связь (исключения только подтверждают правило). Прежде даже намек на это считался обидой. Если хотят высмеять кого-нибудь, то достаточно предположить, что он (она) не прочь жениться на своей теще или старшей сестре жены (выйти замуж за свекра или старшего брата мужа), и любой

мнонгар так смутится, что, будучи не в состоянии возражать, будет только твердить:

— Врешь, врешь! (хотя всем ясно, что над ним лишь шутят).

Опьяневший Тру выбрал мишенью для своих острот Тяна, который и трезвый-то не блещет умом, а после нескольких порций *рнэма* и вовсе отупел.

— Знаешь, — сказал Тру, — с Озера пришло письмо с приказом, чтобы все посыльные явились на праздник, который нам дает Йо, совершенно голыми в сопровождении *там кэих*. В таком виде они должны будут приветствовать начальника округа.

— Не может быть, ты выдумываешь.

Тру невозмутимо продолжал:

— Ничего я не выдумываю. Это приказ, и ты обязан явиться вместе со всеми. Тебя обвяжут веревками. За одну тебя поведет, как на поводке, старшая сестра жены, а другую будет держать сзади ее младшая сестра.

Тян испугался не на шутку.

— Но я не хочу, это немыслимо... Я притворюсь больным... или убегу в лес.

Присутствующие громко смеялись, но не совсем искренне. Тян так разволновался, что его пришлось долго убеждать, что все это только шутки.

Большинство пьющих собралось у Банг-Джиенга Беременного. Услышав звуки оркестра плоских гонгов, совершающего ритуальный круг по деревне, Биенг-Дланг, не выходя на улицу, сел на корточки около главной двери (музыканты заходят внутрь каждого дома). Во главе оркестра шел Манг Тощий с «матерью» в руках (так называется самый большой гонг, задающий тон). Когда он подошел к Биенгу, тот взялся за край *синга* и начать петь «сказание гонгов», стараясь заставить своего партнера сесть. Окружающие пришли в восторг. Манг Тощий топтался на месте и не решался ответить. Он обратился к другому музыканту, но у того тоже не хватило смелости запеть. Тогда за край *синги* схватился Краэ-Дрым, но не смог выдавить из себя целиком ни одного куплета. В состязание вступил Тян, которому хмель придал смелости, но, с трудом дойдя до конца второй строфы, сбился и замолчал под хохот слушателей.

Во главе оркестра стал Кронг-Сранг, младший брат Биенг-Дланга. Биенг, держась рукой за другой край *синга*, заставил брата сесть. Он пел о Биенг Кох Леэ, выведшем первых людей из подземных миров. Захмелевшие слушатели наградили его овациями, так же как и Кронг-Сранга, который, сидя на корточках, пел ему в ответ следующую строфу. Голос у него был слабее и уверенности было меньше, чем у старшего брата, но он имел такой же успех, вероятно, благодаря своей красоте и смелости, которая позволила ему взяться за дело, после того как оплошали двое его более опытных товарищей.

Стало поздно, гости понемногу расходились. Разговор не клеился. Из дома Боонга Помощника доносился прерываемый рыданиями голос прекрасной Ланг-Мхо:

— Бедные! Мои дети никогда не едят сала... Пусть я умру, мне все равно... Но мои дети Сранг, Кронг, Манг...

Тру сидел около кувшина в нескольких шагах от своей «сестры». Рядом находились другие Рджэ, в основном женщины: старая Тро, Сранг, Манг Обезьянья Челюсть с мужем, Боонг Помощник. Я осведомился со своего места, чем так огорчена Ланг, и мне ответили:

— С ней никто не спорит.

Поднялся хохот.

Я спросил ее:

— Что случилось, Ланг?

— Никто со мной не спорит.

Это вызвало новый взрыв хохота.

Я подошел к этой группе. Тру скромно удалился. Я еще не видел Ланг такой пьяной, она заливалась слезами и пронзительно причитала.

Я попытался рассмешить ее, потрепал по подбородку, и она улыбнулась. Всхлипывая, она рассказала о своих горестях. Ее «старший брат» Тру, возвращаясь домой после выпивки, поносит своих «сестер и матерей». Его жена Нгэ не отстает от него:

— «Вы сироты, бедные, — говорит она. — Мой муж *куанг*, работает вместе с белыми, он начальник кантона, начальник округа. А твой — просто сирота». У нее пол-

ны кувшины консервированного мяса, а мы его и не нюхаем. Спиртного у нее сколько угодно, они пьют и поглядывают на нас свысока, а нам стыдно. И это меня печалит... Мой муж не умеет хорошо говорить, у него нет ни сестры, ни матери. И меня это печалит...

Каждый раз, когда Ланг хныкала и говорила: «Меня это печалит», — ее мать, старая Тро, поясняла мне:

— Это потому, что она потеряла брата, твоего *джоока* Кранга.

В действительности я был с ним едва знаком, так как встречался только во время моей первой поездки по стране мнонгаров.

Ланг продолжала свои жалобы, захлебываясь слезами:

— Меня душит стыд... Мне плохо, и я плачу. У моей дочери Сранг нет сала, у моего сына тоже... Я все время страдаю. Тру хочет, чтобы Кронг женился на Джанг-Бибу и получил в наследство ее кувшины, плоские гонги и *падди*. А я не хочу... Лучше уж оставаться бедными. А Нгэ нас все время пилит. И Тру тоже.

Совершенно успокоившись, она заключила:

— Я все это говорю, потому что я пьяная — трезвая я бы никогда не посмела так говорить. Но все равно, когда я трезвая, мне тоже очень стыдно от того, с каким презрением к нам относятся Нгэ и Тру.

Ланг со своей матерью отправилась домой. Я остался наедине с супружеской четой, Боонгом Помощником и Манг Обезьяньей Челюстью.

Они тоже выпили лишнее, и им хочется излить душу.

— Тру очень спесив, — сказал Боонг, — но он не так жесток, как его брат Бап Тян. Все Рджэ злые.

В связи с этим он рассказал историю своей жены Манг Обезьяньей Челюсти.

Родителям Манг рламы продали рыбу. Ее отец отдал за рыбу куп-куп, но не сразу, а немного позже. После его смерти рламы заявили, что не получали куп-купа. Рджэ отдали им тюрбан, красную привозную куртку и короткий меч. Это дело в основном улаживал глава семьи, Танг, сын Мбри Гу. Рламы согласились на эти условия и уехали. Сразу же после их отъезда Танг-Мбри Гу потребовал у матери Манг-Джоонг, чтобы она с ним расплатилась, а так как у несчастной вдовы ничего не бы-

Ло, Рджэ продали ее в Панг Пе Нам за пять гонгов. Ее сестру Джраэ, которая в то время была еще совсем маленькой, они продали за двенадцать буйволов Бон-Дэнгу из народа мнонглаков. Но когда Джраэ вышла замуж за Лака, ее муж подал жалобу начальнику округа, и тот дал супругам свободу. А через некоторое время они разбогатели. Их самих уже нет в живых, но их трое сыновей, Бронг, Вал и Криэнг, еще живы. Сыновей Джоонг Рджэ продали врозь, в разные кланы, а Манг Обезьянью Челюсть оставили себе как рабыню Рджэ из Сар Лука.

Рджэ обращались с ней так жестоко, что она убежала от них в Пхи Джэт к Мбаму, тоже из клана Рджэ, который согласился выкупить ее за двух буйволов. Там она познакомилась с Боонгом, и они поженились. Но Мбам умер, не успев отдать двух обещанных буйволов. Тогда Бап Тян и Танг-Мбри Гу явились в Пхи Джэт и потребовали свою рабыню обратно. Они схватили Манг Обезьянью Челюсть вместе с мужем, заявив ему: «Ты женился на нашей рабыне, а значит, сам стал нашим рабом», — притащили связанных супругов в Сар Лук и утвердили свое право на владение ими тем, что принесли в жертву курицу и кувшин с пивом. Боонг провел в Сар Луке целый год. Но однажды ему удалось бежать в Далат. Там он поступил на военную службу, и Рджэ побоялись не пустить Манг к мужу.

— Теперь они не смеют и заикнуться о том, что Манг их раба. Они боятся меня, но после моей смерти могут явиться и потребовать ее. Как только меня не станет, они заберут мое имущество, буйволов и кувшины. Вот потому-то я и продал мои гонги. Лучше я куплю на эти деньги буйволов, заколю их и заплачу мясные долги. На пиастры я могу купить ткани, костюмы. Но им я ничего не оставлю.

Для большей безопасности он хочет быть подальше от Рджэ и собирается перебраться к своей сестре в Бон Длэй Дак Рхиу.

В два часа ночи я покинул несчастных супругов, которым удалось после стольких трудностей добиться уважения и создать себе прочное положение в долине, и все это только для того, чтобы внезапно потерять все свое потомство: страшная эпидемия, свирепствовавшая в Сар Луке в прошлом году, унесла их дочь, зятя и внуков.

8 декабря

Сегодня утром обряд *мхам ба* совершали в девяти семьях, занимающих четыре дома в северной части Сар Лука. После двух дней непрерывных празднеств деревня проснулась с большим трудом. К торжественной церемонии, завершающей цепь непрерывных обрядов, первыми приступили самые богатые члены общины: Тру, Мхо-Ланг, Банг Олень и Джиенг, вдова Танга Сутулого. Когда очередь дошла до пяти беднейших семейств, даже пиво было не в состоянии расшевелить «священных людей» деревни. Некоторое оживление внес приход людей из Ндут Лиенг Крака — они явились, чтобы пригласить меня на помазание *падди* кровью. День выдался скучный. Монотонно одни обряды сменяли другие, так же как и кувшины.

Но после полудня произошло сенсационное событие: в деревню по пути в Далат зашел отряд горных стрелков под командованием двух унтер-офицеров и двух французских солдат. Офицер специально провел их по краю мнонгаров, чтобы они имели возможность побывать в родных деревнях.

Сар Лук сразу же вышел из состояния оцепенения. Нанг, сын Ван-Джоонга, находящийся на военной службе, в походе не участвовал, но среди пришедших были его друзья — Пар и Банг Капрал, которых у нас отлично знают. Стрелки остановились в доме начальника кантона и непрерывно расхаживали по всему Сар Луку. Я никак не мог придумать, где мне достать продуктов, чтобы достойно принять европейцев, но внезапно на дороге появились люди, нагруженные ящиками. От них я узнал, что продукты для меня застряли в ближайшей деревне.

Около пяти часов командир отряда устроил праздничный лов рыбы (глушение ее гранатами). Стрелки и все жители деревни — мужчины и женщины, старики и дети — отправились на реку, к месту, расположенному по течению ниже, чем Сар Лук. Наиболее нетерпеливых приходилось удерживать силой — они были готовы при первом же взрыве броситься в воду. Мертвая рыба всплыла на поверхность. Все ныряли, кричали, смеялись, отталкивали друг друга, желая захватить как можно больше рыбы.

Вечером Тру показал свое гостеприимство: *рнэм* и *алак* лились рекой. Правда, второй напиток принесли военные, у которых всегда есть привозные продукты.

Год, когда мы поглотили лес священного камня Гоо, закончился очень хорошо. Его последний день надолго врезался в память жителей Сар Лука. Приход стрелков и выпивка с ними в последний день *мхам ба* придали необычайный блеск и размах этой торжественной церемонии.

9 декабря

Вскоре после ухода стрелков до нас донеслись звуки выстрелов. Оказалось, что отряду повстречались два выводка павлинов, и военные расстреляли их из пулемета, только двум или трем самым проворным птицам удалось спастись. Потом они убили обезьяну. Бап Тян все это видел собственными глазами и блестяще рассказал односельчанам о происшествии. Оно еще долго будет давать пищу для разговоров.

Сегодня начался новый год, в который Сар Лук устроит большой праздник земли. Необходимо торжественно напомнить жителям Сар Лука об обещании, которое они дали божествам, и вот утром вся деревня собралась у хранителя *рнутов* Банг-Джиенг Беременного, чтобы совершить помазание кровью плоских гонгов и барабана.

Наш хозяин сел на корточки около заранее приготовленного фиолетового кувшинчика. Рядом с ним присел распорядитель Ван-Джоонг и его помощник Банг Олень. Он послал своего сына Биенг-Дланга за рогом, затем перерезал горло курице над домодельной чашей с *тётом*, поверх которого лежало несколько угольков. Кровь жертвы, стекая в пиалу, оставляла на них пятна и перемешивалась с пивной бардой. Он передал трубочку для возлияний Ван-Джоонгу и поцеловал ему руку, после чего кратко рассказал историю предшествующего празднества: в 1946 году, когда деревня поглотила лес Дак Рмыт (Шафранный ручей), было решено устроить большой праздник земли. Банг Беременный напомнил, что во время празднества шестов *падди* Ван-Джоонгу предложили быть посредником на празднике земли. Теперь наступило время сдержать обещание, данное «в тот год, когда мы поглотили лес Шафранного ручья»...

Как только хранитель *рнутов* закончил свою речь, Ван-Джоонг дал дотронуться до трубочки для возлияний Бангу Оленю — он будет на празднике помощником посредника. Затем он погрузил *гут* в кувшин, испрашивая удачу для предстоящего празднества. Раздались звучные трели рога. Они смолкли, как только главный посредник закончил молитву и начал свою торжественную речь.

— О вы, жители деревни! Настало время принести большую жертву! Нас принуждают к этому, скажут бедняки. Ничего подобного! Так поступали наши предки, и мы должны следовать их примеру. Никто не должен давать больше, чем может, но обычай требует, чтобы мы устроили праздник... Уже третий год я твержу, что пора покупать буйволов и готовить кувшины, и каждый раз мы откладываем праздник на следующий год. Больше откладывать невозможно, мы должны выполнить наши обязательства по отношению к духам. Нам говорят: «Вот вы и покупайте буйволов, а мы последуем вашему примеру». Ну что же, я не отказываюсь и куплю буйвола, потому что в этом году мы должны устроить праздник земли.

Банг Беременный взял священную веялку с плашками *рнутов* и другими ритуальными предметами. Посредник приступил к изгнанию злых духов: взял горсть угольков, запятнанных жертвенной кровью, и провел ими сначала над веялкой, а затем над барабаном нашего хозяина и над всеми металлическими музыкальными инструментами, собранными со всей деревни: над двумя наборами плоских гонгов, тремя выгнутыми гонгами и огромным плоским гонгом. Потом он вышел на дорогу, ведущую на кладбище, и положил угольки, чтобы они попросили людей преисподней не гневаться и оказать им свое покровительство.

Когда Ван вернулся, «священные люди» помазали окровавленной пивной бардой *рнуты*, ратановую полосу и прочее содержимое священной веялки. Затем Ван освятил гонги и барабан. Два юноши с палочками в руках сели по обе стороны барабана и в течение нескольких минут сотрясали воздух барабанной дробью.

Банг Беременный уступил место у кувшина Крэнг-Джоонгу (я начал пить первым еще до того, как Ван-Джоонг закончил свою речь). Теперь говорил Бап Тян:

— Пусть те, у кого есть ценное имущество, отправятся за буйволами. Кто может, пусть покупает буйвола, кто может купить только свинью, пусть покупает свинью. Но имейте в виду, что вас никто не принуждает. Я, священный человек леса и деревни, учу вас, как нужно поступать, чтобы выполнить волю предков, но не думайте, что я заставляю вас влезать в долги!

Крэнг-Джоонг уступил место у кувшина посреднику и тоже начал разглагольствовать:

— Мы считаем, что нужно достать буйволов и выполнить волю предков. Бедняки скажут: «Вы-то можете себе это позволить, потому что вы богаты». Но почему мы богаты? Потому что мы встаем на заре, отправляемся в поле, сеем, полем, оберегаем наши поля. Вот почему у нас есть всегда соль и *падди*. Ну а беднякам на все наплевать, потому-то у них нет *падди*. Их поля гибнут от сорняков и крыс, кабаны и павлины опустошают их *миир*, а им хоть бы что.

Передав трубочку для возлияний Бангу Оленю, Ван-Джоонг роздал молодым людям два набора плоских гонгов. Посредник стал во главе процессии, которая в сопровождении двух оркестров гонгов, не замолкавших ни на минуту, прошла через всю деревню. Шествие заходило в каждую хижину через семейную дверь и выходило через такую же дверь на противоположной стороне, причем обитатели дома старались обрызгать свежей водой хотя бы руководителя каждого оркестра из гонгов, чтобы «тело было свежим и не было ни смерти, ни долгов»... Если в доме висел барабан, то два музыканта, отделившись от смолкнувшего оркестра, отбивали на нем дробь. Так Ван-Джоонг обошел с оркестрами все жилища без исключения, совершил так называемый «круг плоских гонгов» (*рок синг*).

Мы возвратились к Банг-Джиенгу Беременному. Бап Тян, пивший после Банга Оленя, уступил свое место у кувшина Боонгу Помощнику и обрушился на парней с упреками за то, что они били не во все барабаны. Вспыхнула ссора. Она привлекла общее внимание к Бап Тяну, воспользовавшись этим, он расхвастался, что он «пожиратель буйволов». Он подробно перечислил достоинства двадцати пяти жертв, которых заколол за то время, что жил независимо, и описал четырех буйволов, отданных им после того, как он стал *куангом*.

Любители выпить сменялись у кувшина. Биенг-Дланг обошел всех с вьетнамской пиалой, наполненной куриным мясом с тыквенными листьями, перцем и солью. Все взяли себе по щепотке.

Зять и сосед Банга Беременного Кранг-Дрым тоже обошел присутствующих, но с иной целью. Он предлагал всем калебасу, наполненную водой, на дне которой лежало несколько зернышек белого риса. Все по очереди опустили в воду палец и приложили к своему животу, потом снова обмакнули палец... и так семь раз. При этом, разумеется, произносили пожелания. В заключение нужно было хрустнуть пальцами. Банг Кривой, дотронувшись пальцем до своего живота, приложил палец к животу маленького Вана, сидевшего рядом. Обойдя всех, Кранг-Дрым подошел к своему сыну и тоже семь раз приложил палец к его животу. Вот объяснение этих магических действий:

«Буйволица-мать (подразумевается душа-буйвол у взрослого человека и душа-буйволенок у ребенка) щипала траву, а буйволенок выхватывал траву из-под морды матери. Буйволица, потеряв терпение, оттолкнула его, и буйволенок упал. Ему стало больно. Чтобы боль прошла, нужно взять что-нибудь у грубой матери и приложить к ушибленному месту: то, что исходит из живота матери-буйволицы называется *гун* [110]».

Я воспользовался случаем, чтобы подробнее разузнать о *гуне* «прожорливого» начальника кантона Дам-Роонга из Верхнего Доная. Этот *гун* «поедает» людей, его выращивает Банг-Джраэ (не сын старой Тро, а другой). Он натирает себе им ладони, после чего его удар становится смертельным.

За разговорами и питьем время прошло незаметно. Ван-Джоонг поднялся, взял священную веялку с *рнутами*, ратановую полоску и домодельную пиалу с кровавой пивной бардой. Он вышел на улицу, за ним гуськом последовали музыканты, бившие в плоские гонги.

---

110 Это слово непереводимо. Его значение шире, чем слово «лекарство». Оно подразумевает все снадобья, которые, обладая скрытыми магическими свойствами, возбуждают болезнь и в то же время содержат в себе средства для ее излечения. Некоторые *гун* обладают только лечебными свойствами, в частности растения — чаще всего имбирные, — употребляемые при различных обрядах. Наши европейские лекарства мнонгары также называют *гун*. — *Прим. автора.*

Посредник, шедший впереди процессии с трубкой в зубах, торжественно, под музыку, перенес священную веялку в свой дом и поставил на нары. Пока *куанги* еще не покинули дом Банга Беременного, посредник с помощью своих сыновей приготовил кувшин. Но вот и они! Банг Беременный и Банг Олень присоединились к хозяину дома, сидевшему около кувшина, рядом с которым он поставил домодельную пиалу с *тётом,* перемешанным с кровью. Ван перерезал горло цыпленку над домодельной пиалой и передал трубочку для возлияния хранителю *рнутов*. Тот дал дотронуться до нее помощнику посредника и вставил в кувшин. Все трое обратились к духам, подробно перечисляя сделанные им приношения и моля о покровительстве. Затем каждый взял по щепотке кровавой пивной барды и помазал содержимое священной веялки, особенно тщательно — *рнуты* и полоски ратана. Хозяин дома начал пить из кувшина, а посредник тем временем помазал висячий барабан и плоские гонги. Банг-Джиенг, который больше не мог пить *рнэм*, слегка пригубил его и заявил, что тот слишком кислый. Сопровождаемый насмешками, он удалился.

Сегодня все пытались лечиться. Тоонг-Бинг принес калебасу с водой, на дне которой лежали зернышки риса, а также вьетнамскую пиалу с очищенным рисом и железный брусок. У него сильно болели глаза, и он хотел, чтобы Банг Олень, который несколько лет назад страдал такой же болезнью, помог ему. Бангу Оленю было так плохо, что пришлось вызвать шаманку из Панг Пе, и та вылечила его. После этого считалось, что он владеет *гуном* от глазных болезней, и Тоонг-Бинг хотел позаимствовать его: носитель *гуна* смочил ситцевую тряпочку водой из калебасы, прижал ее к своему глазу, а затем к глазу больного и повторил это семь раз. Несмотря на то что Банг Олень получил за «лечение» чашку риса и железный брусок, он долго ломался и его с трудом удалось уговорить. Тоонг с опухшими глазами стоял перед ним с несчастным видом, и я посоветовал ему пойти завтра утром в больницу. Но он ответил: «Нельзя! Табу!». В течение трех дней ему запрещено какое бы то ни было общение с посторонними людьми. Кроме того, он не должен есть спелый перец и овощи *паэ сэи* (которые при созревании становятся красно-коричневыми, как перец).

Пиво у Ван-Джоонга было неважное, и гости у него не задержались. Многие рассчитывали приятно закончить день у Банга Оленя, которому, как помощнику посредника и хранителю *рнутов*, тоже полагалось совершить жертвоприношение, но он заявил, что не успел подготовиться, и все разошлись по домам.

10 декабря.

Пора дождей еще не миновала, всю ночь хлестал ливень и бушевал ветер. Обмытая дождем деревня смутно вырисовывалась в утреннем свете, робко пробивавшемся сквозь низко нависшие облака. Несмотря на непогоду, в деревне царило веселье.

Женщины еще не кончили обрушивать *падди*, а музыканты уже совершили «круг гонгов», заходя в каждый дом и сотрясая воздух мощными звуками шести гонгов и барабанной дробью.

Жители Сар Лука наслаждались отдыхом, который не нарушали обряды. Одни женщины отправились собирать дикие овощи, другие ткали, сидя у себя во дворе; целый месяц у них не было времени для этой работы.

Среди дня оркестр совершил второй «круг гонгов», а к вечеру третий: духи ждут, и людям нужно напоминать о данном обещании.

Единственным примечательным событием в Сар Луке сегодня был приход людей из Панг Донга. Они явились, чтобы пригласить меня на «взятие *падди*».

11 декабря

Сегодня утром деревню снова разбудили звуки гонгов, совершавших ритуальный «круг». Женщины ткали или хозяйничали, мужчины тоже не покидали деревню. В половине десятого все главы семейств собрались у Банга Оленя, «священного человека» Пхи Ко. На середине гостевой он поставил *янг дам* с пивом. С этого началась первая фаза *рванг бри* — «обследования леса»: в этом году жителям Сар Лука предстоит поглотить лес Пхи Ко. Все главы семейств принесли с собой обычные домодельные пиалы с белым рисом и поставили в священную веялку, что находится рядом с *янг дамом*. Каждый оповещал: «Вот мой рис», — и только тогда садился. Из всех «священных людей» один Бап Тян принес рис, а из простых жителей не принес только Тру

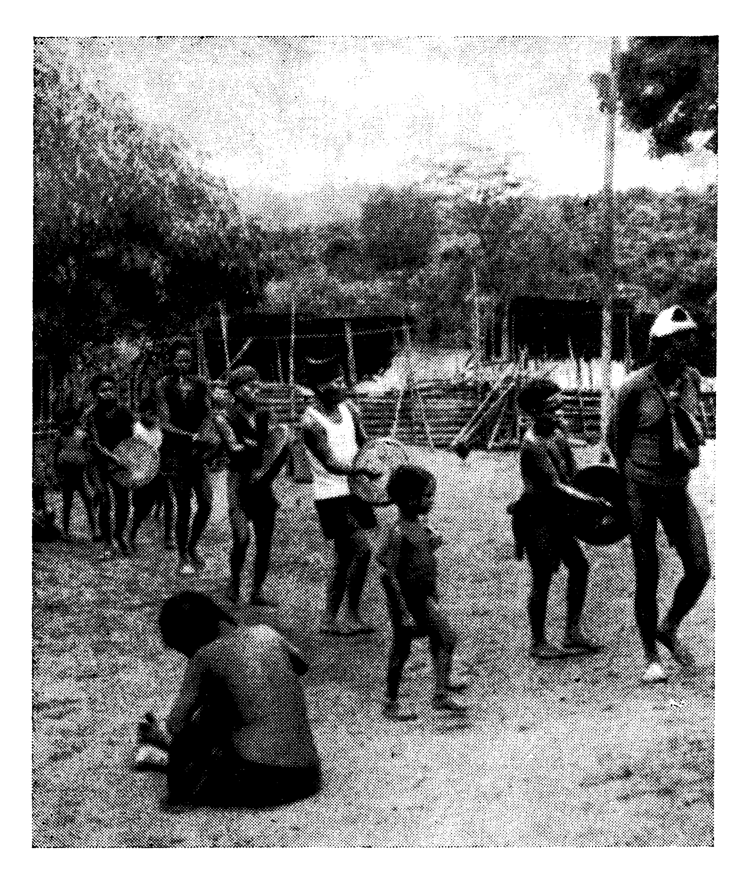
Очищенный рис разделили между «священными людьми». Сегодня собрались все, кто желает получить земельный участок. Не было только Крэнг-Джоонга, но он предупредил Банга Оленя, что уходит в Нёнг Брах, и прислал вместо себя сына своей жены — Кронга Толстого Пупа.

Банг Олень протянул трубочку для возлияний Бап Тяну, тот передал ее Банг-Джиенгу Беременному, а последний вставил ее в кувшин. При этом «священные люди» хором декламировали:

Сегодня за собой веду я общину деревни нашей,
Общину тех, кто поглощает «один лес».
Я девушек веду две группы,
Я юношей веду одну, две группы.
Ты, дерево *Гэих,* не обломись,
Ты, дерево *Тях,* не бранись,
Ты, вилка дерева *Тлонг,* на нас не гневись,
Ты нас упреками не осыпай.
Пускай никто из нас себе не ранит ногу,
Пусть не обрежет руку,
Пусть никто не причинит себе ни капли вреда.
Уничтожьте вы эпидемии,
Вы устраните долгопятов,
Вы обойдите ульи, висящие в лесу,
Все пожрите вы, о пламя, о дух огня!

Бап Тян вытащил из крыши два стебелька травы *пайот*, разломал на несколько частей одинаковой длины и разложил параллельно друг другу, изображая таким образом будущее расположение земельных участков. Бап Тян, «священный человек» Сар Лука, представлял клан Рджэ как его глава и одновременно Пхи Ко, так как женат на Анг Длинной, сестре Банга Оленя. Он разложил соломинки в трех направлениях, воспроизводя раздел участков в том виде, в каком он был совершен два года назад, когда в Сар Луке было решено поглотить часть леса Пхи Ко.

Бап Тян начал с участков, расположенных в верхней части холма. Прежде всего он спрашивал, все ли согласны с прежним разделом земли. Во время раздела одни отсутствовали (например, Чонг Военный), другие тогда не имели еще самостоятельного хозяйства (как Тоонг-Ван), третьи за это время успели умереть или перебраться в другое селение. Кое у кого возникли новые привязанности: Банг Кривой и Тоонг-Бинг посели-

Ритуальный «круг гонгов»

лись год назад в одном доме, и им, естественно, хотелось, чтобы их поля были рядом.

После длительного обсуждения достоинств и недостатков каждого участка и споров Бап Тян приблизительно в половине десятого предложил отправиться в лес. Все взяли с собой куп-купы и маленькие заспинные корзинки, в которые положили ямс, ритуальные травы и мотыгу. После того как всю неделю дул ветер и моросил дождик, сегодня впервые выдался хороший день. Воздух был еще свежий, растения переливались всеми оттенками зеленого, а чистое небо казалось выше и го-

лубее, чем обычно. Банг Олень сорвал лист *рхоонга* и дунул на него, отчего лист заколыхался перед его ртом. Так он просил о том, чтобы не взревела косуля и нам сопутствовала удача. Затем он сошел с дороги и связал лист с пучком травы *пайот*. Мы пересекли Панг Донг и свернули с новой дороги, ведущей в Бон Длэй, на старую, проходящую в нескольких метрах от реки. Пересекли по мостику Солончаковый ручей, подобный змеиной шее, затем Шафранный ручей. В четверть одиннадцатого мы свернули с дороги, углубились в лес, в северном направлении, полчаса с трудом продирались сквозь густые заросли и, наконец, вышли к подножию холма, где расположен участок Банга Оленя. Растительность здесь была не менее обильная, чем в той части леса, откуда мы только что вышли, но пробираться сквозь нее было значительно легче... Высокая, с острыми краями трава и кустарник остались позади, в болотистых местах. Кругом теснились высокие деревья, и почва была твердая, что тоже облегчало ходьбу. Этот двадцатилетний лес обещал дать плодородную почву. Два года назад его не тронули только потому, что он находился слишком далеко от деревни. Но теперь все пришли к единодушному мнению, что это именно то, что нужно.

Банг Олень показал сначала свой участок, а потом тот, который достался его *джооку* Кранг-Дрыму. Их будет разделять межа, проходящая с северо-запада на юго-восток. «Священный человек» из Пхи Ко указывал всем предназначенные им участки.

Тоонг-Бинг первым совершил обряд вступления во владение участком: он подрезал верхушку куста и у его подножия закопал ямс. Чтобы утрамбовать землю, он семь раз ударил по ней локтем. Сверху он сгреб ветки и бросил два сучка: один в направлении на восток, другой — на запад.

«Обследование леса» продолжалось. Каждый хозяин подрезал на своем участке куст, некоторые же по примеру Тоонг-Бинга совершили весь обряд вступления во владение. На границе будущего поля, там, где не было естественной границы, многие вырубили кусты, начиная от какого-нибудь ориентира: толстого дерева или большого камня, указанного «священными людьми».

В два часа «обследование леса» закончилось. Желающие остаться со «священными людьми» разошлись

по своим участкам для совершения обряда «рубки дерева и закапывания клубня». Вместе с Боонгом Помощником я пошел на его участок. Он стал на колени у только что срубленного пня и вырыл мотыгой две ямки. В маленькую ямку он посадил травы и бамбук (на самом деле ритуальные травинки), в другую, более глубокую, ямку закопал ямс. Считается, что он увеличивается, если год обещает быть урожайным, и уменьшается в неурожайный. В эту же ямку он положил черепки котелка и ракушки *кьеп меэм* для устрашения злых духов. Для этой же цели он добавил имбирь с очень резким запахом. Им он также натер острие куп-купа во избежание несчастных случаев. Засыпав ямку, Боонг утрамбовал ее, ударив по ней семь раз локтем. Сделал он это для того, чтобы уберечь свои поля от опустошительных набегов косуль и кабанов. Каждый обряд он сопровождал чтением стихов.

Закончив эту церемонию «рубки дерева и закапывания клубня», представляющую собой обряд вступления во владение участком, все тотчас разошлись небольшими группами по домам. Последним, в четыре часа, возвратился к себе Кранг-Дрым.

В Сар Луке наступила единственная в году передышка: женщины ткали, мужчины делали рукоятки для куп-купов или ковали земледельческие орудия. Оставалось много досуга, когда можно было надолго отлучиться из дому и хорошо повеселиться. А когда наступит засушливый сезон, все, вооружившись топорами и куп-купами, отправятся на вырубку нового леса. Снова трудности и снова заботы! Нам предстоит поглотить лес Пхи Ко.

Все, чего люди могли добиться своим трудом от леса священного камня Гоо, они получили и теперь покидают его. Он останется в их памяти как веха для обозначения событий, происшедших в тот год, когда он был «поглощен», покуда они снова через несколько лет не вернутся к нему после того, как все леса вблизи Сар Лука и Пхи Ко будут сведены. И снова они начнут валить деревья, жечь их, сеять и жать на возрожденной земле.

И в это время произойдут новые события, о которых тоже будут говорить: «Это случилось в том году, когда мы поглотили лес священного камня Гоо»...

Содержание

Жорж Кондоминас

Лес священного камня

Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО Академии наук СССР
Редактор *Р. М. Солодовник.* Художник *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова.* Корректор *В. М. Кочеткова.*
Сдано в набор 18/I 1968 г. Подписано к печати 26/VII 1968 г.
Формат 84×108[1]/32. Бум. № 1. Печ. л. 10,25. Усл. п. л. 17,22.
Уч.-изд. л. 17,84. Тираж 20 000 экз. Изд. № 1944. Зак. № 39. Цена 1 р. 10 к.
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.
1-я тип. Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18.

Цена 1 р. 10 к.

Ж. КОНДОМИНАС